

REASSEMBLING

The SOCIAL

*An Introduction to
Actor-Network-Theory*

BRUNO LATOUR

ПЕРЕСБОРКА СОЦИАЛЬНОГО

*Введение
в акторно-сетевую теорию*

БРУНО ЛАТУР

*Перевод с английского
ИРИНЫ ПОЛОНСКОЙ*

Второе издание

*Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2020*

УДК 316.2
ББК 60.5
Л27

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Латур, Б.

Л27 Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 384 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2141-0 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2055-0 (e-book).

В этой книге выдающийся французский социолог Бруно Латур бросает вызов нашему пониманию общества и «социального». Он показывает, почему социальное не может мыслиться как разновидность материала или как некая сфера, и ставит под сомнение сам проект «социального объяснения» какого-либо другого положения дел. Хотя этот более ранний проект был в прошлом продуктивен и, возможно, необходим, теперь он почти остановлен, и отчасти благодаря прогрессу социальных наук. На нынешней стадии их развития уже невозможно тщательно пересмотреть компоненты, составляющие область социального. Автор переопределяет понятие социального, возвращаясь к его первоначальному значению с тем, чтобы сделать его вновь способным проследивать связи. Это должно позволить вернуться к традиционной цели социальных наук, но с помощью инструментов, более ей соответствующих. После проведения обширной работы по изучению «сборок» в природе, автор показывает, что именно «собирается» под сенью общества, и утверждает, что это единственный способ сохранить верность старым обязательствам социологии, этой «науки о жизни сообщца». Это подход приобрел широкую известность как акторно-сетевая теория, и настоящая книга служит незамеченным введением для тех, кто стремится познать эту теорию или познакомиться с идеями одного из ее основных представителей.

УДК 316.2
ББК 60.5

В оформлении обложки использован фрагмент картины Гэри Шихана: Gary Sheehan (Atomic Energy Commission). First nuclear chain reaction. 1957.

This translation is published by arrangement with Oxford University Press and Alexander Korzhenevski Agency. National Research University Higher School of Economics is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2141-0

ISBN 978-5-7598-2141-0 (рус.)
ISBN 978-5-7598-2055-0 (e-book)
ISBN 978-0-19-925604-7 (англ.)

© Bruno Latour 2005

© Перевод на русский язык. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014; 2020

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	9	
ВВЕДЕНИЕ: КАК ВЕРНУТЬСЯ К ЗАДАЧЕ ПРОСЛЕЖИВАНИЯ АССОЦИАЦИЙ	11	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАК РАЗВЕРНУТЬ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ПОВОДУ СОЦИАЛЬНОГО МИРА		
I. ВВЕДЕНИЕ В ПЕРВУЮ ЧАСТЬ: УЧИМСЯ КОРМИТЬСЯ РАЗНОГЛАСИЯМИ		35
II. ПЕРВЫЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ГРУПП НЕТ — ЕСТЬ ТОЛЬКО ГРУППООБРАЗОВАНИЯ		42
<i>Перечень следов, оставляемых группообразованием</i>		46
<i>Нет действия — нет группы</i>		52
<i>Посредники versus проводники</i>		55
III. ВТОРОЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ДЕЙСТВИЕ ЗАХВАТЫВАЕТСЯ		64
<i>Актор — это то, что побуждается к действию множеством других</i>		68
<i>Экскурс в практическую метафизику</i>		74
<i>Какие разногласия по поводу сил наносить на карту</i>		76
<i>Как побудить кого-то что-то делать</i>		84
IV. ТРЕТИЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ОБЪЕКТЫ ТОЖЕ АКТИВНЫ		90
<i>Типов действующих акторов должно стать больше</i>		92
<i>Делаем объекты участниками действия</i>		100
<i>Объекты помогают проследивать социальные связи лишь пунктирно</i>		105
<i>Перечень ситуаций, когда активность объекта легко увидеть</i>		112
<i>Кто забывает о властных отношениях</i>		117
V. ЧЕТВЕРТЫЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: РЕАЛИИ ФАКТИЧЕСКИЕ VERSUS РЕАЛИИ ДИСКУССИОННЫЕ		123
<i>Конструктивизм против социального конструктивизма</i>		124

Счастливым крах социологии науки	132
В социальном объяснении нет необходимости	140
Перевод <i>versus</i> перенос	149
Опыта больше, чем видит глаз	153
Как развернуть дискуссионные реалии?	163

VI. ПЯТЫЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:

ПИШЕМ РИСКОВАННЫЕ ОТЧЕТЫ	171
<i>Мы пишем тексты, а не смотрим в окно</i>	172
<i>Определим, наконец, что такое сеть</i>	180
<i>Снова азы: перечень записных книжек</i>	187
<i>Развертывание, а не критика</i>	190

VII. О СЛОЖНОСТИ БЫТЬ АКТОРНО-СЕТЕВЫМ

ТЕОРЕТИКОМ: ИНТЕРЛЮДИЯ В ФОРМЕ ДИАЛОГА	197
--	-----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАК СДЕЛАТЬ АССОЦИАЦИИ
СНОВА ПРОСЛЕЖИВАЕМЫМИ

I. ВВЕДЕНИЕ ВО ВТОРУЮ ЧАСТЬ: ПОЧЕМУ

ТАК ТРУДНО ИДТИ ПО СЛЕДУ СОЦИАЛЬНОГО?	223
---	-----

II. КАК СОХРАНЯТЬ СОЦИАЛЬНОЕ ПЛОСКИМ

III. ШАГ ПЕРВЫЙ: ЛОКАЛИЗУЕМ ГЛОБАЛЬНОЕ	243
<i>От Паноптикума — к Олигонптикуму</i>	245
<i>Панорамы</i>	257

IV. ШАГ ВТОРОЙ: ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯЕМ

ЛОКАЛЬНОЕ	267
<i>Артикуляторы и локализаторы</i>	269
<i>Ненадежное место взаимодействий лицом-к-лицу</i>	278
<i>Плагины</i>	284
<i>От акторов к подсоединениям</i>	297

V. ШАГ ТРЕТИЙ: СОЕДИНЯЕМ МЕСТА

<i>От стандартов к собирающим формулировкам</i>	308
<i>Наконец, посредники</i>	321
<i>Плазма: недостающие массы</i>	332

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ОБЩЕСТВА К КОЛЛЕКТИВУ —

МОЖНО ЛИ ПЕРЕСОБРАТЬ СОЦИАЛЬНОЕ?	340
<i>Вам какую политическую эпистемологию?</i>	343
<i>Просто дисциплина в ряду других</i>	348
<i>Другое понимание политики</i>	354

БИБЛИОГРАФИЯ	361
------------------------	-----

*Студентам-докорантам,
которых мне посчастливилось
сопровождать в некоторых их
путешествиях*

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга прошла через множество перерождений. Все началось почти тридцать лет назад, когда у меня появилась возможность учиться социологии приматов у Ширли Штрум и ее бабуинов в Кении. Хотя наш с Ширли проект так и остался в лимбе, он стал сырьевым ресурсом для моего преподавания социологии начинающим инженерам в Высшей горной школе Парижа. Когда в 1996 году мне предложили читать Леккерковские лекции в Левен-ла-Нев, я решил, что настала пора синтезировать все, что я узнал от Мишеля Каллона, Джона Ло, Мадлен Акрич, Энди Барри, Эннмари Мол, Антуана Хенниона и многих других, в то, что получило известность как «акторно-сетевая теория». Со временем я обнаружил, что читатели были озадачены — не столько нашими взглядами на научную практику и разные другие проблемы, сколько необычным значением, приданным нами словам «социальное» и «социальные объяснения». И еще: эта альтернативная социальная теория никогда не была объектом систематического введения. Вместо того чтобы сокрушаться о том, что эта малочисленная школа мысли превратилась в монстра, сбежавшего от своих создателей-франкенштейнов, я решил, что, возможно, лучше ознакомить интересующихся читателей с ее интеллектуальной архитектурой.

Только в 1999 году, когда Барбара Чернявска предложила мне прочитать интенсивный курс социальной теории, который был бы «совместим с потребностями исследований организаций», я начал писать полный черновой вариант текста. Хотя в публикуемом тексте не использована эта запись, любезно систематизированная Барбарой, я чрезвычайно признателен ей и ее гетеборгским студентам за организацию материала, который, кроме всего прочего, излагался на отделении информационных систем Лондонской школы экономики зимой 1999, 2000 и 2001 годов. Когда мой старый друг Стив Вулгар, при содействии Сейд Бизнес Школы, осенью 2002 года предложил мне

прочитать Кларендонские лекции, я написал второй черновой вариант, который за прошедшее с тех пор время обсудили с разной степенью детальности Эндрью Барри, Гови Беккер, Джеф Баукер, Франсуа Корен, Дидье Дебас, Жерар де Вриз, Эмили Гомар, Фабиан Муньеса, Нуртжи Маррес, Ширли Штрум, Альбина Янева, Бенедикт Зайтуни и Эдгар Уитли; результатом обсуждений стала эта новая версия. Наконец, она прошла второй круг критики со стороны Майкла Флауэра, Жана-Туссена Лека, Майкла Линча, Паоло Кваттроне, Изабель Стенгерс (Isabelle Stengers) и Эдуардо Варгаса. Если бы можно было сказать, что все оставшиеся недостатки — их, а не мои. Однако в самом большом долгу я перед докторантами, годами бывшими участниками моих «семинаров по написанию диссертаций». В той дисциплине, которой я никогда не учился, но в которую никогда не терял надежды внести свой вклад, они мои лучшие и самые терпеливые учителя.

Надеюсь, что такой затянувшийся и необычный процесс создания как-то приблизит читателя к пониманию причин моей пристрастности в этой работе. Теперь, когда эта альтернативная социальная теория представлена в упорядоченном виде, читатели могут решать — пользоваться ли ей, исказить ли ее до неузнаваемости или, что всего вероятнее, все равно не обращать на нее внимания, — но теперь уже зная, что это такое! Что же до меня, то, работая над этой книгой, я наконец-то понял, при каких условиях я смог бы с гордостью называться социологом.

ВВЕДЕНИЕ: КАК ВЕРНУТЬСЯ К ЗАДАЧЕ ПРОСЛЕЖИВАНИЯ АССОЦИАЦИЙ

Основную мысль этой книги можно сформулировать очень просто: социологи, относя прилагательное «социальный» к тому или иному феномену, обозначают им некое устойчивое состояние, комплекс связей, который потом может быть использован для описания какого-то другого феномена. В таком употреблении этого слова нет ничего плохого, пока оно обозначает то, что *уже* собрано вместе, без излишних допущений о природе собранного. Однако когда под «социальным» начинают понимать разновидность материала, пользуясь этим термином как прилагательным примерно того же ряда, что и «деревянное», «стальное», «биологическое», «экономическое», «ментальное», «организационное» или «лингвистическое», возникают проблемы. Тут значение термина распадается, поскольку теперь он обозначает две совершенно разные вещи: во-первых, сам процесс сборки, а во-вторых, особый тип компонента, который, как предполагается, отличается от других материалов.

В этой работе я намерен показать, почему социальное не может мыслиться как разновидность материала или как некая сфера и подвергнуть сомнению сам проект «социального объяснения» какого-либо другого положения дел. Хотя этот, более ранний, проект был в прошлом продуктивен и, возможно, необходим, теперь он почти остановлен, и отчасти благодаря прогрессу социальных наук. На нынешней стадии их развития уже невозможно тщательно пересмотреть компоненты, составляющие область социального. Я хочу переопределить понятие социального, вернувшись назад к его первоначальному значению, и сделать его вновь способным проследивать связи. Тогда станет возможным вернуться к традиционной цели социальных наук, но с помощью инструментов, более ей соответствующих. После проведения обширной работы по изучению «сборок» (*assemblages*) в природе, я считаю необходимым более тщательно разобраться в том, что именно «собирается» (*assembled*) под сенью общества. С моей точки зрения, это единственный способ

сохранить верность старым обязательствам социологии, этой «науки о жизни общества»¹.

Однако подобный проект влечет за собой и переопределение того, что обычно понимают под этой дисциплиной. В переводе — и с латыни, и с греческого — «социология» значит «наука о социальном». Это было бы отличное выражение, если бы не два слабых места — слово «социальное» и слово «наука». Достоинства, которые мы сегодня с готовностью приписываем научным и техническим инициативам, имеют мало общего с тем, что имели в виду основатели социальных наук, создавая эти дисциплины. В разгар модернизации востребованность науки была настолько велика, что она могла расширять свою область до бесконечности без всяких опасений, замедлявших бы ее развитие. Никто не понимал, что такое расширение значения слова «наука» может привести к его распространению почти на всю остальную область социального взаимодействия. Не менее радикальная трансформация произошла и с тем, что понималось под «обществом», в значительной мере благодаря тому же самому распространению продуктов науки и технологии. И уже непонятно, существуют ли вообще отношения достаточно специфичные, чтобы называться «социальными», которые можно было бы объединить в особую область, способную функционировать как «общество». Похоже, что социальное в разбавленном виде есть всюду, а в чистом — нигде. Таким образом, ни наука, ни общество не остались достаточно неизменными, чтобы выполнить обещания строгой «социо-логии».

Несмотря на эту двойную метаморфозу, несколько социологов пришли к радикальному выводу о том, что необходимо изменить и объект, и методологию социальных наук. После стольких разочарований они все еще надеются в один прекрасный

¹ Это выражение объясняется в: *Thévenot L. A science of life together in the world*. Этот логический порядок — сборки общества за сборками природы — точная противоположность тому, в котором я пришел к мысли о нем. Две книги: *Latour B. Pandora's Hope: Essays on the reality of science studies*; и *Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*; были написаны спустя много времени после того, как мои коллеги и я разработали альтернативную социальную теорию, предназначенную иметь дело с новыми загадками, обнаруженными после проведенных нами полевых исследований в области науки и техники.

день достигнуть земли обетованной — истинной науки о реальном социальном мире. Никому из исследователей эти болезненные сомнения не знакомы лучше, чем тем, кто, подобно мне, долгие годы практиковал этот оксюморон — «социологию науки». В силу множества парадоксов, порождаемых этой живой, но несколько извращенной ветвью знания, и многочисленных изменений в значении слова «наука», мне думается, настало время изменить и то, что понимается под «социальным». Таким образом, мне хочется создать альтернативное определение «социологии», все еще сохраняя это полезное название и в то же время оставаясь, надеюсь, верным ее традиционному призванию.

Что такое общество? Что значит «социальное»? Почему о некоторых видах деятельности говорят, что они имеют «социальное измерение»? Как можно показать присутствие «социальных факторов» в действии? Когда исследование общества или иных социальных образований является хорошим исследованием? Как можно изменить путь развития общества? При ответе на эти вопросы можно придерживаться двух совершенно разных подходов. Один из них стал общепринятым, а другой — предмет настоящей работы.

Первый из них состоит в постулировании существования особого вида явлений, называемого по-разному: «обществом», «социальным порядком», «социальной практикой», «социальным измерением» или «социальной структурой». Для прошлого столетия, на протяжении которого и разрабатывались социальные теории, было важно отличить эту область реальности от других, таких как экономика, география, биология, психология, право, наука и политика. О данном явлении говорилось, что оно «социальное», или «присуще обществу», когда его можно было определить как обладающее особыми качествами, отчасти негативными — оно не должно было быть «чисто» биологическим, лингвистическим, экономическим, природным; отчасти позитивными — оно должно было реализовывать, укреплять, отражать, поддерживать, воспроизводить или подрывать социальный порядок. Как только эта область была очерчена, пусть даже и нечетко, ее можно использовать для прояснения специфически социальных явлений (социальное может быть объяснено через социальное) и для выработки определенного типа объяснения того, что невозможно объяснить, исходя

из других областей: обращаясь к «социальным факторам», можно объяснять «социальные аспекты» не-социальных явлений.

К примеру, хотя за правом признается собственная сила, некоторые его аспекты были бы лучше поняты, если к нему добавить некое «социальное измерение»; несмотря на то, что экономические силы разворачиваются в соответствии с собственной логикой, существуют социальные элементы, которыми можно объяснить весьма сумасбродное поведение калькулирующих агентов; хотя психика развивается, исходя из собственных внутренних побуждений, о некоторых ее наиболее сбивающих с толку аспектах можно сказать, что они связаны с «социальным влиянием»; хотя у науки есть собственный импульс развития, некоторые особенности ее поиска с необходимостью «связаны» с «социальной ограниченностью» ученых, «погруженных в социальный контекст своего времени»; хотя искусство в значительной мере «автономно», оно тоже «испытывает влияние» социальных и политических «соображений», которыми можно объяснить некоторые аспекты самых известных шедевров; хотя наука управления подчиняется собственным законам, но и здесь желательно учитывать и «социальные, культурные и политические аспекты для объяснения, почему некоторые твердые организационные принципы никогда не применяются на практике.

Можно легко найти множество других примеров, поскольку эта версия социальной теории стала «позицией по умолчанию» программного обеспечения нашего мышления, исходящего из следующего: существует «социальный контекст», в котором имеют место не-социальные виды деятельности; это особая область реальности; ее можно использовать как особый тип причинно-следственной связи для объяснения остаточных аспектов других дисциплин (психологии, права, экономики и т. д.), которые не могут с ними полностью справиться; данную особую область реальности изучают ученые-специалисты, называемые социологами или «социо-Х», где «Х» — «местоблюститель» различных дисциплин; поскольку обычные агенты всегда находятся «внутри» объемлющего их социального мира, они могут быть в лучшем случае «информантами» об этом мире, а в худшем — слепы к его существованию, влияние которого во всей полноте видно лишь натренированному глазу ученого-социолога; неважно, насколько трудно вести такие иссле-

дования, но социологи могут симитировать успех естественных наук, будучи столь же объективными, как и другие ученые, благодаря использованию количественного инструментария; если же это невозможно, то следует изобрести альтернативные методы изучения, принимающие в расчет «человеческие», «интенциональные» или «герменевтические» аспекты указанных областей, не отказываясь при этом от научного этоса. А когда социологов просят дать экспертное заключение по социальной инженерии или сопровождению социальных изменений, подобные исследования могут стать политически значимыми, но только после того, как будут накоплены достаточные знания.

Такая «позиция по умолчанию» превратилась в здравый смысл не только ученых-социологов, но и обычных акторов благодаря газетам, образованию в объеме колледжа, политике партий, беседам в барах, любовным историям, журналам мод и т. д.² Социальные науки распространяют свое определение общества столь же исправно, как обслуживающие компании поставляют электричество и телефонные услуги. Давать комментарии, касающиеся непрямого «социального измерения» всего, что мы и другие делаем «в обществе», стало для нас таким же обычным делом, как пользоваться мобильным телефоном, заказывать пиво или обсуждать эдипов комплекс, — по крайней мере, в развитом мире.

Второй подход не принимает как само собой разумеющийся основной принцип первого. Он утверждает, что в социальном порядке нет ничего специфического, что нет никакого социального измерения, никакого «социального контекста», никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку «социальное» или «общество»; что нет никакой «социальной силы», которой можно было бы «объяснить» недоступные объяснению остаточные характеристики других областей; что члены [общества] сами хорошо знают, что делают, даже если не говорят об этом к вящему удовольствию наблюдателей; что акторы никогда не погружены в социальный контекст и потому они всегда нечто гораздо больше, чем «просто информанты»; что, следовательно, нет никакого смысла в добавлении «социальных факторов» в другие научные специаль-

² Распространение самого слова «актор», которое я пока оставляю непроясненным (см. с. 68) одно из многих проявлений этого влияния.

ности; что политическая значимость, достигаемая с помощью «науки об обществе», не всегда желательна; и что «общество», вовсе не являясь всеохватывающим контекстом, должно скорее мыслиться как один из множества связующих элементов, циркулирующих внутри тонких каналов. Это второе направление мысли — с определенной долей вызова — могло бы использовать в качестве лозунга знаменитое восклицание М. Тэтчер (вызванное, впрочем, совершенно другими причинами!): «Не существует такой вещи, как общество».

Но если два эти подхода столь различны, то как могут они оба претендовать на то, чтобы быть наукой о социальном, и стремиться использовать одно и то же название — «социология»? На первый взгляд они должны быть попросту несовместимы, поскольку вторая позиция полагает главной требующей разрешения загадкой именно то, что первая считает своим решением, а именно существование особых социальных связей, обнаруживающих скрытое присутствие особых социальных сил. Согласно альтернативной точке зрения, «социальное» — это не клей, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим видам клея; это как раз то, что склеивается воедино множеством *других* типов соединителей. В то время как социологи (или социоэкономисты, социолингвисты, социальные психологи и т. д.) принимают социальные агрегаты как данность, с помощью которой можно объяснить остаточные аспекты экономики, лингвистики, психологии, менеджмента и т. д., этот второй подход, напротив, рассматривает социальные агрегаты как то, что необходимо объяснять специфическими связями, обусловленными экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т. д.³

Но если держать в уме этимологию слова «социальное», то сходство между двумя подходами окажется гораздо большим. Хотя большинство социологов предпочло бы называть

³ Я буду использовать выражение «общество или другие социальные агрегаты», чтобы охватить весь диапазон предлагаемых решений, касающихся того, что я ниже называю «первым источником неопределенности», и связанных с природой социальных групп. Я не имею здесь в виду именно «холистские» трактовки, поскольку, как мы увидим, «индивидуалистские» или «биологические» концепции точно так же обоснованы (см. с. 42).

«социальным» нечто гомогенное, вполне допустимо обозначать тем же словом некий след *связей* между гетерогенными элементами. Поскольку в обоих случаях происхождение этого слова одно и то же — от латинского корня «socius», то можно сохранить приверженность изначальным интуициям социальных наук, определив социологию не как «науку о социальном», а как *прослеживание связей*. В таком понимании прилагательное «социальное» обозначает не вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными.

Вначале такое определение кажется абсурдным, поскольку рискует выхолостить социологию, отсылающую теперь к любому типу агрегатов — от химических связей до правовых, от атомных сил до корпораций, от физиологических структур до политических альянсов. Но дело именно в том, что эта альтернативная ветвь социальной теории стремится *дать возможность* заново соединить все эти разнородные элементы в каком-то определенном порядке. Это вовсе не поразительная гипотеза, а, напротив, самый обычный опыт, который мы имеем при встрече с таинственным ликом социального. В продажу поступает новая вакцина, предлагается новая должностная инструкция, создается новое политическое движение, открывается новая планетная система, принимается новый закон, происходит новая катастрофа... В каждом случае нам приходится перетряхивать свои представления о том, что было связано воедино, потому что прежнее определение стало до некоторой степени бесполезным. Мы уже не уверены в том, что такое «мы». Кажется, мы связаны «узами», которые не похожи на регулярные социальные связи.

Постоянно сужающееся значение социального

В последовательных изменениях корневой группы слова «социальное» просматривается четкая этимологическая тенденция [Штрум, Латур, 1987]. Она направлена от наиболее общего к наиболее поверхностному. Этимология слова «социальное» также поучительна. Его корень — «seq-, sequi», а первичное значение — «следовать». Латинское слово «socius» означает «спутник», «товарищ». Историческая генеалогия слова «социальное», судя по различным языкам, изначально восходит к «следованию за кем-то», затем идет

«членство» и «объединение» и, наконец, «иметь что-то общее». Следующее значение слова «социальное» — иметь долю в коммерческом предприятии. «Социальное» (social) в смысле «общественного договора» (social contract) — изобретение Руссо. «Социальное», фигурирующее в словосочетаниях «социальные проблемы», «социальный вопрос», — новация, относящаяся к девятнадцатому веку. Похожие слова типа «социабильный» относятся к навыкам, позволяющим индивидам быть учтывыми в обществе. Как можно видеть по биографии этого слова, с течением времени его значение сужается. Начав с определения, распространяющегося на все виды связей, теперь мы в обыденном словоупотреблении ограничиваем значение этого слова тем, что осталось после того, как политика, биология, экономика, право, менеджмент, технология и т. п. забрали свои доли связей.

Из-за этого постоянного сужения значения слова (общественный договор, социальный вопрос, социальные работники) мы склонны ограничивать «социальное» человеческим миром и новременными обществами, забывая о том, что сфера социального гораздо шире. Де Кандоль первым создал «наукометрию» — использование статистических методов для измерения научной деятельности и, как и его отец, занимался социологией растений [Кандоль, 1873/1987]. Он рассматривал кораллы, бабуинов, деревья, пчел, муравьев и китов как тоже «социальные существа». Такое расширенное понимание социального было признано социобиологией [Уилсон, 1975]. К сожалению, это начинание только утвердило социологов в их худших опасениях относительно расширения понимания социального. Однако вполне возможно сохранить это расширение, не придерживаясь слишком ограниченного определения действия, которое предлагается применительно к организмам в большинстве социобиологических обзоров.

Итак, общий проект того, что, как предполагается, мы делаем вместе, подвергается сомнению. Наступил кризис самого чувства принадлежности. Но для того, чтобы дать себе отчет в этом ощущении кризиса и следовать этим новым отношениям, необходимо выработать новое представление о социальном. Оно должно быть *гораздо шире*, чем то, что обычно именуют этим словом, но *строго ограниченным* прослеживанием новых связей и построением их сборок. Вот почему я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый

тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустройства связей и пересборки.

С этой точки зрения право, к примеру, не должно рассматриваться как то, что следует объяснять — в дополнение к его собственной логике — «социальной структурой»; напротив, его внутренняя логика может прояснить некоторые черты того, что заставляет ту или иную связь существовать дольше и распространяться шире. Что бы мы знали о помещении [судебного] дела в «более широкий контекст», если бы не способность правовых прецедентов устанавливать связь между частным случаем и общим правилом?⁴ Науку с ее объективностью не следует замещать ее «социальной рамкой», «очерченной социальными силами», поскольку ее объекты сами разрушают любой заданный контекст, когда в исследовательских лабораториях вступают в непредсказуемые связи чуждые друг другу элементы. Подвергнутые изоляции носители вируса атипичной пневмонии с огорчением узнают, что не могут больше в прежних формах «поддерживать связь» с родителями и партнерами из-за мутации микроскопического вируса, существование которого было открыто благодаря громадному институту эпидемиологии и вирусологии⁵. Религию не следует объяснять социальными силами, поскольку по самому своему определению, и более того, по самому своему названию она соединяет сущности, не являющиеся частью социального порядка. Со времен Антигоны каждому известно, что значит поступать по велению богов, несводимых к политикам, вроде Креонта. Организации не нужно помещать в «более широкий социальный контекст», поскольку они сами предоставляют очень практическое понимание того, что означает быть включенным в «более широкую» конъюнктуру. Наконец, какой пассажир в аэропорту знал бы, где проход на посадку, если бы постоянно озабоченно не бросал взгляд на номер, отпечатанный на посадочном талоне и обведенный красным ру-

⁴ См.: *Ewick P., Silbey S. S. The Common Place of Law and Silbey's contribution to Bruno Latour; и Weibel P. Making Things Public: Atmospheres of Democracy.*

⁵ Хотя исследования научной практики дали главный импульс разработке этого альтернативного понимания социального, она будет рассматриваться позже, когда будет определена четвертая неопределенность (см. с. 123).

кой служащего авиалинии? Может быть, нет смысла искать под поверхностной болтовней политиков действие «таинственных скрытых сил общества», поскольку без этих самых речей потерялась бы львиная доля того, что мы понимаем под выражением «быть частью группы». Без противоречащих друг другу версий воюющих сторон в Ираке кто в «оккупированном» или «освобожденном» Багдаде знал бы, как отличить друга от врага?

И это верно в отношении всех других областей⁶. В то время как в рамках первого подхода любые виды деятельности — право, наука, технология, религия, организация, политика, менеджмент и т. д. — могут быть соотнесены с одними и теми же социальными структурами, стоящими *за всеми ними*, и объяснены этими же структурами, согласно второй версии социологии за любым из этих видов деятельности нет *ничего*, порождает ли их взаимосвязь *общество* или не порождает. В этом основное расхождение между двумя версиями. «Быть социальным» уже не является безопасным и непроблематичным свойством. Это процесс, который может и не привести к вычерчиванию (*trace*) новой связи и к построению заново какой-либо *хорошо согласованной* сборки. Как мы постепенно выясним на протяжении этой книги, то, что принято называть «социальным объяснением», послужив с пользой ранее, стало контрпродуктивным способом *прерывать* образование связей вместо того, чтобы его возобновить снова.

Согласно второму подходу, сторонники первого просто перепутали то, что нужно объяснять, с самим объяснением. Они начинают с общества или иных социальных образований, в то время как ими нужно заканчивать. Они считают, что социальное целиком состоит из социальных отношений, тогда как ассоциации состоят из таких связей, которые сами по себе не социальные. Они вообразили, что социология ограничивается конкретной областью, тогда как социологи должны проникать всюду, где бы ни создавались новые гетерогенные ассоциации. Они уверены, что социальное всегда к их услугам, тогда как социальное — не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Оно видимо только по *следам*, которые оставляет (при испытаниях), когда возникает *новая* ассоциация между элемен-

⁶ Только в части второй, с. 328, мы увидим, как переформулировать эту оппозицию более тонким, чем инверсия причины и следствия, образом.

тами, не являющимися никоим образом «социальными». Они утверждают, что нас уже удерживает вместе сила общества, тогда как наше политическое будущее кроется в решении задачи, что соединяет нас вместе. Короче говоря, второе направление претендует на *возобновление* работы по соединению и собиранию, которая была резко прервана первым. Именно для того, чтобы помочь заинтересованным исследователям в *пересборке* социального, и написана эта книга.

По ходу изложения мы научимся отличать стандартную социологию социального от ее более радикальной разновидности, которую я буду называть *критической социологией*⁷. Последняя определяется следующими тремя признаками: она не только *ограничивает себя* социальным, но и замещает изучаемый объект другой сущностью, образованной социальными отношениями; она утверждает, что подобное замещение непереносимо для социальных акторов, *вынужденных* жить в иллюзии, что существует нечто «другое», помимо социального; и, наконец, она полагает, что возражения акторов против социальных объяснений их (действий) являются лучшим *доказательством* того, что эти объяснения верны.

Для ясности я буду называть первый подход «социологией социального», а второй — «социологией ассоциаций» (socio-logy of associations) (мне хотелось бы иметь возможность использовать слово «ассоциология»). Я понимаю, что это очень несправедливо по отношению ко множеству нюансов социальных наук, которые я тем самым свалил в кучу. Но это допустимо для предисловия, где приходится быть очень точным в отношении выбранных для описания непривычных аргументов, в то время как можно ограничиться простым наброском хорошо знакомой территории. Меня можно простить за эту небрежность, — ведь есть много блестящих введений в «социологию социального», но, насколько мне известно, нет ни одного введения в это маленькое субполе социальной тео-

⁷ О различии между критической социологией и социологией критики см.: Boltanski L., Thevenot L. On Justification; Boltanski L., Thevenot L. The Sociology of Critical Capacity; и особенно: Boltanski L. L'amour et la justice comme compétences. Если я сочту необходимым установить определенную преемственность с социологией социального, мне придется вступить в более серьезную конфронтацию с критической социологией и ее «иллюзией иллюзии».

рии⁸, которое называется — кстати, как бы его назвать? Увы, но его историческое имя — «акторно-сетевая теория» (АСТ), — имя настолько неуклюжее, путаное и бессмысленное, что оно заслуживает того, чтобы его оставить. Если автор, к примеру, путешественника волен давать новые комментарии по поводу страны, выбранной им для ознакомительного описания, то он, конечно же, не волен менять ее общепринятого названия, поскольку самый простой указатель и есть лучший. В конце концов, происхождение слова «Америка» является еще более несуразным. Я уже был готов отбросить это название, сменив его на более продуманное, вроде «социологии перевода», «актанто-ризомной онтологии», «социологии инновации» и т. п., пока мне не подсказали, что акроним АСТ хорошо подходит для обозначения подслеповатого, близорукого, страдающего трудоголизмом, обнюхивающего следы коллективного странника. Муравей, пишущий для других муравьев, — это как нельзя лучше подходит для моего проекта!⁹ В идеале слово «социология» подошло бы лучше всего, но им нельзя пользоваться, пока обе его составные части — понятия «социальное» и «наука» — не будут как-то отремонтированы. В этой книге я буду пользоваться словом «социология» чем дальше, тем чаще, хотя и оставляя выражение «социология социального» для обозначения репертуара, которым чересчур охотно, по-моему, ограничиваются другие социологи.

Как ориентироваться в литературе под рубрикой «Акторно-сетевая теория»

Большую часть относящейся к теме библиографии можно найти на прекрасном сайте «the Actor Network Resource» Джона

⁸ Последнее по времени руководство представлено в: *Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. *Barry A.* Political Machines. Governing a Technological Society; *Mol A.-M.* The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory) также могут считаться хорошим введением — наряду с: *Latour B.* Aramis or the Love of Technology.

⁹ Я вынужден извиниться за то, что здесь занимаю позицию, полностью противоположную своей собственной позиции в статье: *Latour B.* On Recalling ANT. Хотя в то время я критиковал все элементы этого вселяющего ужас выражения, включая дефис, теперь я буду отстаивать их все, включая дефис!

Ло¹⁰. Истоки этого подхода можно найти в потребности в новой социальной теории, соответствующей бы исследованиям науки и техники [Каллон, Латур, 1981]. Но начался он, собственно говоря, с трех работ [Латур, 1988b; Каллон, 1986; Ло, 1986b]. Именно там не-человеки — микробы, морские гребешки, камни и корабли — по-новому предстали перед социальной теорией. Как я объясню на с. 87, когда речь пойдет о четвертой неопределенности, впервые для меня объекты науки и технологии стали, так сказать, социально-совместимыми. Философское обоснование этой идеи было представлено во второй части [Латур, 1988a], хотя и в форме, делающей затруднительным его понимание.

С тех пор АСТ развивалась во многих направлениях, анализировалась и критиковалась во множестве статей, указанных на сайте Ло. И хотя не существует четкого теста на принадлежность к АСТ, несколько таких тестов — *ad hoc* и на скорую руку — можно придумать. Нечего и говорить о том, что такая интерпретация АСТ отражает только мое видение. Эта книга претендует не на более общее представление, а лишь на более систематическое. Вот некоторые из тестов, которые я нахожу наиболее полезными.

Один из них — конкретная роль, отводимая не-человекам. Они должны быть актерами (см. определение на с. 64), а не просто жалкими носителями символической проекции. Но эта активность не должна быть силой того типа, который до сих пор ассоциируется с фактами или природными объектами. Так что если какое-нибудь исследование базируется либо на символическом, либо на природном типе причинности, нет оснований включать его в АСТ, даже если оно на это претендует. И наоборот, любое исследование, приписывающее не-человекам более открытый тип силы, нежели традиционная природная каузальность, и более действенный, чем символическая, может относиться к АСТ даже несмотря на то, что некоторым исследователям не хотелось бы каким-либо образом ассоциироваться с этим подходом. Например, одна биологическая работа [Купек, Сониго, 2000] могла бы принадлежать к АСТ потому, что в ней приписывается новая активная роль гену.

Другой тест заключается в том, чтобы выяснить направленность объяснения. Совпадает ли в итоге перечень того, что включается в сферу социального, все с тем же ограниченным набором, используемым для объяснения большинства элементов? Если социальное остается стабильным и используется для объяснения положения дел, — это не АСТ. К примеру, не имеет значения, на-

¹⁰ См.: <<http://www.lanacs.ac.uk/FSS/sociology/css/antres/antres.htm>>.

сколько поучительной для всех нас оказалась работа «Социальное формирование технологии» [Бейкер, 1995], но она не входит в корпус АСТ, поскольку в ней социальное остается неизменным на протяжении всего исследования и им объясняется форма технологического прогресса. Но работа Мак-Нила (1976), хотя это никоим образом не автор из категории АСТ, заслуживала бы включения, поскольку у него изменяется список того, что вступает в ассоциации: в описание того, что должно быть «собрано» в империю, включены крысы, вирусы и микробы. В этом смысле работа Кронона (1991) — определенно шедевр АСТ, так как в ней для объяснения поступательной организации пространства столицы не привлекается никакая скрытая социальная сила. То же самое верно и в отношении работы по распределенному знанию [Хатчинс, 1995]. Поэтому большая часть истории науки и техники обладала значимостью для нашей программы, а социология искусства является нашим постоянным союзником, в особенности благодаря влиянию Хенниона (1993).

Третий и еще более сложный тест мог бы заключаться в выяснении того, направлено ли исследование на пересборку социального или по-прежнему настаивает на его рассеивании и деконструкции. АСТ ошибочно отождествляют с постмодернистской критикой «Великих нарративов» и «евроцентристской» или «гегемонистской» установки. Однако это большое заблуждение. Дисперсия, деструкция и деконструкция — не цели для достижения, а то, что нужно преодолеть. Гораздо важнее выяснить, какие новые институции, процедуры и концепты могут собрать и пересобрать социальное [Каллон и др., 2001; Латур, 2004b].

Действительно, в большинстве случаев обращение к «социологии социального» не только обосновано, но и необходимо, поскольку она предлагает удобное условное обозначение всех компонентов, уже *принятых* в коллективном пространстве. Было бы глупым педантизмом воздерживаться от употребления понятий типа «IBM», «Франция», «культура маори», «восходящая мобильность», «тоталитаризм», «социализация», «нижний слой среднего класса», «политический контекст», «социальный капитал», «сокращение штатов», «социальное конструирование», «индивидуальный агент», «бессознательные побуждения», «групповое давление» и т. д. Но в ситуациях, когда во множестве возникают инновации, границы между группами становятся неопределенными, а ряд сущностей, которые

необходимо принять в расчет, неустойчив, «социологии социального» уже не под силу проследить новые ассоциации акторов. И здесь последним делом было бы заранее ограничить форму, размеры, гетерогенность и сочетаемость связей. Приходится заменять удобные сокращения социального сложным и затратным полномасштабным исследованием ассоциаций. Соответственно изменяются и задачи социологов: уже недостаточно ограничивать акторов всего лишь ролью информантов, предоставляющих примеры хорошо известных типов. Следует вернуть актерам способность строить свои собственные теории о том, из чего сделано социальное. Ваша задача уже не в том, чтобы навязать тот или иной порядок, ограничить ряд допустимых сущностей, объяснить актерам, кто они такие, или внести долю рефлексивности в их слепые действия. Говоря словами лозунга АСТ, вы должны «идти за самими актерами», то есть пытаться понять их зачастую сумасбродные нововведения, чтобы из них узнать, чем становится в руках актеров коллективное существование, какими способами они делают его общеприемлемым, какие теории могли бы лучше всего описать те новые ассоциации, которые им приходится устанавливать. И если «социология социального» прекрасно справляется с тем, что уже *было собрано*, ей далеко не так хорошо удается объединять по-новому участников в то, что не является — *еще не стало* — социальным.

Более радикальная модель соотношения обоих направлений — это заимствованная из истории физики несколько искусственная параллель, в соответствии с которой можно сказать, что «социология социального» остается «дорелятивистской», тогда как наша социология — всецело релятивистская. В большинстве обычных случаев, к примеру, в ситуациях, когда изменения происходят медленно, дорелятивистская парадигма вполне приемлема, и любая фиксированная система координат способна регистрировать действие без значительных деформаций. Но как только процесс ускоряется, нововведения разрастаются, а сущности множатся, абсолютистская система взглядов оказывается безнадежно провальной. Именно тогда и следует разрабатывать релятивистский подход, чтобы быть способным перемещаться между системами координат и устанавливать определенную соизмеримость между следами, оставленными системами, движущимися с очень разной скоростью

и ускорением. Поскольку теория относительности является общеизвестным примером масштабной перестройки нашего мыслительного аппарата, вызванной потребностью ответа на фундаментальные вопросы, ее можно использовать как удачную аналогию для иллюстрации способов, с помощью которых «социология ассоциаций» изменяет и обобщает «социологию социального».

В дальнейшем для меня важны не опровержения — доказательства того, что другие социальные теории ложны, — а предложения. Как далеко можно продвинуться, исключив общепринятую гипотезу, что существование социальной сферы дает социальным наукам легитимную систему координат?¹¹ Если физики начала прошлого века оказались в состоянии отвергнуть общепринятую теорию абсолютно неподвижного и бесконечно пластичного эфира, смогут ли социологи открыть новые возможности движения, отбросив идею социальной субстанции как «ненужную гипотезу»? Это настолько маргинальная позиция, и у нее так мало шансов на успех, что я не вижу никаких оснований быть беспристрастным и щепетильным по отношению к совершенно разумным альтернативам, которые вполне могли бы разбить ее вдребезги. Так что я буду настойчивым, а зачастую пристрастным, чтобы ясно выявить контраст между этими двумя позициями. Зато в обмен на такую несправедливость я постараюсь быть по возможности последовательным и дойти до самых крайних выводов из той позиции, которую выбрал для эксперимента. Мое испытание заключается в том, чтобы посмотреть, сколько новых проблем может быть извлечено на свет, если неуклонно, даже слепо, следовать всем обязательствам, к выполнению которых вынуждает нас эта новая отправная точка. Окончательная же проверка состоит в том, чтобы к концу книги выяснить, в состоянии ли социология ассоциа-

¹¹ Если моя оценка «социологии социального» выглядит слишком резкой, и если я на самом деле несносен в отношении критической социологии, то это до поры до времени. В свое время мы научимся находить то, что есть верного в их первоначальных интуициях. Если ключевое понятие стандартов (часть вторая, с. 308) дает нам возможность воздать должное «социологии социального», то критической социологии, я боюсь, придется подождать до Заключения, когда мы примемся за проблему политической значимости.

ций принять эстафету у социологии социального, проследивая различные типы новых и более активных связей, и сможет ли она унаследовать все, что было легитимного в притязаниях науки о социальном. Как всегда, о результатах — была ли проверка пройдена успешно или нет — судить читателю.

Для любителей возводить научную дисциплину к какому-нибудь почитаемому основоположнику стоит подчеркнуть, что подобное различие между двумя разными пониманиями обязательств социальной науки вовсе не ново. Оно присутствовало уже в самом начале существования этой дисциплины (по крайней мере, во Франции) в давней дискуссии между старшим по возрасту Габриэлем Тардом и Эмилем Дюркгеймом, оказавшимся победителем¹². Тард всегда сокрушался, что Дюркгейм отказывается от задачи объяснения общества, смешивая причину и следствие и подменяя изучение социальной связи политическим проектом, направленным на социальную инженерию. В противоположность своему младшему оппоненту он настойчиво утверждал, что социальное — это не особая область реальности, а принцип соединения; что нет оснований выделять «социальное» среди других ассоциаций, таких как биологические организмы или даже атомы; что становление социальной науки вовсе не требует разрыва с философией, в особенности с метафизикой; что на самом деле социология — что-то вроде психологии взаимодействия¹³; что изучение инноваций, особенно науки и техники, является областью роста социальной теории; что экономика должна быть преобразована сверху донизу, а не использоваться как туманная метафора, описывающая расчет интересов. Но, прежде всего, он рассматривал социальное как циркулирующий поток, изучать который надо новыми методами, а не как специфический тип организма. Нам нет необходимости принимать все характерные особенности Тарда, а их много, но в галерее портретов выдающихся предшествен-

¹² Единственное обширное введение в социологию Тарда на английском языке: *Tarde G., Clark T. C. On Communication and Social Influence*. Ее более поздние представления см. в: *Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social*. В Интернете можно найти более старый перевод: *Tarde G. Social Laws: An Outline of Sociology*.

¹³ В противоположность *интрапсихологии*, о которой он почти ничего не говорит (см.: *Tarde G. Monadologie et sociologie*).

ников он — наряду с Гарольдом Гарфинкелем — один из очень немногих считавших, что социология может быть наукой, объясняющей, на чем держится общество, и не использовавших его как средство для объяснения чего-то другого или как подспорье для решения политических проблем эпохи. То, что Тард потерпел полное поражение от «социологов социального» — до такой степени, что на целое столетие оказался вытесненным в призрачное существование, — не доказывает, что он неправ. Напротив, это делает нашу книгу даже более необходимой. Я убежден, что если бы социология больше унаследовала от Тарда (не говоря уже о Конте, Спенсере, Дюркгейме и Вебере), она бы могла быть даже более значимой дисциплиной. И до сих пор — как мы увидим к концу книги — у нее есть для этого ресурсы. Обе традиции легко можно примирить: вторая из них — просто возвращение к задаче, которую первая слишком быстро посчитала решенной. Факторы, в прошлом объединенные под рубрикой «социальная сфера», — это всего лишь элементы, которые в будущем предстоит собрать в то, что я назову не обществом, а *коллективом*.

Габриэль Тард — альтернативный предшественник альтернативной социологии

Габриэль Тард (1843–1904) был судьей, а затем криминалистом-самоучкой, стал предшественником Бергсона в Коллеж де Франс. Несколько цитат дадут нам представление о сильном контрасте между двумя линиями мысли. Вот тардовское определение общества:

Но это значит, что каждая вещь — общество и все вещи — общества. И примечательно, что наука благодаря логической последовательности своих первых шагов стремится странным образом обобщить понятие общества. Она ведет речь о сообществах клеток, а почему не атомов? Не говоря уже о сообществах звезд, солнечных систем. Похоже, что все науки обречены стать ветвями социологии [Tarde, 1999, p. 58].

Что самое интересное, Тард много лет был главой статистического института и всегда доверял и монографиям, и статистическим данным, но не соглашался с Дюркгеймом по поводу типа *количественной* социологии, которого надо придерживаться.

Обобщая учение Лейбница о монадах, но без Бога, проекты Тарда переворачивают отношение между «микро» и «макро»:

Во множестве форм, хотя и в уменьшенном масштабе, всегда проявляется одна и та же ошибка: ложная уверенность в том, что увидеть постепенное нарастание регулярности, порядка и логики в социальных феноменах мы можем только при условии, что уйдем прочь от деталей, которые по сути своей иррегулярны, и поднимемся достаточно высоко, чтобы достигнуть панорамного обзора, предоставляющего общее впечатление; что источник и основание всякой социальной координации — это некий общий факт, от которого она постепенно нисходит к частным фактам, хотя всегда теряя в силе; короче говоря, что действует человек, но управляет им закон эволюции. Я придерживаюсь в известном смысле противоположного [Tarde, 1899/2000, p.75].

Это объясняет его резкое противостояние Дюркгейму, бывшему на поколение младше Тарда:

Эта концепция — почти полная противоположность представлениям однолинейных эволюционистов и 2-на Дюркгейма. Вместо того чтобы все объяснять предполагаемым верховенством закона эволюции, заставляющего коллективные феномены бесконечно воспроизводиться и повторяться в определенном порядке, вместо того чтобы объяснять меньшие факты через большие, а часть через целое, я объясняю общие сходства, присущие целому, сосредоточением вместе мельчайших элементарных актов. Я объясняю большее через меньшее, а целое — через часть. Этот способ рассмотрения явлений предназначен для того, чтобы провозвести в социологии переворот, аналогичный тому, который в математике произвело введение исчисления бесконечно малых [Tarde, 1899/2000, p.35].

Причина того, почему Тард может считаться ранним предшественником АСТ, в том, что для него лучший пример социальной связи всегда является история и социология науки:

Что касается структуры науки — вероятно, самого впечатляющего из человеческих предприятий, — то здесь невозможны вопросы. Она строилась в полном свете истории, и мы можем проследить ее развитие почти с самого начала и до наших дней... Всё здесь берет начало в единичном, не только материалы, но и общий план целого, и наброски деталей. Всё, включая и то, чем теперь прониклись все образованные умы и чему учат даже в на-

чальной школе, начиналось как тайна некоего единственного ума. Из него маленький огонек, слабый и мерцающий, испускал свои лучи — сначала лишь в узких пределах, — и даже встречая множество препятствий, он становился все ярче по мере своего распространения, пока, наконец, не превращался в ослепительный свет. Тогда, если кажется вполне очевидным, что наука строилась именно так, не менее верно и то, что создание любой догмы, правового кодекса, формы правления или экономического режима шло тем же путем; и если и возможно какое-то сомнение в отношении языка и этики, поскольку темнота происхождения и медленность изменения скрывают их от наблюдения на протяжении большего времени их существования, то разве не высока вероятность того, что их эволюция шла тем же путем? [Tarde, 1899/2000, p. 84–85].

Сущности, с которыми имеет дело Тард, — не люди, а новшества, кванты изменений, живущие своей собственной жизнью:

Вот почему всякий социальный продукт, обладая четкими характеристиками, — будь то промышленное изделие, стихи, формула, политическая идея, возникшая в какой-то момент где-то в углу мозга, мечты Александра Македонского о завоевании мира, — стремится умножить себя в тысячах и миллионах копий всюду, где есть человеческие существа, и никогда не остановится, разве что если его поставит под сомнение какой-нибудь конкурирующий продукт, столь же амбициозный, как и он сам [Tarde, 1895/1999, p. 96].

С точки зрения АСТ полезнее всего то, что Тард не заставляет социальную науку рвать с философией или даже с метафизикой:

Существовать — значит отличаться; различие в определенном смысле является сущностным аспектом вещей, — то, что в них наиболее общего и что делает их наиболее отличными друг от друга. Нужно исходить из различия и воздерживаться от попыток его объяснить, особенно беря за отправной пункт тождество, как ошибочно поступают столь многие. Ибо тождество — это минимум различия и, следовательно, его вид (и при этом весьма редкий), подобно тому как покой есть вид движения, а окружность — вид эллипса. Исходить из первоначального тождества — это значит полагать в истоке некую удивительную и маловероятную сингулярность, или иначе, темную тайну единственного простого сущего, впоследствии разделившегося без особых на то причин [Tarde, 1895/1999, p. 73].

Эта книга о том, как применить АСТ к пересборке социальных связей. Она разделена на три части в соответствии с тремя обязательствами, соединенными «социологией социального» воедино по причинам, которые уже не могут служить оправданием:

Как *развернуть* все множество разногласий по поводу ассоциаций, не сводя заранее социальное к особой области?

Как сделать полностью прослеживаемыми средства, позволяющие акторам *стабилизировать* эти разногласия?

Посредством каких *процедур* можно осуществить пересборку социального не как общества, а как коллектива?

В первой части я покажу, почему мы не должны заранее ограничивать категорию существ, населяющих социальный мир. Социальные науки стали слишком робкими в развертывании очевидной сложности ассоциаций, с которыми они сталкиваются¹⁴. Я покажу, что можно, так сказать, кормиться разногласиями, и научу, как стать хорошим релятивистом. Это необходимая подготовка перед рискованной высадкой на новую территорию. Во второй части я продемонстрирую, как можно сделать прослеживаемыми социальные связи, описывая уже сделанную работу по стабилизации разногласий, выявленных в первой части. Заимствуя метафору из картографии, я мог бы сказать, что АСТ пытается изобразить социальный мир *плоским*, чтобы сделать отчетливо видимым установление всякой новой связи. Наконец, в заключение я покажу, почему задача сборки коллектива стоит того, чтобы ею заниматься, но только после того, как мы откажемся от ярлыков «общество» и «социальное объяснение». Если верно, что понимание общества, предложенное «социологами социального», было, прежде всего, способом обеспечить гражданское согласие в эпоху модернизации¹⁵, то какого рода

¹⁴ В этой книге я оставляю в стороне проблему количественной социологии — не потому, что больше доверяю качественным данным, а потому, что само определение, какое количество принимать в расчет, поставлена на карту в различных определениях того социального направления, которому я здесь намереваюсь следовать.

¹⁵ Первое употребление слов «социология» и «социальные науки» мы встречаем в известном памфлете «Что такое третье сословие?» Эмманюэля Жозефа Сийеса (1748–1836), где они используются для обозначения объединения всех «камеральных наук» в искусстве управления; см.: Audren F. Les juristes et les sociologues.

коллективную жизнь и какого рода знание должны собирать «социологи ассоциаций», когда модернизация поставлена под сомнение, а задача поиска способов коллективного существования стоит острее, чем когда-либо?

Эта книга чем-то похожа на путеводитель по местности, одновременно и совершенно банальной — это всего лишь социальный мир, к которому мы привыкли, — и абсолютно экзотической: нам надо научиться останавливаться на каждом шагу. Если порядочные ученые не находят достойным сравнение введения в науку с путеводителем, пусть будут любезны вспомнить, что «куда пойти» и «какие достопримечательности тут надо посмотреть» — это всего лишь способ высказать на простом языке то, что обычно называют помпезным греческим словом «метод» или, еще хуже, «методология». Преимущество путеводителя перед «методологическим дискурсом» в том, что первый нельзя спутать с территорией, которую он всего лишь описывает. Путеводителем можно пользоваться, а можно его забыть, положить в багажник, заляпать жиром и кофе, весь исчеркать, вырвать из него страницы, чтобы развести огонь под барбекю. Короче говоря, путеводитель предлагает, а не навязывает себя читателю. Это не книга на кофейном столике, предлагающая глянец пейзажи глазам приезжего, слишком ленивого, чтобы путешествовать. Она предназначена практикам как пособие, которое поможет им найти нужные ориентиры, *раз уж* они забрели на эту территорию. Для всех прочих, боюсь, она останется совершенно непонятной, ибо социальные связи, которые нужно прослеживать, никогда не будут похожи на те, прослеживать которые их научили.

КАК РАЗВЕРНУТЬ
РАЗНОГЛАСИЯ
ПО ПОВОДУ
СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

I. Введение в первую часть: учимся кормиться разногласиями

Как и все науки, социология начинается с удивления. Смятение может выражаться по-разному, но парадоксальное присутствие чего-то невидимого и в то же время осязаемого, само собой разумеющегося и поразительного, повседневного и обескураживающе неуловимого всегда вызывает страстное стремление укротить дикую бестию социального. «Мы живем в группах, которые выглядят прочно устоявшимися, но почему они так быстро изменяются?» «Нас заставляют действовать другие, не контролируемые нами силы, вроде бы очевидные и вполне посторонние». «На нас всех давит что-то невидимое, — оно крепче стали и при этом невероятно пластично». «Существуют силы, до странности похожие на те, что изучают ученые-естественники, и при этом совершенно другие». «Эта загадочная смесь упрямого сопротивления и извращенной сложности кажется широко открытой для исследования, и все же бросает вызов любому исследованию». Трудно найти социолога, которого не потрясли бы одно или несколько из этих приводящих в замешательство высказываний. Разве эти головоломки — не источник нашего *libido sciendi*? Что заставляет нас вкладывать столько энергии в попытки их разгадать?

Однако имеется нарастающая дистанция между тем, что вызывает эти следующие друг за другом потрясения, и решениями, разработанными для их объяснения. В этой части работы я собираюсь показать, что, несмотря на правильность исходных интуиций социологии, решения, вытекающие из урезанного понимания социального, так или иначе ухудшают то, что было в них научного и продуктивного. Вот почему я хочу заново рассмотреть каждый из этого ряда вопросов и подвергнуть их анализу, чтобы мы могли обновить свои представления о том, что такое ассоциация.

Верный релятивистским принципам, я вместо того, чтобы делить социальную сферу, — как это обычно делается в большин-

стве учебников социологии, превращая ее в перечень акторов, методов и областей, *уже изначально* рассматривающихся как элементы социального мира, построил первую часть этой книги как типологию разногласий по поводу того, из *чего* состоит этот мир. Я полагаю, что можно опереться на базовые интуиции социальных наук, выделив пять главных неопределенностей:¹

- природы групп: у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность;
- природы действий: как представляется, в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели;
- природы объектов: по-видимому, категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой;
- природы фактов: отношения естественных наук с остальным обществом порождают непрекращающиеся дискуссии;
- и, наконец, неопределенность типа исследований, осуществляемых под названием науки о социальном, поскольку никогда не ясно, в каком именно смысле социальные науки можно называть эмпирическими.

Столь невероятной АСТ сделало то, что прежде, чем куда-нибудь двинуться, приходится громоздить эти пять неопределенностей друг на друга (при этом каждая следующая делает предыдущую еще загадочнее), пока не будет восстановлен здравый смысл — но только в конце. Большинству потребителей АСТ до сих пор не хватало терпения ждать, и я не могу упрекать их за это².

Читатель обнаружит здесь ряд замысловатых инструкций, делающих перемещение еще более дорогостоящим и затруднительным. Причина этого в том, что я хочу сломать привычку свя-

¹ Я выбрал слово «неопределенности» — слабая аллюзия на «принцип неопределенности», потому что все еще невозможно понять, укоренена ли неопределенность в наблюдателе или же в самом наблюдаемом феномене. Как мы увидим, дело вовсе не в том, что исследователь знает то, чего не знают акторы, или что акторы знают то, что неизвестно наблюдателю. Именно поэтому социальное нуждается в пересборке.

² Для читателей, интересующихся преимущественно исследованиями науки, возможно, лучше прочесть сначала главу IV (с. 123), а затем поглощать остальные источники неопределенности один за другим. Для тех, кто лучше знаком с АСТ, может быть, легче будет начать с интерлюдии (с. 197).

зывать понятия «общество», «социальный фактор» и «социальное объяснение» с внезапным *ускорением* описания. Произнося слова «общество», «власть», «структура» и «контекст», социологи социального обычно мчатся напролом, соединяя большие массивы жизни и истории, мобилизуя гигантские мощности, вскрывая фундаментальные структуры, проявляющиеся из запутанных взаимодействий, видя повсюду в современных ситуациях новые примеры хорошо известных типов, обнаруживая за сценой тайные силы, дергающие за ниточки. Не то чтобы они были неправы, — прежние социальные отношения на самом деле «упакованы» так, что, казалось бы, обеспечивают готовое объяснение многих загадочных предметов. Но пришло время гораздо ближе присмотреться к типу собранных таким образом структур и к тому, как именно они соединяются друг с другом.

Если вам захочется найти новых неожиданных акторов, появившихся совсем недавно и еще не ставших членами «общества» *bona fide*, то придется отправиться в путешествие, и с совсем другим снаряжением. Как мы увидим, разница между двумя употреблениями слова «социальный» так же велика, как между уроками вождения по уже существующей дороге и движением первопроходца по ухабистой местности, где дорога проектируется вопреки желанию многочисленных местных сообществ³. Неудивительно, что АСТ предпочитает двигаться медленно, по узким тропкам, пешком, оплачивая издержки каждого перемещения из своего собственного кармана.

³ Один читатель, задавая вопрос, в каком смысле наша теория социального может быть согласована с «конвенциональной социологией», в качестве возражения указал тот способ, которым больные СПИДом мобилизовались в качестве группы. Глядя на традиционные «социальные движения», он считал очевидным, что организации пациентов соответствуют «конвенциональным» трактовкам социального, потому что совершенно забыл о том, до какой степени инновационным для пациентов было делать политику из ретровирусов. Для нас же движение ВИЧ-инфицированных, и вообще организации пациентов, всего лишь тип инновации, требующий совершенно нового понимания социального. См.: *Epstein S. Impure Science. Aids, Activism and the Politics of Knowledge; Callon M., Rabearisoa V. Le pouvoir des malades; Dodier N.* Это показывает, как быстро люди забывают новые связи и включают их в свое «конвенциональное» определение общества.

Причина такой смены темпа в том, что вместо того, чтобы заранее занять благоразумную позицию и установить какой-то порядок, АСТ заявляет, что способна найти гораздо лучший порядок, — *но после* того, как даст актерам развернуть весь диапазон разногласий, в которые они погружены. Мы как бы говорим актерам: «Мы не будем вас поучать, заставляя соответствовать нашим категориям; мы дадим вам раскрыть ваши собственные миры и только потом попросим вас объяснить, как вы пришли к их созданию». Задача понимания и упорядочения социального должна быть оставлена самим актором, а не взята на себя аналитиком. Вот почему для того, чтобы снова обрести смысл порядка, лучший способ — проследить связи *между* самими разногласиями, а не пытаться придумать, как урегулировать каждое конкретное разногласие⁴. Поиск порядка, строгости и структуры ни в коем случае не отменяется. Он просто сдвигается на шаг дальше к абстракции, так что актеры получают возможность разворачивать свои собственные различные миры, и неважно, насколько контринтуитивными они являются⁵. Именно более высокий уровень абстракции в социальной теории и делает АСТ поначалу трудной для восприятия. Однако этот сдвиг сопоставим с тем, что делает картограф, пытаясь изобра-

⁴ Ярким примером продуктивности этого подхода является работа: Boltanski L., Thévenot L. *On Justification* (Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии городов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — Примеч. ред.). В ней авторы показали, что можно найти гораздо более устойчивый порядок, если допустить, что рядовые французы, будучи вовлеченные в полемику об оправдании своих позиций, могут опираться не на один, а на шесть полноценных принципов оправдания (градов или порядков ценности: рыночный, индустриальный, гражданский, национальный, вдохновенный, мнение), к которым авторы позже добавили возможное экологическое оправдание. См.: Lafaye C., Thévenot L. *Une justification écologique? Conflits dans l'aménagement de la nature*. Хотя эти принципы несоизмеримы, социологи, сделав один шаг в сторону абстракции, могли бы тем не менее сделать их соизмеримыми. Именно этому замечательному примеру, обнаруживающему силу релятивности, я здесь и пытаюсь следовать.

⁵ Только во второй части мы займемся другой проблемой — проблемой стабилизации разногласий. По причинам, которые станут понятны лишь позже, «социологи социального» не смогли не смешивать эти два шага.

зять очертания никогда не виденного берега на листе бумаги. Он мог бы стараться подогнать разные отчеты, присланные исследователями, к существующим геометрическим формам: заливы стали бы окружностями, мысы — треугольниками, континенты — квадратами. Но, заметив безнадежную путаницу, создаваемую отчетами, ни один из которых не соответствует предзаданным геометрическим формам, он с радостью согласится заменить поиски геометрической точности совершенно абстрактной декартовой системой координат. Далее, пользуясь этой пустой сеткой, он начнет терпеливо прорисовывать береговую линию, позволив ей стать такой же извилистой, какой ее сделала геологическая история. Возможно, покажется глупым фиксировать каждую фигурирующую в отчетах точку просто в координатах долготы и широты, но еще глупее настаивать, что надо придерживаться только данных, вписывающихся в предзаданную геометрическую форму. Аналогично и АСТ утверждает, что можно проследить более прочные отношения и выявить более интересные структуры, найдя способ регистрировать связи между нестабильными и подвижными системами координат, а не пытаться сохранить стабильность одной-единственной системы. Общество состоит из «индивидов», «культур», «национальных государств» так же «приблизительно», как Африка «приблизительно» представляет собой окружность, Франция — шестигранник, а Корнуэлл — треугольник. Тут нет ничего удивительного, поскольку всякая научная дисциплина — это медленная тренировка в выработке здорового релятивизма, применимого к имеющимся данным. Почему только социологии запрещено искать собственный путь и предписано ограничивать себя очевидным? Теперь, когда геологи согласились с представлением о холодных и твердых континентальных плитах, свободно дрейфующих над горячим расплавленным морским дном, сочащемся из глубоких океанских разломов, не встали ли они, так сказать, на «более твердую почву»? Так же и АСТ утверждает, что мы найдем гораздо более научный способ построения социального мира, если не будем сдерживать поток разногласий. Нам тоже надо найти для себя твердую почву — на зыбких песках. Вопреки расхожим суждениям, релятивизм — это способ держаться на поверхности данных, а не тонуть в них.

Метафоры, почерпнутые из картографии или физики, однако, быстро меркнут, когда начинает разворачиваться ряд не-

определенностей, предполагаемых социологами ассоциаций. В экстремальных случаях акторы обнаруживают необъяснимую способность опровергать все допущения, которые необходимо принять социологам, чтобы начать работу. Отказ физиков от фиксированной системы координат, предоставляемой эфиром, ретроспективно выглядит проще, чем расставание с тем, от чего придется отказаться нам, если мы хотим предоставить актерам свободу развернуть во всей полноте несоизмеримость их собственной активности по созданию миров⁶. Будьте готовы выкинуть за борт практику, структуру, душу, время и пространство вместе со всеми остальными философскими и антропологическими категориями, и не имеет значения, насколько глубоко укорененными в здравом смысле они кажутся.

Пользуясь нашим примером с картографом, представьте, что ему пришлось бы иметь дело не только с множеством отчетов, приходящих от многочисленных путешественников, но еще и с множеством проекционных сеток, в которых каждая точка требует свои собственные *ad hoc* координаты. Столкнувшись с такой неразберихой, кто-то решит ограничить объем разногласий, а кто-то — выпустить на волю их все. Первое решение — до-релятивистское — работает прекрасно, но чревато риском ограничить социологию рутинными, холодными и спокойными ситуациями. Второе решение — релятивистское — позволит включить активные теплые и предельные ситуации, но тогда придется всю дорогу поддерживать разногласия развернутыми. Абсурднее всего было бы искать компромисс между обеими позициями, так как разногласия — это не просто досадная мелочь, которую можно обойти, а именно то, что дает возможность установить социальный порядок и позволяет различным социальным наукам участвовать в его строительстве. Многие затруднения в развитии этих дисциплин возникли из-за неже-

⁶ «Создание миров» было бы хорошим выражением, см.: *Goodman N. Ways of World Making (Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. — Примеч. ред.)*, если бы не сопровождающая его концепция «создания» и не определение «мира» как единственного. Поэтому оно используется как временный местоблюститель, пока мы не переопределим конструктивизм (с. 88) и (гораздо позже) не поймем, что значит построить «единый общий мир» (с. 247).

лания быть в достаточной мере теоретическими и ошибочных попыток цепляться за обыденный рассудок вкупе с неуместным стремлением к политической значимости. Такова крайняя позиция, которую я хочу опробовать, и я буду придерживаться ее настолько долго, насколько это возможно. Препятствие в том, что на протяжении путешествия читателям придется сидеть на странной диете: они должны питаться разногласиями по поводу того, из чего состоит социальное.

Путешествие с АСТ, боюсь сказать, окажется мучительно медленным. Движение будут постоянно останавливать, препятствовать ему, прерывать и уводить в сторону пять типов неопределенностей. В мире, по которому АСТ собирается путешествовать, никакое перемещение не возможно без дорогостоящих и сложных переводов (translations). «Социологи социального» летают как ангелы, перенося власть и связи почти нематериально, а АСТ-исследователю приходится тащиться, как муравью, нагруженному тяжелой поклажей, чтобы установить хотя бы крошечную связь. К концу этой книги мы попытаемся подытожить, что отличает хорошую работу в критериях АСТ от плохой — решающий тест на качество, — задав три вопроса: все ли трудности путешествия были осознаны? Полностью ли оплачена цена путешествия от одной связи до другой? Не схитрил ли путешественник, тайком протаскивая уже существующий «социальный порядок»? Впрочем, мой совет: взять с собой как можно меньше вещей, не забыть купить билет и быть готовым к проволочкам.

II. Первый источник неопределенности: групп нет — есть только группообразования

С чего начать? Как всегда, лучше всего начинать в гуще вещей, *in medias res*. Не начать ли с чтения газеты? Что ж, эта отправная точка не хуже любой другой. Как только вы разворачиваете газету, на вас обрушивается дождь, потоп, эпидемия, нашествие вредителей. Каждые две строчки — оставленный каким-нибудь автором след создания или распада какой-нибудь группы. Вот руководитель крупной компании сокрушается о том, что и через пять лет после слияния подразделения фирмы все еще не полностью интегрировались. Он задается вопросом, как «продвинуть общую корпоративную культуру». Несколькими строчками ниже антрополог объясняет, что никакого «этнического» различия между хуту и тутси в Руанде нет, а есть на самом деле «классовая дифференциация», «инструментализованная» колониалистами и затем «натурализованная» как «культурная». В разделе писем какой-то шотландец напоминает читателям о «славном союзе» между Францией и Марией, королевой Шотландии, поэтому шотландцам не стоит разделять яростную европофобию англичан. Корреспондент из Франции пытается объяснить, почему девушки второго поколения выходцев из Алжира, надевая в школу хиджаб, воспринимаются учителями как «фанатички», «сами себя исключают» из Французской республики. В разделе «Европа» объясняется, что чиновники Евросоюза все больше и больше мыслят «как европейцы» и уже «не лояльны по отношению к своим национальным государствам». В музыкальном разделе — ожесточенная дискуссия: ансамбли, исполняющие музыку в стиле барокко, конфликтуют из-за частоты камертонов, обвиняя друг друга в «модернизме», «неуважении к традиции», «академичности». В компьютерном разделе автор высмеивает приверженность

пользователей компьютеров модели «Макинтош» своим крайне маргинальным машинам и предлагает «культурную интерпретацию» того, что именуется формой «технофанатизма». Еще ниже автор редакционной статьи предсказывает, что Ирак, несмотря на его относительно недавние границы, будет существовать как национальное государство и не расколется по старым разделительным линиям религиозных и исторических «зон влияния». Другая колонка бросает противникам войны в Ираке обвинение в «антиамериканизме». И так без конца.

Отнесение себя к той или иной группе — это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей. Не странно ли это? Если просто следовать подсказкам газет, основная интуиция социологии должна заключаться в том, что акторов ежеминутно *побуждают включаться* в группу, и зачастую более чем в одну. И *еще*: когда читаешь теоретиков социологии, создается впечатление, что главный, решающий и самый животрепещущий вопрос заключается в том, с какой группы *предпочтительнее* начать социологическое исследование. Должны ли мы считать социальные агрегаты состоящими из «индивидов» или из «организаций», «классов», «ролей», «жизненных траекторий», «дискурсивных полей», «эгоистичных генов», «жизненных форм», «социальных сетей»? Кажется, что социологи никогда не устают одно объявлять реальным, прочным, доказанным и укоренившимся, а другое критиковать как искусственное, воображаемое, преходящее, иллюзорное, абстрактное, обезличенное и бессмысленное. Сосредоточиться на микроуровневых взаимодействиях или обратиться к макроуровню как более важному? Не правильнее ли считать главными компонентами нашей коллективной жизни рынки, организации или сети?

Хотя самый обыденный опыт существования в социальном мире состоит в том, что нас одновременно настигают сразу несколько возможных и противоречащих друг другу призывов объединиться в группы, кажется, что перед тем, как стать социологом, главное — первым делом решить, из каких компонентов состоит общество. Хотя совершенно ясно, что нас *вписывают* в группу посредством целого ряда вмешательств, из которых видно, кто отстаивает важность одной группы и неважность других, *все происходит так, как будто* социоло-

логи обязаны заявлять, что существует только один реальный тип группы, а другие объединения на самом деле ненастоящие, устаревшие, неважные или искусственные. Хотя мы ясно сознаем, что главное свойство социального мира — это постоянное проведение людьми границ, отделяющих их от других людей, социологи социального считают главным свойством этого мира признание бесспорного существования границ, вне зависимости от того, кто и какими средствами их устанавливает. Еще более странным является то, что хотя социологи, экономисты, историки, психологи и политологи в своих газетных колонках, обоснованиях, преподавании, отчетах, исследованиях, комиссиях и статистике только и делают, что способствуют определению и переопределению групп, социальные теории пребывают в состоянии покоя, как если бы существование релевантных акторов было полностью независимым от огромного объема работы, который проделывают профессионалы, или что хуже, как если бы эта неизбежная рефлексивная петля мешала социологии когда-нибудь стать наукой. Но кто бы знал, как обращаться с «бессознательным», не будь Фрейда? Кто бы разоблачил отчуждение, не будь Маркса? Кто смог бы объявить себя «верхним слоем среднего класса», если бы не социальная статистика? Кто научился бы «чувствовать себя европейцем» без редакторских статей в либеральной прессе?

Подводя итог, в то время как для социологов главная проблема, видимо, решить, какая группа будет привилегированной, наиболее обыденный опыт, коль скоро мы ему доверяем, говорит нам, что существует множество противоречивых процессов группообразования, включения в группу, — это деятельность, в которую определяющий вклад, со всей очевидностью, вносят социологи. Так что выбор ясен: либо мы пойдем за социальными теоретиками и начнем путешествие с того, что решим, на каком типе группы и на каком уровне анализа сосредоточить внимание, либо последуем за самими акторами и отправимся в путь по следам, оставленным их деятельностью по формированию и расформированию групп.

Первый источник неопределенности необходимо усмотреть в том, что не существует такой значимой группы, о которой можно было бы сказать, что именно из нее состоят социальные агрегаты, нет такого устоявшегося компонента, который мог бы использоваться как бесспорная отправная точ-

ка¹. Многие социологические исследования начинаются с выбора одного или нескольких типов групп, который предваряется многочисленными извинениями за в чем-то произвольное ограничение, являющееся неизбежным, как часто говорят, ввиду «необходимости ограничить область исследования» или «права ученого определять свой объект». Но это вовсе не тот выбор, не та необходимость, не те оправдания, с которых хотят начать социологи ассоциаций. Их задача не в том, чтобы с самого начала стабилизировать — будь то для ясности, удобства или же впечатления обоснованности — перечень групп, образующих социальное. Напротив: для них отправной точкой является сама спорность того, кто к какой группе принадлежит, включая, конечно, разногласия социологов о том, из чего состоит социальный мир.

Если мне возразят, что такие слова, как «группа», «формирование групп» и «актор», лишены смысла, я отвечу: «Совершенно верно». Слово «группа» — настолько пустое, что не предполагает ни объема, ни содержания. Его можно применять к планетам в той же мере, что и к индивидам; к компании «Майкрософт», равно как и к моей семье; как к растениям, так и к бабуинам. Именно потому я его и выбрал.

Это важный момент, связанный со словарем АСТ, и я должен познакомить с ним читателя уже на этом раннем этапе, чтобы он не отождествлял язык этой книги с ландшафтом, который мы собираемся посетить. Я нахожу, что лучше всего пользоваться самым расхожим, банальным и даже вульгарным репертуаром, тем самым избегая риска привести в замешательство богатую идиоматику самих акторов. Социологи социального обычно поступают ровным счетом наоборот. Они стремятся разработать точные, хорошо отобранные, изощренные термины для выражения того, что, как они утверждают, говорят ак-

¹ Этнометодологии Гарфинкеля имеет те же отправные точки, начиная вместо разногласий с повседневных отчетов или же с остроумной идеи «нарушения», преобразующей даже самые обычные встречи в разногласия. См.: *Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology (Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. — Примеч. ред.)*. В обоих случаях смысл один: социолог не должен заранее и вместо актора решать, из чего состоит социальный мир. Это самая обычная для химиков, физиков и биологов идея, но в социальных науках она до сих пор считается провокационной...

торы. Но тогда они рискуют смешать два метаязыка, поскольку у самих акторов также имеется собственный развитый и вполне рефлексивный метаязык. Если же они занимаются критической социологией, то подвергаются еще большему риску — сделать всех акторов немыми. АСТ предпочитает пользоваться тем, что можно было бы назвать «*инфроязыком*», единственный смысл которого, собственно, в том, что он позволяет перемещаться из одной системы координат в другую. По своему опыту я знаю, что это лучший способ услышать четко и ясно словарь самих акторов. И меня не особенно огорчит, если научный жаргон социологов будет приглушен. Если бы мне пришлось разрабатывать тест для определения качественного с точки зрения АСТ исследования, вот что было бы важным индикатором качества: позволяет ли понятиям акторов *доминировать* над понятиями исследователей, или же звучит только речь исследователя? Для письменных отчетов это точная, но сложная проверка: является ли текст, комментирующий различные цитаты и документы, более, менее или таким же интересным, по сравнению с собственными выражениями и способами поведения актора? Если вы находите, что этот тест слишком легко пройти, то тогда АСТ не для вас.

ПЕРЕЧЕНЬ СЛЕДОВ, ОСТАВЛЯЕМЫХ ГРУППООБРАЗОВАНИЕМ

Из-за многочисленных споров, которые ведут социологи и сами акторы о том, что именно должно быть основным строительным блоком общества, вовсе нет оснований разочаровываться в социальной науке. АСТ не утверждает, что мы когда-нибудь узнаем, состоит ли «на самом деле» общество из индивидуальных расчетливых агентов или из гигантских макроакторов. Она также не заявляет, что раз «все позволено», то каждый может выбрать «любимого кандидата» на свой вкус. Напротив, она делает релятивистский, то есть научный, вывод, что эти разногласия предоставляют исследователю важный ресурс, дающий возможность проследивать социальные связи. АСТ просто утверждает, что, привыкнув к множеству меняющихся систем координат, мы можем достигнуть правильного понимания того, как производится социальное, поскольку релятивистское соотношение систем координат — лучший источник объективного

II. Первый источник неопределенности

суждения, чем абсолютистские (то есть произвольные) установки здравого смысла. Вот почему так важно *не* начинать с высказывания типа: «Социальные объединения образованы преимущественно из (х)». И не имеет значения, что именно кроется за этим «х»: «индивидуальные агенты», «организации», «расы», «малые группы», «государства», «личности», «члены», «воля к власти», «либидо», «биографии», «поля» и т. д.

АСТ просто не считает своим делом стабилизировать социальное от имени тех, кого она изучает. Эту обязанность следует целиком оставить «самим актерам» — весьма зловредное клише, к которому мы еще обратимся в свое время.

Хотя на первый взгляд может показаться, что социологам легче выделить одну группу, чем заниматься картографией разногласий по поводу образования групп, дело обстоит совершенно наоборот, и по вполне эмпирической причине. Группообразование оставляет гораздо больше следов, чем уже стабилизированные связи, которые по определению могут оставаться безмолвными и невидимыми. Если какой-то ансамбль просто есть, то он невидим и о нем нельзя сказать ничего, он не производит следов и потому не дает никакой информации. Если же он виден, то в таком случае этот ансамбль производится, и он будет порождать новые интересные данные. Выход в том, чтобы заменить перечень групп, образующих социальные агрегаты, — непосильная задача — перечнем элементов, постоянно присутствующих в *разногласиях* по поводу групп, — задача гораздо более простая. Второй список, конечно, абстрактнее, так как связан с деятельностью, необходимой для очерчивания любой группы, но при этом содержит гораздо больше данных, поскольку всякий раз при ссылке на новую группу будет становиться видимым и прослеживаемым «производственный механизм», необходимый для поддержания ее жизнеспособности. Хотя за сто пятьдесят лет социологи все еще не достигли ясности относительно того, какие социальные объединения считать «правильными»², гораздо проще согла-

² Причина этой постоянной неопределенности по поводу отправного пункта — индивид ли это, структуры, поля, траектории и т. д., — вера в то, что общество ранжировано по размерам: от small до XXL. Истоки этого заблуждения и способы его избежать мы будем рассматривать лишь во второй части нашей книги (см. с. 245).

ситься с тем, что во всяком разногласии по поводу формирования групп, включая, конечно, академические дебаты, всегда присутствуют несколько моментов: группы создаются, чтобы говорить; на карту наносятся антигруппы; привлекаются новые ресурсы, чтобы сделать границы групп более устойчивыми; мобилизуются профессионалы с высоко специализированным оснащением.

Во-первых, для того чтобы очертить группу, — не имеет значения, создается ли она впервые или просто обновляется, — вам понадобятся ее представители, «говорящие в пользу» существования этой группы. Иногда они бывают очень разговорчивыми, как мы видели на примере газеты. Какой бы пример вы ни взяли, будь то феминистки — владелицы собак в Калифорнии, косовары в бывшей Сербии, «*chevaliers du tastevin*»³ в моей родной Бургундии, ачуары в Амазонии, бухгалтеры, антиглобалисты, социологи науки, «человеческие эго», троцкисты, рабочий класс, «силы рынка», «заговорщики» и т. д. — все нуждаются в людях, определяющих, кто они есть, кем они должны быть, кем они были. Эти люди всегда при деле, обосновывая существование группы, оглашая правила и прецеденты и, как мы увидим, оправдывая одно определение и отвергая все остальные. Группы — не безмолвные объекты, а временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит. Только подумайте о массе сказанного и написанного, что вошло в ограничение такого необычного множества, как *homo oeconomicus*⁴. Не бывает группы без в некотором роде офицера, занимающегося рекрутированием. Нет стада овец без пастуха, без его собаки, посоха, кучи справок о прививках и груды до-

³ Члены Бургундского содружества знатоков вина. — *Примеч. пер.*

⁴ *Tarde G. Psychologie économiq. Основной работой на эту тему остается: Polanyi K. The Great Transformation (Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. — Примеч. ред.), но см. также: Hirshmann A. O. The Passions and the Interests; и Callon M. The Laws of the Markets. О последних эмпирических исследованиях, исходящих из перспективы АСТ, см.: Muniesa F. Des marchés comme algorithmes: sociologie de la cotation électronique à la Bourse de Paris; Lépinay V. Les formules du marché. Ethno-Economie d'une innovation financière: les produits à capital garanti.*

кументов на получение субсидий Евросоюза. Если вы все еще считаете, что группы существуют «сами по себе», как, например, «индивид», — просто постарайтесь вспомнить, как много труда потребовалось, чтобы каждый из вас мог «взять жизнь в свои руки». Как много наставлений было нами получено от родителей, учителей, начальников, партнеров и коллег, пока мы ни поняли, что лучше быть «самому себе группой» (группой собственного эго)? И как быстро мы забыли этот урок...⁵ Хотя группы кажутся уже изначально полностью оснащенными, АСТ не видит ни одной из них без обширной свиты, состоящей из создателей этой группы, лиц, говорящих от ее имени, и тех, кто ею руководит.

Во-вторых, всегда, когда нужно очертить или восстановить границы группы, другие группы объявляются пустыми, архаичными, опасными, устаревшие и т. п. Всякая связь становится отчетливее в сравнении с другими конкурирующими связями. Таким образом, для установления границ любой группы формируется перечень «антигрупп». Это очень удобно для наблюдателей, так как означает, что акторы постоянно вовлечены в процесс разметки «социального контекста», в котором они размещены, тем самым предлагая исследователю полнокровную теорию того, какого рода социология нужна для их изучения⁶. Вот почему так важно не определять заранее, какой тип социального агрегата сможет обеспечить контекст для всех этих разметок. Очерчивание границ групп — не только одно из занятий социологов, но и постоянная задача самих акторов. Именно акторы творят социологию для социологов, а социологи от них узнают, что составляет их множество связей.

Хотя все это должно казаться очевидным, в действительности подобный результат вступает в противоречие с основной мудростью представителей критической социологии. С их

⁵ Великое достижение межличностной психологии Тарда состоит в установлении связи между степенью влияния и ростом индивидуализации; см.: *Tarde G. L'opinion et la foule; Tarde G. On Communication and Social Influence.*

⁶ Никто не разрабатывал этот вопрос тщательнее, чем Гарфинкель. См. известный случай неопределенной гендерной принадлежности у Агнс и его критику в: *Denzin N. K. Harold and Agnes: A Feminist Narrative Undoing.*

точки зрения, акторы не видят картины целиком, а остаются просто «информантами». Именно поэтому им надо объяснять контекст, «в котором» они находятся, видя при этом лишь его малую часть, тогда как парящий сверху социолог видит «все в целом». Оправдание такой позиции «с высоты птичьего полета» обычно состоит в том, что ученые «рефлексивно» делают то, что информанты совершают «бессознательно». Но даже это вызывает сомнения. Та малая степень осознанности, которую могут обрести социологи, извлекается ими из рефлексивного группообразования тех, кого они в этом месте своего исследования просто паразитически используют. В общем, то, что считается рефлексивностью в большинстве социальных наук, — это явная неуместность вопросов, задаваемых исследователем по поводу серьезных дел акторов⁷. Как правило, гораздо лучше принять по умолчанию позицию, в соответствии с которой исследователь всегда на одну рефлексивную петлю *позади* тех, кого изучает.

В-третьих, когда формируются или перераспределяются группы, говорящий от их имени представитель яростно стремится их определить, *о-граничить*. Их границы отмечают, очерчиваются, представляются неизменными и долговременными. Каждой группе, вне зависимости от того, насколько велика она или мала, нужны *границы*, подобные мифическому рву, выкопанному Ромулом вокруг зарождающегося Рима⁸. Исследователю очень удобно, если всякое образование группы сопровождается выкапыванием всевозможных отличий, мобилизуемых для укрепления групповых границ и защиту их от встречного давления со стороны всех конкурирующих антигрупп, грозящих ее уничтожить. Есть бесчисленное множество способов сделать *о-граничение* группы конечным и надежным, при этом настолько, что в итоге она выглядит как

⁷ Рефлексивность — ловкий термин, имеющий интересное значение, когда относится к акторам или объектам, но он становится опасным, когда трактуется как эпистемологическое достоинство, предохраняющее социолога от нарушения объективности (см.: *Hennion A. Pragmatics of Taste*).

⁸ Эта версия основания Рима приводится в том числе Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях». По другой версии Ромул провел борозду. — *Примеч. ред.*

объект непроблематичного определения. Вы можете апеллировать к традиции или к праву. Можете изобретать странные гибриды вроде «стратегического эссенциализма» или укоренять границу в «природе». Вы даже можете превратить определение в «организацию генома», связать его с «кровью и почвой», сделать «народной традицией», погрузить в обычаи или привычки. И наоборот, вы можете связать это определение со свободой, эмансипацией, искусством, модой или историей. В итоге оно станет настолько бесспорным, что будет считаться само собой разумеющимся и, таким образом, не будет уже оставлять ни следов, ни проблесков, ни информации. Теперь этот ансамбль оказывается целиком за пределами социального мира — в понимании АСТ, — пусть даже в обычном смысле он является подлинным элементом социального.

В-четвертых, в множество тех, кто говорит от лица групп и делает возможным их долговременное определение, должны быть включены социологи, социальные науки, социальная статистика и социальная журналистика. Здесь одно из принципиальных различий между двумя направлениями мысли. С точки зрения социологов социального, социология должна стремиться стать наукой в традиционном смысле — быть объективным взглядом на внешний мир, делающим возможным описание, в каком-то смысле не зависящее от групп, воплощаемых акторами. Для социологов ассоциаций любое исследование любой группы любым социологом — это часть того, что определяет существование группы, ее сохранение, распад и исчезновение. В развитом мире нет такой группы, к которой бы ни был прикреплен хоть какой-нибудь инструмент социологического исследования. Это не некая «неустраняемая ограниченность» социологии, связанная с тем, что социологи тоже «члены общества» и им трудно «извлечь себя» из собственных «социальных категорий». Дело просто в том, что они — наравне с теми, кого изучают, — выполняют ту же работу и участвуют в решении той же задачи — прослеживания социальных связей, хотя и с помощью других инструментов и исходя из другого профессионального призвания. Если с точки зрения первого направления акторы и исследователи сидят в двух разных лодках, то в понимании второго они все время плывут в одной и той же лодке и играют одну и ту же роль — участвуют в образовании групп. Если речь идет о сборке социального, то лишних рук

не бывает. Только в конце этой книги мы выведем следствие из этого фундаментального равенства.

Неважно, насколько грубым и предварительным выглядит мой перечень, но уже понятно, как с его помощью проследить многочисленные социальные связи вместо того, чтобы постоянно увязать в невыполнимой задаче решить раз и навсегда, какую «правильную» единицу анализа должна выбрать себе социология, чтобы на ней сосредоточить свое внимание. Однако для АСТ это лишь отчасти преимущество. С одной стороны, мы освободились от невыполнимой задачи, которая мешала бы нашему движению. С другой — нам теперь придется принимать в расчет гораздо больше противоречащих друг другу картографий социального, чем нам самим бы хотелось, и *это* будет даже большей помехой нашему продвижению вперед.

НЕТ ДЕЙСТВИЯ — НЕТ ГРУППЫ

Выбор, как мы только что видели, делается не между определенностью и беспорядком, а между произвольностью априорного решения и трясинной бесконечных различий. То, что мы потеряли, — фиксированный перечень групп — мы и вернули, поскольку группы должны постоянно создаваться и пересоздаваться, и во время этих процессов те, кто собирает группы, оставляют массу следов, которые могут использоваться информантами в качестве данных. Один из способов выразить это различие — сказать, что социальные агрегаты являются объектом не *остенсивного* определения (вроде кружек, кошек и стульев, на которые можно указать пальцем), а *перформативного*. Они создаются теми различными путями и способами, которыми заявляют об их существовании. Однако это различие влечет за собой много тонких лингвистических и метафизических трудностей. Я далек от мысли, что группы создаются простым «Да будет!» или — еще хуже — образуются речевыми актами при помощи простых конвенций⁹. Я лишь хочу воспользоваться

⁹ Не в смысле, применяемом к социальным наукам Серлем в работе: Searle J. The Construction of Social Reality, а скорее в том, который предлагается Хакингом в: *Hacking I. The Self-Vindication of the Laboratory Sciences*, для объяснения успеха естественно-научного знания. Спасая натурализм, Серль трактует социальный мир как самонастраи-

ся этим различием, чтобы подчеркнуть разницу между группами, наделенными определенной инерцией, и компоновками (groupings), нуждающимися в постоянной поддержке со стороны группосозидательного усилия. «Социологи социального» любят апеллировать к «социальной инерции», как будто где-то есть такой фонд связей, чей капитал истощится очень нескоро. Для АСТ, если вы перестали создавать и пересоздавать группы, у вас уже нет групп. И никакой запас сил, источником которого являются «социальные силы», вам не поможет. По мнению «социологов социального», правилом является порядок, а распад, изменение или создание чего-либо нового — это исключение из правила. Для «социологов ассоциаций» правилом будет перформативность, а то, что подлежит объяснению, тревожащие исключения, — это любой тип стабильности на протяжении длительного времени и в крупном масштабе. Дело обстоит так, как если бы каждое из этих направлений получалось из другого путем перестановки фона и переднего плана.

Последствия подобной инверсии огромны. Если инерция, долговечность, предел, прочность, обязательство, преданность, согласие и т. д. должны получить объяснение, то его нельзя дать без поиска устройств, орудий, инструментов и материалов, способных обеспечить такую стабильность, — см. третью и четвертую неопределенности. В то время как, с точки зрения социологов социального, великое достоинство апелляций к обществу заключается в том, что эта долговременная стабильность подносится на блюдечке и бесплатно, наше направление рассматривает стабильность как то, что как раз должно объясняться с помощью обращения к дорогостоящим и требующим много сил *средствам*. А такие средства по определению должны обладать иным свойством, нежели свойство «быть социальным», поскольку они должны делать так, чтобы группообразование *протянулось* немного дальше и *продержалось* немного дольше. Проблема всякого остенсивного определения социального в со-

вающийся, тем самым создавая еще большую пропасть между фактами и социальной закономерностью. Минута исследования, однако, уничтожает это различие, поскольку было бы совершенно невозможно сохранить что-то вроде денег — его излюбленный пример — без материалов, и ни один факт не может быть определен без категорий, формализма, конвенции и перевода, начиная с измерений (см. с. 153).

здаваемом впечатлении, что для существования групп не нужно никакого сверхусилия, в то время как влияние исследователя совершенно не учитывается или учитывается просто как возмущающий фактор, который следует по возможности минимизировать. С другой стороны, великая польза перформативного определения ровно в обратном: оно сконцентрировано на средствах, необходимых для непрерывного поддержания групп, и на ключевом значении вклада собственных ресурсов исследователя. Социология ассоциаций должна платить за то, что социология социального, как представляется, хранит на своих полках в неограниченном количестве.

Указывая практические средства, необходимые для очерчивания групп и поддержания их в существовании, мы сталкиваемся с конфликтом задач, которым отмечен точный отправной — а не конечный! — пункт. Это конфликт между торными дорогами социологов социального и узкими тропинками тех местностей, которые мы хотим нанести на карту. Все зависит от того, что понимается под «средствами». В то время как одни исследователи заявляют: «Конечно, нужно же откуда-то начинать, так почему бы и не начать с определения общества как состоящего из (х)?», другие с не меньшей энергией требуют: «Дайте актерам самим делать эту работу для нас. Не решайте за них, из чего состоит социальное!». Причина этого различия в задачах, в том, что в глазах первых выбор отправной точки не имеет такого принципиального значения, поскольку социальный мир уже существует. С их точки зрения, если вы отдаете предпочтение «классам», а не «индивидам», «нациям», а не «классам», «жизненным траекториям», а не «социальным ролям», или же «социальным сетям», а не «организациям», в конце концов все пути все равно сольются, поскольку это всего лишь в чем-то произвольные способы описать одно и то же большое животное — подобно тому как слона из притчи последовательно хватали за ногу, за ухо, за хобот или за бивень. Однако для АСТ ситуация совершенно другая, потому что ни общества, ни социального с самого начала не существует. Их возникновение нужно проследивать по едва заметным изменениям в процессе соединения не-социальных ресурсов. Таким образом, выбор отправной точки приводит к изображению совершенно разных животных, полностью несоизмеримых друг с другом. С точки зрения первого направления общество присутствует всегда, навалива-

ясь всем своим весом на любую повозку, способную его тащить; согласно второму подходу, социальные связи устанавливаются движением разных повозок, каждая из которых незаменима.

К примеру, если информант говорит, что живет в «мире, которым правит Бог», в действительности это высказывание не отличается от высказывания другого информанта, утверждающего, что миром «управляют силы рынка», ибо оба термина — «Бог» и «рынок» — здесь просто «выражения» одного и того же социального мира. Но с точки зрения социолога, прошедшего школу АСТ, между этими высказываниями огромное непреодолимое различие. Связь с Богом не может заменить никакая другая связь. Она предельно специфична и ее нельзя примирить со связью, сформированной «силами рынка». Последняя, в свою очередь, определяет структуру, совершенно отличную от тех, которые образованы правовыми связями. У социологов социального всегда есть в распоряжении постоянный и абсолютный «третий термин» для перевода любого словаря информантов, «верховный словарь», работающий как своего рода расчетная палата для моментального обмена товаров, которые все имеют одно и то же главное общее свойство — «быть социальным». А у АСТ-социологов нет такой общей валюты. Слово «социальный» не может заменять все, что угодно, не может лучше выражать все, что угодно, не может заменяться — в какой бы то ни было форме или под каким бы то ни было обличьем — чем-либо еще. Социальное не общая мера всех вещей, наподобие кредитной карты, принимаемой везде, а всего лишь движение, которое можно уловить только опосредованно, когда происходит небольшой сдвиг в прежней связи, мутирующей в слегка измененную или иную форму. Далекое от стабильности и бесспорности, оно всего лишь случайная вспышка, вызванная сдвигом, воздействием, незначительным смещением других, не-социальных феноменов. Означает ли это, что нам придется принять всерьез подлинные и порой изысканно тонкие различия между многочисленными способами, посредством которых люди «обретают социальное»? Боюсь, что так.

ПОСРЕДНИКИ *versus* ПРОВОДНИКИ

Различия между двумя направлениями можно было бы смягчить, сказав, что все социологи, «естественно», соглашаются в том, что группы должны создаваться и пересоздаваться заново.

во с помощью других, не-социальных, средств, и что никакая группа не в состоянии сохранять существование без поддержки. Конечно, каждый согласится, что, к примеру, популярные фестивали необходимы для «обновления социальных связей»; что пропаганда нужна для «подогрева страстей» по поводу «национальных идентичностей»; что традиции «изобретаются»; что компании полезно распространять журнал для «создания круга постоянных клиентов»; что без ценников и штрихкодов было бы очень трудно «рассчитать» цену; что ребенка во все не вредно шлепать, чтобы он с ранних лет становился «ответственным»; что без тотема членам племени было бы трудно осознать, что все они принадлежат к одному и тому же роду. Эти и им подобные выражения без всяких усилий стекают с клавиатур наших компьютеров. Но их реальный эффект зависит от того, насколько правильно мы понимаем способы говорения, каждый из которых отсылает к «созданию» групп. Для «социологов социального» эти выражения указывают на множество облиций, которые может принимать *один и тот же* социальный порядок, или многообразие средств, с помощью которых он себя «представляет» или благодаря которым «воспроизводится»¹⁰. Для них «социальные силы» всегда уже имеются в наличии на заднем плане, так что конкретные средства, позволяющие добиться их присутствия, значат очень много — но далеко не самое важное.

С точки же зрения социологов ассоциаций, они и создают все различия в мире: ведь не существует общества, чтобы с него начать, нет запаса связей, нет большой, обнадеживающей банки клея, чтобы держать все группы вместе. Если вы сейчас не проведете фестиваль, не напечатаете сегодня газету, то просто потеряете группу, ибо она не здание, нуждающееся в реставрации, а процесс, требующий продолжения. Если танцор перестает танцевать, танец прекращается. Никакая инерция не сможет продолжить шоу. Вот почему мне понадобилось ввести разли-

¹⁰ Слово «воспроизводство», столь часто используемое в выражениях типа «социальное воспроизводство», берется в двух совершенно разных значениях — в зависимости от отношений между продуктом и «воспроизводителем». Почти всегда продукт полностью предопределяется тем, кто произвел его впервые. Так что «вос-производство» ничего не прибавляет и предстает как всего лишь цепочка необходимых, но по преимуществу пассивных проводников.

чие между остенсивным и перформативным: объект остенсивного определения остается на месте, что бы ни случилось с указательным пальцем наблюдателя. Но объект перформативного определения тут же исчезает, как только прекращается работа определения, а если он остается, то тогда это означает, что другие акторы приняли смену, которая, по определению, не может быть «социальным миром», поскольку этот мир сам остро нуждается в новой смене.

Дюркгейм с капелькой Тарда

Как показывают следующие цитаты из известного пассажа Дюркгейма о роли тотемов в формировании групп, между посредником и проводником существует предельно тонкое различие. Является ли тотем выражением группы, способствует ли он ее сплочению, или же он то, что позволяет группе существовать как группа? Вот как Дюркгейм (1915/1947, р. 230–231, 233) подходит к этой проблеме:

О том, что эмблема полезна как объединяющий центр любой группы, говорить излишне. Выражая в материальной форме социальное единство, она делает его для всех очевиднее, и именно по этой причине использование эмблематических символов должно было получить очень быстрое распространение. Более того, эта идея должна спонтанно вырастать из условий жизни сообщества. Ибо эмблема — не просто удобный способ прояснения чувства общества в отношении самого себя: она не служит также формированию самого этого чувства, будучи одним из конституирующих его элементов.

Кроме того, без символов существование социальных чувств было бы ненадежным... Но когда движения, в которых эти чувства выражаются, связываются с чем-то устойчивым, сами чувства тоже становятся более длительными. Эти другие вещи постоянно напоминают о них, пробуждают их — как если бы впервые возбудившая их причина продолжает действовать. Таким образом, системы эмблем, которые необходимы для самосознания общества, не менее необходимы для обеспечения продолжительности этого сознания.

Так что мы должны воздержаться от отношения к этим символам как к простым артефактам, своего рода ярлыкам, навешиваемым на уже готовые представления, чтобы сделать их более управляемыми: символы — составная часть этих представлений [...].

Единство группы, таким образом, видимо только в коллективной эмблеме, воспроизводящей объект, обозначаемый этим именем. Род, в сущности, это воссоединение индивидов, носящих одно и то же имя и сплотившихся вокруг одного и того же знака. Уберите материализующие его имя и знак, — и род уже не представим.

Что касается двух из очень небольшого числа технических терминов, необходимых мне в этой вводной книге, то существует огромная разница, рассматриваются ли средства, порождающие социальное, как *проводники* или как *посредники*. Поначалу расхождение кажется незначительным, но впоследствии оно приведет нас на разные территории. Конечно, это различие полностью раскроется только к концу книги, — если читатель достаточно терпелив, чтобы до него дойти! Но мы должны попытаться уяснить себе его как можно раньше, поскольку оно все время будет служить для нас своеобразным паролем.

В моей терминологии «*проводник*» (intermediary) — это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их: определения его входов достаточно для определения его выходов. В отношении всех практических целей проводник может выступать не просто как черный ящик, но как черный ящик, принимаемый за единицу, даже если внутри он состоит из множества частей. *Посредник* же не может рассматриваться просто как единица; он может приниматься за единицу, за ноль, за некоторое количество или за бесконечное множество. Исходя из того, что имеется на входе посредника, никогда нельзя предвидеть, что будет на выходе; необходимо каждый раз учитывать специфику посредника¹¹. Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы. Вне зависимости от того, насколько сложен по своему устройству проводник, в практических целях его можно рас-

¹¹ В том, что отношения между причинами и следствиями должны изменяться, нет ничего необычного. Пока лилия не научилась извлекать солнечную энергию через фотосинтез, солнце не было «причиной» лилии; пока Венеция не научилась подниматься из воды, лагуна не была одной из причин ее развития. Причины и следствия — всего лишь ретроспективный способ интерпретации событий. Это истинно и для «социальных», и для «природных» событий. Об этой философии каузальности см.: *Stengers I. Penser avec Whitehead.*

смагивать как одно целое — или даже как вообще ничто, поскольку о нем можно с легкостью забыть. Неважно, насколько простым выглядит посредник, — он может стать *комплексным*: он может уводить нас в разные стороны, и соответственно будут меняться все противоречащие друг другу объяснения его роли. Удачным примером сложного проводника может служить хорошо работающий компьютер, тогда как обычный разговор может превратиться в комплексную цепь посредников, где страсти, мнения и позиции постоянно разветвляются. Но если компьютер сломается, он может стать до ужаса комплексным посредником, а в высшей степени сложная индикаторная панель во время академической конференции способна стать абсолютно предсказуемым и бесперебойным проводником, с неукоснительной точностью передающим решение, принятое где-то в другом месте¹². Как мы постепенно поймем, именно эта постоянная неопределенность по поводу внутренней природы вещей — ведут ли они себя как посредники или как доводчики — является источником всех других неопределенностей, которые мы будем последовательно рассматривать.

Теперь, когда это определение встало на свое место, мы можем видеть, что для социологов недостаточно просто признать, что группа создается, «воспроизводится» или «конструируется» с помощью множества средств и выражается с помощью множества инструментов. В самом деле, когда видишь, что большинство социологов называют «конструированием», нет уверенности в том, что они когда-нибудь построили хотя бы хижину, не говоря уже об «обществе» (подробнее об этом позже, см.: с. 88). Подлинное различие между двумя направлениями мысли становится заметным, когда «средства» или «инструменты», используемые в процессе «конструирования», трактуются как посредники, а не как простые проводники. Скажете, что это похоже на попытку расщепить волосок? — верно, но потому, что едва заметное расхождение в направлении между двумя социологиями не толще волосинки. В конце концов, физики оказались в состоянии распрощаться с эфиром именно благодаря многократному расщеплению волосков.

¹² Об использовании различия между сложностью (complication) и комплексностью (complexity) см.: Strum S., Latour B. The Meanings of Social: from Baboons to Humans.

Хотя это небольшое различие кажется спорным, оно имеет радикальные следствия. Если, к примеру, социальная дифференциация «выражена в» какой-то детали моды или «проецируется на» нее, но сама эта деталь — скажем, сияние шелка вместо нейлона, — интерпретируется как проводник, достоверно передающий определенное социальное значение: «шелк — для высших», «нейлон — для низших», — то тогда незачем апеллировать к этой детали изготовления. Она используется чисто в иллюстративных целях. Социальная дифференциация между высшими и низшими будет существовать в любом случае и независимо от химических различий между шелком и нейлоном; она всего лишь «представлена» или «отражена» в детали одежды, остающейся совершенно безразличной к ее структуре. Если же, наоборот, различия в химическом составе и технологии производства рассматриваются как длинный ряд посредников, может оказаться, что без множества трудноуловимых материальных нюансов — различий в восприятии на ощупь, прикосновении, цветовом оттенке, блеске шелка и нейлона — *эта* социальная дифференциация могла бы вообще не существовать¹³. Именно это бесконечно малое различие между посредниками и проводниками в конечном счете и порождает все искомые различия между двумя типами социологий. В общих чертах, характеризуя этот контраст, можно сказать, что «социологи социального» верят в то, что есть один тип социальных объединений, несколько посредников и множество проводников; с точки зрения АСТ *не существует* предпочтительного типа социальных объединений, а число посредников *бесконечно*, и если они превращаются в добросовестных проводников, то это не правило, а *редкое* исключение, объяснение которого требует дополнительного труда — обычно с привлечением даже большего числа посредников!¹⁴ Две точки зрения на один и тот же предмет не могут различаться сильнее.

¹³ По поводу социо-химической истории нейлона см.: Handley S. Nylon: The Story of a Fashion Revolution: A Celebration of Design from Art Silk to Nylon and Thinking Fibres. См. также биографию Коко Шанель: Madsen A. Chanel: A Woman of Her Own.

¹⁴ Эта стабилизация разногласий посредством ключевых понятий форм и стандартов будет рассматриваться во второй части.

Странно видеть, что столь основополагающая интуиция не разделяется социологическим мейнстримом, несмотря на то, что, как я уже говорил, АСТ всего лишь переформатирует основные устремления социологии. Возможная причина затянувшегося непризнания сущностного паритета между акторами и социологами, погруженными в разногласия по поводу групп, в том, что социология очень рано была втянута в социальную инженерию. Тут с самого начала было смешение ролей. Решив, что их дело — определять, из чего состоит социальный мир, социологи середины XIX века взяли на себя задачу политиков¹⁵.

Если политика определяется, как мы увидим дальше, как постепенное построение коллективной жизни, то некоторые социологи, устав от революционного периода, нашли способ сократить медленный и болезненный процесс строительства и решили сами отсортировать наиболее подходящие элементы для общества. Проще всего было отказаться от самых экстравагантных и непредсказуемых способов, которыми сами акторы определяли свой «социальный контекст». Социальные теоретики принялись разыгрывать из себя законодателей, весьма поощряемые в этих попытках государством, вовлеченным в решение тяжелой задачи модернизации¹⁶. К тому же такое поведение могло восприниматься как подтверждение научной креативности, поскольку ученые со времен Канта должны были «конструировать свой объект». Человеческие акторы были низведены до положения простых информантов, всего лишь отвечающих на вопросы социолога, *сиречь* судьи, и тем самым, как предполагалось, создавалась дисциплина столь же научная, как химия или физика¹⁷. Если бы не это строгое обязательство

¹⁵ О месте социальных наук среди наук об управлении см.: *Napoli P. Naissance de la police moderne: Pouvoirs, normes, société*; Audren. *Les juristes et les sociologues*.

¹⁶ Я пользуюсь здесь аргументом, наиболее четко высказанным в книге: *Bauman Z. Intimations of Postmodernity*; где Бауман проводит различие между «законодателями» и «интерпретаторами». Тард интересен, в частности, потому, что, как позднее Гарфинкель, уклонился от роли законодателя.

¹⁷ Эпистемология социальных наук одержима темой права наблюдателя определять тип сущностей, с которыми он должен иметь дело, а сама эта тема заимствована из странной философии науки,—

играть роль законодателей, социологи не ограничи́ли бы первый очевидный источник неопределенности, отрезав все связи с явной и рефлексивной работой собственных методов акторов. Антропологам, имевшим дело с традиционными обществами и потому не столь обязанным копировать естественные науки, повезло больше, и они позволили своим акторам развернуть гораздо более богатый мир. Во многом АСТ — это просто попытка предоставить членам современного общества столько же свободы в самоопределении, сколько дают своим акторам этнографы. Если, как я говорю, «мы никогда не были нововременными», социология может, наконец, стать такой же щедрой, как антропология¹⁸.

Я думаю, что мы со своим описанным выше крайне легким инструментарием уже готовы черпать из первого источника неопределенности. Читатели могут начинать наносить на карту те многочисленные противоречащие друг другу способы, посредством которых постоянно пробуждаются к жизни, стираются, распределяются и снова локализируются социальные объединения. По научным, политическим и даже моральным причинам принципиально важно, чтобы исследователи не определяли изначально, и *встав на место* акторов, из каких строительных блоков составлен социальный мир. Конечно, это горький урок, но это и мощный способ перевернуть политический порыв, вызывающий зуд у очень многих представителей критической социологии. Возможно, пора перевернуть обратно с головы на ноги известную цитату Маркса: «Социологи лишь

по крайней мере, во французском случае — из интерпретации физики Гастоном Башляром. См.: *Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C. Craft of Sociology: Epistemological Preliminaries*; — книгу, почти исключительно построенную на философии науки Башляра. Ясно, что любое изменение в концепции науки приведет к изменению притязаний и задач социальной теории.

¹⁸ Хотя я уже писал о проблеме модернизма — как его определить, как его изучать и как его преодолеть (см.: *Latour B. We Have Never Been Modern (Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.)), здесь я оставляю эту тему в стороне, чтобы сконцентрироваться на социальной теории, в которой нуждается альтернатива модернизму. Другая потребность — это параллельное изменение в понимании природы, как я показал в: *Latour B. Politics of Nature*.

II. Первый источник неопределенности

разными способами *изменяли* мир; дело заключается в том, чтобы его *проинтерпретировать*». Но для того, чтобы его проинтерпретировать, необходимо отказаться от странной идеи, что все языки переводимы в уже установленный жаргон социального. Важность такой предварительной подготовки определяется тем, что, как мы увидим в следующей главе, социальные объединения могут состоять из *нечеловеческих* связей.

III. Второй источник неопределенности: действие захватывается

В большинстве случаев мы пользуемся словом «социальное» для обозначения того, что уже собрано и действует как единое целое, не слишком интересуясь природой того, что именно собрано, связано и упаковано вместе. Говоря, что нечто — «социально» или «имеет социальное измерение», мы мобилизуем множество характеристик, которые, так сказать, все идут в ногу, хотя это множество может быть составлено из совершенно разных типов сущностей. Такое непроблематическое словоупотребление хорошо до тех пор, пока мы не путаем вопрос «Является ли социальным то, что существует сообща?» с утверждением «социальное — это разновидность материала». Первый просто означает, что нас интересует повседневное состояние, важнейший аспект которого составляет *связанность* в одно целое, а второе говорит о виде материала, главная характеристика которого состоит в ее *отличиях* от ряда других материалов. Мы имеем в виду, что некоторые сборки построены из социальных — а не физических, биологических или экономических — блоков, совсем как дома трех поросят, построенные один из соломы, другой из дерева, а третий из камня. Чтобы не путать эти два значения слова «социальное», мы должны открыть второй источник неопределенности, на сей раз связанный с гетерогенной природой компонентов, образующих социальные связи.

Кто еще действует, когда действуем мы? Сколько еще агентов участвует в действии? Почему я никогда не делаю то, что мне хочется? Почему все мы подчиняемся силам, которых не создавали? Такова самая первая и наиболее легитимная интуиция социальных наук, завораживающая с тех времен, когда толпы, массы, статистические средства, «невидимые руки» и бессознательные импульсы пришли на смену чувству и разуму, не го-

вора уже об ангелах и демонах, до того тянувших и толкавших наши бедные души. В предыдущей главе мы научились прослеживать социальные связи, пользуясь неожиданными следами, оставленными разногласиями по поводу группообразования. Социологи и акторы, лицом к лицу, вместе задались одним и тем же вопросом: как мы можем знать, из чего состоит социальный мир? Теперь мы должны научиться работать со вторым, еще более фундаментальным источником неопределенности, таящимся в самом сердце всех социальных наук, а именно тем, что действие непрозрачно. Оно не совершается под полным контролем сознания. Действие должно рассматриваться, скорее, как нарост, узел и конгломерат разных загадочных сил, который придется медленно распутывать. Именно этот неприкосновенный источник неопределенности мы и хотим сделать снова живым в странной манере акторно-сетевой теории.

Достаточно пары примеров, чтобы показать, что мы никогда не действуем в одиночку. Первый: университетский диплом настолько отдалил вас от родителей, что вы стесняетесь их тупости. Читая критических социологов, вы осознали, что это общий опыт целого поколения выходцев из лишенных «культурного капитала» семей «низшего класса», — молодых людей, осуществивших «социальное восхождение». И вот теперь вас интересует, *кто же* это отдалил вас от родных, кто сделал вашу речь, ваши манеры, ваш облик столь отличными от их облика и речи? Не иначе как какое-то загадочное животное, никому конкретно не принадлежащее, никому не подответственное. Определенно, это какая-то сила, может быть, *габитус*. Далее, вы чувствуете, что любите свою будущую супругу. Читая статистику браков, вы обнаруживаете, что ее возраст, рост, доходы, дипломы, расстояние между ее городом и вашим соответствуют в пределах очень малой погрешности среднестатистическому стандарту невесты, в который одновременно с вами влюблены тысячи других парней. Кто же тогда влюбился? Конечно, *другие*, странная чуждая сила, непохожая на вас, — у нее нет ни глаз, ни рта, ни ушей, но она делает то же, что и вы. Но как она это делает?

Нам кажется, что деревни в беспорядке разбросаны по ландшафту, до тех пор пока археолог не докопается до античной дорожной сети и не поймет, что все поселения идут строго вдоль древних мощеных дорог и удалены друг от друга на расстояние примерного дневного перехода римских легионов. Кто создал

здесь поселение? Какая сила к этому приложена? Как может Цезарь до сих пор воздействовать на нынешний ландшафт? Нет ли тут какой-нибудь другой, *чужой* силы, наделенной скрытой долговременной властью, заставившей жителей «свободно выбрать» место, которое она им предназначила? Вы опять удивляетесь, а еще больше удивитесь, когда однажды утром, взглянув на биржевые котировки, узнаете, что в этот день десять миллионов владельцев акций продали те же акции, что и вы, как будто вашим коллективным разумом властно управляет невидимая рука какого-то невидимого гиганта. В школе на дне открытых дверей вы удивляетесь, почему все родители выглядят до жути похожими: одинаковая одежда, одинаковые драгоценности, одинаковое произношение слов, одинаковая амбициозность в отношении своих детей. Что заставляет всех одновременно делать одно и то же? На протяжении долгой и разнообразной истории своих дисциплин социологи, историки, географы, лингвисты, психологи и экономисты были вынуждены (как и их коллеги в естественных науках) умножать силы, чтобы объяснить сложность, разнообразие и разнородность действия. Каждый должен был искать способ урезонить этих многочисленных *чужаков*, вторгающихся как незваные гости во все, что, как представляется, мы делаем.

Сейчас мы принимаем как само собой разумеющееся то, что подобные примеры стимулировали развитие социальных наук. И АСТ стремится наследовать этой традиции и этой интуиции. Действие захватывается, или, как переиначил это грозное гегелевское выражение один мой шведский друг, действие *отбирается Другим!* Оно перехватывается другими и разделяется со множеством людей. Непостижимым образом оно и осуществляется, и в то же самое время раздается другим. Мы не одиноки в мире. «Мы», как и «я», — осиное гнездо; как писал Рембо, «Я — это Другой»¹.

¹ Меж совершеньем тягостного дела
И первым побуждением к нему,
С тревожным сном иль грозным привиденьем:
В то время дух и смертные орудья
Между собою держат совещаенье,
И самый организм весь человека
Подобен небольшому государству,
В котором происходит возмущенье.

Шекспир В. Юлий Цезарь / пер. с англ. П. Козлова. СПб., 2002.

Но существует огромный, непреодолимый, вплоть до пропасти, разрыв при переходе от этой интуиции — действие захватывается — к обычному заключению, что его берет на себя какая-то социальная сила. Хотя АСТ и претендует на наследование первой интуиции, она стремится воздержаться от второго шага; она хочет показать, что между посылкой и следствием огромная пропасть, полное *non sequitur* — «из этого не следует». Для того чтобы социальные науки вновь обрели былую энергию, главное — не сливать все силы, захватывающие действие, в некую разновидность силы — «общество», «культуру», «структуру», «поля», «индивидов» или как бы ее там ни называли, — которая *сама по себе* была бы социальной. Действие должно оставаться неожиданностью, посредничеством, событием. Именно по этой причине необходимо начать не с «социальной детерминированности действия», «рациональных способностей индивидов» или «силы бессознательного», как обычно мы делаем, а с *недетерминированности* действия, с неопределенностей и споров по поводу того, кто и что действует, когда действуем «мы». И тут, конечно, никак нельзя решить, находится ли источник этой неопределенности в самом исследователе или же в акторе. Коль скоро мы охотно признаем центральную интуицию социальных наук — если нет, тогда не стоит называться «социальным теоретиком», — то нужно постепенно продвигаться к тому, чтобы избавиться от яда, выделяющегося, когда эта интуиция превращается в «нечто социальное», которое *выполняет* действие. Вопреки тому что, по-видимому, предполагают столь многочисленные «социальные объяснения», оба представления не только не следуют друг из друга, но и полностью друг другу противоречат. Поскольку то, что побуждает нас действовать, *не* сделано из социальной субстанции, оно может *быть связано* как-то по-новому².

² Это точная противоположность ограничения, благоразумно введенного Вебером: «Действие является социальным до тех пор, пока в силу субъективного смысла, придаваемого ему действующим индивидом (или индивидами) оно принимает в расчет поведение других и ориентируется на него». *Weber M. The Theory of Social and Economic Organization*. P. 88.

АКТОР — ЭТО ТО, ЧТО ПОБУЖДАЕТСЯ К ДЕЙСТВИЮ МНОЖЕСТВОМ ДРУГИХ

«Актор» в разделенном дефисом словосочетании «актор-сеть» — не источник действия, а движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящейся в его направлении. Для того чтобы восстановить их многообразие, проще всего реактивировать метафоры, подспудно содержащиеся в слове «актор» («актер»), которое я использовал до сих пор в качестве непроблематического местоблюстителя.

Не случайно этот термин, как и понятие «личность» (*persona*), сходит со сцены. Далекие от того, чтобы указывать на чистый и беспроблемный источник действия, оба эти понятия порождают мистификации такие же древние, как сам институт театра. Это показал Жан-Поль Сартр своим знаменитым описанием *официанта кафе*, уже не ведающего разницы между своим «подлинным Я» и «социальной ролью»³. Использовать слово «актор» («актер») означает, что никогда не ясно, кто или что действует, когда действуем мы, — ведь актер на сцене никогда не играет один. Действие-игра сразу же помещает нас в ситуацию полной неразберихи, в которой вопрос о том, кто, собственно, действует, становится неразрешимым. С началом игры, как неоднократно показывал Ирвин Гоффман, все теряет определенность: реально ли это? Не является ли это обманом?⁴ Имеет ли значение реакция зрителей? А освещение? А что делают работники сцены? Правильно ли донесено до нас то, что хотел сказать драматург, или безнадежно искажено? Верно ли передан характер? А если да, то благодаря чему? Что делают партнеры? Где суфлер? Если мы готовы развернуть метафору, само слово «актор» («актер») направляет наше внимание на совершенную смещенность действия, предупреждая нас, что это не слаженное, контролируемое, заверщенное и ясное дело.

³ Этот знаменитый эпизод см. в: *Sartre J.-P. Being and Nothingness (Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. — Примеч. ред.)*

⁴ Много примеров, получивших известность, см. в кн.: *Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life (Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000. — Примеч. ред.)*.

Действие уже по определению *смещено*. Оно заимствуется, распределяется, внушается, подвергается влиянию, управляется, передается, переводится. Если об акторе говорится как об «актор-сети», то в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть, что данное выражение означает главный источник неопределенности, касающейся происхождения действия, — черед слова «сеть» придет в свое время. Об акторах всегда нужно говорить словами Иисуса на кресте: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят».

Это не потому, что есть сомнения по поводу источника действия, мы торопимся сообщить, откуда оно истекает, упоминая, к примеру, «глобальные силы общества», «прозрачные расчеты самости», «сокровенные страсти сердца», «интенциональность личности», «мучительные угрызения совести», «роли, налагаемые на нас социальными ожиданиями», или «вероломство». Неопределенность так и должна остаться неопределенной, ибо нам не хочется необдуманно заявлять, что акторы могут не ведать, что творят, но мы-то, социологи, знаем, что существует некая социальная сила, «заставляющая их совершать» невольные поступки. Изобретение скрытой социальной движущей силы, бессознательного, — это гарантированный способ снова ввести в оборот «эфир» социального, без которого мы пытаемся обойтись. Не потому что акторы знают, что делают, а социологи — нет, а потому, что и для тех, и для других идентичность участников всякого действия, если они хотят их воссоединить, должна оставаться загадочной.

Именно потому, что социальное еще не «сделано», социологи ассоциаций должны беречь как свое самое драгоценное сокровище любые следы сомнений самих акторов относительно «побуждений», заставляющих их действовать. Это единственный способ вернуть продуктивность главной интуиции социальных наук, прежде чем она окажется выхоленной и превратится в идею действия некоей социальной субстанции. Вот почему мы должны, как это ни парадоксально, рассматривать все неопределенности, сомнения, смещения и замешательства как свою опору. Именно постоянно вовлекаясь другими в группообразование и разрушение групп (первая неопределенность), акторы вовлекаются и в противоречивые объяснения своих действий и действий других. И снова, как только принимается решение двигаться в этом направлении, следы становятся бесчисленны-

ми и никакое исследование никогда не остановит отсутствие информации об этих разногласиях. Каждое отдельное интервью, сообщение или комментарий, какими бы тривиальными они ни выглядели, снабдит исследователя сбивающим с толку множеством сущностей, объясняющих все «как» и «почему» в отношении любого действия. Социологи уснут задолго до того, как акторы перестанут затоплять их данными.

Ошибка, которую мы должны научиться избегать, заключается в невнимательном отношении к этим причудливым порождениям и *игнорированию* наиболее сомнительных, прихотливых и самых своеобразных понятий из предлагаемых акторами, следующих *только* за теми из них, которые распространены на задворках социального. Увы, эта ошибка совершается столь часто, что ее принимают за верный научный метод, который и порождает большинство искусственных социальных объяснений. Если преступница говорит: «я не виновата, у меня были плохие родители», — должны ли мы сказать, что «это общество сделало из нее преступницу» или что «она пытается уйти от личной ответственности, растворив ее в анонимности общества», как непременно прокомментировала бы это миссис Тэтчер? Но ведь преступница не говорила ничего подобного. Она просто сказала: «У меня были плохие родители». Плохая забота о детях, строго говоря, не переводится автоматически во что-то другое и, уж конечно, не в общество. При этом она не упомянула и «кастрирующую мать». Мы должны сопротивляться представлению, что где-то есть словарь, с помощью которого можно перевести все разнообразие слов акторов в немногословный словарь социологического языка⁵. Достанет ли у нас смелости *не* подменять неизвестные выражения хорошо известными? В этом и заключается наиболее морально, политически и научно важное различие между двумя социологиями.

Еще сложнее ситуация с паломником, утверждающим: «Я пришел в этот монастырь, потому что меня позвала Дева Мария».

⁵ Отличный пример этому — наркозависимые. Из «пациентов» или «правонарушителей» они превратились в «употребляющих наркотики». Об этом см.: *Gomart E. Surprised by Methadone. Thèse de doctorat...*; *Gomart E. Methadone: Six Effects in Search of a Substance...*; а также аргумент, приведенный в: *Stengers I. Drogues, le défi hollandais...*

III. Второй источник неопределенности

Как долго нам сдерживать самоуверенную улыбку, — ведь мы тотчас же замечаем вмешательство Девы «очевидной» иллюзией актора, «нашедшего» в религиозном символе «предлог» «скрыть» чье-то решение? Представители критической социологии ответили бы: «Пока мы хотим быть вежливыми: смеяться в присутствии информанта — проявление невоспитанности». А социолог ассоциаций должен сказать: «До тех пор, пока есть возможность, надо использовать предоставленный паломником шанс измерить многообразие сил, одновременно действующих в мире». Если сегодня мы можем открыть для себя, что «Дева» способна заставить паломников сесть в поезд вопреки всем сомнениям, удерживающим их дома, то это и в самом деле чудо⁶. Когда знаменитая оперная певица заявляет: «Мой голос подсказывает мне, когда остановиться, а когда начать», — как скоро социолог должен перескочить к заключению, что певица здесь демонстрирует «типичный случай» «ложного сознания», ведь люди искусства всегда готовы сделать из своего дара фетиш, толкающий их на действия?⁷ Вовсе не очевидно, что к певице не надо прислушиваться, а следует «освободиться от ее собственных иллюзий», доблестно уличив ее во лжи. Долой Муз и прочих незадокументированных незнакомцев! И все же певица сказала, что ее голос участвует в ее жизни, *заставляя ее делать* определенные вещи. В состоянии ли мы сохранить это странное высказывание или нет? Оно очень точное, очень откровенное, очень информативное, а также очень волнующее. А что мы, собственно, понимаем под исследованием, если не движение, или, вернее, *вовлечение в движение* информантами?

Трудный урок, который нам следует извлечь, представляет собой полную противоположность тому, чему до сих пор учат по всему миру, называя это «социальной теорией»: нельзя подставлять вместо странных, но точных выражений хорошо известный репертуар социального, которое, как предполагается, за ними скрывается. Надо противостоять претензиям на то, что исследователь, в отличие от акторов, у которых есть только

⁶ Я пользуюсь здесь замечательным уроком методологии, данным в: *Claverie E. Les Guerres de la Vierge: Une anthropologie des apparitions...* См. также: *de Aquino P. La mort défaite. Rites funéraires du candomblé...*

⁷ Джулия Вареди в фильме Бруно Монсенжона «Le chant possédé», dir. Bruno Monsiegeon (Idéale Audience, 1998).

язык, располагает *метаязыком*, в который этот язык «включен». Как я уже говорил, исследователи могут располагать только своего рода *инфроязыком*, предназначенным всего лишь помогать им более внимательно относиться к полностью развитому метаязыку акторов — рефлексивному отчету в том, что они говорят. В большинстве случаев социальные объяснения — просто излишнее дополнение, которое вместо того, чтобы раскрывать силы, стоящие за сказанным, скрывает, как не уставал демонстрировать Гарфинкель, то, что было сказано⁸. И не стоит говорить, что ученые-естественники тоже измышляют дополнительные скрытые сущности, чтобы понять то или иное явление. Они, вводя невидимые сущности, делают это для объяснения сложнейших деталей находящегося под рукой предмета, а не для того, чтобы переключить внимание со смущающей информации на более покорную!

Конечно, как я уже вкратце показал, у этой путаницы вполне понятные причины: политическая озабоченность многих социологов берет верх над их *libido sciendi*. Они считают своим подлинным долгом не столько производить инвентаризацию активных сил в мире, сколько освободить его от множества сил, которые, по их мнению, создают в нем суматоху и поддерживают людей в состоянии отчуждения: «Девы» и «фетиши» — в числе худших злодеев. Задача эмансипации, которой они себя посвятили, требует от них прореживания количества приемлемых сущностей. Тем самым они думают, что имеют право вносить изменения в свои должностные инструкции, забывая, что их задача — не решать, что именно побуждает акторов к действию, а проследить многочисленные миры, создаваемые акторами друг для друга. Тут они и начинают решать для себя, каков приемлемый список сущностей, из которых можно создать социальный мир. Но представляется очевидным, что политика, направленная на искусственное удаление из мира большинства сущностей, которые следует принимать в расчет, не может заявлять о себе как о ведущей к эмансипации.

Еще более опасным в необдуманном принятии скрытых переменных, является переход от социологии социального

⁸ Этнометод — это открытие того, что члены общества обладают полным словарем и полной социальной теорией, позволяющими понимать их поведение (см. с. 83).

к критической социологии⁹. Это единственная дисциплина, считающая себя научной, когда не только игнорирует данные и *замещает* их бесспорными данными об уже собранных социальных силах, но и принимает возмущение тех, кого она таким образом «объясняет», за *доказательство* невыносимой для них истинности критических интерпретаций. В этом пункте социология перестает быть эмпирической и становится «вампирической». Великая трагедия социальных наук в том, что этот урок прошел мимо их внимания, и критические социологи все еще считают своим достоинством то, чего скорее должны были бы стыдиться, — неразличение того, что затемняет данные, и того, что они раскрывают. Назвали ли бы вы «научной» дисциплину, которая отодвигает в сторону точную информацию, полученную в результате полевых исследований, и подменяет ее примерами каких-то *других, невидимых вещей*, таких вещей, о которых люди *не* говорили и от которых в устной беседе отказались? Раз так, именно социологи ассоциаций следуют здравому смыслу. С их точки зрения, разногласия по поводу сил должны быть развернуты в полной мере, — не имеет значения, насколько это сложно, чтобы не упрощать заранее задачу сборки коллектива.

Это не означает, что мы должны навсегда отказаться от обращения к скрытым переменным или считать, что акторы живут в первозданной ясности *ego cogito*, полностью контролируя свои действия. Совсем наоборот, как мы только что видели, самая мощная интуиция социальных наук в том и состоит, что нас побуждают действовать другие, не контролируемые нами силы. В следующей главе у нас будет много возможностей увидеть, как действие распределяется между агентами, очень малая доля которых человекоподобна¹⁰. Причина нашего стремления

⁹ Он возникает тогда, когда приемлемые границы социальной теории расширены до такой степени, что существование общества полагается более прочным, чем существование чего бы то ни было другого, включая право, религию, экономику, науку и технологию. Тем самым изменяется порядок объяснения и акторы превращаются во всего лишь жертв иллюзий. На этом уровне критическая социология становится неотличимой от теории заговора, гибрида двух крайних форм — скептицизма и легковерия.

¹⁰ В конце второй части мы встретимся со странной фигурой «плазмы», которая в объяснении действия опускает планку ниже любого возможного предела.

к осторожности по отношению к любому социальному объяснению заключается в простом факте: скрытые переменные упаковываются так, что нет контрольного окна, заглянув в которое, можно было бы выяснить, что внутри. Объяснение в «нынешней социологии» превратилось в нечто принимаемое на веру и очень напоминает «нынешний психоанализ». Теории социологов стало так же невозможно проверить и исправить, как засекреченное электронное оборудование. Сам успех социальных теорий сделал их настолько дешевыми, что теперь приходится повышать цену и устанавливать контроль качества за тем, что рассматривается как скрытая сила¹¹.

ЭКСКУРС В ПРАКТИЧЕСКУЮ МЕТАФИЗИКУ

Если мы называем *метафизикой* дисциплину, вдохновляемую философской традицией и ставящую целью выяснить фундаментальную структуру мира, то эмпирическая метафизика — это то, во что выливаются разногласия по поводу сил, непрестанно пополняющие мир новыми побуждениями и столь же непрестанно оспаривающие существование других¹². Тогда встает вопрос, как проникнуть в собственную метафизику акторов. «Социологи социального» отвечают на него тем, что воздерживаются от обеих метафизик и разрывают любые отношения с философией, этой погруженной в фантазии и не-эмпирической дисциплиной, представляющей раннее детство ныне зрелых социальных наук. Кроме того, они строго ограничили перечень «реально действующих» в мире сил, чтобы освободить акторов от иллю-

¹¹ Это значит также, что, возможно, у силы есть много других способов быть скрытой, чем просто действия сзади или извне. Этнометодологи сделали понятной известную формулу «видимый, но незаметный», а мы скоро встретимся с другой: «быть побуждаемым действовать».

¹² Большинство социологов решительно воспротивились бы мысли, что они должны позволить себе погрузиться в метафизику, чтобы определить социальное. Но такая позиция означает всего лишь, что они цепляются за одну-единственную метафизику, обычно очень бедную, которая никак не может оценить по достоинству многообразие фундаментальных вопросов, поднимаемых обычными акторами. Никто не зашел в критике этой позиции дальше, чем Тард, особенно в «Монадологии и социологии».

зий, подготовить почву для широкомасштабной социальной инженерии и сделать более гладким путь к модернизации¹³.

Не удивительно, что эта программа кончилась ничем. Как без устали показывают антропологи, акторы постоянно вовлекаются в самые трудные метафизические построения, переопределяя все элементы мира. Только исследователь, поднаторевший в концептуальных упражнениях, предложенных философской традицией, мог бы оказаться достаточно быстрым, сильным, смелым и гибким, чтобы скрупулезно регистрировать то, что они говорят. Действие — одна из наиболее сложных проблем философии. Как могли бы исследователи слушать домохозяйку, клерка, паломника, преступника, певицу, руководителя компании — и при этом еще правильно понимать, о чем они говорят, если бы не помощь Гегеля, Аристотеля, Ницше, Дьюи, Уайтхеда? Разве эти авторы не проделали огромной полезной работы, чтобы раскрыть, чем может быть действие? Это не означает, что философы знают лучше, идут дальше, оказываются глубже, чем социологи, не означает и того, что они обеспечат социологию «основанием» или погрузятся в «метатеории». Это означает, что отрезать социологию от хранилищ философских новаций — гарантированный способ сделать так, чтобы никто и никогда не заметил метафизических новаций, предложенных обычными актерами, зачастую выходящие за пределы новаций профессиональных философов. И ситуация даже ухудшится, если социологи не только станут воздерживаться от метафизики, но и сочтут своим долгом крепко держаться за самый ограниченный перечень сил, безостановочно переводя нескончаемые творения акторов в свой короткий список. У акторов множество философий, но социологи считают, что они должны быть привержены лишь нескольким. Акторы наводняют мир силами, а социологи

¹³ Показательным примером является работа Р. Коллинза, посвященная «социальной истории» философов (см.: *Collins R. The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change* (Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — Примеч. ред.)). Он совершенно не понимает, что философы, идеи которых он «объясняет», имеют еще дюжины теорий о том, что такое общество, что такое влияние, что такое группа. Навязывать один и тот же обедненный метаязык всем философам в истории еще не значит доказать, что ты даешь социальное объяснение их философии.

социального рассказывают им, из каких строительных блоков «в действительности» сделан их мир. То, что они часто делают это из возвышенных соображений — быть политически корректными, быть «критичными» ради блага самих акторов, которых они хотят «освободить от оков архаических сил», — меня не убеждает. Даже если бы это было отличной политикой, а как мы увидим, это не так, это все равно плохая наука.

Есть, конечно, и более веская и практическая причина заранее ограничить расширение списка сил, заставляющих акторов действовать. Помимо ослепленности социологов политикой эмансипации, это еще и явная трудность следования за их распространением. И действительно, убедить исследователей погрузиться в эмпирическую метафизику, отправить их в погоню за акторами, — нелегкая задача. Однако если число сил несметно, то *разногласия* по их поводу легко возникают сами собой. Решение здесь такое же, как и в случае с первым источником неопределенности: хотя существует бесконечный перечень групп, можем придумать маленький список возможностей, позволяющих социологу переходить от одного группообразования к следующему. Аналогичным образом я считаю возможным предложить ограниченный ряд приемов, чтобы проследить способы, которыми акторы наделяют доверием или лишают его ту или иную силу в своих объяснениях того, что заставляет их действовать.

Возможно, это все еще кажется парадоксальным (хотя по мере чтения книги все меньше), но питаться разногласиями — гораздо более надежный путь, чем невыполнимая задача установления априори и вместо акторов, каким группам и каким силам отныне будет позволено наполнять социальный мир. И снова — перемещение из одной системы координат в другую открывает больше свободы движения, нежели любая абсолютная или произвольная точка зрения. И еще раз воспользуемся метафорой путевода: свобода движения становится принципиальной, даже если приходится заставлять путешественника двигаться медленнее!

КАКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ПОВОДУ СИЛ НАНОСИТЬ НА КАРТУ

Никогда достоверно не зная, кто и что заставляет нас действовать, мы тем не менее можем привести перечень моментов, всегда присутствующих в противоречивых аргументах о том,

что произошло: силы — часть отчета; им придается определенная форма; они противопоставляются другим конкурирующим силам; и, наконец, их сопровождает эксплицитная теория действия.

Во-первых, в любом отчете силы всегда предстают *что-то делающими*, то есть вносящими какое-то изменение в положение вещей, преобразующими некоторые *A* в *B* посредством испытаний *C*¹⁴. Без отчетов, без испытаний, без различий, без изменения положения дел в отношении данной силы невозможен никакой значимый аргумент о данной силе, никакая подпадающая обнаружению система координат. Невидимая сила, не производящая изменений, не совершающая преобразований, не оставляющая следов и не входящая в отчет, — это *не* сила. И точка. Либо она что-то делает, либо нет. Говоря о силе, вы должны дать отчет о ее действии, а для этого вам придется более или менее прояснить, какие именно испытания оставили наблюдаемые следы. Это, конечно, не значит, что вы должны об этом говорить: речь — только одна, и далеко не самая пространственная, из множества форм поведения, способных создавать отчеты¹⁵, что представляется достаточно очевидным. И все же это стоит подчеркнуть для тех, кто заморожен избытком невидимых и необъяснимых социальных сил. В АСТ нельзя сказать: «Никто об этом не упоминает. У меня нет доказательств, но я знаю, что здесь за сценой действует скрытый актер». Это конспирологическая, а не социальная теория. Присутствие социального должно каждый раз демонстрироваться заново; его никогда нельзя просто постулировать. Без средства передвижения не проехать ни дюйма, не оставить ни следа, не зарегистрироваться ни в одном документе. Даже для того, чтобы обнаружить Полония за gobеленом, ставшим для него саваном, Принцу Датскому понадобилось услышать писк крысы.

¹⁴ Отчетность — решающий аспект и для этнометодологии; она станет текстуальным отчетом в главе V.

¹⁵ Понятие испытания силы подробно разработано в: *Latour B. Irreductions. Испытание (épreuves)* стало также ключевым понятием моральной социологии, разработанной Люком Болтански (см.: *Boltanski L, Thévenot L. On Justification (Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — Примеч. ред.)*).

Во-вторых, сила — это одно, а *придание ей формы (фигурация)* — другое. То, что производит действие, в объяснении всегда имеет плоть и черты, придающие ему форму или облик, не имеет значения, насколько смутный. «Фигурация» — один из технических терминов, нужных мне для того, чтобы вывести из строя коленный рефлекс «социального объяснения», потому что очень важно усвоить, что существуют далеко не только антропоморфные формы. Это один из многих случаев, когда социологии следует согласиться стать более абстрактной. Надеясь силу анонимностью, мы точно так же придаем ей форму, как надеясь ее именем, носом, голосом или лицом. Просто в этом случае мы ее делаем идеоморфной, а не антропоморфной. Статистические категории, полученные в результате опроса и снабженные обозначением подобно А- и В-типам в исследовании причин сердечного заболевания, так же конкретны, как и «мой краснолицый сосед-сангвиник, умерший от удара в прошлую субботу, сажая репу, из-за того, что ел слишком много жирного». Для того чтобы сказать: «Культура запрещает иметь детей вне брака», в смысле фигурации требуется ровно столько же работы, сколько и для того, чтобы сказать: «моя будущая теща хочет, чтобы я женился на ее дочери». Конечно, первая (анонимная) фигурация отличается от второй (моя теща). Но и та и другая наделяют силу, запрещающую мне или заставляющую меня что-то делать, очертаниями, формой, одеждой, плотью. Пока идет речь о фигурации, нет оснований говорить, что первая из них — «статистическая абстракция», а вторая — «конкретный актер». Индивидуальные силы также нуждаются в абстрактных фигурациях. Когда люди сокрушаются по поводу «гипостазирующего» общества, им не следует забывать о том, что «моя теща» — тоже продукт гипостазирования, так же, как, разумеется, «индивиды», «рациональные агенты» и злополучная Невидимая Рука. Это, собственно, то, что значат слова «актер» и «личность»: никто не знает, как много людей одновременно действует в каждом конкретном индивиде; и наоборот, никто не знает, как много индивидуальности может быть в облаке точек статистического графика. Фигурация наделяет их формой, но не обязательно делает это в манере приглаженного портрета, написанного *фигуративным* художником. Для того чтобы делать свою работу, социологи нуждаются в таком же неограниченном разнообразии в «рисовании» актеров, какое

III. Второй источник неопределенности

имеет место в дебатах о фигуративности в модернистском и современном искусстве.

Чтобы вырваться из-под влияния того, что можно назвать «фигуративной социологией», АСТ пользуется техническим термином «актант», почерпнутым из литературоведения. Вот четыре способа понять одного и того же актанта: «Имперализм стремится к однополярности»; «Соединенные Штаты намерены выйти из ООН»; «Буш-младший хочет выйти из ООН»; «Многие армейские офицеры и две дюжины лидеров неоконсерваторов хотят выйти из ООН». Конечно, то, что в первом случае актант — структурная характеристика, во втором — корпоративное целое, в третьем — индивид, в четвертом — аморфное множество индивидов, создает большое различие в отчетах, но все они создают разные фигуры одних и тех же действий. Ни одна из четырех фигураций ни более и ни менее «реалистична», «конкретна», «абстрактна» или «искусственна», чем остальные. Все они просто способствуют укреплению различных групп и, таким образом, помогают разрешить первую неопределенность относительно группообразования. Огромная трудность в АСТ не оказаться запуганным типом фигурации: идео-, или техно-, или биоморфизмы — все суть морфизмы в той же мере, как воплощение какого-то актанта в конкретном индивиде.

Имея дело с вымыслом, теоретики литературы гораздо свободнее в своих исследованиях фигурации, чем любой социолог, особенно когда они использовали семиотику или различные теории нарратива. Это происходит потому, что, к примеру, в сказке один и тот же актант может понуждаться к действию силой волшебной палочки, карлика, мысли в сознании феи или рыцаря, убивающего две дюжины драконов¹⁶. От классической трагедии до комиксов романы, пьесы и фильмы предоставляют широкую арену для повторения отчетов о том, что заставляет нас дей-

¹⁶ Было бы довольно точным описание АСТ как «полугарфинкел, полутреймас»: она просто соединила в себе два наиболее интересных интеллектуальных направлений по обе стороны Атлантики и нашла способы использования внутренней рефлексивности одновременно и отчетов актеров, и текстов. Эта классическая работа по семиотике лучше всего резюмирована в: *Greimas A. J., Courtés J. Semiotics and Language: an Analytical Dictionary*. Из последних работ см.: *Fontanille J. Sémiotique du discours*.

ствовать¹⁷. По этой причине, как только понята разница между актантом и силой, становятся вполне *соизмеримыми* такие фразы, как «движимый собственными интересами», «перенятый путем социального подражания», «жертвы социальной структуры», «влекомый рутинной», «призванный Богом», «побежденный судьбой», «созданный по своей воле», «выставленный в качестве примера», «объясняемый капитализмом». Это просто различные способы побудить акторов делать то-то или то-то, способы, разница между которыми полностью раскрывается без необходимости заранее отделить «истинные» силы от «ложных» и учета того, что все они переводимы в назойливый язык социального.

Вот почему АСТ заимствовала у теорий нарратива, конечно, не все их идеи и жаргон, но их свободу движения. По этой же причине мы отказываемся окончательно разрывать с философией. Не потому что социология — вымысел, и не потому что теоретики литературы знают больше, чем социологи, но потому, что разнообразие миров вымысла, изобретенных на бумаге, позволяет исследователям достигать такой же гибкости и широты, как и тех, что им приходится изучать в реальном мире¹⁸. Только благодаря постоянному близкому общению с литературой социологи АСТ смогли стать не такими одереженными, не такими ригидными, не такими косными в своем понимании того, какого рода силы населяют мир. Их язык может постепенно стать таким же изобретательным, как язык акторов, за которыми они пытаются следовать еще и потому, что акторы тоже читают массу романов и много смотрят ТВ! Только постоянно сравнивая сложные репертуары действия, социологи могут быть в состоянии регистрировать данные, — эта задача всегда кажется очень тяжелой социологам социального, которым приходится отфильтровывать все, что не выглядит с самого начала как приведенный к единообразию «социальный актор». *Регистрировать* не фильтруя, *описывать* не поучая, — вот Закон и Пророки.

¹⁷ Замечательные примеры метафизической свободы семиотиков см.: *Marin L. Opacité de la ceinture: Essais sur la représentation; Marin L. Des pouvoirs de l'image: Gloses; Marin L. On Representation*. Хотя противник семиотиков (*Pavel T. La pensée du roman*) показывает ни с чем не сопоставимую свободу движения теоретиков литературы.

¹⁸ См.: *Pavel T. Fictional Worlds*.

Ричард Пауэрс о том, что такое фирма

В своем романе «Прибыль» Ричард Пауэрс (1998 р.349–350) так рисует образ шефа крупной компании, готовящегося к накачке своих подчиненных:

Извлекать выгоду. Постоянно извлекать выгоду. В конце концов, извлекать выгоду. Зарабатывать на жизнь. Делать. Делать вещи самым расчетливым образом. Делать максимальное количество вещей. Делать то, что продержится максимально долго. Делать так надолго, как только возможно. Делать вещи, нужные людям. Делать вещи, которых хотят люди. Заставить людей хотеть вещи. Дать им осмысленное занятие. Дать им надежное занятие.

Дать людям что-то делать. Делать что-то. Дать максимум пищи максимальному количеству. Обеспечить всеобщее благоденствие. Заботиться об общей безопасности. Увеличивать ценность обычных акций. Выплачивать регулярные дивиденды. Максимизировать собственный капитал фирмы. Повышать долю каждого акционера. Расти. Развиваться. Распространяться. Нарастивать ноу-хау. Повышать доходы и уменьшать расходы. Снижать себестоимость. Эффективно конкурировать. Покупать дешево и продавать дорого. Улучшать долю рода человеческого. Обеспечить очередной виток технологических инноваций. Рационализировать природу. Усовершенствовать ландшафт. Растянуть пространство и замедлить время. Увидеть, на что способен род человеческий. Накапливать. Накапливать государственную пенсию. Накопить столько, чтобы делать все, что хотим. Понять, что мы хотим делать. Освободить помещения до захода солнца. Сделать жизнь чуточку легче. Сделать людей чуть-чуть богаче. Сделать людей немного счастливее. Построить лучшее завтра. Вернуть хоть что-нибудь в банк. Облегчить движение капитала. Сохранить корпорацию. Делать бизнес. Оставаться в бизнесе. Понять цель бизнеса.

В-третьих, акторы вовлечены и в критику других сил, обвиняемых в том, что они фальшивы, архаичны, абсурдны, иррациональны, искусственны или иллюзорны. Соответственно тому, как формирование группы наносит на карту — к удовлетворению исследователя — антигруппы, составляющие социальный мир акторов, описания силы постоянно будут добавлять новые сущности, *исключая* другие как нелегитимные. Так, любой

актор, к удовлетворению аналитика, будет наносить на карту эмпирическую метафизику, с которой они оба сталкиваются. Проанализируем следующие высказывания: «я отказываюсь подчиняться общему мнению, которое, как бы то ни было,— чистая пропаганда»; «ты мыслишь, как все твоё поколение»; «социальная структура — пустое понятие, существует только индивидуальное действие»; «Бог не говорит с тобой, от Его имени говорят имамы»; «силы рынка гораздо мудрее бюрократов»; «ваше бессознательное выдало себя этой хитрой оговоркой»; «я предпочитаю дикую семгу человечеству»¹⁹. Дело обстоит так, как если бы каждое из этих высказываний что-то прибавляло и удаляло из списка сил, наделенных легитимной ролью в мире.

Единственное, что может остановить исследование, — это решение аналитиков выбрать из этих движений те, которые они считают более разумными. Это не значит, что социологи бес- сильны и всегда идут на поводу у своих информантов. Но если они хотят предложить альтернативную метафизику, то внача- ле они должны заинтересоваться мирозозидающей деятельно- стью тех, кого они изучают. Не следует говорить, что они — ис- следователи — заранее знают, кто такие на самом деле акторы и что в действительности заставляет их действовать. Не стоит также изображать этот вид добровольной слепоты как претен- зию на рефлексивность. Слишком часто социологи — особен- но представители критической социологии — ведут себя как «критичные», «рефлексивные» и «отстраненные» исследовате- ли, столкнувшиеся с «наивным», «некритичным» и «нерефлек- сивным» актором. Зачастую это означает, что они переводят многие выражения информантов в свой собственный словарь социальных сил. Исследователь просто повторяет уже готовую версию того, из чего состоит социальный мир; акторы же про- сто не знают о том, что упоминаются в отчете исследователя²⁰.

¹⁹ Цитируется в: *Gramaglia C.* La mise en cause environnementale comme principe d'association. Casuistique des affaires de pollution des eaux...

²⁰ Как мы узнаем, когда займемся пятой неопределенностью, поскольку присутствие или мнение актора не имеет никакого влияния на отчет аналитика, они не являются подлинными акторами и в буквальном смысле «не принимаются в расчет». Таким образом, общество в том смысле, в каком понимает его АСТ, не было пересобрано, и у такой «социологии социального» нет никакого шанса быть политиче- ски значимой.

III. Второй источник неопределенности

В-четвертых, акторы также способны предлагать свои собственные *теории действия*, чтобы объяснить, как передаются действия силы²¹. Будучи полностью раскрывшимися рефлексивными и опытными метафизиками, акторы, согласно принятой АСТ новой позиции по умолчанию, тоже имеют свою метатеорию о том, как именно сила действует, и зачастую эта метатеория приводит традиционных метафизиков в полное замешательство. Они вступают в спор не только о том, какая сила берет верх, но и о тех способах, которыми она дает почувствовать свое влияние. И тут снова главное различие в том, чтобы решить, рассматривается ли сила, однажды наделенная существованием, фигурацией и оппонентами, как проводник или посредник. В каждом случае объяснение актора, полученное на выходе, будет иным²².

Для того, что последует дальше, принципиально важно понимать, что это различие проходит через все силы *независимо от того, какова их фигурация*. Так называемое анонимное и холодное поле сил можно заставить выступать в отчете в роли посредника, а близкая, индивидуальная, «теплая», «внутренне живая» интенциональная личность может выдохнуться до состояния простого проводника. Иными словами, по выбору фигурации нельзя предсказать, к какой теории действия обратятся. Главное — не тип форм, а ряд посредников, которые кто-то способен развернуть. Именно это так запутывает дебаты между различными направлениями социологии: они слишком упорствуют в том, *какую* силу выбрать, и слишком мало — *как* каждая из них действует. Может случиться, что кто-то заявит: «Состояние производительных сил определяет состояние социальных представлений», — и эта идея станет более активной,

²¹ До сих пор социологи считали своей задачей выбрать, какая из теорий действия истинна, и тем самым прямо вмешиваться в разногласия, вместо того чтобы разворачивать их. Вот в чем состоит оригинальность подхода Тевено — очертить различные режимы действия, которые одновременно в ходу у обычных членов общества (см.: *Thévenot L. Which road to follow? The moral complexity of an «equiped» humanity...*).

²² Как и в случае с первым источником неопределенности, социологи, философы, психологи и специалисты по социальной психологии добают здесь к разногласиям собственные версии. Хороший пример — дискуссии о существовании рационального индивида.

то есть создаст больше посредников, чем несомненно локальное, конкретное, «жизненное» и «экзистенциальное» высказывание: «Индивидуальное человеческое действие всегда интенционально». Понятие интенциональности, если оно используется для передачи значения как проводник, сделает меньше, чем более абстрактное и широкое понятие «состояние производительных сил», когда эта сила рассматривается как посредник²³. Таким образом, фигурация и теория действия — два разных пункта в списке, и не должны смешиваться друг с другом. В противном случае у исследователя будет соблазн предпочесть одни конфигурации как «более конкретные» другим, «более абстрактным», а сделав это, он откатится назад к законодательной и полицейской роли социологов социального и покинет прочное основание релятивизма²⁴.

КАК ПОБУДИТЬ КОГО-ТО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ

Если мы решим признать этот второй источник неопределенности, то социология становится дисциплиной, признающей, что самому деланию так, чтобы кто-то что-то сделал, обязательно присуще перемещение. В большинстве теорий действия такое перемещение не признается, потому что второй элемент предзадан первым: «Дайте мне причину, и у меня будет следствие». Но это не так в случае, когда оба элемента рассматриваются как посредники. Когда речь идет о проводниках, нет никакой тайны, поскольку то, что на входе, полностью предзадает то, что на выходе, и следствие не будет включать в себя ничего такого, чего бы уже не содержалось в причине. Но с подоб-

²³ К примеру, типично постмодернистский лозунг «Я за своеобразие, локальность, оригинальность», возможно, настолько же самодоволен, насколько и пуст, тогда как «великий нарратив» может в итоге мобилизовать множество активных голосов. Опять-таки разница тут не в выбранных фигурах, а в относительной доле допущенных к существованию посредников.

²⁴ Для выявления этих различий нам нужен критерий качества текста, позволивший бы нам измерить, так сказать, отношение плотности посредников к плотности проводников, — нечто вроде измерения температуры текстуального объяснения. Как мы увидим при рассмотрении пятого источника неопределенности, это станет нашим тестом на объективность.

ным наукообразным стилем речи всегда возникают проблемы. Если бы в самом деле речь шла о случае, когда вход предопределяет выход, то было бы лучше отвлечься от следствий и направить все внимание на причины, где уже и произошло все интересное — по крайней мере, потенциально. С посредниками же ситуация другая: из причин невозможно вывести следствия так, как будто первые просто создают для вторых поводы, обстоятельства и прецеденты. В результате между ними может промелькнуть множество неожиданных *чужестранцев*²⁵.

Это различие оказывает влияние на все силы, выглядит ли их фигурация «абстрактной» (например, «состояние производительных сил») или «конкретной» («моя подруга Жюли»). Пока силы рассматриваются как причины, просто транспортируемые проводниками, ничто не будет добавлено тем средством передачи, которое было выбрано для переноса их эффектов. Причины в этой странной и очень архаичной теологии творят вещи *ex nihilo*. Но если средства передачи рассматриваются как посредники, приводящие в действие других посредников, то тогда последует множество новых и непредсказуемых ситуаций (посредники заставляют вещи делать *что-то другое*, не то, что ожидалось). Возможно, это опять покажется расщеплением волосков, но различия в типе картографии огромны. Первый подход рисует карты мира, где действуют несколько сил, оставляющих следы следствий, которые всегда лишь эффекты, выражения или отражения чего-то другого. Второй подход, предпочитаемый АСТ, изображает мир, состоящий из *це-*

²⁵ О том, что это верно и на экспериментальном уровне, мы узнали из исследований науки, начавшихся с: *Collins H. Changing Order. Replication and Induction In Scientific Practice*; и из последней книги Гарри Коллинза: *Collins H. Gravity's Shadow: The Search for Gravitational Waves*, а также из этнометодологии (см.: Майкл Линч: *Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*; и Гарфинкель в: *Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar...*). Именно это осознание реальной сложности причинно-следственных связей в наиболее формализованных областях естественных наук и сделало очень спорным описание действия в социальных дисциплинах. Радикальная смена задач социальных дисциплин в результате исследования естественных наук установлена в: *Stengers I. The Invention of Modern Science...*

почек посредников, и о каждом звене можно сказать, что оно полностью действует²⁶. Итак, ключевой для социальной теории вопрос в том, чтобы решить, старается ли она вывести из нескольких причин столько же следствий, содержащихся в них «потенциально», или же стремится заменить как можно больше причин последовательностями акторов — таков технический смысл, который в дальнейшем приобретет выражение «сеть».

Это очень сложный момент, но теперь его можно упростить с помощью краткой иллюстрации. Социологов часто обвиняют в том, что они рассматривают акторов как марионеток, которые приводятся в действие социальными силами. Но, по-видимому, у кукловодов, как у певцов, совершенно другие представления о том, что именно заставляет их кукол *делать* то или это. Хотя нам кажется, что марионетки — это предельный случай непосредственной причинности (простое следование движению нити), кукловоды редко ведут себя так, как если бы они полностью контролировали своих кукол. Они говорят странные вещи, типа «наши марионетки предлагают нам делать такое, о чем мы и не думали никогда, что это возможно»²⁷. Когда одна сила манипулирует другой, это не обязательно значит, что причина вызывает следствия. Это может быть случай, когда в действие вступают другие вещи. *Рука (hand)*, таящаяся в латинской этимологии слова «манипулировать», — ясный знак и абсолютного контроля, и *его нехватки*. Так кто же дергает за ниточки? Да, сами куклы вместе с кукловодами. Это не значит, что куклы контролируют своих повелителей, что было бы просто переворачиванием порядка причинности, и, конечно, диалектика тут тоже ни при чем. Это только означает, что самое интересное тут не решать, кто и как действует, а совершить переход от определенности действия к *неопределенности действия*, но при этом решать, что и как действует. И лишь только мы заново развернем весь ряд неопределенностей относительно сил, мы вновь обретем мощную интуицию, лежащую в истоке социальных наук. Итак, когда социологов обвиняют в том, что они

²⁶ В терминологии Делеза первый имеет «реализованный потенциал», второй — «актуализированные виртуальности». Представление этой пары противоположных понятий см. в: *Zourabichvili F. Le vocabulaire de Deleuze*.

²⁷ См.: *Nelson V. The Secret Life of Puppets*.

относятся к актерам как к марионеткам, это следует принимать как комплимент, позволяющий увеличить число ниточек и допускать неожиданности, связанные с действием, управлением и манипуляцией. «Взгляд на людей как на марионеток» превращается в ругательство только тогда, когда обилие посредников преобразуется в единую силу — социальное, результат действия которого просто передается без искажения по цепи проводников. Тогда первоначальная интуиция потеряна навсегда.

Особенно важно иметь это в виду потому, что социология сбита с толку — у нас будет много случаев засвидетельствовать это во второй части — предрассудком, что в социальной сфере есть некое привилегированное место, где действие «конкретно»: «речь» более конкретна, чем «язык»; «событие», чем «структура»; «микро», чем «макро»; «индивид», чем «массы»; «взаимодействие», чем «общество»; или, напротив, «классы» более конкретны, чем «индивид»; «смысл», чем «сила»; «практика», чем «теория»; «корпоративные структуры», чем «личности», и так далее. Но если действие постоянно перемещается, то оно не связано ни с каким конкретным местом. Оно распределяется, становится разнообразным, множится, перемещается и остается загадкой и для исследователей, и для акторов²⁸. Этот момент поможет не смешивать АСТ с каким-нибудь из множества критических направлений, апеллирующих к «конкретности» человеческой индивидуальности с ее значимым, интерактивным и интенциональным действием и выступающих против холодных анонимных и абстрактных следствий «детерминированности социальными структурами», или же пренебрежения полным значения жизненным миром человеческих индивидуальностей в пользу «холодного анонимного технического манипулирования». Чаще всего вдохновляемые феноменологией, эти реформистские направления унаследовали все

²⁸ Это великолепно описано в исследованиях «локализованного» или «распределенного» познания, результаты которых имеют такое большое значение для АСТ. См.: *Hutchins E. Cognition in the Wild*; *Lave J. Cognition in Practice: Mind, Mathematics and Culture in Everyday Life*; и *Suchman L. Plans and Situated Actions*. Связь между АСТ и этими исследованиями станет даже прочнее при рассмотрении третьей неопределенности. Они разойдутся только тогда, когда мы перейдем к рассмотрению четвертого и пятого источников неопределенности.

ее недостатки: они неспособны представить себе такую метафизику, в которой существовали бы реальные виды активности, не связанные с человеческой интенциональностью, или еще хуже: они противопоставляют человеческое действие простому «материальному эффекту» природных объектов, у которых, как они говорят, «нет активности, есть только поведение»²⁹. Но «интерпретативная социология» — это всего лишь такая же социология социального, как и любая из «объективистских» или «позитивистских» версий, которые она стремится заменить. Ее представители считают, что определенные типы сил — личности, интенция, чувство, работа, межличностное взаимодействие, — *автоматически* несут в себе жизнь, богатство и «человечность».

Такая вера в «жизненный мир» — хороший пример «неуместной конкретности», пользуясь термином Уайтхеда: отчет, полный индивидов, может быть абстрактнее, чем тот, который состоит только из коллективных акторов. Бильярдный шар, ударяющий другой такой же шар на зеленом фетре стола, может быть столь же активным, что и «личность», устремляющая «взгляд» на «богатый внутренний мир» другого «значимого лица» в прокуренном помещении пивной, где установлены столы для бильярда. Так не могли бы сказать феноменологи и социологи социального, но послушаем, что говорят сами игроки о своем «поведении» и непредсказуемом «действии» своих бильярдных шаров. Похоже, они в изобилии творят ту самую путаницу, которая строго запрещена теорией, утверждающей, что нужно проводить радикальное различие между «активностью» и «поведением».³⁰ Опять же, социологи слишком часто

²⁹ Несмотря на многочисленные усилия (особенно в: *Ihde D., Selinger E. Chasing Technoscience. Matrix for Materiality*) примирить АСТ и феноменологию, зазор между двумя направлениями остается очень большим из-за того, что феноменологи делают чрезмерный акцент на человеческих источниках активности. Он даже увеличится, когда добавятся три другие неопределенности. Это не означает, что мы должны лишить себя богатого дескриптивного словаря феноменологии. Просто мы должны распространить его на «неинтенциональные» сущности.

³⁰ Это несмотря на вдохновенную защиту этого различия в работе: *Collins H., Kusch M. The Shape of Actions. What Human and Machines can Do.*

III. Второй источник неопределенности

путают свою роль исследователя с политическим призывом к дисциплине и эмансипации.

Именно в этой точке следует принять решение, если мы хотим идти по следу социальных связей новыми и интересными путями: мы должны либо составить компанию исследователям, у которых только одна вполне разработанная метафизика, либо «следовать за самими актерами», которые управляются более чем с одной. Конкретность проистекает не от выбора, осуществляемого на месте акторов, одной какой-то фигурации взамен других. Она приходит, когда в объяснениях возрастает *относительная доля посредников по сравнению с проводниками*. Да послужит это намеком на то, что такое хорошее исследование с точки зрения АСТ. В силу всех этих причин если есть такая вещь, которую нельзя устанавливать с самого начала, то это выбор привилегированного места, о котором говорится, что оно богаче действием. «Конкретное» и «абстрактное» не обозначают особые типы характера — обычные подозрения критической социологии. Единственно важные различия, которых надо сейчас придерживаться, следующие: Какие силы упоминаются? Какими фигурациями их наделяют? В действии какого типа они участвуют? Говорим ли мы о причинах и их проводниках, или о цепочке посредников? АСТ — это просто социальная теория, принявшая решение идти за местными обитателями, и неважно, в какие метафизические дебри они нас заведут, — а, как мы сейчас увидим, они сделают это без промедления!

IV. Третий источник неопределенности: объекты тоже активны

Хотя уже само возникновение социологии ознаменовалось открытием, что действие захватывается другими силами, еще большим стимулом для нее оказалось этическое, политическое и эмпирическое открытие существования иерархий, асимметрий и неравенства; открытие того, что ландшафт социального мира разнообразен, как пересеченная и гористая местность; что никакой энтузиазм, свободная воля или изошренность ума не могут заставить эти асимметрии исчезнуть; что все они тяжелым, как пирамиды, препятствием стоят на пути индивидуального действия, и они-то и служат объяснением того, почему общество нужно рассматривать как реальность *sui generis*; что всякий мыслитель, отрицающий эти неравенства и различия, либо легковверен, либо в чем-то реакционен; и, наконец, что игнорировать социальную асимметрию так же смешно, как заявлять, что не существует никакой Ньютоновой силы тяготения.

Как можем мы оставаться верными этой интуиции и при этом утверждать, как я только что делал, говоря о первых двух источниках неопределенности, что группы «постоянно» находятся в процессе производства, а по поводу сил «непрерывно» ведутся споры? Не инспирирован ли выбор этих двух отправных точек наивным представлением, выравнивающего чрезвычайно неровный социальный мир до состояния гладкого игрового поля, где каждый имеет одинаковый шанс разработать собственную метафизику? Может быть, АСТ — одно из проявлений рыночного духа, провозглашающего вопреки всякой очевидности равенство шансов для всех и «Горе проигравшим!»¹.

¹ В книге: Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism (Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литера-

«А куда вы дели, — могут задать нам раздраженный вопрос, — власть и господство?» Но именно потому, что мы стремимся *объяснить* эти асимметрии, мы не хотим просто *повторять* их, а еще меньше нам хочется *переносить* их дальше без изменений. Еще раз: мы не хотим путать причину и следствие, *explandum* и *explans* — *объясняющее и объясняемое*. Вот почему так важно заявить, что власть, как и общество, — это финальный результат процесса, а не резервуар, склад, капитал, откуда автоматически поставляется объяснение. Власть и господство должны производиться, создаваться, конструироваться². Да, асимметрии существуют, но откуда они берутся и из чего они сделаны?

Чтобы дать им объяснение, социологи ассоциаций должны принять такое же радикальное решение, как перед обращением ко второму источнику неопределенности. Именно *из-за* стремления придерживаться изначальной интуиции социальных наук им следует решительно *отвергнуть* предложенное решение, согласно которому общество является неравным и иерархичным, оказывающим непропорциональное давление на некоторые свои части, и все это обладает инерцией. Утверждать, что господство разрушает тела и души, — это одно, а считать, что эти иерархии, асимметрия, инерция, власть и жестокость сделаны *из* социальной субстанции, — в общем-то, совсем другое. Второе не только логически не вытекает из первого, но, как мы увидим, полностью ему противоречит. Как захват действия другими силами не означает, что за дело принимается общество, так и вопиющая асимметрия ресурсов не значит, что они производятся социальными асимметриями. Отсюда следует как раз противоположный вывод: если складывается неравенство, то это доказательство вступления в игру акторов других

турное обозрение, 2011. — *Примеч. ред.*) дается откровенная критика в адрес АСТ; стоит упомянуть и яростную атаку в: *Mirowski P., Nik-Khah E. Markets Made Flesh: Callon, Performativity, and a Crisis in Science Studies, augmented With Consideration of the FCC auctions*. Нам придется дождаться Заключения, чтобы снова обратиться к проблеме политической значимости и ответить на эту критику.

² См.: *Law J. On Power And Its Tactics: A View From The Sociology Of Science; Law J. A Sociology of Monsters. Essays on Power, Technology and Domination*.

типов — не социальных. Пора нам уже перевернуть социальную теорию обратно на ноги, как поступил Маркс с гегелевской диалектикой.

ТИПОВ ДЕЙСТВУЮЩИХ АКТОРОВ ДОЛЖНО СТАТЬ БОЛЬШЕ

До сих пор я настаивал главным образом на различии между «социальным» в «социальных связях» и «социальным» в «ассоциациях», — имея в виду, что второе значение ближе к первоначальной этимологии. Я утверждал, что обычно в социальных науках термин «социальное» обозначает тип связи: его понимают как название конкретной сферы, как вид материала — вроде соломы, глины, волокна, дерева или стали. В принципе вы могли бы зайти в воображаемый супермаркет и показать там полку, набитую «социальными связями», в то время как другие отделы были бы заполнены «материальными», «биологическими», «психологическими» и «экономическими» связями. Для АСТ, как мы теперь понимаем, смысл этого термина иной: он обозначает не какую-то сферу реальности или отдельный элемент, а некое движение, перемещение, трансформацию, перевод, занесение в список. Это ассоциация, возникающая между сущностями, которые никак нельзя признать социальными в обычном смысле, *разве что* в краткий миг их перегруппировки. Продолжая метафору супермаркета, мы назвали бы «социальным» не какую-то конкретную полку или отдел, а осуществляемые по всему пространству множественные модификации в организации всех товаров — касающиеся их упаковки, цены, этикеток, — потому что такие незначительные сдвиги раскрывают наблюдателю, какие новые сочетания тут используются и какие пути будут выбраны (что позже будет определено как «сеть»)³. Таким образом, для АСТ «социальное» — это название типа преходящей (кратковременной) ассоциации, характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы.⁴

³ Об этом см.: *Cochoy F. Une sociologie du packaging ou de l'âne de Buridan face au marché.*

⁴ Термин «поток» был предложен в: *Mol A., Law J. Regions, Networks, and Fluids: Anaemia and Social Topology*; но см. также: *Zygmunt B. Li-*

Теперь, зафиксировав это новое значение социального как ассоциации, мы, наконец, можем понять, в чем так запутались социологи социального. Они используют это прилагательное для обозначения двух совершенно разных типов феноменов: один из этих типов — локальные, явные, неоснащенные динамичные взаимодействия лицом-к-лицу; а другой — некая особая сила, участием которой, как считается, можно объяснить, почему эти скоротечные взаимодействия лицом-к-лицу могут получить широкое распространение и быть продолжительными во времени. Хотя вполне обоснованно обозначать словом «социальное» повсеместный феномен межличностных отношений, это не дает никаких оснований для постулирования «социальной» силы, которая есть не что иное, как тавтология, жонглирование словами, магическое заклинание, поскольку не оставляет места вопросу, как и какими средствами это увеличение длительности взаимодействия практически достигается. Прыжок от признания взаимодействий к существованию социальной силы, — я еще раз подчеркиваю, — это вывод, логически не вытекающий из посылки.

Это различие принципиально важно, поскольку то, что можно было бы назвать базовыми социальными способностями, и в самом деле трудно выделить в человеческих обществах. Как мы увидим во второй части, критически анализируя понятие «локальных взаимодействий», как раз преимущественно в сообществах не-человеков (муравьев, низших и высших приматов) и оказывается возможным создать социальный мир, понимаемый как переплетение взаимодействий. У людей базовые социальные способности — хотя они и присутствуют — образуют постоянный, но ограниченный репертуар. Но большинство широких и долговременных ассоциаций создается благодаря чему-то другому, что невозможно было обнаружить, пока понятие социальной силы не было подвергнуто пересмотру. С точки зрения АСТ первое определение следует разместить в границах узкой сферы, а от второго нужно избавиться, а не превращать его в условный код для описания того, что

quid Modernity (Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2010). Слово «поток» позволяет исследователям лучше, чем если бы они пользовались понятием «сеть», подчеркнуть циркуляцию и текучую природу того, что перемещается.

уже собрано вместе⁵. И так, ни об одной связи нельзя сказать, что она долговременна и образована из социального вещества.

Основное преимущество, которое дает аннулирование понятия социальной силы и замена его либо кратковременными взаимодействиями, либо новыми ассоциациями, состоит в том, что теперь в составном понятии общества можно различить то, что связано с его протяженностью во времени, от того, что относится к его субстанции⁶. Да, могут существовать длительные связи, но это не рассматривается как доказательство того, что они сделаны из социального материала, — совсем наоборот. Теперь на первый план могут выйти практические средства для удержания связей на месте, изобретательность, постоянно вкладываемая в задействование других источников связей, и цена, которую приходится платить за расширение любого взаимодействия.

Говоря о базовых социальных способностях, нетрудно понять, что связи, которые благодаря им могут завязываться, всегда недостаточно крепки, чтобы выдержать тот вес, который социальным теоретикам хотелось бы придать своему пониманию социального. Предоставленные своим собственным механизмам и мобилизующие только социальные качества отношения власти свелись бы к очень кратковременным взаимодействиям. Но где и когда видели такую ситуацию? Даже стаи бабуинов, хотя они и ближе всего к придуманному социальными теоретиками идеальному миру, не могут служить примером подобной предельной ситуации. Как в свое время заметили Гоббс и Руссо, нет настолько сильного великана, чтобы его сонного с легкостью не победил бы карлик; нет настолько прочной коалиции, чтобы ее не победила еще большая коалиция. Власть, претендующая на вечность, не состоит из социальных отношений. Вынужденная опираться только на них, она держится недолго. Так что социальным теоретикам, говорящим о «соци-

⁵ Ранее эта идея была представлена в: *Strum S., Latour B. The Meanings of Social.*

⁶ В сложном понятии природы я разделяю ее внешнюю реальность и ее единство: эти два аспекта — вопреки всей философии — не идут рука об руку (см.: *Latour B. Politics of Nature*). Это верно и в отношении общества: длительность во времени не указывает на его материальность, а лишь на его движение.

альных отношениях», всегда следует понимать, что речь идет о чем-то таком, чему очень трудно распространяться во времени и пространстве, что не обладает инерцией и что должно быть предметом постоянно перезаключаемых договоров. Именно поэтому, что так трудно поддерживать асимметрию, надежно сохранять властные отношения, укреплять неравенство, столько труда всегда уходит на замену слабых и недолговечных связей *другими типами* соединений. Если социальный мир был соткан из локальных взаимодействий, то он будет сохранять временный, нестабильный, хаотический характер и никогда не будет тем сильно дифференцированным ландшафтом, на объяснение которого претендуют обращения к власти и господству.

Когда не проводится со всей тщательностью различия между базовыми социальными способностями и не-социальными средствами, мобилизуемыми для того, чтобы сделать их чуть более продолжительными, исследователи рискуют поверить в то, что обращение к социальным силам обеспечит объяснение. Социологи скажут, что, говоря о продолжительности социальных связей, они вводят нечто реально обладающее необходимой длительностью, прочностью и инерцией. Это «общество», или «социальные нормы», или «социальные законы», или «структуры», или «социальные обычаи», или «культура», или «правила» и т. д. И во всем этом достаточно стали, чтобы объяснить, каким образом это нечто стискивает всех нас своей железной хваткой и само служит объяснением неровного ландшафта, по которому мы ковыляем. Это и в самом деле удобное решение, но оно не объясняет, откуда берется это «стальное» качество, скрепляющее слабые узы социальных способностей. И социологи, двигаясь без предосторожностей, могут свернуть не туда и сказать, что длительность, прочность и инерция порождены длительностью, прочностью и инерцией самого общества. Они могут даже зайти еще дальше и счесть эту тавтологию не полной противоречий теорией, а самым восхитительным проявлением чудесной силы общества, которое, как говорят они, есть реальность *sui generis*, понимая под этим, что оно само себя порождает⁷.

⁷ Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society (*Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003. — Примеч. ред.*) заходит в этом заблуждении еще дальше, считая саму

Даже если этот способ изъясняться, когда им пользуются как кодом для описания того, что уже связано, достаточно безобиден, последствия такой идеи разрушительны. Слишком силен соблазн поступать так, как если бы существовала некая чудовищная сила, способная наделять все скоротечные асимметрии такой длительностью и такой протяженностью, которых не могли бы обеспечить своими собственными силами социальные способности. И тут происходит инверсия причин и следствий, и практические средства создания социальной власти теряются из виду. То, что начиналось как простая путаница прилагательных, превращается в совершенно другой проект: к этому основному миру добавляется мир столь же неподатливый, как небеса раннехристианской теологии, с той лишь разницей, что он не оставляет никакой надежды на искупление.

Что же, «социологи социального» настолько глупы, что неспособны обнаружить тавтологию в своих рассуждениях? Они что, на самом деле придерживаются мифической веры в иной мир, таящийся за реальным миром? Они и вправду верят в это странное, существующее в режиме самообеспечения, самопорождающееся общество?⁸ Конечно, нет, поскольку они на самом деле никогда не использовали его на практике и потому никогда не сталкивались с противоречием, заключенным в понятии «самопроизводящегося» общества. Они никогда не приходили к логическому выводу о противоречивости своей концепции, потому что применяют ее не глядя. Ссылаясь на длительность существования социальных агрегатов, они всегда, вольно или невольно, взваливают на слабые социальные связи тяжелый груз массы других, несоциальных вещей. Именно вещи — я сейчас использую это слово в буквальном смысле — всегда на практике придают свое «стальное» качество злополучному «обществу». То, что социологи подразумевают под «властью общества», — это не само общество (это было бы, в самом деле, чудом), а итог действий всех сущностей, уже мобилизованных

эту тавтологию имажинативной основой общества. Но как только она признана основой, уже не остается никакого пути к выяснению состава социального.

⁸ Самопричинность рассматривается как одна из характеристик социального как такового. См.: *Barnes B. Social Life as Bootstrapped Induction.*

для того, чтобы асимметрии длились дольше⁹. Такое применение кода не тавтологично, но чревато опасным заблуждением, ибо нет эмпирического способа понять, как все это хозяйство было мобилизовано, а хуже всего то, что нет способа узнать, активен ли еще этот груз. Идея общества в руках сегодняшних «социальных объяснителей» превратилась в нечто вроде большого судна-контейнера, на борт которого не пускают инспекторов и которое дает возможность социальным теоретикам провозить товары через национальные границы без прохождения досмотра. Пусты или полны упаковки с грузом, доброкачественный он или испорченный, безвреден или смертельно опасен, только что изготовлен или давно просрочен? Об этом можно только гадать, как о наличии оружия массового поражения в Ираке Саддама Хуссейна.

Позиция АСТ заключается в том, чтобы не втягиваться в полемику с социологами социального, а лишь чаще и быстрее выявлять противоречие, в которое они могут впасть. Это единственный способ мягко побудить социологов снова начать отслеживать несоциальные средства, мобилизуемые всякий раз, когда они обращаются с заклинаниями к силе социальных объяснений¹⁰. АСТ по-прежнему задает вопрос: коль скоро все социологи нагружают вещами социальные связи, придавая им тем самым достаточный вес для объяснения их продолжительности во времени и протяженности в пространстве, то почему тогда они делают это не в открытую, а тайком? Лозунг АСТ «следуйте за актерами» превращается в «следуйте за сплетениями актеров через вещи, добавляемые ими к социальным способностям для придания большей продолжительности постоянно меняющимся взаимодействиям».

⁹ Во второй части мы обнаружим, что эта тавтология — скрытое присутствие политического тела: парадоксальные отношения между гражданином и Республикой целиком заслонили совершенно другие отношения — между актором и системой (см. p. 161).

¹⁰ В исследованиях социальной организации важно то, что всегда, когда имеет место тавтологическая ссылка на большое животное, надо искать отчеты, документы и циркуляцию форм. См.: *Czarniawska B. A Narrative Approach To Organization Studies; Cooren F., Taylor J.R. Rethinking the Theory of Organizational Communication: How to Read an Organization.*

Именно в этом пункте яснее всего виден реальный контраст между социологией ассоциаций и социологией *социального*. До сих пор я, возможно, преувеличивал различия между обеими парадигмами. В конечном счете многие направления социальной науки могли бы признать две первые неопределенности своим отправным пунктом, особенно антропология (это другое название эмпирической метафизики), и, уж конечно, это признала бы этнометодология. Даже добавление разногласий радикально не изменят намеченный ими для изучения тип феноменов, разве что возникнут трудности при составлении их перечня. Но теперь расхождение существенно усилится, поскольку мы не собираемся заранее ограничиваться одним небольшим репертуаром, — только тем, который нужен акторам для создания социальных асимметрий. Напротив, мы собираемся признать полноценными актерами сущности, которые были явно *исключены* из коллективного существования в течение более ста лет социального объяснения. Причин этому две: во-первых, базовые социальные навыки обеспечивают только очень незначительное подмножество связей, образующих общество; во-вторых, добавление силы, которая как кажется, присуща самой активизации социальной связи, является в лучшем случае удобным кодом, а в худшем — всего лишь тавтология.

Бабуины Ширли Штрум

Для того чтобы понять связь между базовыми социальными навыками и понятием общества, нам потребуется экскурс в исследования обезьян. Вспоминая первый посвященный исследованиям бабуинов симпозиум, организованный ею в 1978 г. в замке недалеко от Нью-Йорка, Ширли Штрум [1987, р. 157–58] писала:

Однако я знала, что моя работа изображает такую картину сообществ бабуинов, принять которую другим было бы трудно. Мое шокирующее открытие состояло в том, что у самцов нет иерархии доминирования; что у бабуинов есть социальные стратегии; что хитрость побеждает силу; что социальный навык и социальная взаимность побеждают агрессию. Это было началом сексуальной политики, когда самцы и самки обменивались услугами в ответ на другие услуги. Оказалось, что бабуинам приходится тяжело трудиться, создавая свой социальный мир, но способ,

IV. Третий источник неопределенности

которым они его создавали, делал их «симпатичнее» людей. Они нуждались друг в друге, чтобы выжить, на самом базовом уровне: защита и преимущества, которые жизнь группой предоставляет индивиду. Но они также нуждались друг в друге и на самом сложном уровне — уровне социальных стратегий конкуренции и обороны. Они выглядели «симпатичнее» еще и потому, что, в отличие от людей, ни у одного из членов Пампхауза (название стаи) не было возможности контролировать жизненно важные ресурсы: у каждого бабуина была своя пища, вода и место в тени, и он заботился об удовлетворении своих собственных основных жизненных потребностей. Они могли бы применять агрессию в целях насилия, но агрессия была у них связанным тигром. Забота, близость, социальная доброжелательность и взаимопомощь были единственным видом активов, допустимым для бартера или в качестве средства воздействия на другого бабуина. И в этом-то и состояла вся их «симпатичность»: в аффиляции и отсутствии агрессии. Бабуины «симпатизировали» друг другу потому, что такое поведение было столь же необходимо для выживания, как воздух для дыхания и пища для питания. То, что я установила, было новым революционным изображением сообщества бабуинов. Революционным практически для всякого описанного до сих пор сообщества животных. От следствий захватывало дух. Я доказывала, что агрессия не играла столь повсеместной и важной роли в процессе эволюции, как считалось раньше, и что социальные стратегии и социальная взаимность крайне важны. И если они есть у бабуинов, то конечно, они должны были быть и у предшественников наших древних человеческих предков.

Если бы социологи имели возможность более внимательно наблюдать за бабуинами, восстанавливающими свою постоянно распадающуюся «социальную структуру», они бы воочию убедились, как непомерна цена, например, поддержания социального господства на основе одних социальных способностей без обращения к *вещам* вообще. Они бы эмпирически задокументировали, во что обходится тавтология социальных связей, состоящих из социальных связей¹¹. Именно власть, приводимая в действие посредством недремлющих сущностей и нерас-

¹¹ См.: Kummer H. In Quest of the Sacred Baboon; по поводу ключевого понятия «социальные орудия» применительно к бабуинам-гамадридам.

торжимых ассоциаций, позволяет господству длиться дольше и простирается дальше,— и чтобы проделать подобный трюк, приходится изобретать еще много скрепляющих составов помимо общественных договоров. Это означает не то, что социология социального бесполезна, а лишь то, что она могла бы прекрасно изучать бабуинов, но не людей.

ДЕЛАЕМ ОБЪЕКТЫ УЧАСТНИКАМИ ДЕЙСТВИЯ

Контраст между двумя направлениями не может быть более разительным. Если у вас возникают сомнения в способности социальных связей к длительному расширению, правдоподобная роль может быть предложена объектам¹². Пока вы верите, что социальные объединения могут поддерживать свое существование, опираясь на «социальные силы», объекты скрываются из виду, и магическая и тавтологическая сила достаточна для того, чтобы поддерживать *любую вещь (every thing)*, не применяя для этого в буквальном смысле *ничего (with no thing)*. Трудно представить себе более потрясающую перестановку переднего плана/фона, более радикальную смену парадигмы. Именно по этой причине, конечно, АСТ впервые и привлекла к себе внимание¹³.

Социальное действие не только захватывается чужаками, оно еще и передается или делегируется иным типам акторов, способным перемещать действие дальше посредством других видов действия и других типов сил¹⁴. Поначалу возвраще-

¹² Мы будем использовать слово «объект» как условное обозначение до следующей главы, в которой определим его как «дискуссионную реальность» (matter of concern). Ускорить изложение невозможно, поскольку в этой книге АСТ определяется через последовательное раскрытие пяти источников неопределенности.

¹³ Это невозможно понять вне связи с двумя другими неопределенностями — относительно групп и относительно действия. Без этих неопределенностей АСТ сразу сводится к довольно глупой идее причинной роли технических объектов, то есть к явному возвращению к техническому детерминизму.

¹⁴ По поводу слова «делегирование»: нужно иметь в виду предложенную АСТ теорию действия, то есть каким образом кто-то побуждает другого делать то или это. Если это смещение упускается из виду, де-

ние объектов в нормальный ход действия выглядит достаточно безобидным. В конечном счете едва ли есть сомнения в том, что чайники «кипятят» воду, ножи «разрезают» мясо, корзины «носят» продукты, молотки «бьют» гвозди по шляпке, перила «не дают» детям упасть, замки «запирают» помещения от незваных гостей, мыло «смывает» грязь, расписания «перечисляют» учебные занятия, ценники «помогают» людям в расчетах и т. д. Разве эти глаголы не обозначают действия? Как может включение в оборот этих непритязательных повседневных и встречающихся на каждом шагу видов активности дать что-то новое социологу?

И все-таки может. Основная причина, почему у объектов раньше не было возможности играть какую-то роль, кроется не только в определении социального, которого придерживаются социологи, но и в самой трактовке акторов и действий. Если действие априори уже ограничено тем, что делают «намеренно» и «осмысленно» представители рода человеческого, то трудно увидеть, как способны действовать молоток, корзина, дверной замок, кошка, плед, кружка, расписание или этикетка. Они могут существовать в области «материальных» «каузальных» связей, но не в «рефлексивной», «символической» сфере социальных отношений. Наоборот: если мы тверды в своем решении начать с разногласий по поводу акторов и действий, то *любая вещь*, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором, или, если у нее еще нет фигурации, актантом. Таким образом, по поводу любого агента надо задать следующие вопросы: вносит ли он какое-нибудь изменение в ход действия какого-то другого агента или нет? Есть ли какое-нибудь испытание, позволяющее обнаружить это изменение?

Здравомыслящий человек ответит повторяющимся «да». Если вы способны с серьезной миной утверждать, что забивать гвоздь с молотком или без него, кипятить воду в чайнике или без него, носить продукты в корзине или без нее, ходить по улице в одежде или без нее, переключать телевизор с одного канала на другой при помощи пульта или без него, сни-

легирование превращается в новое причинно-следственное отношение и в воскрешение *Homo faber*, полностью контролирующего то, что он — это почти всегда «он» — делает с помощью орудий.

жать скорость автомобиля с помощью «лежачего полицейского» или без него, следить за своим инвентарем по списку или без него, управлять компанией с бухгалтерским учетом или без него — это абсолютно одни и те же действия, что внедрение этих неприятных бытовых принадлежностей «ничего существенного» не меняет в решении задач, то тогда вы готовы к переселению в Далекую Страну Социального и исчезновению из этой смиренной юдоли. Для всех других членов общества тут есть ощутимая на опыте разница, и поэтому все эти приспособления, согласно нашему определению, суть актеры, или, точнее, *участники* действия, ожидающие обретения фигуры.

Это, конечно, не значит, что такие участники «детерминируют» действие, что корзина «служит причиной» доставки продуктов или молотки «заставляют» забивать гвоздь. Подобное обращение вспять направленности воздействия просто превратило бы объекты в причины, следствия которых передавались бы через человеческие действия, теперь сведенных к следу простых проводников. Скорее, это означает, что между причинностью в полном смысле слова и абсолютным небытием может существовать множество метафизических полутонов. Вещи могут не только «детерминировать» или служить «фоном человеческого действия», но еще и допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т. д.¹⁵ АСТ — не пустопо-

¹⁵ Вот почему понятие аффорданса, введенное в работе Д. Гибсона (*Gibson J. G. The Ecological Approach to Visual Perception (Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. — Примеч. ред.)*), оказалось так кстати. Многообразие видов действия — применительно к технологии, обычной и виртуальной, блестяще показано в: *Suchman L. Plans and Situated Actions; Goodwin C., Goodwin M. Formulating planes: Seeing as a situated activity; и Conein B., Dodier N., Thévenot L. Les objets dans l'action. De la maison au laboratoire. («Аффорданс» — термин, введенный в современную психологию Дж. Гибсоном, для обозначения специфического «приглашающего» характера объектов и событий. В современной инженерной психологии и эргономики «аффорданс», как правило, используется для обозначения ситуаций, при которых объект показывает субъекту способы своего использования своими неотъемлемыми свойствами. — Примеч. ред.)*

рожнее утверждение, что объекты делают все «вместо» человеческих акторов. Она просто утверждает, что изучение социального не может даже начаться, если сначала не будет тщательно проработан вопрос, кто и что участвует в действии, пусть даже это означает допущение туда тех элементов, которые, за отсутствием лучшего термина, мы будем называть *не-человеками*. Это выражение, как и все остальные, выбранные АСТ, само по себе не несет никакого смысла. Оно не указывает ни на какую сферу реальности. Оно не обозначает маленьких гоблинов в красных шапочках, действующих на атомном уровне, а только указывает, что — для того чтобы объяснить длительность и пространственность того или иного взаимодействия — исследователь должен быть готов смотреть¹⁶. Проект АСТ просто состоит в том, чтобы расширить перечень и модифицировать очертания и фигуры всех собранных участников, а также придумать способ заставить их действовать как продолжительно существующее целое.

Для социологов связей новым является не множество объектов, мобилизуемых в ходе всякого действия по мере его проявления — никто никогда и не отрицал, что их тысячи; ново здесь то, что объекты вдруг предстали на свет не только как полноценные акторы, но и как то, что объясняет тот контрастный ландшафт, с которого мы начинали, — ландшафт нависающих над всем социальных сил, чудовищных асимметрий, репрессивного проявления власти. Социологи ассоциаций хотят начать с удивления, а не как большинство их коллег, с мнения, что этот вопрос очевидным образом закрыт и объекты не делают ничего, — по крайней мере, ничего сопоставимого или даже просто *соединимого* с человеческим социальным действием, — и что если они и могут иногда «выражать» властные отношения, «символизировать» социальные иерархии, «уси-

¹⁶ В выражении «не-человеки» есть доля антропоцентрической предубежденности. Я всюду детально объяснял, как получилось, что пара «человеки/не-человеки» должна была оказаться вытесненной невыносимой дихотомией субъекта и объекта (см.: *Latour B. Politics of Nature*). В этом понятии не нужно искать никакого особого смысла: оно не указывает на какую-либо онтологическую сферу, а просто заменяет другое концептуальное различие. Полную панораму отношений между «человеками» и «не-человеками» см. в: *Descola P. La nature des cultures*.

ливать» социальное неравенство, «переносить» социальную власть, «объективировать» неравенство и «овеществлять» гендерные отношения, они не могут находиться у истока социальной активности.

Показательный пример асимметричного понимания акторов предоставляет Дюркгейм [1966, р. 113], когда утверждает:

...исходное начало всякого, более или менее важного процесса следует искать в устройстве внутренней социальной среды.

Можно даже пойти еще далее. В действительности элементы, составляющие эту среду, двоякого рода: вещи и люди. В число вещей нужно включить помимо находящихся в обществе материальных объектов еще и продукты предшествующей социальной деятельности: действующее право, укоренившиеся нравы, художественные и литературные памятники и т. д. Очевидно, однако, что ни от той, ни от другой группы вещей не может исходить толчок к социальным преобразованиям; они не содержат в себе никакой движущей силы. Конечно, при объяснении этих преобразований их нужно принимать в расчет. Они действительно оказывают некоторое давление на социальную эволюцию; в зависимости от них изменяются ее быстрота и даже направление; но в них нет ничего, что могло бы привести ее в движение. Они представляют собой предмет приложения живых сил общества, но сами из себя не извлекают никакой живой силы. Следовательно, активным фактором остается собственно человеческая среда¹⁷.

Вот что всегда вызывает у меня великое удивление: как случилось, что, несмотря на этот масштабный и повсеместно распространенный феномен, социология так и остается наукой «без объекта»? Это тем более удивительно, если учесть, что эта дисциплина возникла спустя целое столетие после Промышленной революции и развивалась параллельно с величайшим и наиболее интенсивным техническим развитием со времен неолита. Мало того, как объяснить, что так много социологов гордятся

¹⁷ Цит. по: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 128. — *Примеч. ред.*

собой, изучая «социальное значение» вместо «простых» материальных отношений, «символическое измерение» вместо «грубой каузальности»? Объекты — совсем как секс в викторианский период: о них негде говорить, но мы ощущаем их повсюду. Естественно, они существуют, но никогда не даны мысли, социальной мысли. Как смиренные слуги, они живут на задворках социального, делая всю основную работу, но им никогда не позволено быть представленными как таковым. И, кажется, что для них нет ни пути, ни канала, ни точки входа, чтобы оказаться связанными воедино той же пряжей, из которой состоят все другие социальные связи. Чем больше радикальные мыслители стремятся привлечь внимание к людям-маргиналам и обитателям периферии, тем меньше они говорят об объектах. На вещи словно обрушилось проклятие: они продолжают спать, как слуги в заколдованном замке. Но по мере освобождения от чар они вздрагивают, потягиваются, бормочут что-то невнятное. Они начинают копошиться повсюду, тормоша других — человеческих — акторов, будя их от догматической спячки. Не слишком ли по-детски будет сказать, что АСТ сыграло роль поцелуя Прекрасного Принца, нежно коснувшегося губ Спящей Красавицы? Как бы то ни было, эта школа обратила на себя внимание в первую очередь потому, что это объектно-ориентированная социология для объектно-ориентированных людей, почему и имеет смысл писать к ней введение.

ОБЪЕКТЫ ПОМОГАЮТ ПРОСЛЕЖИВАТЬ СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЛИШЬ ПУНКТИРНО

Действительно, на первый взгляд трудность установления роли объектов проистекает от кажущейся *несоизмеримости* видов их действия с тем, что традиционно принято считать социальными отношениями. Но социологи социального не понимают природы этой несоизмеримости. Они решили, что так как эти вещи несоизмеримы, объекты нужно держать подальше от собственно социальных отношений, не понимая, что следовало прийти к совершенно противоположному выводу: именно потому, что действия объектов несоизмеримы с социальными отношениями, объекты и должны быть на первом месте! Если бы они были такими же слабыми, как социальные способности, то нуждались бы в усилении, если бы они были сделаны из того же

материала, то в чем был бы прогресс? Бабуинами мы были, бабуинами бы и остались!¹⁸

Конечно, сила удара кирпичом по кирпичу, вращение колеса вокруг своей оси, уравнивание рычагом массы, замедление действия силы посредством ворота, эффект свечения фосфора — все эти виды действия кажутся относящимися к категориям, столь отличным от воздействия стоп-сигнала на велосипедиста или воздействия толпы на индивидуальное сознание, что кажется совершенно обоснованным разложить материальные и социальные реалии по двум разным полкам. Обоснованным, но абсурдным, как только вы осознаете, что любое *человеческое* действие могло бы вмиг соединиться с объектами, — возьмем, к примеру, громкий приказ класть кирпич, химическое соединение цемента с водой, взаимодействие силы ворота, приложенной к веревке, с движением руки, чирканье спичкой, чтобы зажечь сигарету, предложенную товарищем по работе, и т. д. Тут кажущееся разумным разделение на материальное и социальное уже просто запутывает исследование того, как возможно *коллективное* действие. Имея в виду, конечно, что под коллективным мы понимаем не действие, выполняемое гомогенными социальными силами, а, наоборот, действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил, и именно потому, что они различны¹⁹. Поэтому отныне слово «коллектив» займет место слова «общество». Мы оставим слово «общество» только за сборкой уже собранных существ, которая, как считают социологи социального, состоит из социальной субстанции. Коллективом же мы будем называть проект сборки (*assembling*) новых сущностей, еще не объединенных и по этой причине явно выглядящих не состоящими из социальной субстанции.

¹⁸ Такова сила ныне устаревшего, но все еще замечательного синтеза, предложенного в: *Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech*. Более свежий обзор современного положения дел см. в: *Lemonnier P. Technological Choices. Transformation in Material Cultures since the Neolithic*; и *Latour B., Lemonnier P. De la préhistoire aux missiles balistiques — l'intelligence sociale des techniques*.

¹⁹ Именно это было главной ставкой дискуссии о конкретной роли не-человеков, известной как «Дискуссия о ванне». См.: *Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken*; и *Callon M., Latour B. Don't throw the Baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley*, — скромная вежа на нашем небольшом поле.

Любое действие будет прокладывать свою траекторию через совершенно чуждые друг другу модусы существования, соединившиеся именно благодаря своей гетерогенности. Социальная инерция и физическая гравитация могут казаться несвязанными, но это уже невозможно, когда бригада рабочих строит кирпичную стену: их связь снова распадется, но только когда строительство будет завершено. Пока же стена возводится, они, вне всякого сомнения, связаны. Как? Это покажет исследование. АСТ полагает, что не следует просто считать вопрос о взаимосвязи гетерогенных акторов закрытым, и то, что обычно понимают под «социальным», вероятно, относится к новому соединению акторов новых типов. АСТ утверждает, что если мы хотим быть немного реалистичнее в понимании социальных связей, чем «разумные» социологи, то следует признать, что процесс любого действия редко состоит из отношений типа «человек—человек» (для которых в любом случае вполне достаточно базовых социальных навыков), или отношений типа «объект—объект», но, вероятно, зигзагообразно движется от одного типа к другому.

Для правильного понимания АСТ важно иметь в виду, что речь вовсе не идет о «восстановлении» знаменитой субъектно-объектной дихотомии. В разделении априори «материальных» и «социальных» связей и потом связывании их снова, с нашей точки зрения, почти столько же смысла, сколько в описании динамики боя, изображающем толпу абсолютно голых солдат и офицеров с огромной кучей военного оснащения — танков, винтовок, документов, униформы, с последующим заявлением: «конечно, между тем и другим существует некое (диалектическое) отношение»²⁰. Нужно решительно сказать: «Нет!» Не существует никакого отношения между «сферой материального»

²⁰ См.: *Vaughan D. The Challenger Launch Decision: Risky Technology, Culture and Deviance at NASA.* «Но я верила, что, глубоко изучив материалы дела и консультируясь с техническими экспертами, я смогла бы в достаточной степени разобраться в технических деталях, необходимых для решения социологических вопросов. В конце концов, ведь я собиралась объяснять человеческое поведение, и меня учили это делать» (р. 40). Такая позиция понятна, но разве это лучший способ следовать за ходом такого действия: «Примерно в 7.00 ледовая команда вторично проверила состояние стартовой площадки. На основании их рапорта время запуска было перенесено, чтобы можно

и «социальным миром», потому что само их разделение является артефактом²¹. Отказ от такого разделения не означает «соединения» толпы голых солдат «с» кучей материальной субстанции: он означает перераспределение всей сборки — сверху донизу и от начала до конца. Нет такой эмпирической ситуации, в которой имело бы смысл существование двух связанных гомогенных объединений, например, технологии «и» общества. АСТ — это *не* установление абсурдной «симметрии между человеческими и не-человеческими акторами». Говоря о симметричности, мы всего лишь призываем *не* навязывать априори ложной *асимметрии* между целенаправленным действием человека и материальным миром причинно-следственных связей. Существуют разделения, которые никогда не стоит пытаться обойти, подняться над ними, диалектически снять. Лучше, не обращая на них внимания, оставить их в покое, как некогда величественный замок, превратившийся в руины²².

Такой интерес к объекту не имеет ничего общего с предпочтением «объективной» материи «субъективным» языку, символам, ценностям или чувствам. Как мы увидим, освоив следующий источник неопределенности, «материя» в понимании наиболее громко заявляющих о себе материалистов никак не связана с тем типом сил, причинности, воздействия и сопро-

было провести третью проверку прочности льда» (р. 328)? Где тут хотя бы малейшее различие между техникой и социологией?

²¹ Психологи показали, что даже двухмесячный ребенок способен четко различать интенциональные и неинтенциональные движения. Люди и объекты четко отличаются друг от друга (см.: *Houdé O. Rationalité, développement et inhibition: Un nouveau cadre d'analyse*; и *Sperber D., Premack D., Premack A. J. Causal Cognition: A Multidisciplinary Debate*). Но различать — не значит разделять. Младенцы намного умнее гуманистов: хотя они и распознают многочисленные различия между бильярдными шарами и людьми, это не мешает им следить за действиями тех и других, вовлеченными в *одну и ту же* игру.

²² Вот почему я отказался от большинства геометрических метафор, связанных с «принципом симметрии», когда осознал, что читатели благодаря им решат, что природу и общество надо «держат вместе», чтобы «симметрично» изучать «объекты» и «субъектов», «не-человеков» и «человеков». Но я имел в виду не «и», а «ни»: одновременное разрушение обоих коллекторов. Последнее, чего я хотел, — это благодаря симметрии дать природе и обществу новый вид на жительство.

тивления, которым обладают в мире не-человеческие актаны. «Материя», как мы очень скоро поймем, — это высокополитизированная интерпретация причинности. Чтобы освоить третий источник неопределенности, мы должны быть готовы исследовать действия всех видов объектов. Но поскольку большинство социальных наук отводит объектам столь бедную и урезанную роль, очень трудно распространить их изначальную активность на другие типы материального — документы, письменные тексты, чертежи, картотеки, скрепки, карты, организационные проекты, короче, интеллектуальные технологии²³. По мере того как не-человеческим актерам возвращается свобода движения, ряд агентов, способных участвовать в действии, невероятно расширяется и их роль уже не сводится к «объектам среднего размера» аналитических философов. Специфику АСТ трудно уловить из-за того, что она заняла место, опустошенное критическими социологами с их проклятыми «объективацией» и «реификацией».

Но социологи социального не дураки. У них достаточно оснований колебаться, стоит ли следовать за социальным потоком, куда бы он их ни занес. Очень трудно понять, прежде всего, то, что АСТ-исследования должны иметь дело и с континуальными, и с дискретными модусами действия. Мы должны быть в состоянии следовать и за гладкой непрерывностью гетерогенных сущностей, и за абсолютной *дискретностью* участников, которые в конечном счете всегда остаются несоизмеримыми. Следуя за социальным потоком, исследователь имеет дело не с непрерывным субстанциальным существованием, а лишь с преходящей видимостью, во многом напоминающей дождь

²³ Распределенное познание, ситуативное знание, история интеллектуальных технологий, исследования науки, науки об управлении и социальное описание — все по-своему расширяют диапазон объектов, вовлеченных в придание взаимодействиям продолжительности и широты. Это давнее стремление к материализации не-материальных технологий восходит к: *Goody J. The Domestication of the Savage Mind*; см.: *Bowker G. C., Star S. L. Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*; *Quattrone P. Accounting for God. Accounting and Accountability Practices in the Society of Jesus (Italy, 16th–17th centuries)*; и классическую ныне работу — *Foucault M. The Birth of the Clinic. An Archaeology of Medical Perception* (Фуко М. Рождение клиники. Археология медицинского взгляда. М.: Смысл, 1998. — *Примеч. ред.*).

физических частиц в тот краткий миг, пока он существует. Вы начинаете со сборок, кажущихся смутно знакомыми, а заканчиваете совершенно чужими. Когда вы начинаете добавлять не-человеческих акторов к списку социальных связей *bona fide*, эта осцилляция и вправду делает следование за социальными связями особенно трудным.

Пастух и его собака напоминают вам о социальных отношениях, но при виде стада за оградой из колючей проволоки вы задумаетесь, где же пастух и его собака, хотя шипы ограждения надежнее удерживают овец на лужайке, чем собачий лай. Вне всякого сомнения, вы превратились в диванный овощ перед своим телевизором во многом благодаря пульту дистанционного управления, дающему возможность прыгать с канала на канал²⁴, — и все-таки между причинами вашей неподвижности и порцией вашего действия, передаваемой инфракрасным сигналом, нет никакого *сходства*, хотя и ясно, что именно власть над телевизором *позволяет* вам так себя вести.

Велика или мала разница между женщиной за рулем, снижающей скорость возле школы, увидев желтый знак «не более 30 миль в час», и водителем, замедляющим движение, чтобы не повредить подвеску своего автомобиля, которой грозит удар о «ловушку для автолихачей»? Велика, потому что конформность первой мотивирована моралью, символами, дорожными знаками, желтым цветом, а второго — тем же перечнем, к которому прибавилась заботливо предусмотренная бетонная плита. Но и мала, поскольку оба чему-то повинуются: первая — нечасто проявляемому альтруизму: если бы она не снизила скорость, ее совесть замучил бы моральный закон; второй — изрядному себялюбию: если бы он не замедлил движения, подвеска его автомобиля разбилась бы о бетонную плиту. Должны ли мы здесь сказать, что только первое отношение является социальным, моральным или символическим, тогда как второе объективно и материально? Нет. Но если мы скажем, что оба отношения социальные, то как обосновать разницу между моральным поведением и пружинами подвески? Отношения могут не быть социальными на протяжении всего пути, но, безусловно, их *собрала или связала вместе* уже сама работа инженеров, проектировав-

²⁴ Проверьте сами: выбросьте пульт и посмотрите, долго ли вы пробегаете взад-вперед между диваном и телевизором.

ших дорогах. Нельзя называть себя социологом и следовать лишь за некоторыми связями — моральными, правовыми и символическими, останавливаясь, как только между ними окажется вкрапленным какое-то физическое отношение. Это сделало бы невозможным какое бы то ни было исследование²⁵.

Как долго можно следовать за социальной связью без того, чтобы произошла смена объектов? Минуту? Час? Долю секунды? И в течение какого времени эта смена будет видна? Минуту? Час? Долю секунды? Очевидно одно: если бы мы при каждой смене объекта прерывали полевые исследования, сосредоточив все внимание только на перечне уже собранных связей, то социальный мир тут же стал бы непроницаемым, его заволокла бы такая загадочная осенняя дымка, сквозь которую виднелись бы смутными пятнами неузнаваемые черты ландшафта. И все же, с другой стороны, если бы социологам приходилось становиться еще и инженерами, мастерами, ремесленниками, дизайнерами, архитекторами, менеджерами, промоутерами и т. д., они никогда бы не довели до конца следование за своими акторами по множеству их прерывистых существований. Таким образом, мы должны принимать в расчет не-человеческих акторов лишь пока они соизмеримы с социальными связями и при этом в следующее же мгновение признавать их фундаментальную несоизмеримость²⁶. Придерживаться принятого в АСТ понимания социального стоит больших нервов. Не удивительно,

²⁵ Поскольку АСТ часто обвиняют в моральной индифферентности, стоит вспомнить, что есть весомые деонтологические основания в том, чтобы дать себе хотя бы столько же свободы движения, сколько есть ее у акторов, которых мы изучаем. Это принцип такой же старый, как понятие перевода (см.: *Callon M. Struggles and Negotiations to Decide What is Problematic and What is Not: The Sociology of Translation*).

²⁶ Это явно не согласуется с четко асимметричной программой, предложенной Вебером: «Быть лишенным смысла и быть не-живым или не-человеком — не одно и то же; любой артефакт, например машина, может быть понят только в рамках того смысла, который имеет или будет иметь для человеческого действия его производство и использование, — смысла, который может проистекать из отношения к абсолютно различным целям. Без отсылки к этому смыслу такой объект остается совершенно непонятным». *Weber M. The Theory of Social and Economic Organization* (p. 93). Дальше идет определение средств и целей, полностью противоречащее понятию посредников.

что социологов социального отталкивает эта трудность! Но то, что у них были веские основания воздерживаться от следования за этими колебаниями, не означает, однако, что они правы. Это только означает, что социология нуждается в расширении инструментария.

ПЕРЕЧЕНЬ СИТУАЦИЙ, КОГДА АКТИВНОСТЬ ОБЪЕКТА ЛЕГКО УВИДЕТЬ

Исследуя новые ассоциации, образующие социальное, представителям АСТ приходится удовлетворять двум противоречащим друг другу требованиям: с одной стороны, мы не хотим, чтобы социолог замыкался на социальных отношениях, с другой — мы не требуем от исследователя, чтобы он стал специализированным технологом. Один из выходов здесь в том, чтобы придерживаться нового понимания социального как потока, доступного наблюдению *только* в процессе создания новых ассоциаций. Это и есть истинная «область» АСТ,— не участок земли, не огороженная территория, а только краткая вспышка, которая может случиться где угодно, как внезапная смена фазы.

К счастью для исследователей, такие ситуации не столь редки, как можно было бы предположить. Чтобы объекты можно было описать, они должны быть учтены. Если нет следов, то объекты не дают наблюдателю никакой информации и не оказывают никакого видимого воздействия на других агентов. Когда они хранят молчание, это уже не акторы: они в буквальном смысле не могут приниматься в расчет. Хотя и группы, и агенты находятся в той же самой ситуации: нет испытаний, нет описания, нет информации,— объектам явно тяжелее, поскольку безмолвная передача действия, как заметил Самюэль Батлер²⁷,— это именно то, что у них очень хорошо получается. Когда кирпичная стена уже построена, ей не вымолвить ни слова, хотя рабочие продолжают разговаривать и вся поверхность стены покрыта граффити. Когда распечатанные вопросники уже заполнены, они навсегда остаются лежать в архивах, не связанные более с человеческими интенциями, пока их не оживит снова какой-нибудь историк. Объекты по самой природе своих отношений

²⁷ Butler S. Erehwon.

с людьми из посредников быстро превращаются в проводников и оцениваются как единица или вообще ничто, вне зависимости от того, насколько они внутренне сложны. Вот почему необходимы специальные приемы, чтобы *заставить их говорить*, то есть предлагать описания самих себя, представлять сценарии того, что они заставляют делать других акторов — людей и не-людей²⁸.

И снова ситуация такова же и для групп, и для действий, рассматривавшихся выше, поскольку людей тоже бывает нужно «разговорить»; приходится изобретать очень сложные и часто искусственные ситуации, чтобы выявить их действия (подробнее об этом в разделе, посвященном пятой неопределенности). Но разница все-таки есть: людей, снова ставших посредниками, трудно остановить. Бесконечный поток данных все льется и льется, тогда как объекты, вне зависимости от их возможной значимости, влияния, центрального положения и нужности, так и норовят быстрее отойти на задний план, прерывая поток данных, и чем важнее объекты, тем быстрее они исчезают. Это не значит, что они прекращают действовать, но способ их действия уже *не соединен зримо* с обычными социальными отношениями, поскольку они опираются на типы сил, выбранных как раз из-за своих отличий от нормальных социальных сил. Речевые акты всегда выглядят сопоставимыми, совместимыми, соприкасающимися, неразрывно слитыми с другими речевыми актами; письмо — с письмом; взаимодействие — с взаимодействием; но объекты кажутся способными вступать в ассоциации друг с другом и с социальными отношениями лишь *милолетно*²⁹. И это совершенно нормально, поскольку именно благодаря их гетерогенной активности социальные отношения приобретают столь разнообразные формы и очертания, — нормально, но затруднительно.

²⁸ Akrich M. The De-Description of Technical Objects; Akrich M. A Gazogene in Costa Rica: An Experiment in Techno-Sociology; и Akrich M., Latour B. A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Non-Human assemblies.

²⁹ И то и другое впечатление верно лишь на первый взгляд. Человеческое действие никогда не гомогенно, и никогда не бывает настолько высокоорганизованной технологии, чтобы она работала автоматически. И все же тот, кто ведет исследование, на практике ощущает разницу.

К счастью, можно увеличить число ситуаций, когда эта мимолетная зримость продлевается достаточно, чтобы можно было разработать хорошие описания. По большей части полевая деятельность ученых, работающих в АСТ, состоит в инициировании таких ситуаций, так что я могу быть кратким.

Первое решение — изучать *инновации и новшества* в мастерской ремесленника, конструкторском бюро инженера, лаборатории ученого, на испытательных панелях маркетологов, в жилище потребителя и в ситуациях многочисленных социотехнических разногласий. В таких местах объекты ведут явно многообразную и комплексную жизнь — встречи, планы, наброски, урегулирования и испытания. Там они кажутся полностью слитыми с другими, более традиционными социальными силами. И только однажды исчезают из виду. Вот почему исследование инноваций и разногласий — одна из привилегированных областей, где объекты можно дольше удерживать в качестве зримых, распределенных, принимаемых в расчет посредников, пока они не превратятся в невидимых и не-социальных проводников.

Второй решение: даже самые рутинные, традиционные и безгласные объекты перестают быть само собой разумеющимися, когда к ним приближаются пользователи, невежественные и неуклюжие в силу определенной *дистанции* — временной дистанции в археологии, пространственной дистанции в этнологии, дистанции умений и навыков в обучении. Хотя такие связи могут и не быть следом инноваций *per se*, тут возникает та же ситуация новизны, по крайней мере, для исследователя, благодаря тому что в обычный ход действия вторгаются чуждые, экзотические, архаические или таинственные объекты. В случаях таких столкновений объекты хоть ненадолго становятся посредниками, — пока в скором времени не исчезнут снова благодаря ноу-хау, привычке или выходу из употребления. Всякий пытающийся понять какую-нибудь инструкцию для потребителей знает, как затратно по времени и как мучительно читать то, что иронически назвали «описание сборки»³⁰.

³⁰ См.: Norman D. A. *The Psychology of Everyday Things*; Norman D. A. *Things that Make Us Smart*; Akrich M., Bouillier D. *Lemode d'emploi: gene' se et usage*; и главу 6 в: Garfinkel H. *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*.

Третий тип ситуации — это несчастные случаи, поломки и забастовки; все происшествия, когда совершенно безмолвные проводники вдруг превращаются в полноценных посредников. Даже объекты, за минуту до этого казавшиеся абсолютно автоматическими, автономными и отделенными от человеческих агентов, теперь превращаются в толпы неукротимо идущих на вас людей с тяжелой арматурой. Видевшие, как космический корабль «Коламбия Шаттл» из сложнейшего человеческого инструмента вдруг превратился в ливень обломков, летящих на Техас, поймут, как быстро объекты переключаются из одного модуса существования в другой. К счастью для АСТ, характерное для последнего времени обилие «рисковых» объектов привело к росту возможностей услышать, увидеть и почувствовать, на какие дела способны объекты, когда они ниспровергают других акторов³¹. Повсюду идут официальные расследования, рисующие нам баснословное распространение того, во что превращаются социальные отношения, попав под власть технических устройств. Опять-таки последним, из-за чего остановятся исследования, будет нехватка материала³².

Четвертое решение: когда объекты окончательно уходят на задний план, всегда остается возможность, хотя это уже труднее, вернуть их на свет через архивы, документы, мемуары, музейные коллекции и т. д., искусственно воссоздав по описаниям историков состояние кризиса, приведшее к возникновению машин, устройств и приборов³³. За каждой электрической лампоч-

³¹ Рост числа таких «рисковых» объектов — главная идея Ульриха Бека: *Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity* (Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — Примеч. ред.). Хотя Бек пользуется совсем другой социальной теорией, его внимание к новым формам объективности (тому, что он называет «рефлексивной модернизацией») способствует очень тесному диалогу его инновативной социологии с АСТ, в особенности благодаря ее политическим или, вернее, «космополитическим» интересам.

³² Благодаря обилию катастроф и расширению демократических интересов таких источников данных становится все больше. См.: *Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. Agir dans un monde incertain. Essai sur la démocratie technique*; *Rogers R. Information Politic on the Web*; и: *Vaughan D. The Challenger Launch Decision*.

³³ Знакомство с *Hughes T. P. Networks of Power. Electrification in Western Society, 1880–1930* имело большое значение, так как Хьюз да-

кой можно сделать зримым Эдисона, а за каждым микрочипом — огромный анонимный «Интел». В наши дни история технологии должна навсегда уничтожить нынешнюю манеру изложения истории общества и культуры³⁴. Даже древнейшие и примитивнейшие каменные орудия из Олдовайского ущелья в Танзании усилиями палеонтологов превратились в могучих посредников, давших начало эволюции «современного человека».

Наконец, если ничего другого не получается, остается еще ресурс художественной литературы, которая способна, используя сюжеты альтернативной истории, мысленные эксперименты и «научную фантастику», переводить плотные объекты дня сегодняшнего в текучие состояния, могущие пролить свет на их отношения с людьми. И здесь тоже социологам есть чему учиться у художников³⁵.

Какое бы решение мы ни выбрали, полевые исследования, предпринимаемые в рамках АСТ, показали, что объекты не изучаются не из-за недостатка данных, а из-за нехватки воли. Когда преодолено концептуальное затруднение, связанное с переключением от соизмеримости к несоизмеримости, все остающиеся проблемы — дело эмпирического исследования: они уже не принципиальны. Непроходимая грань, которую размечают геркулесовы столпы, предназначенные останавливать социальные науки, выходящие за тесные рамки социальных отношений, осталась позади. И теперь социологи могут догнать того, кого палеонтологи называют «анатомически современным человеком», десятки тысяч лет назад вышедшего за рамки, навязанные *социальной наукой*.

лек от того, чтобы давать объяснение в терминах социального формирования технологии и вводит выражение «бесшовная сеть». См.: *Hughes T. P. The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera, Etcetera.*

³⁴ Здесь между историей техники и АСТ нет никакой разницы, за исключением тех моментов, когда социальная теория оказывается на виду, — но часто подобная социологическая упаковка настолько мало связана с рассматриваемыми случаями, что не вносит никакого реального различия.

³⁵ От *Ponge F. The Voice of Things*; до мысленных экспериментов, возможность которых предоставляет научная фантастика или имеющей большое значение работы Ричарда Паурса как романиста научных исследований (см., напр.: *Powers R. Galatea 2.2.*).

КТО ЗАБЫВАЕТ О ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Теперь, наконец, мы можем точно указать, что так раздражает АСТ в притязаниях социологии социального на объяснение асимметрий с целью остаться верными главной интуиции своей науки: они неосуществимы. Либо слово «социальный» обозначает локальные взаимодействия лицом-к-лицу, слишком быстрое для объяснения с их помощью асимметрий, либо это магическое заклинание, обращенное к тавтологическим силам, но «социологи социального» никогда не готовы платить за это полную цену — цену груза-объекта.

Социальные объяснения рискуют скрыть от понимания то, что они должны раскрывать, ибо слишком часто остаются «без объекта»³⁶. Большинство социологов в своих исследованиях рассматривают социальный мир как без-объектный, — и даже несмотря на то, что в повседневной рутине их, как и всех нас, могут озадачивать постоянное партнерство, непрекращающаяся близость, закоренелая дружба, страстная любовь, тесная привязанность приматов и объектов на протяжении последнего миллиона лет. Устанавливая критерии контроля качества исследований, проводимых в рамках АСТ, мы должны очень тщательно проверять, объясняются ли власть и господство с привлечением множества объектов, которым приписывается главная роль, и переносятся ли они (власть и господство) эмпирически наблюдаемыми средствами. И мы не удовлетворимся, если власть и господство *сами* по себе окажутся таинственным вместилищем того, что приводит в движение множество участников действия.

Следовать за социальными связями даже когда они плетут свой путь через не-социальные объекты, может быть сложно

³⁶ Даже несмотря на то, что в работах Зиммеля, Элиаса и Маркса объекты представлены в изобилии, их присутствие там недостаточно утяжеляет социальное. Вся разница в том, как они вводятся. Отсюда необходимость добавления четвертой неопределенности (см. следующую главу) к главе, посвященной силам, и позже — переосмысления политики (см. заключение). Очень полезное собрание случаев, связанных с влиянием технологических исследований на материализм, см. в: MacKenzie D., Wajcman J. *The Social Shaping of Technology*.

по той причине, что теории здесь нечего делать. За потребностью социологов непрестанно патрулировать границу, отделяющую «символическую» сферу от «природной», кроются серьезные мотивы, а именно то, что это хороший, — а в действительности плохой — полемический аргумент. Выделив себе небольшую нишу, они уже в начале XIX века оставили вещи и объекты ученым и инженерам. Единственным способом отстоять для себя немного автономии было покинуть просторные территории, от которых они отказались, но крепко держаться за отданный им сокращающийся участок: «значение» — «символ» — «интенция» — «язык». Когда велосипед ударяется о камень, это не социальное явление. Но если велосипедист едет на знак «стоп», оно становится социальным. Когда на телефон устанавливается новое наборное поле, это не социальное явление. Но когда обсуждается цвет телефонных аппаратов, это уже социальное явление, потому что здесь, как говорят дизайнеры, присутствует «человеческое измерение». Когда молоток забивает гвоздь, в этом нет ничего социального. Но когда изображение молотка скрещивается с изображением серпа, молоток переходит в социальную сферу, поскольку включается в «символический порядок». Таким образом, каждый объект разделен надвое, причем ученые и инженеры взяли себе большую часть — действенность, причинность, материальные связи, оставив лишь крохи специалистам по «социальному» или «человеческому» измерению. Поэтому всякий намек сторонников АСТ на «власть объектов» над социальными отношениями для социологов социального — болезненное напоминание о притязании других, «более научных», разделов на их независимость, не говоря уже о денежных грантах, и на те территории, свободно разгуливать по которым им уже не разрешается.

Но междисциплинарная полемика не приносит хороших идей, а лишь возводит баррикады, используя для этого любую рухлядь, какая есть под руками. Когда какое-либо положение дел расщепляется на материальный компонент и прибавленный к нему в качестве аппендикса социальный, ясно одно: это искусственное разделение, навязанное междисциплинарными дебатами, а не порожденное эмпирической необходимостью. Это просто означает, что большинство данных потеряно, что коллективное действие не отслеживалось. «Быть одновремен-

но и материальным, и социальным» — это не способ существования объектов, это всего лишь способ искусственного разрезания объектов, делающий их специфическую силу предельно таинственной.

Справедливости ради следует сказать, что не только социологи в полемике ухватились за одну метафизику, выбрав ее из многих. Их «дорогие коллеги» из других, точных, наук тоже пытались утверждать, что у всех материальных объектов лишь «один способ» действовать, который сводится к «причинной детерминации» движения других материальных объектов. Как мы увидим в следующей главе, они отвели социальному только одну роль — проводника, без искажений «доставляющего» груз материальной причинности. Когда социальной сфере отводится столь жалкая роль, велик соблазн реактивно превратить материю в простого проводника, без деформаций «переносящего» или «отражающего» силу общества. Как это обычно бывает в междисциплинарной полемике, глупость порождает глупость. Чтобы избежать угрозы технического детерминизма, соблазнительно твердо встать на защиту детерминизма социального, который, в свою очередь, доходит до таких крайностей (паровой двигатель, к примеру, превращается в «простое отражение» «английского капитализма»), что даже самый свободомыслящий инженер превращается в ярое технического детерминиста и, стуча кулаком по столу, воинственно вопит о «весомости материальных ограничений». Единственный результат такого поведения инженера состоит в том, что оно заставляет даже умеренного социолога еще более страстно отстаивать значимость некоего «дискурсивного измерения»³⁷.

Подобные дискуссии сомнительны, потому что выбор между этими позициями нереалистичен. Неправдоподобно, чтобы миллионы участников наших действий включались в со-

³⁷ См. примеры такого перетягивания каната и способы его остановить в: *Descola P., Palsson G. Nature and Society. Anthropological Perspectives.* См. также: *Ingold T. Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill;* а также ранние дискуссии о работах Бейкера в: *Bijker W., Law J. Shaping Technology-Building Society: Studies in Sociotechnical Change;* *Bijker W. E., Hughes T. P., Pinch T. The Social Construction of Technological Systems. New Directions in the Sociology and History of Technology;* и *Bijker W. Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs. Towards a Theory of Sociotechnical Change.*

циальные отношения в трех — и *только в трех* — модусах существования: «материальной инфраструктуры», «детерминирующей» социальные отношения, — как в марксистских типах материализма; «зеркала», просто «отражающего» социальные различия, — как в критической социологии Пьера Бурдьё; или задника сцены, на которой человеческие социальные акторы играют главные роли, — как в интеракционизме Ирвина Гоффмана. Ни один из этих видов включения объектов в коллективность, конечно, нельзя назвать неправомерным, но все это только примитивные способы упаковки узла связей, образующих коллектив. Ни одного из этих способов не достаточно для описания множественных переплетений человеческих и не-человеческих акторов.

Не слишком помогли бы тут и разговоры о «материальной культуре», поскольку в этом случае объекты оказались бы просто связанными *один с другим*, образовав гомогенный слой, то есть еще менее подходящую конфигурацию, чем та, что изображает людей связанными друг с другом социальными отношениями. Объекты никогда не собираются вместе, образуя некую иную сферу (в этом случае они не были ни сильными, ни слабыми), просто «отражая» социальные ценности или присутствуя как простая декорация. Их действие, без сомнения, гораздо разнообразнее, влияние повсеместно, последствия их действия гораздо неопределеннее, их присутствие гораздо распределеннее, чем предписывают им эти урезанные репертуары. Лучшее доказательство этой множественности даст внимательный взгляд на то, что реально делают объекты в текстах упомянутых выше авторов: они раскрывают множество способов, посредством которых объекты действуют, *отличных* от тех, которые им приписывает авторская философия материи. Даже в качестве текстуальных реалий объекты обходят своих создателей, проводники превращаются в посредников³⁸. Но для того, чтобы мы могли усвоить этот урок, поле исследования должно быть с самого начала широко открыто, а оно не может быть открыто, если различие между человеческим действием и ма-

³⁸ Яркий пример — фетишизм в «Капитале». Там текстуальный фетиш в тексте Маркса делает гораздо больше, чем то, к чему сводит действие фетиша сам Маркс (см.: Pietz W. The Problem of the Fetish; и Pietz W. Fetishism and Materialism: the Limits of Theory in Marx).

териальной каузальностью утверждается также категорично, как картезианское различие между мышлением и материей (*res extensa* и *res cogitans*) — доказательство научной, моральной и теологической добродетели. Но даже *Декарт* оставил между ними тонкую связующую нить шишковидной железы, а социологи социального обрезали и ее.

Однако есть и еще более важное основание решительно отвергнуть ту роль, которую отводит объектам социология социального: эта роль лишает ссылки на властные отношения и социальное неравенство какого бы то ни было реального смысла. Отодвигая в сторону практические средства, то есть посредников, благодаря которым производятся инерция, продолжительность, асимметрия, протяженность, господство, и объединяя все эти разнообразные средства в бессильную силу социальной инерции, социологи, беспечно пользующиеся социальными объяснениями, скрывают реальные причины социального неравенства. И если где-нибудь смещение причины и следствия порождает гигантское расхождение, то именно в этом сплаве и именно тогда, когда необходимо дать *объяснение* головокружительному эффекту господства. Конечно, ссылки на «социальное господство» могут быть удобны в качестве кода, но слишком соблазнительно *пользоваться* властью, вместо того чтобы ее *объяснять*, и именно в этом проблема большинства «социальных объяснителей»: не *собственная* ли жажда власти просвечивает в поиске *сильных объяснений* (*powerful explanations*)? Если, как говорят, абсолютная власть развращает абсолютно, то бесплатное использование понятия «власть» столь многими критическими теоретиками абсолютно их развратило, или, по крайней мере, сделало их дисциплину лишней, а их политику — бессильной. Подобно «снотворному действию опиума», высмеянному Мольером, «власть» не только повергает исследователей в спячку, что само по себе и не так важно, она пытается обратить в бесчувствие и акторов, а это — политическое преступление. Эта рационалистская, модернистская, позитивистская наука вынашивает в своем лоне самый допотопный и магический фантом: самопорождающееся, самообъясняющееся общество. *Доступный изучению и изменению* арсенал средств достижения власти социология, и особенно критическая социология, слишком часто подменяет невидимым, неподвижным и однородным миром власти «для

себя»³⁹. В социологии сильные объяснения нужно выявлять и находить им противовес.

Итак, прямо на дверях социологов социального надо повесить обвинение в том, что они забыли о «властных отношениях» и «социальном неравенстве». И социологи ассоциаций, если они хотят наследовать старую, почитаемую и вполне обоснованную интуицию социальной науки о неравномерном распределении власти, тоже должны объяснить, каким образом и какими такими особыми средствами господство становится столь действенным. Вполне понятно, что это для них единственный способ превратить господство в поддающееся изменению. Но для того, чтобы это сделать, надо признать четвертую неопределенность, открыть четвертую банку с червями, — а это ящик Пандоры.

³⁹ То, что этот урок с легкостью забывается, драматически показала заокеанская судьба Мишеля Фуко. Не было никого точнее его в аналитическом выделении мельчайших составляющих власти, и никто не относился критичнее к социальным объяснениям. И все-таки как только Фуко был переведен, он тут же превратился в того, кто «обнаружил» властные отношения за любой безобидной деятельностью: в безумии, естественной истории, сексе, управлении и т. д. Это снова показывает, насколько энергично нужно бороться с идеей социального объяснения, если даже гений Фуко не смог предотвратить подобной тотальной инверсии.

V. Четвертый источник неопределенности: реалии фактические versus реалии дискуссионные

Группы создаются, активности выясняются, объекты играют роль. Вот три первых источника неопределенности, на которые мы должны полагаться, если хотим следовать за социальным потоком с его постоянно меняющимися и недолговечными очертаниями. Пока что наша главная гипотеза может оставаться приемлемой для тех, кто понимает социальное в традиционном смысле слова. Вернее, она требует большей работы: расширения перечня акторов и действий; углубления конфликтов по поводу практической метафизики; отказа от искусственного разделения на социальное и техническое «измерения»; проникновения в сферы, до сих пор едва ли посещаемые; новой практики считать разногласия более продуктивными и в конечном счете более стабильными, чем абсолютные отправные точки; и, наконец, приглашения к развитию новой сбивающей с толку традиции щедро разделять метаязык, социальную теорию и рефлексивность с самими акторами, перестав смотреть на них как на простых «информантов». И все же хотя передвижения, ставшие возможными благодаря новой отправной точке, труднее и изобилуют препятствиями, они не требовали никаких базовых изменений в самой *научной* парадигме. В конце концов, социология может оставаться наукой даже если это означает необходимость платить более высокую цену, чем ожидалось, посещать места, в которых бывать не предполагалось, допускать больше относительности и разворачивать больше противоречащих друг другу философий, чем казалось необходимым на первый взгляд. В целом отказ от «эфира» общества ради того, чтобы кормиться разногласиями, не выглядит такой уж большой

жертвой. Новые мыслительные навыки, хотя и озадачивающие на первый взгляд, могли бы сформироваться быстро.

Но к сожалению, затруднения, которые нам придется разрешить, не исчерпываются тремя упомянутыми выше. Мы должны признать четвертый источник неопределенности, а он приведет нас к самым сложным моментам социологии ассоциаций и одновременно в место ее рождения. Социология науки, или то, что известно как «исследования науки», — удобный, хотя и банальный перевод на английский язык греческого слова «эпистемология»¹. Подвергнув сомнению «социо-» в слове «социология», теперь мы должны усомниться в «логии». Как только эта двойная ревизия будет завершена, мы сможем, наконец, опять использовать это слово в позитивном смысле и без особых колебаний. В этой точке схождения проблемы становятся столь многочисленными, что все наше путешествие рискует застопориться, если мы достаточно тщательно не подготовим путешественников к тому, чтобы покончить с этой неразберихой. И чтобы получить свободу движения, нам снова придется идти еще медленнее.

КОНСТРУКТИВИЗМ ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

АСТ — это история эксперимента, начатого столь небрежно, что потребовалось четверть века на то, чтобы довести его до необходимой чистоты и понять, в чем состояло его подлинное значение. Все началось очень плохо — с неудачного употребления выражения «социальное конструирование научных фактов». Теперь нам ясно, почему применение слова «социальный» могло повлечь за собой такое существенное непонимание; в нем переплелись два совершенно разных значения: вид материала

¹ Потрясающее доказательство влияния социологии науки на социальную теорию — то параллельное воздействие, которое она оказала на Харауэй (см.: *Haraway D. J. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*), критику Пикерингом более ранних объяснений Эдинбургской школы (*Pickering A. The Mangle of Practice. Time, Agency and Science*), а также данное Карин Кнорр-Цетиной определение действия в науке (*Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*). Всем им пришлось двигаться в одном и том же направлении.

и движение сборки не-социальных сущностей. Но почему введение слова «конструирование» вызвало даже еще большую путаницу? Объясняя это затруднение, я сначала надеюсь внести ясность в то, почему придаю такое значение этому маленькому разделу исследований науки. В нем произошло обновление значения всех слов, составляющих это короткое невинное выражение: что такое факт, что такое наука, что такое конструирование и что такое социальное. Не так уж плохо для эксперимента, проводившегося столь бездумно!

Когда на простом английском языке о чем-то говорится, что оно сконструировано, имеется в виду, что это «нечто» — не тайна, появившаяся из ниоткуда, а имеет более скромный, но зато более зримый и интересный источник. Обычно огромное преимущество посещения стройплощадок в том, что это идеальный пункт наблюдения связей между человеческими и не-человеческими акторами. Глубоко увязших ногами в грязи посетителей легко поразить видом всех участников строительства, тяжело работающих во время своей самой радикальной метаморфозы². Это верно в отношении не только науки, но и всех других стройплощадок. Наиболее это очевидно для тех из них, которые стоят у истока самой метафоры, то есть мест строительства домов и зданий, создаваемых архитекторами, каменщиками, градостроителями, агентами по недвижимости и домовладельцами³. То же самое верно и применительно к деятельности в сфере искусства⁴. «Создание» чего угодно — фильмов, высотных зданий, фактов, политических митингов, ритуалов инициации, высокой моды, рецептов приготовления пищи — представляет точку зрения, существенно отличающуюся от официальной. Благодаря ей вы не только заходите с черного хода и знакомитесь с навыками и умениями людей прак-

² Это, разумеется, решающее открытие Маркса, и в этом остается главное преимущество историзации.

³ См. два совершенно разных, но в равной степени замечательных примера в: *Kidder T. House*; и *Koolhaas R., Mau B. Small, Medium, Large, Extra-Large*. Нельзя пользоваться словом «конструкция», не прочитав сначала «конструкторы».

⁴ См.: *Yaneva A. L'affluence des objets. Pragmatique comparée de l'art contemporain et de l'artisan*; *Yaneva A. When a Bus Meet a Museum. To Follow Artists, Curators and Workers in Art Installation*.

тического действия, но еще и получаете редкий шанс увидеть, каково вещи возникнуть из небытия путем дополнения любой существующей сущности ее временным измерением. И, что даже еще важнее, — когда вас приводят на какую-нибудь стройплощадку, вы испытываете волнующее и бодрящее ощущение, что вещи *могли бы быть другими* или *могли не получиться*, — ощущение, которое никогда не бывает столь глубоким при встрече с готовым результатом, каким бы прекрасным или впечатляющим он ни был.

Итак, употребление слова «конструирование» на первый взгляд идеально подходит для описания более реалистической версии того, что значит для любой вещи *быть устойчивой*. И действительно, в любой области утверждение, что нечто сконструировано, всегда было связано с оценкой его прочности, качества, стиля, долговечности, ценности и т.д, связано настолько, что никто не стал бы утруждать себя сообщением, что небоскреб, ядерный реактор, скульптура или автомобиль «skonструированы». Это слишком очевидно, чтобы специально указывать. Главные вопросы в другом: удачный ли дизайн? прочна ли конструкция? насколько она долговечна или надежна? дорогостоящ ли материал? Повсюду — в технологии, инженерии, архитектуре, искусстве, конструирование до такой степени является синонимом реального, что вопрос тут же переходит в следующий и действительно интересный: *хорошо* это сконструировано или *плохо*?

Сначала нам — в прошлом исследователям науки — казалось очевидным, что если и существуют такие стройплощадки, к которым было бы легко приложимо обычное понимание конструктивизма, то это должны быть лаборатории, научно-исследовательские институты с их огромным арсеналом дорогостоящих научных инструментов. Наука даже в большей степени, чем искусство, архитектура и инженерия, демонстрирует самые крайние случаи идущих рука об руку абсолютной *искусственности* и совершенной *объективности*. Нет никакого вопроса в том, что лаборатории, ускорители частиц, телескопы, национальная статистика, масса спутников, гигантские компьютеры и коллекции образцов, — все это искусственные места, историю которых можно было бы задокументировать таким же образом, как и историю зданий, компьютерных чипов, локомотивов. И все же не было ни малейшего сомнения в том, что про-

дукты этих искусственных и дорогостоящих мест представляет собой самые проверенные, объективные и сертифицированные результаты, когда-либо достигавшиеся коллективной человеческой изобретательностью. Вот почему мы с огромным энтузиазмом стали пользоваться выражением «конструирование фактов» для описания потрясающего феномена искусственности и реальности, идущих нога в ногу. Более того, высказывание, что наука тоже сконструирована, вызывает такой же трепет, как и все другие «изготовления из»: мы прошли черным ходом; мы узнали о навыках людей практического действия; мы видели, как рождались инновации; мы ощутили, как рискованно это было; и мы стали свидетелями таинственного слияния человеческой деятельности и не-человеческих сущностей. Во время просмотра похожего на сказку фильма, снятого для нас нашими коллегами — историками науки, мы можем кадр за кадром наблюдать самое невероятное зрелище: истина постепенно достигается в захватывающих эпизодах без всякой уверенности в результате. По масштабам неизвестности история науки превосходила любой сюжет, какой только мог измыслить Голливуд. Наука для нас стала еще лучше чем просто объективной, — она стала *интересной*, такой же интересной, какой она была для своих деятелей, вовлеченных в ее рискованное производство⁵.

К сожалению, возбуждение стало быстро спадать, когда мы поняли, что для других коллег как в социальных, так и в естественных науках, слово «конструирование» обозначает совсем не то, что до сих пор связывал с ним здравый смысл. Слова «нечто сконструировано» в их понимании означали, что это «нечто» неистинно. Казалось, у них было странное представление, что их поставили перед неприятным выбором: *либо* нечто является реальным и несконструированным, *либо* оно является сконструированным и тогда искусственным, неестественным, изобретенным, сделанным и ложным. Такое представление не только невозможно было примирить с тем прочным значением, которое имеют в виду, говоря о «хорошо сконструиро-

⁵ До «антивигских» реакций в истории науки было невозможно разделять *libido sciendi* ее деятелей: поскольку широкая публика имела дело лишь с финальным продуктом. Не было иного способа привить ей интерес к науке, кроме педагогического приказа: «Это истинно, и вы должны это знать».

ванном доме», «хорошем дизайне» компьютерной программы или «хорошо вылепленной» статуе, — оно улетучивалось при виде всего, чему мы были свидетелями в лабораториях: там «быть изобретенным» и «быть объективным» шли рука об руку. Если бы вы начали разламывать бесшовные нарративы «делания фактов» на две ветви, это сделало бы возникновение какой бы то ни было науки просто непостижимым. Факты есть факты в прямом смысле: *потому что* они сделаны, то есть возникли в искусственных ситуациях. Каждый ученый, которого мы изучали, гордился этой связью между качеством конструкции и качеством данных. Эта прочная связь действительно была главным подтверждением репутации. И если эпистемологи могли забыть об этом, существует этимология, чтобы напомнить это каждому⁶. Мы были готовы ответить на более интересный вопрос: *хорошо* или *плохо* сконструирован данный научный факт? И уж конечно, не к тому, чтобы оказаться под властью этой абсурднейшей альтернативы: «Выбирай! Либо факт реален, либо он сфабрикован!».

И все-таки стало мучительно ясно, что если мы хотим и дальше пользоваться словом «конструирование», нам придется сражаться на два фронта: с эпистемологами, по-прежнему заявляющими, что факты, «конечно же», не конструируются, — в чем столько же смысла, сколько в заявлении, что дети не рождаются из утробы своих матерей, — и с нашими «дорогими коллегами», которые, видимо, думают, что если факты сконструированы, то они так же слабы, как фетиши, или, по крайней мере, как то, во что, *как они уверены*, «верят» фетишисты. Тогда уж было бы безопаснее совсем отказаться от слова «конструирование», — особенно потому, что и слово «социальный» имеет тот же внутренний дефект: оно повергает читателей в ярость так же неуклонно, как плащ тореро — быка. С другой стороны, в силу всех только что приведенных причин «конструирование» остается отличным термином. Особенно полезна в нем та четкость, с которой это понятие фокусирует наше внимание на сцене соединения человеческих и не-человеческих акторов. По-

⁶ Французский эпистемолог Гастон Башляр часто настаивал на такой двойной этимологии. На английском языке об этом см.: *Tiles M., Piprin R. B. Bachelard: Science and Objectivity.* («Факт» от *лат. factum* — сделанное, совершившееся. — *Примеч. ред.*)

скольку вся идея изобретаемой нами новой социальной теории и заключалась в обновлении понимания того и другого — того, что такое социальный актор, и того, что такое факт, — главное по-прежнему — не терять из виду самых важных стройплощадок, где происходит эта двойная метаморфоза. Вот почему я предпочел сделать с конструктивизмом то, что мы проделали с релятивизмом: оба термина, хлесткие как оскорбления, имеют слишком почтенную традицию, чтобы не поднимать их как открытое славой знамя. В конце концов, критикующие нас за релятивизм никогда не замечали, что противоположностью ему был бы *абсолютизм*⁷. А критикующие нас за конструктивизм, вероятно, не хотели видеть, что противоположная позиция, если слова вообще имеют смысл, — это *фундаментализм*⁸.

С одной стороны, вроде бы достаточно легко восстановить четкое значение сильно опороченного термина «конструирование»: нам просто следует пользоваться новым пониманием социального, изложенным в предыдущих главах этой книги. Подобно тому как «социалистическая» или «исламская» республика превращается в противоположность республике как таковой, прибавление прилагательного «социальный» к слову «конструктивизм» полностью переворачивает его значение. Иначе говоря, «конструктивизм» нельзя смешивать с «социальным конструктивизмом». Когда мы говорим, что факт конструируется, мы просто имеем в виду, что объясняем прочную объективную реальность, привлекая разные сущности, чья сборка, возможно, и не удастся; с другой стороны, выражение «социальный конструктивизм» означает, что мы *подменяем* то, из чего сделана эта реальность, какой-то *другой субстанцией*, «социальным», из которого она «в действительности» построена. Объяснение гетерогенного происхождения строений подменяется другим, в котором все строится из гомогенной социальной материи. Чтобы поставить конструктивизм обратно на ноги, достаточно заметить, что как только «социальное» снова обозначает ассоциацию, исчезает само представление о здании, построенном из социальной субстанции. Чтобы вообще имело место какое-

⁷ Bloor D. Knowledge and Social Imagery.

⁸ Latour B. The Promises of Constructivism. В этой главе я следую много проясняющей работе Яна Хакинга: *Hacking I. The Social Construction of What?*

либо конструирование, не-человеческие сущности должны играть главную роль, — это мы и хотели сказать с самого начала, пользуясь этим довольно безобидным словом.

Но, очевидно, этой спасательной операции оказалось недостаточно, поскольку остальные социальные науки, похоже, разделяют совершенно иное понимание этого термина. Как такое могло произойти? Наша ошибка заключалась в следующем: поскольку мы никогда не разделяли идеи, что слово «конструирование» может означать сведение к только одному типу материала, мы слишком медленно вырабатывали антитела против обвинения в том, что мы сводим факты к «просто конструкции». Так как для нас было очевидно, что социальное «конструирование» означает возобновленное внимание ко множеству гетерогенных реальностей, вовлекаемых в конструирование того или иного положения дел, у нас ушли годы, чтобы адекватно отреагировать на абсурдные теории, с которыми нас поверхностно ассоциировали⁹. Несмотря на то, что конструктивизм был для нас синонимом *нарастания* реализма, наши коллеги по социальной критике приветствовали нас как показавших, наконец, что «*даже наука исчезла!*» У меня ушло много времени на то, чтобы понять опасность термина, который в руках наших «лучших друзей» явно означал своего рода месть научным фактам за их прочность и отражал их притязания на истину. Похоже, они имели в виду, что мы делаем с наукой то же самое, что они — к своей великой гордости — сделали с религией, искусством, правом, культурой и всем, во что верят все остальные, то есть обратили все это в прах, показав его «*сделанность*». Тому, кто никогда не был натаскан в критической социологии, трудно представить, что люди могут использовать в своей же дисциплине каузальное объяснение в качестве доказательства того, что объясняемого ими феномена на самом деле не существует, не говоря уже о связывании искусственности конструкции с де-

⁹ Поскольку во французской традиции слова «конструктивист» и «рационалист» — синонимы, это было особенно трудно для французов. Связь слова «конструирование» с любым подозрением относительно реальности очень медленно покидала наш «*дюгемовский*» (*Duhem P. La Théorie Physique. Son objet sa structure (Дюгем П. Физическая теория, ее цель и строение. СПб., 1910. — Примеч. ред.)*), «*башляровский*» или «*кангилемовский*» ум (*Canguilhem G. Ideology and Rationality in the History of the Life Sciences.*

фицитом реальности. Конструктивизм поневоле превратился в синоним своей противоположности — деконструктивизма.

Немудрено, что наш энтузиазм, когда мы показали «социальную сконструированность научного факта», был с такой яростью встречен самими акторами! Для физиков далеко не одно и то же — вести ли сложные дискуссии о «черных дырах» — или, как это изображается, «борьбу за влияние среди физиков». Религиозной душе далеко не все равно, обращаться ли в молитве к Богу или молиться, как говорят, просто «персонализации Общества». Для юриста не одно и то же — следовать Конституции и уступать давлению мощных лобби, таящихся в тени закона. Кутюрье не все равно, кроить плотный и блестящий вельвет или — как говорят — делать зримыми «социальные различия». Для последователя культа не одно и то же быть связанным с существованием божества — и слышать о себе, что ты поклоняешься деревянному фетишу. Подстановка социального вместо другой субстанции каждым актором воспринимается как катастрофическая потеря, которой необходимо решительно сопротивляться, — и это правильно! Однако если слово «социальный» используется не для подмены одного вида субстанции другим, а, напротив, для развертывания связей, делающих положение дел прочным и продолжительным, то в конце концов к такой, другой, социальной теории можно и прислушаться.

Как возможно, удивлялись мы, такое расхождение в трактовке основных задач социальной науки? Вот почему нам постепенно стало ясно, что есть что-то глубоко порочное не только в стандартной философии науки, но и в стандартных социальных теориях, используемых для объяснения происходящего в *других, чем наука, сферах*. Вот что сделало исследователей, работающих в АСТ, на первый взгляд либо слишком критичными — их обвиняют в том, что они нападают «даже» на факты и не «верят» в «Природу» или во «внешнюю реальность», — либо чересчур наивными: они верят в активность «реальных вещей» «вне нас»¹⁰. В действительности АСТ пыталась внести изменения только в использование критического репертуара в целом, од-

¹⁰ Первая критика относится к периоду «Научных войн», вторую можно найти в: Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken; Schaffer S. The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour; и Woolgar S. The Turn to Technology in Social Studies of Science.

новременно отказавшись и от слова «природа», и от слова «общество», изобретенного для раскрытия «за» социальным феноменом того, что «происходит на самом деле». Тем не менее это означало полную переинтерпретацию того эксперимента, который мы проводили вначале ненамеренно, когда пытались социологически объяснить научное производство. В конце концов, много чего можно сказать в защиту красных тряпок в руках ловких топеро, если в итоге благодаря им удалось укротить дикого зверя.

СЧАСТЛИВЫЙ КРАХ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Позвольте мне для начала устранить ошибку, часто допускаемую по отношению к нашей изначальной области исследования людьми, с ней непосредственно не знакомыми, — а я боюсь, что это большинство живущих в мире. Предметное поле социологии науки зачастую представляют как *распространение* все той же привычной социологии социального на новый объект — научную деятельность. Почему-де социологам, исследовавшим религию, классовую борьбу, политику, право, поп-культуру, наркотическую зависимость, урбанизм, корпоративную культуру и т. д., вдруг останавливаться перед тем, что является отличительной чертой современных обществ, — наукой и технологией? Согласно этой точке зрения лаборатории и исследовательские институты — всего лишь очередные пункты в перечне тем, подлежащих рассмотрению с помощью обычных «ингредиентов» социальной методологии, уже использовавшихся повсюду «с таким успехом». Таково было почти единодушное мнение, и в том числе мнение наших коллег, вместе с которыми много лет назад мы начинали свои исследования и которых называют «социологами научного знания» (SSK) или, более туманно, «исследователями науки и техники» (S&TS)¹¹.

Если бы мне пришлось писать введение в социологию науки, я был бы рад идти под этим знаменем¹². Но поскольку я пытаюсь объяснить, что такое АСТ, я должен показать, каким обра-

¹¹ Хотя я никогда не пользовался этими обозначениями именно потому, что они поддерживают существование различных сфер, которые должны уничтожить, для меня не составляет проблемы сказать, что АСТ занимается наукой, техникой и обществом.

¹² Таких введений несколько. См.: Biagioli M. The Science Studies Rea-

зом она возникла из социологии науки, сделав крайние выводы, касающиеся не только науки, но и социальной теории. АСТ — не отрасль социальной науки, *успешно* распространившая свои методы сначала на научную деятельность, а потом на все остальное общество; это ветвь (а скорее, веточка), объединяющая тех, кто был до глубины души потрясен, попытавшись дать социальное объяснение строгим фактам науки. Исследователи, работающие в АСТ, это главным образом те, кто в результате тридцати с лишним лет занятия социологией науки пришел к совершенно не тем выводам, что их лучшие и ближайшие коллеги. Если эти последние думают, что социальная теория работает *даже в сфере науки*, то мы полагаем, что, в общем и частном, применительно к науке социальная теория потерпела такой *сокрушительный* провал, что можно без опасений считать ее *провальной всегда* и во всем. Социальные объяснения невозможно «распространить» на науку, не могут они распространяться и ни на что другое. Если социология претендует стать чем-то вроде науки (и мы разделяем эти притязания), она должна брать подобные барьеры без колебаний.

Чтобы убедить, что этот аргумент — не пустой парадокс, я должен объяснить, почему мы вынуждены были отвергнуть позиции своих друзей, конечно, не отказываясь от тесного сотрудничества и дружбы с ними! Из развития социологии науки было извлечено четыре вывода, оформившихся в виде позиций — я пренебрегаю пятой позицией, но сомневаюсь, чтобы она в действительности существовала. Предположительно она состоит в том, что наука — такая же «социальная фикция, как и все другие социальные фикции». Эта позиция явно незаинтересована в разработке социальной науки и в любом случае ничего не смылит в фикциях¹³.

der; *Bucchi M.* Science in Society: An Introduction to the Social Studies of Science; *Vinck D.* La sociologie des sciences.

¹³ Я часто сталкивался с таким обвинением, но никогда не читал когонибудь, кто бы это действительно утверждал. Тем не менее опровержение несуществующей позиции превратилось в своего рода строительную индустрию (см. книгу с подходящим названием: *Koergte N.* A House Built on Sand: Exposing Postmodernist Myths about Science). Как это обычно и бывает, путаница между релятивизмом (все сойдет) и релятивностью обошлась дорого. Как сказал Делез, «релятивизм — это не относительность истины, а истина отношения». (*Deleuze G.* The

Первая позиция совершенно предсказуема: социология науки *должна была полностью провалиться*, потому что объективной науке невозможно дать социального объяснения; факты и теории слишком строги, слишком техничны, слишком реальны, слишком вечны и слишком далеки от интересов человека и общества. Попытка социологически объяснить науку представляет собой противоречие, ибо по определению научно только то, что свободно от узких ограничений со стороны общества, под которыми, вероятно, имели в виду идеологию, политические пристрастия, субъективные настроения и бесконечные пустые дебаты. Научная объективность должна так и остаться скалой, о которую всегда будут разбиваться все амбиции социологии, скалой, которая всегда будет смирять ее гордыню. Такова реакция большинства философов, эпистемологов, и — что достаточно странно — большинства самих социологов: может существовать социология знания, псевдонаук, веры, внешних аспектов науки, — «ученые тоже люди», как гласит клише, — но не социология когнитивных, объективных, вневременных аспектов неопровержимых результатов науки¹⁴. Социологи *exeunt*¹⁵.

Второй, не такой крайний, вывод можно сформулировать так: чтобы быть уважаемой и успешной, социология должна держаться только тех предметов, которые согласно первому положению являются внешними. Социология науки должна ограничиваться изучением моделей карьеры, институтов, этики, публичного понимания, систем вознаграждения, правовыми спорами и лишь с великой осторожностью (без чрезмерного напора) предлагать установить «связи» между «когнитивными» факторами и «социальными измерениями». Такова позиция социологии *ученых* (в противоположность социологии *науки*), представленной, к примеру, Робертом Мертоном и позже — Пьером Бурдьё¹⁶.

Fold: Leibnitz and the Baroque (Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. — Примеч. ред.)

¹⁴ Эту позицию по умолчанию в ее хитроумнейшей версии можно обнаружить в: *Kitcher P. Science, Truth, and Democracy*; а также — в популярной — в: *Gross P. R., Levitt N., Lewis M. W. The Flight from Science and Reason*.

¹⁵ Уходят (*лат.*) — театральная ремарка. — Примеч. ред.

¹⁶ *Merton R. K. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. В довольно невнятной книге, написанной Бурдьё для объ-

Третий вывод сделан большинством наших коллег по социологии науки: в их глазах социологи предшествующего направления страдают чрезмерной робостью. Что же до тех, кто злорадно предрекал провал всех научных объяснений науки, то они впали в одну из форм чистого обскурантизма. Они никогда не были в состоянии объяснить, почему сама по себе наука не может быть предметом научного изучения¹⁷. С точки зрения исследователей, представляющих SSK и в целом STS, когнитивные и технические аспекты науки полностью поддаются изучению социологов. Это требует изобретательности, адаптации и осторожности, но обычные профессиональные средства тут вполне адекватны, хотя сложные проблемы рефлексивности и реализма могут у некоторых вызывать тошноту и головокружение¹⁸. Таким стало — и с достаточными основаниями — общее мнение социологов науки.

Но мы из того же самого эксперимента извлекли совершенно другой, четвертый, вывод, или, вернее, «мы», от лица которых я говорю в этой книге, и есть те, кто пришел к следующим заключениям:¹⁹

- а) всесторонняя социология науки вполне возможна — что противоречит философам науки, но согласуется с исследованиями науки в целом;

яснения разницы между его социологией ученых и исследованиями науки (science studies) говорится об этом различии. *Bourdieu P. Science de la science et réflexivité.*

¹⁷ Bloor Knowledge and Social Imagery; *Collins H. M., Pinch T. Frames of Meaning: the Social Construction of Extraordinary Science.*

¹⁸ См.: *Woolgar S. Science The Very Idea.* Вулгар проделал замечательную работу и вызвал у своих коллег даже еще большее головокружение, хотя всегда мудро и осторожно оставался в узких рамках антропоцентристского репертуара дискурса об объектах науки и технологии. Он показал, что зазор между словами и мирами становится даже шире, не заметив, что социология науки может послужить не только уроком иронии, но и уроком реализма.

¹⁹ Я не буду пытаться определить реальные размеры этого невероятно маленького «мы» и не уверен, что оно так уж существенно выходит за пределы дома номер 62 по бульвару Сен-Мишель в Париже (адрес Высшей горной школы, места работы Латура. — *Примеч. ред.*), и даже может ограничиваться его первым этажом! Я могу лишь претендовать на то, чтобы быть «репрезентативным примером» несуществующей группы.

- б) такая социология не может ограничиваться лишь внешним социальным контекстом науки — вопреки тем, кто стремится ограничить амбиции своей дисциплины изучением ученых и добровольно отказывается от технического и когнитивного содержания;
- в) научная практика — слишком твердый орех, расколоть который не под силу обычной социальной теории, и следует создать новую, такую, которая могла бы пролить новый свет и на «более тонкие» темы, — вопреки мнению тех наших коллег по предметному полю исследований науки, которые предпочитают не замечать в собственной деятельности угрозы своей первоначальной дисциплине²⁰.

Я не утверждаю, что именно такой итог волнующего приключения — социологического исследования науки неизбежен и единственно необходим. Я просто утверждаю: чтобы называться АСТ, надо превратить провал попытки дать убедительное социальное объяснение строгим фактам науки в доказательство. Главное не в том, что социология науки обречена на провал, а в том, что необходимо переделать социальную теорию²¹. Поскольку *experimenta crucis* (решающих экспериментов) нет ни в физике, ни в социологии, я не могу доказать, что это единственный путь, по которому нужно идти, но могу заявить, что если воспользоваться этим провалом — социальное объяснение науки невозможно — как трамплином, то перед социальной теорией открывается новый путь: социальное никогда ничего не объясняло; наоборот, оно само нуждается в объяснении. Этим понятием социального объяснения и нужно заняться.

²⁰ Отправной точкой легко сделать две дискуссии с нашими друзьями из SSK (*Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken*). Наш ответ см. в: *Callon M., Latour B. Don't throw the Baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley*; см. также: *Bloor D. Anti-Latour*; и мой ответ в: *Latour B. For Bloor and Beyond — a Response to David Bloor's «Anti-Latour»*.

²¹ Этот пароль мог бы прекрасно избавить от чтения многого из того, что приписывали АСТ, когда эта социальная теория была перевернута с ног на голову и использовалась как универсальная, работающая на любой территории «методология», применимая к любой сфере без всяких изменений в ней самой (см.: *Интерлюдия*, с. 197). И наоборот: множество работ по истории науки и технологии могло рассматриваться как АСТ.

Наши коллеги предпочитают говорить: «Социальное объяснение науки потерпело провал, потому что оно противоречиво». Они могли бы сказать и так: «Оно хорошо работает, давайте дальше заниматься делом как обычно». Но АСТ отвечает: «То, что оно потерпело столь сокрушительный провал, дает нам сейчас великий шанс, поскольку, может быть, это наконец приведет социальную теорию в чувство». Подобно тому как отцы церкви благословляли грех Адама как *felix culpa* (счастливую вину), в конечном счете способствовавшую искуплению Христом людских грехов, я могу сказать, что провал социального объяснения науки стал великим шансом для социальной теории.

Если наше решение сделать из этого эксперимента подобные выводы и невозможно обосновать, оно, тем не менее, далеко не легковесно, — как если бы мы приняли его развлечения ради, просто «*эпатуруя буржуазию*». Есть великолепная причина — по крайней мере, ретроспективно — того, что социальная теория должна была вдребезги разбиться о частный случай науки: социологи в первый раз реально проводили исследование, глядя *снизу вверх*.

Пока лаборатории, механизмы и рынки не были подвергнуты тщательному критическому изучению, Объективность, Эффективность и Полезность — три грации модернизма — просто принимались на веру. У социологов сформировалась опасная привычка исследовать только те виды деятельности, которые *отличались* от этих позиций по умолчанию: эту иррациональность следовало объяснять; рациональность же никогда не нуждалась в дополнительном обосновании; прямая дорога разума не требовала никакого социального объяснения, — только лишь извилистые отклонения от нее²². Поэтому ни разу не было предложено ни одной настоящей проверки, которая позволила бы увидеть, работает ли социальное объяснение чего угодно на самом деле, или нет, — ведь сама рациональность никогда не ставилась под вопрос. Информанты социологов — даже промышленные магнаты, гении искусства, кинозвезды, чемпионы по боксу или государственные деятели — всегда были отмечены

²² В этом непреходящий вклад принципа симметрии Давида Блуря, который был единственным способом вырваться из-под удушающего влияния социологии знания, сводившейся к изучению иррационализма.

печатью меньшей рациональности, меньшей объективности, меньшей рефлексивности, меньшей научности или меньшей академичности в сравнении с проводившими исследование. Так что социологи, что бы там они сами зачастую ни говорили, в процессе исследования всегда занимали позицию, позволяющую смотреть «сверху вниз», поскольку сила науки оставалась на их стороне и сама по себе не подвергалась тщательному изучению. Религия, поп-культура, мифические космологии, рынки, корпорации, даже произведения искусства никогда не обладали такой силой, как наука о социальном, *заменявшая* все эти тонкие вещи более твердой субстанцией скрытых социальных объединений, их сил, структуры и инерции. Механизмы *explanans* всегда были выкованы из более крепкой стали, чем механизмы *explanandum*: машина легко выдавала доказательства и гнала потоком данные.

Например, верующие, подвергаясь «социальному объяснению», никогда не вопили от ярости. Да и кто бы их услышал? Если что, их крики послужили бы вящим доказательством того, что они не могут спокойно видеть, как их причудливые архаические иллюзии находят объяснение в холодном свете неумолимых социальных фактов. И то же самое было бы, если бы политики, бедняки, рабочие, фермеры и художники вопили, когда их «помещают в социальный контекст». Кто бы слушал трехсотлетней давности протесты верующих из тропиков против обвинения в фетишизме? Они могли роптать или пожимать плечами, но так никогда и не *отразили* приведенных социологами аргументов. Так кто бы стал оценивать эффективность социальных объяснений? Уж конечно, не представители критической социологии, — в частности, потому, что их «объяснения» всегда состоят в нападении на проблемы, которые их самих не слишком волнуют. И социальное объяснение не только никогда не наталкивалось на противодействие, но его кислота без труда разъедала вопросы, которые не могли волновать социологов меньше, поскольку они в своей почти профетической устремленности к эмансипации пытались помочь людям освободиться от них! Что же могло пробудить их от догматической спячки? Разве что мягкий гул лабораторного кондиционера!

Это и была Архимедова точка опоры, которую искала социальная теория... Наука представляла совершенно иной вызов, и именно по этой причине мы сразу ухватились за него, хотя

по соображениям логики я в этой книге поставил его на четвертое место. Социологи не только всем сердцем заботились о науке, — она оставалась их единственным сокровищем с тех пор как жестокое разочарование в модернизме сокрушило все старые идеалы. Превыше объективности, всеобщности и научности не было ничего, чем стоило бы дорожить. Их единственная надежда была на то, чтобы стать полноценными учеными. Но вот социологам впервые привелось исследовать нечто такое, что было *выше, крепче и сильнее* их самих. Впервые *explanandum* сопротивлялся, а *explanans* сточил об него зубы до корней. Мало того: теперь крики изучаемых могли слышаться громче и яснее, и доносились они не с Бали, из разных гетто, телевизионных студий, корпоративных залов заседаний или американского Сената, а из-за двери соседнего отдела, от коллег из тех же комитетов по трудовому найму и распределению грантов.

Теперь, наконец, настала пора подвергнуть социальные науки эксперименту, который никогда раньше не проводился: какое у нас есть доказательство тому, что социальное объяснение работает, когда исследование ведется «*снизу вверх*»? Когда нельзя игнорировать реакции изучаемых? Когда «культурный капитал» изучаемых бесконечно больше, чем у тех, кто проводит исследование? Когда объекты, которые надо подменить «социальной силой», явно гораздо сильнее, многообразнее, долговечнее, чем сама социальная сила, посредством которой их предполагают объяснять? Когда истины, которые надо объяснять, в равной мере ценны и для тех, кто исследует, и для тех, кого исследуют, — как единственное сокровище на земле, за которое стоит бороться? После двух столетий не стоившего труда уничтожающего объяснения поведения и верований фермеров, бедняков, фетишистов, фанатиков, священников, юристов и бизнесменов, гнев которых редко регистрировался (при этом сами объяснения никогда невозможно было сравнить один к одному с тем, что объяснялось), мы, наконец, собрались посмотреть, способно ли социальное *объяснить* что-то *еще*, или нет. Для химиков, проектировщиков ракет и физиков обычное дело видеть свои лаборатории взорванными, но тут кабинет социолога через какую-то секунду мог подвергнуться эксперименту настолько рискованному, что у него даже была возможность провала! И вот — взорвалось. Я помню, как тридцать лет назад, проработав неделю в лаборатории Роже Гийомена,

я пришел к выводу, который находил неизбежным: социальным нельзя подменить ни малейший полипептид, ни мельчайший камешек, ни безобиднейший электрон, ни самого ручного из бабуинов. Объекты науки могут объяснять социальное, но не наоборот. Никакой опыт не потряс меня сильнее, чем тот, что я видел собственными глазами: социальное объяснение растаяло в воздухе.

Естественно, многие отрасли социальной науки предпринимали аналогичные попытки, в частности, они осуществлялись в феминистских исследованиях, исследованиях сексуальных меньшинств, в ряде культурных исследований и большинстве антропологических. Но разве так уж несправедливо было бы сказать, что эти направления работы рисковали остаться периферийными, маргинальными и экзотическими до тех пор, пока *контрастировали* с научной объективностью, считавшейся не подлежащей такого рода рассмотрению? Заслугой исследований науки и подобных ей отраслей социологии стало то, что был поколеблен стандарт, сравнение с которым делало их маргинальными или просто «частными». После исследований науки любая социальная дисциплина может заниматься исследованиями «снизу вверх»²³.

В СОЦИАЛЬНОМ ОБЪЯСНЕНИИ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ

Трудность заключалась в том, чтобы осмыслить этот опыт, и это отняло очень много времени. То, что ученые иногда сердились на нас, само по себе было не так уж важно. Исследование «снизу вверх» не означает подчинения повестке тех, кого мы изучаем: то, что несколько недовольных ученых думают о нашем исследовании, — это их дело, не наше. Насколько я могу судить по вызывающим неловкость эпизодам того, что получило название «Научные войны», эти ученые, вероятно, сочли, что сверкающую чистоту науки никогда не должны пятнать прикосновения грязных и жирных пальцев каких-то социоло-

²³ Здесь источник моей шовинистической приверженности своей любимой маленькой подобластью науки. С этих пор наука тоже «конкретная сфера», а не то, что делает «конкретными» все другие виды деятельности.

гов²⁴. Если встречи с нами так ничему их и не научили, тем хуже для них, и с этим ничего не поделаешь. Но даже если они извлекли неверные выводы, их ярость из-за того, что именно в их деятельности социологи столь явно оставили без объяснения, для меня послужила серьезным знаком. Как бы они ни заблуждались в своей реакции, она показала, что социальное объяснение всегда содержит какую-то подтасовку. Зачастую вместо установления связи между двумя сущностями получается так, что одна сущность *подменяется* другой. И тут необходимый поиск причинно-следственной связи превращается в совершенно иное предприятие, опасно похожее на ловкость рук.

Как это происходит? Так происходит, когда сложное, уникальное, специфичное, вариативное, множественное и оригинальное выражение подменяется простым, расхожим, го-могенным, многоцелевым термином под предлогом того, что последний может служить объяснением первому. Например, когда вы пытаетесь связать революцию, произведенную Луи Пастером в медицине, с небольшим рядом терминов, характеризующих Вторую французскую империю; или когда стараетесь объяснить «Комнату в Арле» Ван Гога с помощью горстки способных означать что угодно высказываний о рынке художественных произведений. То, что начиналось как классический и вполне заслуживающий уважения поиск объяснения, заканчивается замещением *explanandum-a* и *explanans-m*. Если в других науках причины *добавляются* к феномену, то социология, возможно, единственная дисциплина, где «причины» рискуют произвести странное действие — заставить совсем исчезнуть тот феномен, который они были предназначены объяснить.

Вот какую интерпретацию я предпочитаю дать «Научным войнам»: ученые заставили нас осознать, что у того типа социальных сил, который мы рассматривали как причину, не было ни малейшего шанса иметь своим следствием объективные факты²⁵. Не только из-за недостатка у нас уважения к ним, — в таком случае мы бы проигнорировали их претензии или даже

²⁴ См.: Jurdant B. Impostures intellectuelles. Les malentendus de l'affaire Sokal; и Jeanneret Y. L'affaire Sokal ou la querelle des impostures.

²⁵ Я пользуюсь понятием «Научные войны» для обозначения общей реакции ученых на то, что их подвергли исследованию, хотя между началом действительно серьезных социологических исследований на-

гордились бы их разоблачением²⁶, — но потому что мы не смогли обнаружить никакой *непрерывности* между выдвигаемыми нами каузальностями и объектами, к которым они присоединились. Благодаря коленному рефлексу ученых, игнорировать который нельзя, поскольку они имеют дело с более строгими фактами, чем наши, и занимают академические посты в опасной близости от нас, мы постепенно пришли к осознанию того, — так как хотели этого, — что такая ловкая подмена могла пройти *незамеченной во всех* других разделах социальных наук, и даже когда мы осуществляем исследование «сверху вниз», а не «снизу вверх». В таком случае не только наука, но и *вся социальная теория в целом* всегда создавала более строгие объекты, чем социальные силы, используемые для их объяснения, — фетиши, верования, религии, культуры, искусство, право, рынки. Даже когда акторы не протестовали, а сигнал тревоги молчал, законодательная деятельность социологов, казалось, идет как по маслу и к всеобщему удовлетворению, знаменуя новый успех их «научного метода».

АСТ не утверждает, что во всех других сферах социального знания дело обстоит благополучно, и только наука и технология нуждаются в особой стратегии, так как они намного строже, намного важнее, намного респектабельнее. Она заявляет, что поскольку социальное объяснение потерпело столь жалкий провал применительно к науке, оно неизбежно провалится везде: наука находится в особом положении только в том смысле, что практикующие в ней люди не позволили социологам пройти их тропой и разрушить их объекты «социальными объяснениями», выражая свое несогласие громко и ясно. «Информанты» сопротивлялись везде, но не столь заметно, — из-за их более низкого статуса, или, когда сопротивление было замече-

уки и горькими эпизодами, начало которым положили публикации «научных воинов», прошло почти двадцать лет.

²⁶ Именно это и сделало столь опасной любую критику. Разоблачение превратилось в лучший способ для аналитика защититься от воплей неверно понятых, пусть даже взяв на себя роль доблестного иконоборца, который один «видит насквозь» тайны, к которым наивно привязаны обычные люди. Об этой иконоборческой антропологии см.: Latour B., Weibel P. Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art.

но, ярость информантов только приплюсовывалась к данным, полученным критическими теоретиками как еще одно доказательство того, что «наивные акторы» цепляются за свои любимые иллюзии даже перед лицом самых очевидных опровержений. Ученые — не особый случай *непослушания*: просто мы благодаря исследованиям открыли заново, что оно по-прежнему должно иметь место где угодно, — будь то в социальных или естественных науках²⁷. Как мы увидим дальше, наша работа социологов в том и заключается, чтобы создавать непослушные жесткие факты и страстных возражателей, *сопротивляющихся* социальным объяснениям. Ведь на самом деле социологи всегда обращали исследования «снизу вверх»²⁸.

Может ли это привести к науке социального после стольких попыток вывести социологию «на твердую тропу науки», как говорил Кант? Это мы еще посмотрим. Пока что ясно то, что наука как деятельность — это лишь *часть проблемы*, так же как и часть ее решения, и что сейчас никакая социальная наука невозможна без решительной социологии науки в своем ядре, способной убить до сих пор выкармливаемую ею змею социального объяснения. Пока же то, что именуется «эпистемологией социальных наук», просто собрало в себе недостатки традиционных концепций эпистемологии и социологии.

Для того чтобы можно было использовать ее с пользой, а не просто как пример того, насколько рефлексивно социологи пилят сук, на котором им неудобно сидеть, нужно проделать еще кое-какую работу. Если мы хотим продолжать движение, то нужно полностью усвоить то открытие — я не вижу причин

²⁷ Я бы никогда не сориентировался здесь без работы: *Stengers I. Power and Invention*; и *Stengers I. The Invention of Modern Science*. См. статью, интерпретирующую ее идею в: *Latour B. How to Talk about the Body? The Normative Dimension of Science Studies*.

²⁸ С самого начала это было важнейшей интуицией Гарольда Гарфинкеля. И это верная позиция, которую занимают почти все в социальных науках, поскольку на практике очень редко случается, чтобы хорошие наблюдатели могли придерживаться собственной социальной теории. Вот что делает книгу Пьера Бурдьё (*Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice*) столь проницательной. Эта позиция полного уважения лежит в основе чикагской школы социологии и всей работы Г. Беккера (*Becker H. Art Worlds*).

избегать этого громкого слова, — что нельзя выдавать за объяснение подмену явления социальным.

Сложность тут заключается в самом слове «подмена». Я вполне понимаю, что даже самые позитивистски настроенные социологи социального, естественно, возразят, что никогда, давая, скажем, социальное объяснение религиозному рвению, не намеревались «в буквальном смысле» *подменить* статуи, курение благовоний, слезы, молитвы и паломничество «некоей субстанцией» вроде «социального единства», скрытой «за» клубами дыма. Они скажут, что не столь глупы. То, что они «на самом деле имели в виду», должно существовать «за» многообразием религиозного опыта, — это другая, более глубоко скрытая, более могущественная сила, возникающая «благодаря обществу» и объясняющая, почему религиозный пыл сохраняется «несмотря на тот факт», что существа, к которым обращаются в молитвах (боги, божества), «на самом деле не существуют». Аналогичным образом, поскольку объекты искусства не обладают внутренними свойствами, вызываемые ими эмоции должны возникать из какого-то иного источника, чем, возможно, и объясняется непреходящий интерес людей к шедеврам.

Таким образом, социологи «на самом деле имеют в виду» не то, что какую-то социальную силу можно увидеть «вместо» богов и божеств или «в дополнение» к произведениям искусства, а лишь что эта сила и придает им длительное существование *в отсутствие того*, что, по словам акторов, должно быть прочной субстанциальной плотью их божеств и шедевров. Надо заметить, что, в противоположность обычно происходящему в естественных науках, тут задача объяснения ставится только тогда, когда возникает глубокое *подозрение* насчет самого существования объясняемых объектов. Критические теоретики добавили бы к этому, что такое обнажение социальной реальности было бы невыносимо для акторов, поскольку разрушило бы необходимую им иллюзию, что и заставляет общество поддерживать эту «завесу ложного сознания». Таким образом, в их объяснении социальные силы играют сложную роль: одновременно и того, что нужно постулировать для объяснения всего, чего угодно, и того, что по многим причинам должно оставаться невидимым. Эти противоречащие друг другу требования очень напоминают эфир XIX века, который одновременно должен был быть и бесконечно жестким, и бесконеч-

но эластичным. Ничего удивительного: как и эфир физиков, социальное социологов — это артефакт, порожденный все тем же недостатком релятивности в описании.

В этом-то и трудность²⁹. Когда я начинаю задавать наивные вопросы о том, что на самом деле имеется в виду под социальным объяснением, мне советуют не понимать существование социальных сил «буквально», так как разумные социологи никогда не заявляли, что могут реально *заменить* обществом объект, который с его помощью объясняют. Они говорят, что пытаются объяснить известными причинами неизвестный феномен или, как их любимые естественные науки, найти неизвестные причины известных феноменов. Прекрасно, но возникает трудность, проистекающая из уже обнаруженного нами двойственного понимания социального: за безобидным эпистемологическим требованием поиска социальных объяснений скрыто онтологическое требование к этим причинам задействовать силы, сделанные из социальной субстанции. По причинам, которые станут яснее во второй части этой книги, объяснение — это не таинственное когнитивное деяние, а очень практическое, мирозозидающее предприятие, состоящее в связывании одних сущностей с другими, то есть в прослеживании сети. Таким образом, АСТ не может разделять философию причинности, используемую в социальных науках. Каждый раз, когда о некотором *A* говорится, что оно связано с некоторым *B*, создается само социальное. Если мои сомнения насчет социальных объяснений и выглядят пристрастными, слепыми и назойливо буквалистскими, то лишь потому, что я не хочу путать сборку коллектива с простым описанием уже собранных сущностей или с пучком гомогенных социальных отношений. Таким образом, важно как можно раньше выявлять любое фокусничество в объединении коллектива. Разве несправедливо сказать, что в руках современных «социальных объяснителей» упоминания социального рискуют превратиться в бесплодное повторение? Что ссылки на таящийся сзади мир общества даже более пусты, чем обещания загробной жизни?

Если «социальные объяснители» не в буквальном смысле заменяют явление социальной силой, то что они имеют в виду, го-

²⁹ Я благодарен Жерару де Вризу за помощь в этом водовороте. Если я не выплыву, то не его вина.

воря, что существует некая сила «позади иллюзорных видимостей», образующая «подлинную субстанцию», из которой «на самом деле» состоят боги, искусства, право, рынки, психология и верования? Что за сущность играет главную роль, *ничего не делая при этом*? Что это за отсутствие/присутствие? Что касается меня, то мне оно кажется даже таинственнее догмата Святой Троицы, и меня не убеждает, когда именно *этой* тайной предполагается полностью объяснить религию, право, искусство, политику, экономику, империи или просто откровенно все, включая Святую Троицу! И я не считаю честным при этом прятаться за утверждение, что социология — не философия, что теории спорны, что у хороших социологов нет времени на расщепление волосков, что они слишком заняты эмпирическими проблемами, или что на них легли всей тяжестью задачи эмансипации. Если социология всякий раз, когда речь заходит о тонких материях, впадает в антиинтеллектуалистский ступор, то почему она называет себя наукой?

Именно здесь, на перепутье, нам придется сделать выбор и стать буквалистами, наивными и близорукими. Отказ «понимать наполовину» иногда бывает достоинством. В конце концов, физики отказались от гипотезы эфира, лишь когда среди них нашелся один достаточно слабоумный, чтобы задаться вопросом, как маленькая стрелка часов могла «наложиться» на большую; все это знали, а он предпочел не знать³⁰. Я — со всем должным уважением — предлагаю поступить так же с великой тайной социального. Видно, все знают, что такое «связать» религию и общество, право и общество, искусство и общество, рынок и общество, чтобы возникло что-то одновременно и «находящееся позади», и «усиленное», и «невидимое», и «отрицаемое». Но я не знаю!

Я, со своим добровольно зауженным мышлением, сказал бы, что если о социальном элементе *A* говорится, что он — «причина» существования *B*, *C* и *D*, то тогда должно быть не только возможно воспроизвести *B*, *C* и *D*, но *A* должно объяснять различия между *B*, *C* и *D*, за исключением ситуации, когда может быть показано, что *B*, *C* и *D* *одно и то же*, и в этом случае раз-

³⁰ См.: *Einstein A. Relativity, the Special and the General Theory*. О стадиях этой рематериализации см.: *Galison P. Einstein's Clocks, Poincaré's Maps*.

личия между ними могут быть объявлены не имеющими значения. Если вы просмотрите литературу по социальной истории и увидите, причиной *скольких вещей* является, как полагают, «сила общества», — тут и развитие современного государства, и подъем мелкой буржуазии, и воспроизводство социального господства, и власть промышленных лобби, и невидимая рука рынка, и индивидуальные взаимодействия, — то отношение здесь может быть только такое, при котором у одной причины миллион следствий³¹. Но причина есть причина. Способен ли причиняющий элемент служить объяснением различий между миллионами следствий — в этом случае я могу произвести *B*, *C* и *D* в качестве следствий, имея *A* как причину? Или эти различия между миллионами событий на самом деле имматериальны — в этом случае если я просто держусь причины *A*, то подразумевается, что я все считаю важным, кроме маргинальных пертурбаций? В обоих случаях причина *A* действительно для любых практических целей *может заменять* миллионы *B*, *C*, *D* и т. д. Но действительно ли «подъем мелкой буржуазии» объясняет мне, что происходило в Англии, Франции и Германии с XV по XX век? На самом ли деле «автоматическая обратная связь невидимой руки» объясняет мне миллионы рыночных взаимодействий по всему миру? Если мне известен закон падающих тел, схватываю ли я все относящееся к делу и во взаимодействии планет, и в движении маятника старинных часов моей матери? Содержат ли «общество» или «рынок» в *потенции* то, причиной чего они, как считается, являются, или нет? «Конечно, нет, — ответил бы слаженный хор социальных теоретиков, — мы никогда не придерживались столь глупой философии причинности». Но тогда какую именно роль они на самом деле приписывают «социальным силам»?

³¹ Именно это социальные объяснители находят столь убедительным в своей трактовке причинности, и это заставляет их так гордиться своими научными достижениями. В причине такая сила, что ею столь многое можно объяснить! Но им следует более внимательно присмотреться к тем способам, посредством которых ученые-естественники устанавливают связи между феноменами и их причинами. Обычно это означает, что неизвестное может не только порождать известное, но и глубоко проникать в будущее неизвестное. См. яркий пример в: *Bensaude-Vincent B. Mendeleev's periodic system of chemical elements.*

Разумеется, я сейчас описываю мысленный эксперимент, который никогда не проводился, поскольку социальные наблюдатели никогда не собирались так жестко испытывать свои причинные связи. Они бы с легкостью согласились, что социальная гравитация не похожа на Ньютонову. Вынужденные отступать, они, я думаю, сказали бы, что пытались представить более скромный, смутный и неопределенный тип причинности: «некие отношения» и «корреляции» между различными «факторами». Но именно здесь и не должно быть неясности: что это конкретно за воображаемое отношение между социальным фактором и каким-либо другим феноменом? Вот где мы должны снова воспользоваться введенным мною выше важным различием между проводником и посредником. Рассматривается ли элемент *B*, возникновение которого запускается фактором, как *посредник*, или истолковывается как проводник некой силы, которая просто переносится в нетронutom виде благодаря активности «фактора»? Мы снова должны быть очень практичными и насколько возможно близорукими: мы говорим здесь не о великих эпистемологических проблемах, а о средствах перемещения, движениях, смещениях и системах транспортировки³². Мы должны быть настолько упрямыми, насколько это возможно. Если какой-то «социальный фактор» *транспортируется* через проводников, то все важное в *самом факторе*, а не в проводниках. Для всех практических нужд фактор можно заменить проводниками без всякой потери нюансов. Если общество объясняет религию, то достаточно общества. Если общество объясняет право, то достаточно общества. Если общество объясняет науку, то...

Тут все рухнет. Почему? Потому что в этом случае и *только в этом* как исследователям, так и информантам с самого начала было ясно, что «факторы» не могут передавать никакого действия ни через какое событие, сведенное к статусу проводника. Да, у Эйнштейна была бурная молодость, и он называл свою теорию «революционной» и «релятивистской», но это не проведет вас по всей дороге *через* применение им уравнений

³² Это упорство окупится в самом конце книги, когда мы сделаем возможной встречу с существами, делающими возможным действие, — встречу, которую так надолго задержала несвоевременная сборка коллектива в форме общества (см. с. 321).

Максвелла, а по их окрестностям³³. Да, Пастер был в чем-то реакционен и боготворил императрицу Евгению, но это обстоятельство не столь уж поможет вам пройти через его бактериологию, пусть даже «оно не может быть несвязанным» с тем, что он, к примеру, отрицал самозарождение³⁴. Когда нужно перенести социальные объяснения в святилище науки, факторы обнаруживают печальное обыкновение исчезать! Естественно, так всегда и бывало при транспортировке всех других существ в различные святилища — права, религии, технологии, рынков и субъективности. Но до исследований науки никто никогда не замечал, как быстро они полностью останавливаются. Никогда не проводившаяся в социальной теории экспериментальная проверка того, что на самом деле имеется в виду под социальным объяснением чего угодно, шла каждый день в нашем маленьком исследовательском поле, когда писались статьи по истории и социологии естественных наук. Вот что сделало исследования науки столь совершенным испытанием для всей социологии: благодаря попыткам социального объяснения строгих фактов науки мы, наконец, приблизились к пониманию того, что все имеют в виду под «социальным». Вот площадка для решающего большого прыжка: *Hic Rhodus, hic salta*³⁵.

ПЕРЕВОД *versus* ПЕРЕНОС

Теперь мы добрались до места возникновения того, что получило название «акторно-сетевой теории», или, точнее, «социологии перевода». К сожалению, последнее название никогда не употребляется в английском языке. Как я уже говорил, АСТ — это просто осознание того, что в истории и социологии строгих научных фактов произошло нечто необычное: настолько необычное, что социальная теория не более способна пройти через него, чем верблюд — сквозь игольное ушко.

³³ Классический пример такого объяснения дается в: *Feuer L. S. Einstein and the Generations of Science*.

³⁴ См. типичный случай, описанный в: *Farley J., Geison G. G. Science, Politics and Spontaneous generation in 19th-century France: the Pasteur-Pouchet Debate*; и *Geison G. G. The Private Science of Louis Pasteur*.

³⁵ Здесь Родос, здесь прыгай (*лат.*). — *Примеч. ред.*

Рубикон был перейден, по крайней мере, для меня, когда были последовательно признаны отношения трех ранее считавшихся не-социальными объектов (микробы, морские гребешки и рифы), упрямо занимавших странную позицию *ассоциирования* с давними социальными сущностями, которые мы пытались описать³⁶. Либо эти объекты исключались из социальной теории, поскольку выглядели недостаточно социальными, либо они в нее включались. Но тогда должно было фундаментальным образом измениться само понятие социального. Это второе решение стало ключевым пунктом того, что впоследствии получило название АСТ.

Допустим, рыболовы, океанографы, союзники и гребешки могут находиться в каких-то *отношениях* друг с другом, причем это отношения такого рода, что одни *побуждают* других делать неожиданные вещи, — этим, как мы уже неоднократно видели, определяется посредник. Есть ли в этом сцеплении хотя бы один элемент, который можно было бы назвать «социальным»? Нет. Ни работа союзников, ни повадки гребешков не станут понятнее благодаря *добавлению чего-то социального* в их описание. Социальное социологов, таким образом, становится тем, чем оно всегда и было, а именно лишним, совершенно избыточным «арьергардным» миром, ничего не прибавляющим к миру реальному, кроме искусственных головоломок, — в точности, как эфир до того, как теория относительности помогла физикам заново разработать динамику. Этап первый: социальное исчезло.

С другой стороны, есть ли в развернутой цепи что-то такое, что можно было бы назвать *не-социальным* в смысле принадлежности к миру, далекому от ассоциаций, к примеру, «материально объективному», «субъективно символическому», или к сфере «чистой мысли»? Нет. Морские гребешки *побуждают* рыболова *совершать* разные *действия*, — подобно тому как сети, закинутые в океан, приманивают гребешков, которые сами плы-

³⁶ См.: Latour B. Les microbes, guerre et paix, suivi de Irréductions; Law J. On the Methods of Long-Distance Control Vessels Navigation and the Portuguese Route to India; и, конечно, теперь ставшую легендарной статью о морских гребешках: Callon M. Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and the fishermen of St Brieux Bay; которую я кратко излагаю в этом разделе.

вут в сеть, и подобно тому, как океанографические базы данных сводят вместе рыболовов и гребешков. Прочитав о первых трех неопределенностях, мы узнали, что изучение таких связей может быть эмпирически сложным, но оно уже не запрещено априори в силу «очевидных возражений», что «вещи безмолвны», «рыболовные сети бесстрастны» и «только у людей есть намерения». Социальное не находится *ни в каком конкретном месте* как вещь среди других вещей, — но оно может циркулировать *повсюду* как движение, связывающее не-социальные вещи. Этап второй: социальное возвращается как ассоциация.

Мы еще не знаем, как связаны все эти акторы, но до того как стартует исследование можем утверждать в качестве новой позиции по умолчанию, что все акторы, которых мы разберем, могут *вступать в ассоциации, заставляя других действовать так или этак*. И происходит это не посредством переноса (transporting) некоей силы, остающейся *все той же* благодаря надежному проводнику, а посредством осуществления *трансформаций*, проявляющихся во множестве неожиданных *событий*, запускаемых в других, *следующих далее* в цепи, посредниках. Я назвал это «принципом ирредукции», и именно в этом и состоит философское значение АСТ: цепочка посредников не образует тех же связей и не требует объяснений того же типа, что и ряд проводников, переносящих причину.

Когда исследователи науки берутся объяснять теорию относительности Эйнштейна, бактериологию Пастера, термодинамику Кельвина и т. д., они должны очерчивать между сущностями связи, совершенно отличные от тех, что ранее рассматривались как последовательность социальных объяснений. Они утверждают, что фактор — это *один актер в цепи* акторов, а не *причина*, за которой следует *ряд* проводников. Как только они начинают так считать, то видят, к своему великому удивлению, как практические детали наличной ситуации сами дают объяснение тому контексту, посредством которого предполагалось объяснять эту ситуацию. Сама бактерия Пастера вдруг оказывается объяснением — благодаря новому индикатору инфекционных болезней — изрядной доли того, что во Второй империи во Франции считалось «социально обусловленным»: зараженные и незараженные люди не образовывали той же формы общности, как, скажем, богатые и бедные. Вектор причинно-следственной связи между тем, что нужно

объяснить, и тем, что обеспечивает объяснение, не просто направляется в обратную сторону, но полностью переворачивается: инфекция перекраивает социальные карты. Британская империя не только стоит за телеграфными опытами лорда Кельвина, но и приобретает благодаря им большую досягаемость в пространстве, быстроту реагирования, долговечность, которых никогда бы не имела без незаметного кабеля, проложенного по дну океана. Научная деятельность Кельвина отчасти творит саму Империю, которая уже не является фоном, управляющим им помимо его воли, Империю делают существующей телеграфные провода, превратившиеся в полноценных посредников³⁷. Именно такое обращение причинно-следственной связи АСТ и пыталась зафиксировать вначале в отношении науки и технологии, а затем в отношении любой другой сферы³⁸. Вот откуда она взяла свою странную идею, что социальное должно не служить объяснением, а само быть предметом объяснения. Мы задумались: раз уж нам удалось описать столько посредников, то следовало бы понять, что уже нет необходимости в каком-то обществе «на заднем плане»³⁹.

Как я говорил во введении, использование слова «социальное» применительно к подобному процессу легитимировано первоначальной этимологией слова *socius*: «сопровождающий кого-то другого», «последователь», «спутник». Для обозначения того, что не является ни актором наряду со многими другими, ни силой, скрытой за всеми актерами и переносимой

³⁷ См.: *Smith C., Wise N. Energy and Empire: A Biographical Study of Lord Kelvin*; и *Smith B. C. The Devil in the Digital Details. Digital Abstraction and Concrete Reality*.

³⁸ И еще раз: каждый в области истории, антропологии, истории искусств и истории бизнеса все время делал то же самое. См. поразительный пример в: *Ginzburg C. The Cheese and the Worms: The Cosmos of a 16th-Century Miller (Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М.: РОССПЭН, 2000. — Примеч. ред.)*; чтобы научиться относиться с уважением к метафизикам мельников. См. также: *Chandler A. D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*; предлагающего объяснение беспрецедентного роста компаний.

³⁹ Если бы мы раньше ознакомились с Габриэлем Тардом, то не потратили бы столько усилий или, по крайней мере, не встали бы в довольно глупую позу первооткрывателей новой социальной теории.

некоторыми из них, а представляет собой связь, транспортирующую, так сказать, трансформации, мы пользуемся словом «перевод». Непростое понятие «сеть» определяется в следующей главе как то, что *прослеживается* посредством таких переводов в исследовательских описаниях⁴⁰. Таким образом, слово «перевод» теперь приобретает специализированное значение: это отношение, не переносящее причинно-следственную связь, а приводящее к сосуществованию двух посредников. И если какая-либо причинно-следственная связь выглядит переносимой предсказуемым и рутинным способом, то это доказывает, что другие посредники расставлены по местам, чтобы сделать это перемещение гладким и предсказуемым (см. вторую часть). Теперь я могу точнее сформулировать цель социологии ассоциаций: общества нет, социальной сферы нет, социальных связей нет, *а есть переводы между посредниками, которые могут породить прослеживаемые ассоциации*. На протяжении этой книги мы будем учиться расширять зазор между типом объяснения, основанным на использовании термина «социальное» в его традиционном понимании, и этим — другим — типом, нацеленным на развертывание цепочек посредников. Освоить АСТ — значит всего лишь стать чувствительным к различиям между двумя этими типами объяснения в литературном, научном, моральном, политическом и эмпирическом измерениях.

ОПЫТА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВИДИТ ГЛАЗ

В таком понимании ассоциации может показаться шокирующим не только тот диковинный новый смысл, который придается слову «социальное», но и необычное место, отведенное так называемым природным объектам. Причем оба конечных звена этих цепочек, «социальное» и «природное», нужно устранить одновременно. Эту симметрию редко понимают те, кто трактует АСТ как социологию, «распространенную на не-человеков», — как будто не-человеки сами не должны были претерпеть такую же огромную трансформацию, как и социальные акторы. И если и то и другое не отбросить в одно и то же время, мы будем вести свои полевые исследования впустую: ка-

⁴⁰ Каллон явно ссылается на работу: *Serres M. La Traduction* (Hermès III).

кие бы новые связи мы ни проследили, одним силам прилепят ярлык «социальные», а другим — «природные», и их несоизмеримость сделает невидимым вычерчивание того, что мы понимаем под социальными связями. То, как эти силы связываются, будет навсегда потеряно: гребешки снова уйдут в глубокий океан природных, материальных, объективных и неинтенциональных фактов, а рыболовы соберутся в убогой хижине, над входом в которую, как в старые недобрые времена апартеида, будет написано: «только для интенциональных человеков». А социологи вернутся с полевых исследований с пустыми руками, все результаты будут испорчены разделением, противоречащим самой практике, которой они пытались дать объяснение: рыба не встретится с рыболовами, — ведь «природное» не встречается с «социальным», «объект» с «субъектом», «материальное» с «символическим», — а с океанографами тем более. Не нужно путать социальную теорию с кантианством.

Чтобы сделать это возможным, мы должны освободить факты от редукции к «Природе» в той же мере, что и объекты и вещи — от «объяснения» обществом. Без этого двойного шага наша теория — всего лишь возвращение к классическому материализму, очень напоминающее «инженерную социологию» с ее «техническим детерминизмом». Проблема в том, что если трудно показать, что социальное — это артефакт, порожденный неправильным употреблением понятия причинности, то еще сложнее продемонстрировать, что надо обойтись и без «Природы», трактуемой как совокупность всех не-социальных фактов. И предельно озадаченная реакция на АСТ на протяжении многих лет вполне доказала, что это очень сложно и шансы на успех действительно малы.

Дюркгейм против прагматизма

Никто не дал более впечатляющего доказательства тесной связи между пониманием общества и теорией науки, чем Дюркгейм, когда он поставил перед собой задачу критики прагматизма — в то время новой философии. Вот как он начинает свое первое занятие в 1914 г.:

В последнее время мы являемся свидетелями атаки на разум, — по истине решительной и агрессивной. Отсюда вытекает проблема, имеющая тройное значение.

V. ЧЕТВЕРТЫЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1. Во-первых, эта проблема имеет общее значение. Позиция прагматизма лучше, чем любой другой теории, заставляет увидеть необходимость реформирования традиционного рационализма, так как показывает, чего ему не хватает.
2. Далее, она имеет национальное значение. Вся наша французская культура фундаментально и по своей сущности рационалистична. XVIII век — продолжение картезианства. Полное отрицание рационализма поэтому опасно, так как опрокинуло бы всю нашу национальную культуру. Если бы нам пришлось принять ту форму иррационализма, которую представляет прагматизм, вся французская ментальность подверглась бы радикальному изменению.
3. Наконец, она имеет философское значение. Не только наша культура, но и вся философская традиция, начиная с первых опытов философского созерцания, вдохновлена рационализмом. И если бы прагматизм оказался состоятелен, пришлось бы переворачивать вверх дном всю эту традицию (Durkheim, 1955).

Так вот где нам может пригодиться четвертый источник неопределенности. Если мы согласимся учиться и на разногласиях по поводу не-человеков, то вскоре поймем, что факты ничуть не лучше описывают наполняющие мир силы, чем слова «социальный», «символический» и «дискурсивный» объясняют, что такое человеческий актор и захватывающие его «другие». И это не удивительно, поскольку понятия «Общество» и «Природа» не описывают сфер реальности, — это два *коллектора*, придуманных в паре, главным образом по полемическим причинам, в XVII веке⁴¹. Эмпиризм, понимаемый как проведение четкого различия между чувственными впечатлениями с одной стороны и суждениями ума — с другой, конечно, не может претендо-

⁴¹ По поводу этой долгой истории могу только отослать читателя к: *Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life.* Связь между социологией и модернизацией так сильна, что невозможно отделить одно от другого. См.: *Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order; Bauman Z. Postmodernity and its Discontents; и Karsenti B. L'Homme total: Sociologie, anthropologie et philosophie chez Marcel Mauss.*

вать на исчерпывающее описание того, на что «мы должны обращать внимание в опыте»⁴².

Разрабатывая наш проект, нет нужды браться за эти трудные философские вопросы. Надо просто не замыкать свое мышление, рассуждая о том, в какой форме прежние объекты природы могли бы явить себя в исследуемых нами новых ассоциациях. К нашему великому удивлению, как только была снята искусственная граница между социальным и природным, не-человеческие реалии оказались способными представлять в неожиданном качестве. К примеру, камни пригодились бы, чтобы привести идеалиста обратно в чувство, но в *геологии* камни предстают гораздо более разнообразными, гораздо более неопределенными, намного более открытыми и являют гораздо больше типов активности, чем ограниченная роль, отводимая им в эмпиристских объяснениях⁴³. Стальные листы предоставляют разгневанным реалистам отличную возможность грохнуть кулаком по столу, защищая «материальные ограничения», чтобы вернуть социологов к реальности, но в *металлургии* ламинированная сталь задает так много задач по сопротивлению материалов, что между «материей» философов-позитивистов и специалистов по материаловедению нет почти никакой связи⁴⁴. Неуклонный интерес к генетической структуре, возможно, прекрасный повод для представителей социобиологии высмеивать мечту социалистов о воспитании лучшего человечества, но в *биогенетике* у генов столько противоречащих друг другу ролей, они реагируют на такое множество противоположных сигналов, «составлены» из стольких влияний, что если чего-то с их помощью и нельзя сделать, то разве что заставить замолчать противника⁴⁵. Ком-

⁴² Это выражение принадлежит Уайтхеду. См.: *James W. The Principles of Psychology*; *Dewey J. Reconstruction in Philosophy* (Дьюи Д. Реконструкция в философии. М.: Логос, 2001. — Примеч. ред.); и *Stengers I. Penser avec Whitehead*. То, что эмпиризм никогда не имел в виду просто факты, прекрасно показано в: *Daston L. The Factual Sensibility: an Essay Review on Artifact and Experiment*; и *Riskin J. Science in the Age of Sensibility: The Sentimental Empiricists of The French Enlightenment*.

⁴³ См. главу о камнях в: *Hacking I. The Social Construction of What?*

⁴⁴ См.: *Jensen P. Entrer en matière: Les atomes expliquent-ils le monde?*

⁴⁵ См.: *Fox-Keller E. The Century of the Gene*; *Houdart S. Et le scienti-*

пьютеры могли бы служить лучшим примером назойливой рекламы, но чипы в *компьютерной науке* требуют обширных институций, чтобы оправдать свою репутацию «формальных машин»⁴⁶. Повсюду эмпирическая множественность прежних «природных» сил выплескивается за тесные рамки фактических реалий, и нет прямой связи между «быть реальным» и «быть бесспорным».

Эмпиризм уже выглядит не прочным краеугольным принципом, на котором можно строить все остальное, а очень бедной интерпретацией опыта. Эта бедность, однако, преодолевается движением не *прочь* от материального опыта, например, к «богатой человеческой субъективности», а *навстречу* к тому жизненному многообразию, которое может предоставить материальное⁴⁷. Неправда, что нужно бороться с редукционизмом, добавляя к описанию человеческий, символический, субъективный или социальный «аспект», поскольку, прежде всего, редукционизм не воздаёт должного и объективным фактам. То, что можно назвать первым эмпиризмом, по политическим причинам умудрилось оставить во мраке многие закоулки объективности и свести не-человеков к положению теней. Позитивисты вовсе не «владеют объективностью», — они больше похожи на отсутствующих землевладельцев, не знающих, что делать со своими угодьями. Уж так случилось, что это узнали мы, занимаясь исследованиями науки.

Великий шанс АСТ в том, что множество складок объективности становятся видимыми, как только продвигаешься *ближе* туда, где заставляют силы проявляться, а именно в научные лаборатории или туда, где лаборатории теснее вовлечены в контакт с повседневной жизнью, что в наши дни бывает очень часто. Позитивистам недоставало вдохновения, когда

fique tint le monde: Ethnologie d'un laboratoire japonais de génétique du comportement; и *Lewontin R. The Triple Helix: Gene, Organism and Environment.*

⁴⁶ *Smith B. C. On the Origins of Objects.*

⁴⁷ Невероятный эпизод с сахарной свеклой помог Франсуа Мерлару провести одно из лучших прикладных исследований о том, что происходит с обществом, когда в игру вводятся вещи. См.: *Mélarde F. L'autorité des instruments dans la production du lien social: le cas de l'analyse polarimétrique dans l'industrie sucrière belge.*

они выбрали «факты» в качестве элементарных строительных блоков, из которых собирались строить свой храм достоверности. Они действовали так, как будто это был самый элементарный, самый прочный, неоспоримый, несомненный материал, как если бы все остальное можно было свести к нему. Но в прочной материи, выбранной ими в качестве фундамента, была не одна соломинка⁴⁸. Уже сама этимология могла бы заставить их вздрогнуть: как факт может быть таким уж прочным, если он тоже «сделан»? Как показывает самое недолгое исследование в самой примитивной лаборатории и как давным-давно доказал Людвиг Флек, факты — это далеко не элементарный, а наиболее сложный, самый искусственный и коллективный по своей природе строительный материал, какой только есть!⁴⁹

**Флек о «реакции Вассермана» —
методе выявления сифилиса**

В своей пионерской книге основатель социологии науки дает гораздо более примечательное описание «генезиса» научного факта, что обычно признается всеми, кто читает его через «призму» Канта или Куна:

Адекватное описание истории какой-либо области знания — вещь исключительно сложная, если вообще возможная. В это описание должны войти многие сталкивающиеся между собой и взаимопроницающие течения мысли. Все они должны быть представлены, во-первых, как линии непрерывного развития и, во-вторых, как взаимосвязанные линии. В-третьих, следовало бы основное направление развития, которое является идеализированной равнодействующей этих линий, рассматривать и вместе с другими, и отдельно от них. Это подобно тому, как если бы мы описывали естественный ход оживленной беседы многих участников. Все они

⁴⁸ У Дюркгейма было не так уж много шансов, когда он предлагал рассматривать «социальные факты как вещи», ибо и социальное, и факт, и вещь, возможно, самые противоречивые, неопределенные и шаткие понятия в философии!

⁴⁹ См.: Fleck L. *Genesis and Development of a Scientific Fact*; и Fleck L., Cohen R. S., Schnelle T. *Cognition and Fact: Materials on Ludwik Fleck*.

V. ЧЕТВЕРТЫЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*говорят одновременно, беспорядочно, и все же в беседе вырисовывается некая общая мысль*⁵⁰.

Но его понимание социального явно позитивное, а не негативное, то есть чем больше социального, тем больше реализма:

*Любая теория познания, не принимающая во внимание этой социальной обусловленности всякого познавательного действия, не более чем тривиальна. В то же время те, кто считает социальную обусловленность *talit necessest*⁵¹ или признаком человеческого несовершенства, который можно преодолеть, не замечает того, что вне социальной обусловленности познание вообще было бы невозможно, а также того, что само слово «познание» имеет смысл только в связи с каким-либо мыслительным коллективом (68).*

Вот это и заставляет его быть не в ладах с социологами дюркгеймовского типа:

Все эти мыслители, чье образование складывалось под влиянием социологии и классической гуманистики, как бы ни были прогрессивны их идеи, тем не менее совершают характерную ошибку. Они слишком высоко оценивают естественно-научные факты, прямо-таки поклоняются им (72).

Но двусмысленное понятие «мыслительного коллектива» ни в коем случае не сродни традиционно понимаемому социальному влиянию:

Если определить «мыслительный коллектив» как сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, то он станет в наших глазах единицей развития какой-либо сферы мышления, определенного уровня знания и культуры. Это и есть то, что мы называем стилем мышления. Мыслительный коллектив — это недостающий член искомого отношения в гносеологии (64).

⁵⁰ Цит. по: Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / сост., пред., пер. с англ., нем., польск., общая редакция В. А. Поруса. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 42. В тексте врезки указываются номера страниц по этому изданию. — *Примеч. ред.*

⁵¹ Неизбежное зло (*лат.*). — *Примеч. ред.*

Мыслительный коллектив не обуславливает и не ограничивает производства фактов, — это то, что дает возможность факту возникнуть:

Вот как возникает факт: вначале сигнал сопротивления в первоначально хаотичном мышлении, затем определенное мыслительное ограничение и, наконец, форма, которая воспринимается непосредственно. Факт — это всегда определенное событие в контексте истории мысли и всегда является результатом определенного стиля мышления (117).

Такое реалистическое отношение к социальному позволяет Флеку совершить переход от понятия коллективной практики к понятию события:

Теперь уже можно сделать некоторые гносеологические выводы о связи реакции Вассермана и сифилиса. Открытие (или изобретение) реакции Вассермана было уникальным историческим процессом, который не может быть обоснован ни логически, ни экспериментально. Реакция была разработана, несмотря на множество ошибок и благодаря социально-психологической мотивации, опираясь на коллективный опыт. С этой точки зрения связь между реакцией Вассермана и сифилисом — несомненный факт — становится уникальным событием в истории мышления (120).

Понятие события становится способом преодоления симметричных ограничений мышления социологов и эпистемологов:

В развитии идей путь от примитивных протоидей часто ведет к современным научным понятиям. Поскольку исторические ходы мысли часто переплетаются и всегда связаны со всем объемом знаний, которым располагает мыслительный коллектив, каждое конкретное их выражение обретает черты уникального исторического события. Например, можно проследить развитие понятия какого-либо инфекционного заболевания от примитивной веры в демона, далее через стадию представлений о миазмах болезни — к науке о болезнетворных возбудителях. Эта наука, как я сказал ранее, близка к исчерпанию своих потенций. Но пока она еще сильна, только одно-единственное решение каждой конкретной проблемы может соответствовать стилю мышления. Такое решение, соответствующее стилю мышления, единственное решение, называется истиной. Это не «относительная» или даже не «субъективная» истина в обычном значении этого слова.

V. ЧЕТВЕРТЫЙ ИСТОЧНИК НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Она всегда или почти всегда детерминирована каким-то стилем мышления. Нельзя сказать, что одна и та же мысль для А истинна, а для В — ложна. Если А и В относятся к одному и тому же мыслительному коллективу, то мысль для обоих либо истинна, либо ложна. Если же они относятся к разным мыслительным коллективам, то это не одна и та же мысль: для одного из них она либо неясна, либо иначе понимается. Но истина также и не конвенция: скорее, (1) в исторической перспективе — событие в истории мысли, (2) в современном контексте — мыслительное ограничение со стороны стиля (122).

АСТ стремится не только вызволить человеческих акторов из тюрьмы социального, но и предоставить природным объектам возможность бежать из тесной клетки, которую первый эмпиризм отвел фактам⁵². Именно это я всегда считаю освежающим дуновением в исследованиях науки: до сих пор ее развитие, диалог между философами, социологами и политологами о правильном разделении «Природы» и «Общества» всегда иллюстрировались скучными, рутинными фактами тысячелетней давности — камнями, коврами, кружками и молотками, то есть главным образом такими вещами, которыми могли пользоваться уже неандертальцы. Это вполне почтенные объекты, но, как мы видели в предыдущей главе, они уже не оставляют следа и потому никак не могут явиться снова как посредники⁵³.

В обсуждении намечается прогресс, когда речь заходит не о фактических реалиях, а о том, что я теперь называю *дискуссионными реалиями*. Эти реальные, объективные, атипичные и, кроме всего прочего, *интересные* силы, хотя и в высшей степени неопределенные, составляющие предмет оживленных дискуссий, рассматриваются не как объект в строгом смысле, а скорее как *скопления*⁵⁴. С методом Монте-Карло вы не можете вести себя как с кружками; с геномодифицированными организмами не можете поступать как с ковриками; с кватернио-

⁵² Latour B. Politics of Nature. Ch. 2.

⁵³ Конечно, кроме случаев, когда они попадают в руки экспертов — археологов и этнографов. См.: Lemonnier P. Technological Choices.

⁵⁴ Heidegger M. The Question Concerning Technology and Other Essays. Новое прочтение этой идеи см. в: Harman G. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects.

нами не можете обращаться так же, как с черными лебедями⁵⁵. Именно из этого и вырастает четвертая неопределенность: картография научных разногласий по поводу дискуссионных реалий должна дать нам возможность обновить сверху донизу саму сцену эмпиризма и, следовательно, разделение на «природное» и «социальное». Природный мир, составленный из фактических реалий, выглядит не совсем так, как мир, состоящий из реалий дискуссионных, и потому его нельзя с такой легкостью использовать как фон для «символико-человеческо-интенционального» социального порядка. Вот почему то, что можно было бы назвать *вторым* эмпиризмом, выглядит совсем не похоже на первый: его наука, его политика, его эстетика, его мораль совершенно другие. Он по-прежнему реалистичен и объективен, но живее, коммуникабельнее, активнее, плюралистичнее и опосредованнее, чем первый.

В переходе от первого ко второму эмпиризму, однако, нет ничего радикального или революционного. Переход от одного мира к другому не потребовал от создателей АСТ великой изобретательности, храбрости и оригинальности. Ученые и инженеры в своих лабораториях каждый день делают производство фактов *более* зримым, *более* рискованным, *более* дорогостоящим, *более* спорным, *более* интересным и *более* публично значимым, что с легкостью показывает даже беглый просмотр любого технического журнала. Факты могут хранить молчание, позволять просто отталкивать себя и отбрасывать, но нам не убежать от данных, связанных с дискуссионными реалиями, поскольку их *следы* сейчас обнаруживаются повсюду. Если и есть что-то обескураживающее социологов ассоциаций, то не глубокое молчание немой «природы», которое бы сделало их исследования невозможными и заставило бы цепляться за «символическую» человеческую сферу, а прозрачный поток информации о множестве модусов существования дискуссионных реалий в современном мире. Как нам оказаться на высоте задачи и воздать должное этой растущей массе очевидности?

⁵⁵ См.: Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics; и Pickering A. The Mangle of Practice.

КАК РАЗВЕРНУТЬ ДИСКУССИОННЫЕ РЕАЛИИ?

Выход, опять-таки, в том, чтобы научиться обращать на пользу неопределенности, а не решать заранее, как должно выглядеть содержимое мира. Исследование может длиться до тех пор, пока мы не поймем, как вырвать ядовитое жало из концепта природы, так же, как мы это сделали с двойственным ему концептом общества. В понимании «общества», как мы теперь знаем, надо отделять ассоциации — значение, которого мы придерживаемся, — от субстанции, сделанной из социального вещества, значение, от которого мы отказались. Аналогичным образом и в понимании «природы» мы намерены сохранить развертывание реальности и отвергнуть ее скороспелую унификацию в факты. Если скачок от идеи ассоциации к заключению, что ассоциации — это феномены, состоящие из социального *вещества*, был ошибкой, то ей симметрична другая ошибка — вывод, перескакивающий от интереса к не-человекам к тому, что они должны выглядеть как факты, которые — как можно убедиться из чтения любого текста из области исследований науки — являются всего лишь упрощенной до абсурда версией дискуссионных реалий.

К примеру, все привыкли, что сперматозоиды — это упрямые маленькие мачо, целеустремленно плывущие к пассивной яйцеклетке; теперь же их привлекает, отмечает и соблазняет яйцо, активность которого становится столь утонченной, что оно способно отличать хорошую сперму от плохой, — по крайней мере, в физиологии развития сейчас об этом *ведутся дискуссии*⁵⁶. Считалось, что гены переносят информацию о белке, но предполагается также, что между ними идет пищевая конкуренция, и это разрушает метафору переноса информации, или, по крайней мере, сейчас об этом *спорят* некоторые генетики⁵⁷. Считалось, что шимпанзе — милые общительные партнеры, глядя на которых представляешь себе рай добрых дикарей, но теперь они яростно конкурируют, склонны к убий-

⁵⁶ См.: *Tang-Martinez Z. Paradigms and Primates: Bateman's Principles, Passive Females, and Perspectives from Other Taxa // Primate Encounters / Strum S., Fedigan L. (eds.) Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 260–274.*

⁵⁷ См.: *Kupiec J.-J., Sonigo P. Ni Dieu ni gène.*

ству и тайным маккиавеллиевским заговорам, или, по крайней мере, это *дискутируется* в приматологии⁵⁸. Считалось, что верхний слой почвы — это компактный пласт инертной материи, состоящий из разноцветных слоев, которые умели картографировать почвоведы; теперь он кишит таким огромным количеством микроорганизмов, что описание этих джунглей в миниатюре по силам только микробиологам; или, по крайней мере, это обсуждается некоторыми педологами⁵⁹. Считалось, что компьютеры — глупые цифровые машины, но теперь оказывается, что их цифровая деятельность осуществляется через сложную последовательность материальных аналоговых сигналов, никак не связанных с формальными вычислениями, или, по крайней мере, это *обсуждается* некоторыми компьютерными теоретиками⁶⁰.

Такая множественность не означает, что ученые сами не знают, что делают, и все — просто фикция: это лишь значит, что в исследованиях науки стало возможным разглядеть то, что чересчур поспешно оказалось сплавленным воедино в заранее готовом понятии «объективного природного факта», а именно: реальность, единство и неоспоримость⁶¹. Обращая взор к реальности, вы не получаете автоматически единство и неоспоримость. И дело тут не в «интерпретативной изменчивости», которую обеспечивает «множественность точек зрения» на одну и ту же вещь. *Это сама вещь получает возможность развернуться как множественная и, следовательно, рассматриваться с разных точек зрения, пока, возможно, не унифицируется на какой-то более поздней стадии в зависимости от способности коллектива к их унификации*⁶². Просто в *плюриверсуме*,

⁵⁸ См.: De Waal F. Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes.

⁵⁹ См.: Ruellan A., Dosso M. Regards sur le sol.

⁶⁰ См.: Lowe A., Schaffer S. NOlse.

⁶¹ Это главный урок, извлеченный мною из: Berg M., Mol A. Differences in Medicine: Unraveling Practices, Techniques and Bodies; и Mol A. The Body Multiple.

⁶² Это также и водораздел между постмодернизмом, считающим своей задачей внесение множественности в мир, слишком уж унифицированный «господствующими нарративами», и АСТ, полагающим, что эта множественность — свойство вещей, а не людей, интерпретирующих вещи.

пользуясь выражением Уильяма Джемса, больше сил, чем считали возможным философы и ученые.

Существенный этический, научный и политический момент здесь заключается в том, что когда мы совершаем переход из мира фактов в *миры* дискуссионных реалий, нас уже не может удовлетворить ни *безразличие* к реальности, связанное с множественными «символическими» репрезентациями природы, которая остается при этом «одной и той же», ни *слишком поспешная унификация*, обеспечиваемая «природой». Рассадив многочисленные результаты, полученные науками, по зоопаркам сил, совместно действующих в мире, мы перешли второй Рубикон — ведущий от метафизики к онтологии⁶³. Если традиционная социальная теория была против копания в метафизике, то погружение в онтологию для нее еще более сомнительно: она слишком напоминает ей ее собственное философское детство. И все-таки если мы хотим путешествовать, нам надо научиться плавать в этих бурных водах.

Перейти от метафизики к онтологии — значит заново поставить вопрос о том, каков *реальный мир на самом деле*. Пока мы остаемся в границах метафизики, всегда существует опасность, что разворачивание акторами собственных миров будет *слишком легким*, поскольку эти миры могут восприниматься как множественные *представления* о том, каков мир в единственном числе. В этом случае мы бы не продвинулись ни на дюйм и вернулись бы в рамки квадратного дюйма социального объяснения, а именно в кантовский идеализм.

Эта опасность не может быть преувеличена, когда мы принимаем во внимание, что открытость мышления, проявляемая, к примеру, антропологами применительно к «другим» космологиям, часто проистекает из уверенности в том, что эти представления не имеют серьезного отношения к прочному миру фактов. В толерантности ученых по отношению к диким верованиям просвечивает изрядная доля снисходительности. Возможны тысячи вариантов представлений о том, как рождаются дети, но считается, что *только одна* физиология развития должна объ-

⁶³ Я не претендую на следование стандартным определениям, данным за долгую и разнообразную историю этих терминов. В дальнейшем изложении «онтология» — то же, что и метафизика, к которой прибавились проблемы истины и унификации.

яснять, как на самом деле младенцы растут в матке. Могут быть тысячи вариантов строительства и декорирования моста, но сила гравитации имеет только один способ проявления. *Множественность* — сфера социологов; *унифицированность* — компетенция ученых-естественников. Культурный релятивизм возможен лишь благодаря прочному абсолютизму естественных наук. Такова принимаемая по умолчанию предпосылка бесконечных дебатов, к примеру, между физической и гуманитарной географией, физической и культурной антропологией, биологической психиатрией и психоанализом, материальной и социальной археологией и т. д. Единство и объективность — по одну сторону, множественность и символическая реальность — по другую.

Подобное решение АСТ хотела бы сделать несостоятельным. При таком разделении на одну реальность и множество интерпретаций непрерывность и соизмеримость того, что мы называем ассоциациями, немедленно исчезает: множественное идет дальше своим трудным историческим путем, а унифицированная реальность остается нетронутой, недоступной и далекой от человеческой истории. Но это не тот случай, когда уход от социальных объектов к природным означал бы уход от сбивающей с толку множественности к доброжелательному единству. Мы должны двигаться, да, но в направлении от обедненного репертуара проводников к в высшей степени комплексному и полному разногласий множеству посредников. Разногласия в онтологиях делают их столь же интересными и дискуссионными, как и метафизика, — разница лишь в том, что невозможно *игнорировать* с пресыщенной миной *проблему истины* (или вопрос о том, каков мир на самом деле) или *упрощать* ее априори, стуча по доскам или пиная камни⁶⁴. Даже если реальность уже полностью установлена, все еще остается нерешенной проблема ее единства. Общий мир должен и дальше собираться и складываться. Как мы увидим в конце книги, вот где социальные науки могут вновь обрести политическую значимость, которую они, видимо, утратили, отказавшись от «эфира» социального и автоматического использования критиче-

⁶⁴ Я пишу слово «онтология» во множественном числе, тем самым напоминая читателю, что единство — не характеристика мира, полученная при первом же столкновении с ним, но то, чем мог бы стать собранный и объединенный мир.

ского репертуара. За этим миром нет второго, который можно было бы использовать в роли его судьбы, но в этой смиренной юдоли ожидают гораздо больше миров, надеющихся стать одним (или не стать), в зависимости от того, сможем ли мы заполнить работу по сборке.

К счастью, нам, социологам, чтобы делать свое дело, не нужно сразу решать все эти сложные проблемы. Нам даже не нужно полностью разворачивать ряд сил, манифестирующих себя в дискуссионных реалиях. Мы просто должны убедиться, что их разнообразие не окажется свернутым какой-либо гегемонистической версией одного типа фактов, утверждающей, что именно этот тип фактов является тем, что присутствует в опыте. Это в равной мере относится как к «власти» и «Обществу», так и к «материи» и «Природе». Повторим еще раз: обучение практике АСТ на первых порах негативно.

План действий поможет нам сохранить эмпирическую хватку, которая необходима, поскольку трудности этой теории могут сбить нас с пути.

Во-первых, великое преимущество следования за научными фактами в том, что, как показывает само их название, они фабрикуются, существуют во множестве форм и на очень разных стадиях завершенности. Хотя все эти различия бессовестно скрывались, когда факты использовались в качестве «элементарных строительных блоков» «мира» в единственном числе, факты предоставляют массу информации, как только их возвращают назад на «фабрики» — в лаборатории и исследовательские институты. В настоящее время исследования науки предлагает много способов следовать за фактами в процессе их «делания» и увеличивать число мест, где они еще не превратились в «холодные, рутинные, «неоспоримые факты».

Во-вторых, такие места уже не ограничиваются только лабораториями. В этом проявляется великая сила современной науки и технологии. Наука расширила себя настолько далеко, проникает в столь разнообразные сферы, настолько сближается с повседневной жизнью и обыденными занятиями, что повсюду в индустриальных обществах уже трудно следить за ходом действия, не сталкиваясь с каким-либо из ее продуктов. Чем дальше распространяются наука и технология, тем в большей степени они делают социальные связи физически *прослеживаемыми*. Материальная инфраструктура с каждым днем

дает все больше доказательств точного прослеживания ассоциаций, как показывает любой взгляд на всемирную паутину, превратившуюся во всемирную лабораторию.

В-третьих, эксперименты и вызываемые ими разногласия создают своего рода постоянное поле для выяснения того, что могут практически значить метафизика и онтология для ученых в их работе. Сама организация науки — через гранты, крупномасштабные эксперименты, конгрессы, публикации, дискуссии, конференции по выработке консенсуса — предоставляет аналитику неиссякающий источник информации о том, как поставить вопрос об онтологии. Именно через научные институции мы можем найти *самый легкий* доступ к пониманию того, что значит расширять диапазон сил, разрабатывать альтернативные теории действия, не отказываясь от решения проблемы реальности. Практика науки — дрозофила социальной теории: она дает сделанную на вырост версию того, что позже может исследоваться в гораздо менее доступных сферах. Как только вы научились относиться с уважением к подвижным онтологиям, вы уже сможете подступать к более сложным сущностям, для которых проблема реальности была просто вытеснена из существования грузом социальных объяснений⁶⁵. По сравнению с другими сферами изучения наука легче, поскольку дискуссии о близости к объективности оставляют гораздо больше следов.

В-четвертых, без всякой помощи со стороны социологов науки для общества становится очевидным различие между фактическими реалиями и реалиями дискуссионными благодаря растущей интенсивности дискуссий по «проблемам природы». Различие между реальностью и единством становится осязаемым, когда суду приходится выносить вердикт, опираясь на экспертное знание, когда главы государств должны принимать решения по поводу явлений природы, когда созываются многосторонние конференции для достижения консенсуса и урегулирования каких-то геополитических противоречий, когда ученые критикуют в прессе своих коллег за неточное следование протоколам, когда ведутся публичные дискуссии о судьбе Гольфстрима и т. д. Если раньше вам приходилось сно-

⁶⁵ Полезный пример мы находим в исследовании религии, рассматривающем Бога католиков как актер-сеть. См.: *Piette A. La religion de près: L'activité religieuse en train de se faire.*

вать туда-сюда между реальностью и фикцией, как будто это был единственно стоящий путь, то теперь есть возможность отличать процедуры допуска к реальностям — уже во множественном числе, — от процедур, обеспечивающих стабильность и единство⁶⁶. Доводя до предела баснословную мощь этимологии своего названия, объекты снова превращаются в *вещи*⁶⁷ — тему обсуждения на виртуальном вече⁶⁸.

Теперь должно быть понятно, что до сих пор исследования были ограничены не недостатком следов и не внутренними техническими сложностями задачи, а концептуальными препятствиями, делающими их априори невозможными. И хотя эти препятствия выглядят пугающе, так как связаны с двумя главными дефектами социальной науки — понятием «социального» и понятием «науки», — когда четвертый источник неопределенности прибавится к трем другим, они могут оказаться просто бумажными тиграми. Ясно лишь то, что открывающаяся эмпирическая сфера столь широка, столь многообещающая, столь разнообразна, что уже с трудом вспоминается, что она так долго находилась для социологов под запретом. Если третий источник неопределенности дает социологам возможность догнать «анатомически современного человека», сотни тысяч лет делившего существование с артефактами, то, может быть, пора нам, пользуясь четвертым источником, догнать и мир, состоящий из дискуссионных реалий.

Перечисляя критерии, предъявляемые к описанию в АСТ, мы создаем гарантии, что вводимые силы никогда не будут представлены просто как фактические реалии, но всегда — как реалии дискуссионные, со своим способом изготовления и ясно видимыми стабилизационными механизмами. Кроме того, мы будем уделять особое внимание противодействию декон-

⁶⁶ См.: Callon M., Lascoumes P. Barthe Y. Agir dans un monde incertain.

⁶⁷ В данном предложении Латур обыгрывает семантические пласты английского слова «thing» (ср. с нем. Ding и лат. res), одно из исторических значений которого — «тинг», народное собрание северных германских племен (ср. «Althing» — древнеисландский «парламент»). Возможно, мы имеем здесь случай метонимического переноса: вещь («thing») — это то, что является предметом обсуждения на тинге.—
Примеч. ред.

⁶⁸ См.: Latour B., Weibel P. Making Things Public.

структивистскому настрою, гарантируя, что множественность не связана с «интерпретативной изменчивостью» или с ослаблением эмпирической хватки. Наконец, мы будем внимательно следить за процедурами, посредством которых можно отличить множественность реальности (метафизику) от ее прогрессирующей унификации — онтологии.

Увы, если разрушение препятствий, создаваемых «социологией социального», занимает всего несколько часов (время, необходимое для прочтения предыдущих глав), то более сложная часть нам еще предстоит. Просто когда устранены концептуальные препятствия, становятся видны практические сложности: как *написать исследование* в духе принципов социологии ассоциаций. Вот новая трудность — и, надеюсь, последняя, — которую мы должны сейчас преодолеть, пока еще не началось наше путешествие.

VI. Пятый источник неопределенности: пишем рискованные отчеты

Наше введение в АСТ начинает походить на новое издание парадокса Зенона: каждый сегмент распадается на множество посредников, каждый из которых требует принять его в расчет. «Так мы никогда не дойдем до цели! Разве можно справиться с таким количеством разногласий?» Когда достигаешь этой точки, велико искушение в отчаянии все бросить и вернуться к более разумным социальным теориям, которые подтвердили бы свой бесстрастный здравый смысл, не обращая никакого внимания на большинство указанных мной источников неопределенности. Мы могли бы поверить в один, ну, в два, но не в четыре разом. К сожалению, я не нашел способ двигаться быстрее: наука *этого* типа применительно к *этому* типу социального объяснена медлить, поскольку велика множественность возражений и объектов, которые надо регистрировать на пути; она должна быть дорогостоящей, поскольку это необходимо для установления связей между многочисленными посредниками, кишащими на каждом шагу исследования; она должна быть рефлексивной, ясной и в каждом случае специфичной в соответствии с качествами акторов, совместно участвующих в ее разработке. Она должна быть способна регистрировать различия, воспринимать множественность, перестраиваться для каждого нового конкретного случая. Вот почему необходимо храбро заняться всеми четырьмя источниками неопределенности сразу, так, чтобы каждый добавил к остальным свою долю различий. Если мы упустим хотя бы один из источников, погибнет весь проект.

Но я признаю всю трудность: разве это в итоге не контрпродуктивно — отказаться от удобного кода социальных объяснений, без конца расщеплять волосы, выясняя, что есть группа, а что нет, хитрить, заставляя проводников вести себя как по-

средники, регистрировать замысловатые странности скромнейших акторов, составлять длинные перечни объектов, участвующих в действии, и убирать фон, состоящий из прочных фактов, выдвигая на авансцену изменчивые дискуссионные реалии? Не смешно ли заявлять, что исследователи должны «идти за самими акторами», а акторы — носиться туда-сюда, сопровождаемые исследователями, как пчелиный рой, растревоженный свое нравным ребенком? Какого актора выбрать? За каким актором идти, и как долго? А если каждый актер сам в свою очередь образован из пчелиного роя, носящегося туда-сюда, и так до бесконечности, то когда нам, черт побери, останавливаться? Если есть что-то по-настоящему глупое, то это метод, гордящийся тем, что он до того дотошен, до того радикален, до того всеобъемлющ и до того ориентирован на объекты, что на практике совершенно непригоден. Это уже не социология, а какая-то *ползология* (*slowciology*)! Ломать голову над многочисленными загадками своей суровой науки — дело учителей дзена, но не автора работы по социологии. Или пусть предлагает приемлемый и осуществимый проект, или мы подаем в суд за дезинформацию.

МЫ ПИШЕМ ТЕКСТЫ, А НЕ СМОТРИМ В ОКНО

К счастью, из этих многочисленных затруднений есть выход, и, как все предлагавшиеся мною до сих пор выходы, вполне практический: только упорно держась своего решения обращать себе на пользу неопределенности, мы, вероятно, сможем снова обрести почву под ногами. Чтобы иметь шанс прекратить все уже упомянутые разногласия, придется добавить к ним пятый и последний источник неопределенности, — *связанный с самим исследованием*. Идея в том, чтобы просто сосредоточить внимание на самом составлении отчетов. Как уже должен был понять читатель, с точки зрения релятивизма выход всегда в том, чтобы добавить релятивности. При прочих равных мы должны сделать для своего исследования то, что сделал Эйнштейн, решив задаться — вместо тонких проблем эфира — явно дурацкими и обыденными вопросами: каким образом некто, имеющий линейку и часы, может поймать сигнал от кого-то другого, у которого тоже есть линейка и часы. А от нас требуется не решать невозможную задачу — совершить *сальто-мортале* от своего ментального представления к четырем первым

источникам неопределенности, — а задаться простым вопросом: чем мы, собственно, занимаемся, прослеживая социальные связи? Разве не пишем отчеты?

А что такое отчет?¹ Обычно это текст: небольшая стопка бумаги в несколько миллиметров толщиной, исчерченная лазерным лучом. Он может содержать 10 000 слов, а прочтет его мало кто: обычно — с десяток человек, а если по-настоящему повезет, то несколько сот. Отчет из 50 000 слов могут прочесть полдюжины человек (если вам повезет, кое-какие его разделы может прочитать даже ваш научный руководитель), но когда я говорю «прочитать», то имею в виду не «понять», «принять к использованию», «признать», — а лишь «просмотреть», «взглянуть», «сослаться», «процитировать», «поставить на полку». В лучшем случае мы присовокупим свой отчет ко всем остальным, сделанным в это же время в изучаемой нами области. Разумеется, исследование никогда не бывает совершенным. Мы начинаем его с середины, в гуще вещей, *in medias res*, под давлением коллег; нас подзадоривают друзья, подгоняет безденежье, душат сроки. И большей частью мы не знаем или не понимаем того, что изучаем. Действие уже началось; оно продолжится, когда нас там уже не будет. Все, что мы делаем в поле, — берем ли интервью, раздаем вопросники, делаем записи и зарисовки, снимаем фильмы, листаем документацию, тупо слоняемся вокруг, — непонятно людям, с которыми нас объединило лишь мимолетное мгновение. И то, чего ожидают от нас пославшие нас сюда клиенты (исследовательские центры, государственные учреждения, дирекции компаний, неправительственные организации), так и остается для нас тайной, покрытой мраком, — столь извилиста была дорога, приведшая к выбору именно этого исследователя, этой темы, этого метода, этого места. Даже когда мы находимся в самой гуще вещей и наши глаза и уши приведены в состояние готовности номер один, мимо них пролетает большая часть

¹ Вот где в АСТ пересекаются средства этнометодологии — включая ключевое понятие «отчетность» (accountability) — и семиотики. Достаточно странно, что при всем своем внимании к практике Гарфинкель никогда не упоминает о практике написания текста, что могло бы приблизить к объяснению его стиля! Проведя годы учебы в Англии и Америке, я был вынужден признать, что семиотика не переносит плавание по морю. Внимание к тексту как тексту остается континентальной манией.

происходящего. Мы узнаем о важном событии на следующий день, оно произошло за следующей дверью, минутой ранее или как раз в тот момент, когда мы уходили разочарованные со своим разряженным диктофоном. Даже если мы работаем прилежно, лучше от этого не становится: несколько месяцев спустя нас затопит поток данных, отчетов, транскриптов, таблиц, статистики и статей. Как осмыслить весь этот хаос, громоздящийся на столах и наполняющий бесчисленные диски с данными? К сожалению, часто бывает так: *надо бы все записать*, но это откладывается на потом. Все это так и гниет на столах, научные руководители, спонсоры и клиенты на вас кричат, а любовницы, жены и дети сердятся, пока вы шарите в потемках данных, чтобы принести свет в этот мир. А когда вы начинаете целеустремленно писать и, наконец, довольны собой, вам приходится жертвовать огромным количеством данных, не вмещающихся в отведенные вам несколько страниц. Как мучительно все связанное с исследованием...

И разве не такова участь всего живущего? Не имеет значения, насколько грандиозна перспектива и научная парадигма, неважно, насколько жестки требования и прозорлив научный руководитель, результат исследования в 99% случаев будет заключаться в отчете, подготовленном под огромным давлением на тему, востребованной несколькими коллегами по причинам, которые так и останутся большей частью неясными². И это прекрасно, потому что *лучшего способа нет*. Методологические трактаты могут мечтать об ином мире: у книги об АСТ, написанной муравьями для других муравьев, только одна цель — помочь прокладывать узкие ходы в этой пыльной земной юдоли.

Первостепенное внимание к написанию отчетов может вызвать возмущение у претендующих на знание того, из чего состоит социальное. Они предпочитают уподобляться «серьезным» ученым и пытаются понять существование конкретного феномена, не обращая внимания на письменный отчет и вместо этого полагаясь на непосредственный контакт с изучаемой вещью через прозрачное посредничество ясного и недвусмысленного технического языка. Но нам, научным исследованиям

² Я пользуюсь словом «отчет» как родовым термином. Это может быть статья, файл, веб-сайт, постер, презентация, перформанс, устный экзамен, документальный фильм, художественная инсталляция.

ми науки, не стоит игнорировать толщину конкретного текста, его ловушки и опасности, его внушающий ужас способ заставить вас говорить то, чего вы говорить не хотите, его непрозрачность, сопротивляемость, изменчивость, тропизм. Нам слишком хорошо известно, что даже в «строгих» науках авторы неуклюже пытаются писать тексты о сложных дискуссионных реалиях. Нет никакой вразумительной причины, почему, собственно, наши тексты должны быть прозрачнее и непосредственнее отчетов, приходящих из их лабораторий³.

Поскольку все мы понимаем, что фабрикация и искусственность не противоположны истине и объективности, то без колебаний описываем сам текст как посредника. Но по той же самой причине мы не должны отказываться от традиционной цели — достижения объективности — просто из-за того, что очень уж внимательно относимся к тяжелой машинерии текста. Наши тексты и тексты наших собратьев-ученых идут параллельным курсом — они одновременно *и* искусственны, *и* точны: тем более точны, *что* созданы искусственно. Но и наши тексты, и тексты наших собратьев-ученых рискуют оказаться *только* искусственными, то есть полными артефактов. Разница не в том, что одни обладают точным знанием, а другие пишут тексты, не между «научным» и «литературным» мышлением, «духом геометрии» и «духом изящества», но в том, что одни пишут *плохие* тексты, а другие — *хорошие*⁴. Надо ставить вот какие вопросы: что такое хорошая лаборатория и что такое хороший текстовый отчет? Последний вопрос, далеко не запоздалый и не беспредметный, принципиален для определения того, чем является для нас наука о социальном. Поставим его как можно более вызывающе: хорошая социология должна быть хорошо написана; если нет, то через нее не откроется социальное.

³ См.: *Bastide F.* Una notte con Saturno: Scritti semiotici sul discorso scientifico for a collection of essays. Из английских работ см.: *Bastide F.* The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis; *Bastide F., Calton M., Courtial J. P.* The Use Of Review Articles In The Analysis Of A Research Area; *Bastide F., Myers G.* A Night With Saturne.

⁴ В своей во всем остальном прекрасной книге о писании истории Карло Гинзбург (*Ginzburg C.* History, Rhetoric, and Proof) все еще пытается примирить две противоположности — риторическое и предметное, не сознавая, что важно другое различие.

Вопрос не в том, противоположны ли объективные тексты субъективным. Есть тексты, претендующие на объективность потому, что внешне имитируют то, в чем видят секрет естественных наук; а есть пытающиеся быть объективными, так как идут по следам объектов, которым дана возможность возражать (object) против того, что о них говорят. Именно потому, что АСТ претендует на обновление того, что понимается под наукой и под социальным, она обязана обновить и понимание того, что такое *объективное* описание. Это слово отсылает не к традиционному смыслу строгих фактов с их холодным, незаинтересованным притязанием на «воплощенность», — а к теплым, насыщенным интересами, противоречивым строительным площадкам дискуссионных реалий. Итак, объективность может достигаться либо посредством объективистского стиля — даже если нет объекта для рассмотрения, либо благодаря присутствию множества «возражателей» (objectors) — даже если никто не собирается пародировать объективистский жанр.

Так что это замечательный вопрос — почему литература по социальным наукам часто написана так плохо? Тому есть две причины: во-первых, ученые стремятся подражать неряшливому письму «строгих» естественников; во-вторых, *в отличие от последних*, они в своих отчетах не собирают акторов, достаточно непослушных, чтобы мешать писать плохо.

На какую бы степень «неграмотности» ни претендовали ученые-естественники, им придется принимать в расчет, по крайней мере, некоторые выходы своих непокорных объектов. С другой стороны, похоже, что только социологи социального, особенно критические социологи, способны эффективно облекать точный словарь своих информантов в свой собственный пригодный на все случаи жизни метаязык. Даже несмотря на то, что ученые-естественники всеми силами стараются быть предельно скучными, дискуссионные реалии наводняют научные тексты настолько, что превращают статьи по физике, биологии и естественной истории в самые захватывающие сюжеты, — это убедительно показали исследования научных текстов⁵. Но социологам слишком часто — и дорогой ценой — уда-

⁵ В настоящее время эту задачу отчасти возложила на себя исследовательская ассоциация «Общество и литература». См. их журнал «Конфигурации».

ется быть скучными всегда! В этом, возможно, единственная настоящая разница между «строгими» и «нестрогими» науками: вам никогда не удастся заглушить голос не-человеков, но вы можете сделать это с людьми. С людьми надо обращаться гораздо деликатнее, чем с объектами: многие их возражения труднее зарегистрировать. Если субъекты с легкостью начинают вести себя как факты, то материальные объекты никогда этого не делают⁶. Вот почему вопрос о том, что такое хороший отчет, для социальных наук гораздо важнее, чем для естественных. Введение слов «текстовое описание» в рассуждение о методе может подействовать как динамит, но не потому, что оно дискредитирует притязания ученых на объективность, а потому, что оно навсегда уничтожит право «социологов» писать неряшливо под предлогом, что они должны писать «как» ученые. Поскольку исследователям науки часто приходилось убеждаться в том, что в научных текстах объективность возникает медленно, это избавило их от бремени фальшивых одеяний объективистской прозы⁷. Не живя в тени заимствованной объективности, они смогли в своих текстовых отчетах найти другие способы заставить объект сопротивляться.

Однако вышеупомянутое слово «текстовый» в текстовых описаниях остается опасным: люди, не подкованные в исследованиях науки и семиотике, часто представляют себе тексты как «рассказы» или, что еще хуже, как «всего лишь рассказы». В противовес этой скептической установке я буду обозначать выражением «текстовое описание» такой текст, для которого вопрос собственной точности и истинности не был оставлен в стороне⁸. И все же соблазн отождествления одного и другого

⁶ Это все не столь удивительно, поскольку факты — это политическое изобретение, разновидность идеального гражданства, придуманная в XVII веке для того, чтобы собрать ассамблею природы. Люди подчиняются этой политической роли, но почему это стали бы делать не-человеки?

⁷ Возможно, это еще один пример моего шовинизма, связанного с исследованиями науки, но одной из характеристик нашей области социологии является полное отсутствие жаргона.

⁸ Я счастлив созвучием выражения «текстовый отчет» (textual account) не только со словом «отчетность» (accountability) у Гарфинкеля, но и со словосочетанием «бухгалтерские книги» (accounting books),

усиливается, поскольку есть ученые — если к ним применимо это почетное звание, — заявляющие, что продукты социальных наук — «всего лишь» нарративы, и иногда прибавляющие: «совсем как литература»⁹. Подобно футболистам, забивающим гол в свои ворота, хитроумные гуманитарии стали использовать слова «нарративы» и «дискурсы» как способ заявить, что истинных текстов не существует. Как будто отсутствие абсолютного Текста означает, что все тексты относительны. Конечно, все, кто рад чернить социальные науки, дружно аплодировали, потому что как раз это они все время и говорили: «Социологи — это просто рассказчики. Пора кому-нибудь из них, наконец, в этом сознаться». Если речь идет лишь о том, что продуктом социальных наук являются письменные отчеты, возразим: каждая наука на земле делает то же самое, почему и названия их все заканчиваются суффиксами «-логия» или «-графия»; иное дело — заключить отсюда, что мы можем писать лишь *фигиши*.

Во-первых, такое признание выдает замечательное невежество в отношении тяжелого труда авторов художественной прозы. Антропологи, социологи, исследователи культуры, гордящиеся собою оттого, что «сочиняют вымышленные нарративы», должны хотя бы стремиться быть такими дисциплинированными, поработанными реальностью, одержимыми качеством текста, какими бывают только хорошие писатели. Они не понимают, что если бы социальная наука была «все равно вымыслом», ей пришлось бы подвергнуться испытанию даже более дискриминирующему, нежели то, что в их вообра-

поскольку слабая, но важная связь отчетной деятельности с экономической стала одной из наиболее продуктивных — до неправдоподобия — областей исследований науки. См.: *Desrosières A. The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning; и Power M. Accounting and Science: Natural Inquiry and Commercial Reason. For an even more surprising case, see Quattrone «Accounting for God».*

⁹ Авторы, рассмотренные в работе: *Waters L. Enemies of Promise: Publishing, Perishing, and the Eclipse of Scholarship*; обычно берут аргументы из Франции, не понимая, что француз, погруженный в Башляра и Кангилема, никогда и на минуту не верит, что они распространяли свои идеи и на науку. Во Франции вы можете быть одновременно и наивным реалистом, и великим поклонником деконструкции. Но это безобидное увлечение, когда оно переносится через Атлантику, сразу превращается в грозное обоюдоострое оружие.

жении связано с экспериментальной наукой. Вы можете возразить вопросом: «Что такое хороший писатель?» А я отвечу: «А что такое настоящий ученый?» На эти вопросы не существует общего ответа.

Но еще важнее то, что отчет, согласившийся быть «просто рассказом», — это отчет, утративший свой главный источник неопределенности: он уже не стремится быть точным, достоверным, интересным или объективным. Он отказался от проекта перевода четырех источников неопределенности, которые мы до сих пор рассматривали. И все же никто из социологов не может называть себя *ученым* и при этом отказываться от *риска* писать *истинный и полный* отчет по рассматриваемой теме. Вы отказываетесь от поиска истины не из-за того, что внимательнее пишете текст. Верно и обратное: текст бывает точен не потому, что написан льстиво и скучно. Слишком часто социологи считают, что «объективный стиль», под которым они обычно понимают несколько грамматических приемов вроде пассивного залога, царственное «мы» и кучу сносок, чудесным образом замаскирует отсутствие объектов. Жирный соус «объективного стиля» не может долго скрывать отсутствие мяса. Но если мясо у вас есть, вы можете добавить к нему дополнительную приправу или обойтись без нее.

Текстовые отчеты — лаборатория социологов, и если лабораторная практика идет впереди, то объективность может быть достигнута *именно благодаря* искусственной природе этого места и при условии, что непрерывное и настойчивое внимание будет направлено на выявление артефактов. Так что отношение к отчету социолога как к текстовому описанию не означает ослабления его претензий на реальность, а означает увеличение количества мер предосторожности на борту и навыков, требующихся от исследователей. Как должно стать понятным, игра называется — «увеличивать сложность производства объективности». У социологов ассоциаций нет оснований отбрасывать это ограничение, когда отвергают социологию социального и вносят в дискуссию пятый источник неопределенности, — тот, что порожден письменным характером их собственных исследований. На самом деле все как раз наоборот. Если социальное — это нечто определенным образом циркулирующее, а не потусторонний мир, доступный лишь незаинтересованному взгляду сверхпроницательного ученого,

то оно может *протекать* сквозь множество приспособленных к этой задаче средств, и *в том числе* текстов, докладов, отчетов и индикаторов. Либо может, либо нет. Текстовые описания точно так же могут оказаться провальными, как это часто бывает с экспериментами¹⁰.

Похоже, социологи социального, наоборот, слишком часто пытаются просто «зафиксировать мир на бумаге», как будто бы эта деятельность никогда не подвержена риску провала. Но раз так, она никоим образом не может и оказаться успешной, — мир, который они хотят схватить, остается невидимым, поскольку опосредующие ограничения письма либо игнорируются, либо отрицаются. Вне зависимости от того, какими трудами далась им точность в ходе исследования, их текстовый отчет терпит неудачу. Социологи ассоциаций пытаются осуществить совершенно другой эксперимент: может ли материальность отчета, сделанного на бумаге, история или даже фикция — нет необходимости отказываться от слова, которое так близко к фабрикации фактов, — *распространить* исследование социальных связей *чуть дальше*? За движением посредников нужно следовать все время — до последнего описания, поскольку цепь настолько слаба, насколько слабо ее последнее звено. Если социальное — это след, то его можно *проследить*; если это сборка, то ее можно *пересобрать*. Хотя не существует материальной непрерывности между «обществом» социолога и текстовым описанием, — отсюда выкручивание рук в вопросах метода, истинности и политической значимости, — может существовать внушающая доверие *непрерывность* между тем, что делает социальное в нашем смысле этого слова, и тем, что может достигнуть текст, — *хороший* текст.

ОПРЕДЕЛИМ, НАКОНЕЦ, ЧТО ТАКОЕ СЕТЬ

Но что такое хороший текст? Нас не интересует здесь хороший стиль, ибо как бы хорошо мы ни научились писать, мы навсегда, увы, останемся просто социологами, способными лишь от-

¹⁰ Эпистемологам, влюбленным в принцип фальсификации Поппера, хорошо бы посоветовать распространить его озарение на сам текст и сформулировать условия, при которых их собственный текст тоже может оказаться провальным.

даленно подражать мастерству писателей, поэтов, драматургов и романистов. Поэтому нам нужен менее сложный критерий. Как ни удивительно, именно поиск такого критерия и поможет нам, наконец, определить самый запутанный из всех терминов, используемых в нашей альтернативной социальной теории. Я бы определил хороший отчет так: это отчет, который *прослеживает сеть*.

Под словом «сеть» я понимаю связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник. Сформулируем еще проще: хороший с точки зрения АСТ отчет — это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы не сидят сложа руки, а *что-то делают*. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их. Как только акторов начинают рассматривать не как проводников, а как посредников, они делают движение социального зримым для читателя. Благодаря множеству текстуальных находок социальное может снова стать циркулирующей сущностью, а не избитой сборкой того, что ранее превратилось в составную часть общества¹¹. В соответствии с нашим определением социологии, текст — это испытание, показывающее, сколько акторов автор способен представить как посредников и насколько он в состоянии достигнуть социального. Таким образом, слово «сеть» не означает здесь вещь, приблизительно напоминающую фигуру, состоящую из взаимосвязанных точек и похожую на телефонную, дорожную или канализационную сеть. Это всего лишь *индикатор качества текста* по рассматриваемым проблемам¹². Он определяет объективность последнего, то есть способность каждого актора *побудить* других акторов *делать* неожиданные вещи. Хороший текст выявляет сети акторов, давая автору возможность очертить множество отношений, определяемое как множество переводов.

¹¹ Это называют «объекты ценности». См. использование этого понятия в исследовании Греймаса, посвященном Мопассану: Greimas A. J. Maupassant: The Semiotics of Text. Practical Exercises.

¹² В этом смысле оно эквивалентно этнометодологическому понятию «специфической компетентности», если в понятие отчета входит и текстовый отчет.

Что такое сеть: терминологическое уточнение

Слово «сеть» имеет настолько двусмысленное значение, что нам следовало бы давно от него отказаться. И все же традиция его употребления в АСТ сохраняет четкость вопреки имеющейся возможности перепутать ее с двумя другими способами его использования. Первый из них — это, разумеется, технические сети: электричество, железные дороги, канализация, Интернет и т. д. Второй способ — это применение термина «сеть» в социологии организации для введения различия между организациями, рынками и государствами [Boyer, 2004]. В этом случае сеть представляет собой неформальный способ связи человеческих агентов [Granovetter, 1985].

При использовании этого термина Кастельсом [Castells, 2000] два его значения сливаются, поскольку благодаря уже самой распространенности информационных технологий сеть превращается в привилегированную форму организации. В таком значении слово «сеть» употребляют Болтански и Кьяпелло [Boltanski, Chiapello 2005], характеризуя с его помощью новую тенденцию капиталистического способа производства.

Но другая традиция, на которую мы всегда ссылаемся, — это традиция Дидро, особенно в «Сне Д'Аламбера» (1769), где слово *reseaux*¹³ встречается двадцать семь раз. Вот где можно обнаружить совершенно особую ветвь активного и распределенного материализма, самым недавним представителем которой является — через Бергсона — Делез¹⁴. Только один пример:

На сегодня вы довольствуетесь следующим. После родов одна женщина впала в ужасающее истерическое состояние: тут были непроизвольные рыдания и смех, удушье, спазмы в горле, угрюмое молчание, пронзительные крики, самые тяжелые симптомы; продолжалось это несколько лет. Она страстно любила, и ей показалось, что возлюбленный, утомленный ее болезнью, стал охладевать к ней; тогда она решила или выздороветь, или погибнуть. В ней произошла настоящая гражданская война; и в этой войне одерживали верх то господин, то подданные. Если случалось, что действие волокон пучка оказывалось равносильным противодействию его начала, она падала словно мертвая. Ее укладывали в постель, и она целыми часами лежала без движения и почти безжизненная. В иных случаях она отделялась усталостью, общим

¹³ Сеть (фр.). — Примеч. пер.

¹⁴ О сетевой натурфилософии Дидро см.: Anderson W. Diderot's Dream.

VI. Пятый источник неопределенности

*упадком, слабостью, так что казалось, будто наступает последний час. Шесть месяцев длилось это состояние борьбы. Возбуждение всегда начиналось от волокон. Она чувствовала его приближение. При первом же симптоме она поднималась, начинала бегать, делала самые энергичные упражнения; бегала вверх и вниз по лестнице, пилила дрова, вскапывала землю. Орган ее воли, начало пучка, креп, она говорила самой себе: победить или умереть. После бесконечного числа побед и поражений господин восторжествовал, подданные настолько покорились, что, хотя эта женщина взяла на себя все хозяйственные заботы и перенесла разные болезни, у нее больше не было истерических припадков*¹⁵ [Diderot, 1964].

Из этой цитаты ясно, что у «*reseaux*» нет ничего общего с социальным — ни в обычном представлении, ни если ограничить его человеческими связями. Но это определено близко к тардовскому определению «общества» и «лучам подражания» [Karsenti, 2002].

А как определить — по контрасту с хорошим — плохой текстовый отчет? В плохом тексте лишь горстка акторов фигурирует в качестве причин всех остальных, а у последних всего одна функция — служить фоном или переключателем для потоков причинно-следственных связей. Эти акторы могут формально фигурировать в качестве персонажей, но у них не будет своей роли в сюжете, то есть они не будут действовать. Ничего не переводится от одного из них к другому: через них просто передается действие. Вспомним, что если какой-то актер не создает различия, то это не актер. Отчет сделан не в манере *ad hoc* как *единственно адекватное* описание конкретных акторов для конкретных читателей¹⁶. Он стандартен, анонимен, он не производит различия; в нем ничего не происходит — просто повто-

¹⁵ Цит. по: Дидро Д. Сон Д'Аламбера // Дидро Д. Собр соч.: в 2-х т. Т. I. М.: Мысль, 1986. С. 422–423. Во французском оригинале этого фрагмента слово «*reseaux*» встречается дважды. Русский переводчик (П. С. Попов) в обоих случаях переводит его как «пучок». Английский переводчик (Латур цитирует именно английский перевод) переводит первое вхождение «*reseau*» словом «*bundle*» («пучок», «связка», «вязанка»), а второе — словом «*network*». — *Примеч. ред.*

¹⁶ Сказать: «это актер-сеть», — то же самое, что сказать: «это конкретно, принципы его распространения видны, и цена его развертывания полностью оплачена».

ряются клише о том, что было собрано прежде как социальное прошлое. Переводы размыты до состояния простых перемещений без трансформации. В плохом отчете причинные связи просто переносятся с помощью обычных проводников.

Вот где величайший литературный контраст между АСТ и социологией социального и даже еще больший — между АСТ и критической социологией. То, что обычно называют сильным и убедительным отчетом за то, что в нем несколько глобальных причин порождают массу следствий, АСТ оценит как слабый и беспомощный текст, просто повторяющий и пытающийся передать уже готовую социальную силу, не переоткрывая, из чего она состоит, и не найдя дополнительных средств для ее дальнейшего распространения. В текст могут быть включены массы социальных агентов, но — поскольку принцип их сборки остается неизвестным, а цена их распространения не оплачена, — все выглядит так, будто ничего и не произошло. Неважно, какова их фигурация, — они мало что делают. Поскольку в тексте не прослеживается пересборка новых агрегатов, все выглядит так, *как будто социальный мир не был сделан для того, чтобы существовать*. Хотя общее определение социального вроде бы везде на виду, *наше* понимание того, что такое социальное, так и не просматривается. И наоборот: когда наше понимание социального прослеживается, сразу исчезает его общее определение. Трудно увидеть более крайний контраст: существует или общество, или сеть.

Итак, сеть — это термин, для проверки того, сколько энергии, движения и конкретности способны уловить наши отчеты. Сеть — понятие, а не вещь. Это инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания. Оно так соотносится с рассматриваемой темой, как сетка перспективы — с традиционной единственной точкой перспективы в живописи: проведенные первыми, линии помогают спроецировать трехмерный объект на плоский кусок холста; но сами по себе они — не *то, что* надо рисовать, а лишь то, что позволяет художнику передать впечатление глубины, а потом будет стерто. Аналогичным образом, сеть — не то, что описывается в тексте, а то, что делает текст готовым принять смену акторов как посредников. Следовательно, вы можете разработать акторно-сетевое описание предметов, вовсе не похожих на сеть, — симфонии, какого-то раздела законодательства, доставленного с Луны камня, гравюры. И наоборот: вы вполне можете писать о тех-

нических сетях — телевидении, электронной почте, спутниках, сетях в торговле, — и при этом то, что у вас получится, вовсе не будет акторно-сетевым описанием.

Но не уловка ли это — использовать хитрое слово «сеть» для описания критерия литературного качества? Согласен, что оно не похоже на другие термины, употреблявшиеся мною до сих пор, — такие как группа, актор, актант, поток и не-человеки, — слова, выбранные намеренно из-за скрытого отсутствия у них значения. У этого же слова, наоборот, даже чересчур много значений! Произошла путаница — и это всецело наша вина, — из-за того, что некоторые из объектов, ранее описывавшихся АСТ, были сетями в техническом смысле: метрология, метро, телефонные сети, — а также потому, что когда это слово двадцать пять лет назад вводилось в обиход, еще не гремели ни Интернет, ни Аль-Каида. Поэтому слово «сеть» было нововведением, способным подчеркнуть контраст с «Обществом», «институтом», «культурой», «полями» и т. д., часто трактовавшимися как поверхности, потоки переносов причинности и реальные факты. Но теперь сети стали правилом, а поверхности — исключением. И все это потеряло остроту¹⁷. Если бы я верил в жаргон, и если бы словосочетание «сеть действий» имело хотя бы один шанс прижиться, я бы предложил и его как замену, чтобы подчеркнуть контраст между техническими и рабочими сетями — последние оставались бы для социологов способом придать смысл первым¹⁸. «Сети действий» (work-nets) давали бы возможность видеть труд, уходящий на прокладывание *технических* (работающих) сетей (net-works): первый термин обозначал бы активного посредника, второй — стабилизированный ряд проводников.

Дело не в слове как таковом, — нам нужно как-то обозначить потоки переводов. Почему же не воспользоваться словом

¹⁷ Как показали Болтански и Кыяпелло (*Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism*) (Болтански Л., Кыяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. — *Примеч. ред.*), это понятие даже может использоваться для характеристики худшего, что есть в нынешней метаморфозе капиталистического способа производства.

¹⁸ Сеть действия, как предложено в: *Czarniawska B. On Time, Space, and Action Nets.*

«сеть», коль скоро оно уже есть и крепко привязано маленьким дефисом к слову «актор», которое я переопределил ранее? Ведь нет хорошего слова — есть практичное словоупотребление; и вдобавок первоначальная материальная метафора все еще сохраняет три важные характеристики, которые я хочу актуализировать этим выражением:

- а) установлена связь от точки к точке, прослеживаемая физически и, следовательно, фиксируемая эмпирически;
- б) такая связь оставляет *пустым* почти все, что *не* связано: это известно каждому рыбаку, закидывающему сеть в море¹⁹;
- с) эта связь не создается даром, она требует усилий: это знает каждый рыбак, чинящий сети на палубе.

Для того чтобы сделать сеть пригодной для наших целей, мы должны прибавить еще четвертую характеристику, которая, согласуясь, несколько ломает первоначальную метафору: наша сеть не сплетена из нейлоновой нити, слов или какой-нибудь еще долговечной субстанции, — это след, оставляемый движущимся агентом. Вы можете вывесить свою рыболовную сеть на просушку, но не можете просушить актер-сеть: ее придется прослеживать заново, с помощью другого средства передвижения, другой циркулирующей сущности.

Слабость этого понятия отчасти проистекает из распространенности довольно простых визуальных представлений. Первоначально графическое представление о сетях как звездоподобных разветвлениях (от которых исходят линии, соединяющие их с другими точками, где нет ничего кроме новых соединений) создавало приближенный, но достоверный эквивалент ассоциаций²⁰. У этого представления имелось преимущество: специфика точки определялась не через какое-либо субстанциальное

¹⁹ Этот пункт станет еще важнее, когда мы в конце второй части займемся понятием «плазма». Пустота — ключ к прослеживанию редких каналов, по которым циркулирует социальное.

²⁰ Это было показано в: *Callon M., Law J., Rip A. Mapping the Dynamics of Science and Technology*. Однако теперь разработано гораздо больше графических приемов. См.: *Cambrosio A., Keating P., Mogoutov A. Mapping Collaborative Work and Innovation in Biomedicine*. Рассматриваемое как представление, оно наивно, но как теория это огромная помощь абстрагированию. См. раннее использование в: *Teil G. Candide*,

содержание, а через перечень связей: чем больше у точки связей, тем более она индивидуализирована. Но такие графические представления имеют недостатки: они не улавливают движущий и визуально бедны. И все-таки даже эти ограничения имеют свои преимущества, поскольку сама бедность графического представления не позволяет исследователю спутать свой собственный инфразык с богатыми объектами описания: карта — не территория. Но, по крайней мере, не рискуешь поверить в то, что сам мир состоит из линий и точек, хотя зачастую социологи, кажется, верят в мир, состоящий из социальных групп, обществ, культур, правил или каких-нибудь других графических символов, придуманных ими для придания смысла своим данным.

Для того чтобы очертить актор-сеть, мы должны добавить ко множеству следов, оставленных социальным потоком, нового посредника, текстовые отчеты, делающие следы снова присутствующими и обеспечивающие возможность событий. В акторно-сетевом описании возрастает доля посредников по отношению к доле проводников. Я назвал бы такое описание *рискованным* отчетом, имея в виду, что оно легко может не получиться, — оно почти никогда не получается из-за того, что *не может отказаться ни от полной искусственности предприятия, ни от притязаний на строгость и истинность*. Что касается его важности для самих акторов и возможного политического воздействия, то они далеки от автоматизма, как мы увидим в Заключение. Весь вопрос в том, чтобы увидеть, может ли *событие* социального через посредничество текста быть расширено до *события* чтения. Такой ценой надо платить за объективность, вернее, за то, чтобы была достигнута «*объектонаполненность*».

СНОВА АЗЫ: ПЕРЕЧЕНЬ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Лучший способ перейти к этому пункту и извлечь пользу из пятого источника неопределенности — это просто постоянно следить за всеми нашими движениями, даже за теми из них, которые связаны с самим написанием отчета. Не ради эпистемической рефлексивности, не из-за своего рода нарциссическо-

un outil de sociologie assistée par ordinateur pour l'analyse quantitative de gros corpus de textes.

го внимания к собственному труду, но потому что отныне *всё суть данные*: всё, начиная с первого телефонного звонка будущему интервьюируемому, первой встречи с консультантом, первых корректив, внесенных клиентом в грантовую формулу, первого запуска механизма исследования, с первого перечня ячеек для расстановки галочек в анкете. Исходя из логики нашего интереса к текстовым отчетам и описаниям, может оказаться полезным перечислить записные книжки (notebooks) — обычные или цифровые, это уже не имеет большого значения, — которыми следует обзавестись²¹.

В первой записной книжке следует вести *вахтенный журнал* самого исследования. Это единственный способ задокументировать то изменение, которое претерпевает путешественник. Встречи, реакции других на исследование, удивление странностью поля и т. д. должны по возможности регулярно документироваться. Без этого ход искусственного эксперимента — выхода в поле, встречи с новым положением дел — быстро забудется. Даже годы спустя должна сохраняться возможность узнать, как задумывалось исследование, с кем были встречи, к какому источнику появился доступ и т. д., и при этом с точной датой и временем.

Вторую записную книжку нужно иметь для сбора информации, чтобы можно было одновременно хранить все темы в хронологическом порядке и распределить их по категориям, которые впоследствии разовьются во все более и более очищенные рубрики и подрубрики. Сейчас существует множество программ, поддерживающих это противоречивое разделение, но старикам вроде меня очень помогало скучное занесение данных на карточки. Каков бы ни был выбор, переход из одной системы отчета в другую намного облегчается, если набор данных может быть сохранен одновременно и нетронутым, и перетасованным в по возможности большое число комбинаций. Это единственный способ соответствовать гибкости и четкости предмету, который предстоит изучать.

Третья записная книжка должна быть всегда под рукой для проб пера *ad libitum*²². Специфическая компетентность, к кото-

²¹ Я использую выражение «записная книжка» скорее метафорически, поскольку теперь в это понятие входят цифровые файлы, а также фильмы, интервью и веб-сайты.

²² В свое удовольствие, по своему желанию, свободно (*лат.*). — *Примеч. ред.*

рой надо стремиться, разгадывая сложные головоломки, не может быть достигнута без непрерывных набросков и эскизов. Невозможно представить себе, чтобы данные сначала какое-то время собирали, а потом начинали описывать. Написание отчета слишком подвержено риску провалиться в этот зазор между исследованием и предоставлением отчета. То, что самопроизвольно сбегает с клавиатуры компьютера, — это общие места, клише, переносимые определения, заменяемые описания, идеальные типы, сильные объяснения, абстракции, — короче, та материя, из которой тексты большинства социальных жанров лепятся без труда. Чтобы противостоять этой тенденции, нужно тратить много усилий на разрушение этого автоматического письма; писать текстовый отчет не легче, чем разрабатывать в лаборатории правильный план эксперимента. Но идеи, параграфы, метафоры и тропы могут случайно приходиться по ходу исследования. И если им не дают места и выхода, они либо будут потеряны, либо, что еще хуже, испортят трудное дело сбора данных, смешав метаязык акторов с метаязыком исследователей. Так что всегда полезно отвести отдельное место для многочисленных идей, которые могут приходиться в голову, даже если использовать их доведется лишь годы спустя.

Четвертый тип записной книжки надо заботливо хранить, чтобы регистрировать в ней воздействие написанного отчета на акторов, чьи миры были либо развернуты, либо унифицированы. Этот второй эксперимент, добавляемый к самому полному исследованию, принципиально важен для выяснения того, какую роль играет описание в процессе сборки социального. Исследование может быть завершено, но эксперимент продолжается: новый отчет добавляет свое перформативное действие ко всем остальным и тем самым тоже продуцирует данные. Это не означает ни права тех, кто был объектом исследования, цензурировать то, что о них пишется, ни безусловного права исследователя не обращать внимания на то, что его «информанты» говорят о заставляющих их действовать невидимых силах. Скорее это означает начало новых переговоров, где будет решаться, из каких компонентов мог бы — или не мог бы — состоять общий мир²³. Поскольку значимость рискованного отчета может

²³ Могу засвидетельствовать, как много времени на это ушло, начиная с долгого эксперимента в области исследований науки, представ-

проявиться гораздо позже, следы, оставленные в его кильватере, тоже должны быть задокументированы.

Читатель может быть разочарован, узнав, что великие проблемы группообразования, действия, метафизики и онтологии, которые я до сих пор рассматривал, придется решать с такими «грандиозными» ресурсами, как маленькие записные книжки, которые необходимо сохранять на протяжении всей искусственной процедуры полевой работы и исследования. Но я заранее предупреждал читателя: нет ничего более полезного и нет более быстрого пути. В конце концов, Архимеду нужна была только точка опоры, чтобы перевернуть мир. Эйнштейн снабдил своих наблюдателей только линейкой и секундомером. С чего бы нам требовать более солидного оснащения, чтобы ползать по темным узким ходам, проложенным подслеповатыми муравьями? Если вам не хочется вести записи и делать это правильно, не пытайтесь заниматься социологией: здесь только один способ стать чуточку объективнее. И если об этих текстовых отчетах говорят, что они «недостаточно научны», я возражу, что хотя они, возможно, не выглядят научными в избитом определении этого прилагательного, они могут быть таковыми в соответствии с тем единственным пониманием научности, которое меня здесь интересует: они пытаются схватить непослушные объекты посредством искусственных приемов и с предельной точностью, — пусть даже это предприятие вполне может закончиться ничем. Если бы хоть часть энергии, затрачиваемой социологами на комментирование наших выдающихся предшественников, трансформировалась в полевые исследования! Как учил нас Гарфинкель: практика, только практика.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ, А НЕ КРИТИКА

Беспорядочное внесение добавлений в беспорядочное описание беспорядочного мира не производит впечатления такой уж грандиозной деятельности. Но мы не гонимся за величию: наша цель — создать науку о социальном, единственно соответствующую специфике социального так же, как и всем осталь-

ленного в первых публикациях, и заканчивая Научными войнами. И все же, как я показал в предыдущей главе, без тщательного документирования науковедческий эксперимент был бы бесполезным.

ным наукам пришлось изобрести изощренные искусственные способы соответствия конкретным феноменам, которые они стремились постигнуть. Если социальное циркулирует и становится зримым, только поблескивая в цепочках посредников, то именно это и нужно воспроизводить, культивировать, выявлять и выражать в наших текстовых отчетах. Задача в том, чтобы *развернуть* акторов как сети опосредствований. Отсюда де-фис в составном слове «актор-сеть». Развертывание — не то же самое, что «простое описание», это не «раскрытие» «за» спинами акторов «действующих социальных сил». Это скорее похоже на усиление полимеразной реакции синтеза цепи маленького образца ДНК²⁴.

Что же не так в «просто описаниях»?²⁵ Хороший текст никогда не бывает непосредственным портретом того, что он описывает, — потому что он вообще не портрет²⁶. Он всегда часть некоего искусственного эксперимента по воспроизведению и усилению следов, оставленных испытаниями, в ходе которых акторы становились посредниками или посредники превращались в добросовестных проводников. Нет ничего менее естественного, чем поехать на полевые исследования и жить мухой на стене, раздавать анкеты, чертить карты, копаться в архивах, записывать интервью, играть роль «включенного наблюдателя», собирать статистические данные и искать через «Гугл» кого-то в Интернете. Изобразить, вписать, рассказать, составить окончательный отчет — все это так же неестественно, сложно и трудоемко, как и проанатомировать дрозофил или запустить в космос телескоп. Вы считаете странными и искусственными опыты Фарадея? А что вы скажете об этнографической экспе-

²⁴ См.: *Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. P.112. См. также красивый термин «задействование», используемый Мол, и понятие «хореография» в: *Cussins C.* Ontological Choreography: Agency through Objectification in Infertility Clinics.

²⁵ Полезное понятие «насыщенное описание» обеспечивает приоритетное внимание к деталям, но не обязательно — к стилю. «Насыщенность» может также означать: «достаточно ли я собрал?» Надо придать слову «собираение» политическое значение. С этим мы столкнемся в Заключение.

²⁶ См.: *Koerner J.* The Moment of Self-Portraiture in German Renaissance Art.

диции Пит-Риверса? Вы считаете искусственной лабораторию лорда Кельвина? А как насчет Маркса, составляющего сноски в библиотеке Британского музея, Фрейда, приглашающего пациентов на сеанс свободных ассоциаций на свою венскую кушетку, или Говарда Беккера, который учится играть джаз, чтобы писать о джазовой музыке? Просто записать что-то на бумаге — это уже огромная трансформация, требующая столько же умений и столь же искусственная, как и рисование пейзажа или осуществление сложной биохимической реакции. Никакой ученый не должен находить для себя унижительным корпеть над описанием. Напротив, это высшее и редчайшее достижение.

Однако нас беспокоит, что сосредоточившись на описании, мы что-то упускаем, не «добавляя к нему» чего-то еще, то, что часто называют «объяснением». Но противоположность между описанием и объяснением — еще одна из тех ложных дихотомий, которые надо похоронить, особенно когда речь идет о «социальных объяснениях», которые приходится выкатывать из дома престарелых. Либо сети, делающие возможным некое положение дел, полностью развернуты, и тогда добавлять объяснения излишне, либо мы «добавляем объяснение», утверждающее, что надо принять в расчет какого-то другого актора или фактор, и тогда *описание* должно *продвинуться* на шаг дальше. Раз, несмотря на описание, сохраняется потребность в объяснении, значит, это плохое описание. Исключение составляет случай, когда описывается абсолютно стабильное состояние, при котором акторы действительно играют роль полностью детерминированных, и, следовательно, полностью «объяснимых» проводников, но в этом случае мы возвращаемся к более простым дорелятивистским ситуациям. Это новое ограничение — на «добавление» объяснения к описанию — становится все важнее: обычно именно когда привлекается «фрейм», социология социального и привносит свою избыточную причину. Как только какое-то место помещается в «рамку», все очень быстро становится рациональным и объяснения начинают литься слишком свободно. Опасность растет еще и оттого, что именно этот момент чаще всего выбирает критическая социология, всегда подстерегающая на заднем плане, чтобы взять на себя социальные объяснения и заменить объясняемые объекты иррелевантными, универсально применимыми акторами — «социальными силами», слишком тупыми, чтобы что-то понимать, и не выно-

сящими, когда их раскрывают. Тщательная работа над описанием — прямо как «безопасный секс» — предохраняет от передачи объяснений.

Опять же именно попытки подражать ложному представлению о естественных науках препятствуют социальным наукам: всегда остается ощущение, что описание слишком конкретно, идиосинкратично, локально. Но, вопреки поговорке схоластов, существует только наука о частном²⁷. И если мы устанавливаем связи между конкретными местами, то делать это нужно *увеличивая число* описаний, а не отправляться в путь на дармовщинку на таких «вездеходах», как Общество, Капитализм, Империя, Нормы, Индивидуализм, Поля и т. д. Хороший текст должен запускать в хорошем читателе такую реакцию: «Пожалуйста, больше подробностей, мне хочется еще подробностей». Бог в деталях, равно как и все остальное, в том числе и дьявол. Сама сущность социального в том, чтобы быть специфическим. Название игры не редукция, а ирредукция. Как всегда повторял Габриэль Тард, «существовать — значит различаться».

«Развертывать» просто означает, что на протяжении отчета, подводющего итоги исследования, количество акторов должно увеличиваться; диапазон сил, побуждающих акторов к действию, должен расширяться; число объектов, активно участвующих в стабилизации групп и сил, — умножаться; а разногласия по поводу дискуссионных реалий должны наноситься на карту. Лишь никогда не пытавшиеся писать о посредниках вместо проводников, скажут, что это легкая задача, что-то вроде «просто описания». Для нас же, наоборот, это дело требует столько же изобретательности, как и лабораторный эксперимент в каждом новом случае, — и успех тут столь же редок. Если он и случается, — что выходит не автоматически и достигается не просто словами «доктор философии» под чьей-то подписью, — то хороший отчет будет *формировать* социальное в буквальном смысле: участники действия — через противоречивое посредниче-

²⁷ Монографии в социологии — один из вкладов Тарда. См.: *Tarde G. Social Laws*. P. 92. В тардовском общем обзоре обществ человеческие общества типичны, потому что они мобилизуют малое число агентов, в противоположность биологии или физике, имеющих дело с миллионами или миллиардами элементов. Итак, быть особенным — это то, с чем всегда сталкивается социальное.

ство автора — будут *собраны* таким образом, что смогут *объединиться в коллектив*. Это звучит не столь уж заманчиво, и все же это вовсе не то, чем можно было бы полностью пренебречь.

Проблема в том, что социологи слишком часто мечутся между гордыней — каждый из них мечтает стать Ньютоном социологии и Лениным социальных изменений — и отчаянием: они презирают себя за простое накопление отчетов, описаний и статистических данных, которых никто не прочтет. Но выбор между абсолютным могуществом и полной ненужностью не имеет смысла. В том, чтобы отчаиваться по поводу собственного текста, не больше смысла, чем в желании заведующего химической лаборатории соответствовать требованиям НИИ²⁸. Значимость, как и все остальное, является достижением. Интересен или неинтересен отчет, зависит от объема работы, вложенной в то, чтобы сделать его интересным, то есть найти ему место среди других вещей²⁹. Вот что могут помочь выяснить пять неопределенностей все вместе: из чего состоит социальное? Что действует, когда действуем мы? К группе какого типа мы принадлежим? Чего мы хотим? Какой мир мы готовы сделать своим общим миром? Эти вопросы задают не только ученые, но и те, кого они изучают. Ни мы, социологи, не знаем ответа, который бы скрывался за актерами, ни они — знаменитые «сами акторы». Факт в том, что ответов нет *ни у кого*, поэтому эти ответы нужно формировать, стабилизировать и пересматривать сообща. Вот почему социальные науки так необходимы для пересборки социального. Без них нам не узнать, что у нас общего, не узнать, какие связи нас соединяют, без них у нас нет способа узнать, как нам жить в одном и том же общем мире.

Чтобы выработать эти ответы, приветствуется каждая новая инициатива, в том числе и *скромная интерпретация социолога*. Ее провал не более предопределен, чем успех. Определенно, попытаться стоит. Именно потому, что пять источников неопределенности вставлены один в другой, отчет, написанный скром-

²⁸ Национальный институт здоровья США. — *Примеч. пер.*

²⁹ Социология науки проследила множество стратегий придания значимости в точных науках и задокументировала много провалов. См.: *Callon M. La science et ses réseaux: Genèse et circulation des faits scientifiques*; и *Law J. Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience*. О понятии интереса см. также: *Stengers I. Power and Invention*.

ным, даже не облаченным в белый халат, коллегой, может иметь значение. Этот отчет может включать предварительное формирование связей, которые этому коллеге удалось развернуть. Он предлагает искусственное место (текстовый отчет), возможно, способное решить для какой-то отдельной аудитории вопрос, к какому общему миру они принадлежат. Собранные вокруг «лаборатории» текста, авторы, как и читатели, могут сделать видимыми два механизма, объясняющих множественность ассоциаций, которые надо принимать в расчет, и стабилизацию — или унификацию — мира, в котором они хотят жить³⁰. С одной стороны, это всего лишь текст, состоящий из стопок бумаги, исписанных чернилами или выжженных лазерным лучом. С другой — это маленький ценный институт, репрезентирующий, или, точнее, ре-репрезентирующий, то есть представляющий заново, социальное всем его участникам, чтобы *исполнить* его и придать ему форму. Это немного, но просящий большего часто довольствуется меньшим. Многие «сильные объяснения» могут на поверку оказаться менее убедительными, чем те, что были более слабыми.

На последней странице своей книги по социологии науки Пьер Бурдьё так определяет возможность для социолога обрести знаменитый взгляд Ока Божия из ниоткуда, когда он очистится от всех точек зрения, достигнув предельной критической рефлексивности:

Хотя [социологу] не следует забывать, что он, как всякий другой ученый, должен стараться помочь в построении внесубъективной точки зрения науки, в качестве социального агента он тоже находится внутри объекта, который рассматривает как свой объект изучения, и поэтому у него есть точка зрения, не совпадающая с другими, — в том числе с высокой и стоящей над всем точкой зрения квазибожественного наблюдателя, которой он может достигнуть, если полевые требования удовлетворены. Таким образом, социолог знает, что специфика социальных наук призывает его работать (как пытался делать я, говоря об отношении дара и труда в «Паскалевых медитациях»³¹) над конструированием научной истины, способной объединить видение наблюдателя

³⁰ Эти две функции — часть определения политики. См. заключение.

³¹ «Паскалевы медитации» (1997) — одна из последних работ Бурдьё. — Примеч. ред.

и истину практического видения агента в неведомую точку зрения, — такую, которая подвергается проверке в иллюзии абсолюта [Bourdieu, 2001]³².

Вот, возможно, самая честная — из когда-либо данных — версия мечты критической социологии; это было написано за несколько месяцев до безвременной кончины Бурдьё.

Мучиться по поводу потенциальной эффективности социологических текстов — значит обнаруживать недостаток скромности или нехватку амбициозности. Если уж на то пошло, успешное распространение по всему социальному миру социальных наук более поразительно, чем экспансия естественных наук и технологических изобретений. Можем ли мы переоценить изменения, достигнутые тем, что каждый из нас, благодаря скромным текстам феминистских исследователей, теперь «имеет гендер? Что мы знали бы о Другом, не будь отчетов антропологов? Кто мог бы измерить прошлое без археологов и историков? Кто был бы способен осуществлять навигацию, не будь географов? Кто бы имел бессознательное без психологов? Кто бы знал о полученной прибыли без бухгалтеров? Конечно, тексты кажутся жалкими тропинками для перемещения между многочисленными противоречивыми системами координат, и все же они несопоставимо эффективнее более грандиозных и сильных социальных объяснений, выдвигаемых, чтобы их принизить. Социолога не надо сажать в темный погреб за то, что он или она не может занять место всеобъемлющего и всевидящего Бога социальной науки. Нам, маленьким муравьям, не стоит поселяться ни в небесах, ни в преисподней, — и на земле есть много такого, через что приходится прогрызать себе путь.

³² Любезно переведено Симоном Шаффером.

VII. *О сложности быть акторно-сетевым теоретиком: интерлюдия в форме диалога*

Помещение одной из кафедр Лондонской школы экономики, пасмурный февральский вторник, послеобеденный час, время заскочить в «Бивер» пропустить пинту-другую. В дверь тихо, но настойчиво стучат. В комнату заглядывает студент¹.

Студент: Извините, я вам не помешаю?

Профессор: Нет-нет, нисколько. У меня консультация по расписанию. Прошу вас, садитесь.

С.: Спасибо.

П.: Итак... По-моему, вы немного растеряны?

С.: Ну да. Должен сказать, я всё больше убеждаюсь в том, как трудно применять Акторно-сетевую теорию (АСТ) в моем социологическом исследовании организаций.

П.: Нисколько не удивлен! Она ни к чему и не применима.

С.: Но нас учили... Я имею в виду... Это сейчас вроде бы в моде... Вы считаете, она вообще бесполезна?

П.: Возможно, и полезна, но только если ее ни к чему не «применяют».

С.: Простите, но не пытаетесь ли вы разыграть здесь один из дзен-буддистских трюков? Должен вас предупредить, что я простой докторант в области организационных исследований, так что не ожидайте... К тому же я не слишком хорошо

¹ Версия этого диалога вышла в свет в: The Social Study of Information and Communication Technology / ed. by C. Avgerou, C. Ciborra, F.F. Land. Oxford University Press, 2004. P. 62–76.

понимаю все эти французские штучки, читал, правда, кое-что из «Тысяча плато»², но не так уж много там понял...

П.: Простите, я не собирался острить. Просто АСТ — это, прежде всего, негативная аргументация. Она не говорит ничего позитивного о положении дел.

С.: Тогда что же она может мне дать?

П.: Лучшее, что она может вам дать, — это сказать что-то вроде: «Когда ваши информанты соединяют в одной фразе организацию, оборудование, психологию и политику, не разбивайте ее сразу на маленькие четкие части; попытайтесь следовать за связью, которая образована между этими элементами, выглядящими с точки зрения любой нормальной методологии совершенно несоизмеримыми». Вот и все. АСТ не скажет вам ничего позитивного о том, чем является эта связь.

С.: Почему же она называется «теорией», если в ней ничего не говорится о том, что мы изучаем?

П.: Это теория, и, на мой взгляд, серьезная, но она о том, как изучать вещи, вернее, о том, как их не изучать, или, вернее, как предоставить актерам пространство для самовыражения.

С.: Вы имеете в виду, что другие социальные теории им его не дают?

П.: В каком-то смысле да, и именно потому, что очень сильны: они хороши для того, чтобы говорить о субстанции, из которой сделан социальный мир. В большинстве случаев это работает; все компоненты известны; набор должен быть ограничен. Но когда происходят быстрые изменения, это не работает. Это не годится для организационных исследований, исследований информации, маркетинга, исследований науки и техники или менеджмента, где границы чрезвычайно размыты. *Новые* темы — вот для чего нужна АСТ.

С.: Но мои агенты... Я имею в виду тех, кого я изучаю в компании, — они же образуют множество сетей. Они связаны с множеством различных вещей, они повсюду...

² Одна из работ Ж. Делеза и Ф. Гваттари. См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свицкого; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — Примеч. пер.

VII. О СЛОЖНОСТИ БЫТЬ АКТОРНО-СЕТЕВЫМ ТЕОРЕТИКОМ

- П.: Но видите ли, в этом-то и проблема! Чтобы это сказать, вам не нужна акторно-сетевая теория. Тут стодится любая социальная теория из вам известных. Это же пустая трата времени — выбрать такую странную теорию, просто чтобы показать, что ваши информанты «образуют сеть».
- С.: Но они именно это и делают! Образуют сеть. Смотрите, вот я проследил их связи: компьютерные чипы, стандарты, обучение, деньги, награды, страны, культуры, залы заседаний совета директоров и все такое. Разве я описал не то, что в вашем понимании и есть сеть?
- П.: Не уверен. Согласен, что тут страшная путаница, и в основном по нашей вине, — придуманный нами мир совершенно ужасен. Но вы не должны смешивать ту сеть, которую описывают, и ту, которая используется для описания.
- С.: Повторите, пожалуйста!
- П.: Вы согласитесь, конечно, что рисовать карандашом не то же самое, что рисовать карандаш. Так же и с этим двойственным по значению словом «сеть». С помощью актора-сети вы можете описать что-то такое, что совсем не выглядит как сеть: это может быть индивидуальное состояние души, элемент оборудования, литературный персонаж; и наоборот, вы можете описать какую-то сеть — метрополитен, канализацию, телефонную сеть, — которые вовсе не нарисованы в «акторно-сетевой» манере. Вы просто путаете объект и метод. АСТ — это метод, и при том преимущественно негативный; он ничего не говорит о *форме* того, что описывают с его помощью.
- С.: Совсем сбит с толку! Но служащие моей компании — они-то разве не образуют различимую, сложную и влиятельную сеть?
- П.: Возможно, то есть я хотел сказать, конечно, да, — ну и что?
- С.: Тогда я могу изучать их с помощью акторно-сетевой теории!
- П.: Опять же, может быть, да, а может быть, и нет. Это полностью зависит от того, что вы сами позволите делать своим актерам (вернее, своим актантам). Быть связанными, быть взаимосвязанными или быть гетерогенными здесь недостаточно. Все зависит от того, какого рода действие перетекает от одного к другому, — отсюда и слова «*net*» и «*work*»³. Во-

³ «Сеть» и «работа», «действие» (англ.). — Примеч. пер.

обще говоря, нам следовало бы говорить о «сети действий» (worknet) вместо «действующей сети» (network). Это и работа, и движение, и поток, и изменения, — вот что необходимо подчеркнуть. Но мы остановились на слове «сеть», и все думают, что мы имеем в виду Всемирную паутину — Интернет, или что-то в таком роде.

- С.: Вы хотите сказать, что, показав своих акторов связанными в форме сети, я еще не провел исследование в смысле АСТ?
- П.: Именно это я и имел в виду: АСТ — это скорее название карандаша или кисти, нежели формы, которую надо начертить или нарисовать.
- С.: Но когда я сказал, что АСТ — это инструмент, и спросил вас, может ли он быть применен, вы возразили!
- П.: Потому что это не инструмент, вернее, потому что инструменты никогда не бывают «просто» инструментами, готовыми к применению: они всегда изменяют те цели, которые вы мысленно ставите. Вот что такое «актор». Актер-сеть (название глупое, согласен) позволяет вам производить такие эффекты, которых вы не получите средствами других социальных теорий. Это все, за что я могу ручаться. Это самый обычный опыт: просто порисуйте по очереди карандашом и углем, — и почувствуете разницу; да и печь пирог в газовой духовке — не то же самое, что в электрической.
- С.: Но мой руководитель хочет совсем не этого. Ему нужна рамка, в которую можно поместить мои данные.
- П.: Если вы хотите хранить больше данных, купите жесткий диск побольше.
- С.: Он всегда говорит: «Молодой человек, вам нужна рамка».
- П.: Похоже, ваш руководитель торгует картинами! Рамы действительно красивы, любо-дорого посмотреть: позолоченные, белые, резные, с лепными узорами, алюминиевые и т. д. Но вы когда-нибудь видели, чтобы художник начинал создание своего шедевра с выбора рамы? Это было бы немного странно, не правда ли?
- С.: Вы же просто играете словами. Под «рамой» я имею в виду теорию, идею, общее положение, концепт, — что-то такое, что придает данным смысл. Что-то такое нужно всегда.

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

- П.: Вовсе нет! Скажите, если некое X — просто «частный случай» некоего Y , то, что важнее изучать: X — всего лишь частный случай, или Y — общее правило?
- С.: Наверное, Y ... но и X тоже, просто чтобы посмотреть, на самом ли деле это частный случай... оба, я думаю.
- П.: А я бы поставил на Y , так как X не научит вас ничему новому. Если нечто — только «пример» какого-то состояния дел, то идите и изучайте само это состояние. Эмпирическое исследование, которому нужна рамка, — ну... это плохой выбор для начала.
- С.: Но ведь вы всегда должны помещать вещи в какой-то контекст, не так ли?
- П.: Я никогда не понимал, что такое контекст, нет. Рама позволяет картине хорошо выглядеть, помогает лучше направлять взгляд, повышает ее стоимость и расширяет возможности датировки, но к самой картине она ничего не прибавляет. Обрамление или контекст — это сумма факторов, ничего не меняющих в данных, это знают все. Будь я на вашем месте, я бы обошелся вообще без рамки. Просто описывайте наличное состояние дел.
- С.: «Просто описывайте»... Простите, но ведь это очень наивно, не правда ли? Разве это не та самая разновидность эмпиризма, или реализма, от которой нас предостерегали? Я думал, что ваш аргумент окажется... ммм... более изощренным.
- П.: Потому что описание кажется вам легким? Думаю, вы, должно быть, принимаете за описание цепочку клише. На сотню книг комментариев и полемики только одна содержит описание. Описывать, быть внимательным к конкретному состоянию дел, искать единственно адекватный подход к данной ситуации — я всегда считал подобную работу исключительно требовательной.
- С.: Честно говоря, я в растерянности. Нас учили, что есть два типа социологии, интерпретативная и объективистская. Ведь вы не хотите сказать, что относите себя к объективистскому типу?
- П.: Не сомневайтесь! Да, безусловно.
- С.: Вы? Но нам говорили, что вы вроде бы релятивист! Цитировали ваши высказывания, где вы утверждаете, что даже

естественные науки не объективны. Ну, разумеется, вы за интерпретативную социологию, за точки зрения, многообразия позиций и все такое.

П.: На самом деле я не симпатизирую интерпретативным социологиям. Нет. Напротив, я твердо уверен в том, что науки объективны — какими же еще они могут быть? Они ведь говорят об объектах, разве нет? Я просто говорю, что объекты могут выглядеть несколько более сложными, складчатыми, множественными, комплексными и замысловатыми, чем хотелось бы «объективистам», как вы их называете.

С.: Но как раз это и утверждает «интерпретативная» социология, разве не так?

П.: О нет, вовсе нет. Она бы сказала, что человеческие желания, человеческие смыслы, человеческие намерения и т. д. вносят «интерпретативную изменчивость» в мир неизменных объектов «чистых причинных связей», «строго материальных связей». Это совсем не то, что говорю я. Я бы сказал, что вот этот компьютер на моем столе, вот этот экран, эта клавиатура — объекты, состоящие из такого же множества уровней, что и вы, здесь сидящий, со своим телом, своим языком, своими заботами. Сам объект и вносит множественность, точнее, вещь, «сборку». Когда вы говорите о герменевтике, к каким бы предосторожностям вы ни прибегали, вы всегда рискуете потерять второй башмак: кто-нибудь обязательно скажет: «Но, конечно, есть и „природные“, „объективные“ вещи, которые „не“ интерпретируются».

С.: Именно это я и собирался сказать! Есть не только объективные реальности, но и субъективные! Вот почему нам нужны оба типа социальных теорий...

П.: Видите? Вот неизбежная ловушка: «Не только... но и... ». Либо вы распространяете этот аргумент на все без исключения, но тогда он становится бесполезным: «интерпретация» превращается в синоним «объективности», — либо вы ограничиваетесь одним аспектом реальности, человеческим, и застреваете на месте, потому что объективность всегда остается по ту сторону забора. А тогда уже не имеет значения, считать ли «ту сторону» беднее или богаче: в любом случае она для нас вне досягаемости.

С.: Но вы не отрицаете, что и вы тоже занимаете определенную позицию, что АСТ также находится в определенных услови-

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

ях, что вы тоже привносите свой уровень интерпретации, перспективу?

П.: Нет, с чего бы вдруг я стал бы это отрицать? Ну и что? Самое замечательное в позиции заключается в том, вы можете ее занять и модифицировать! Почему я должен за нее держаться? У астрономов — поскольку они находятся на земле — ограниченная перспектива. Возьмите, к примеру, Гринвич, обсерваторию вниз по реке отсюда. Вы там когда-нибудь были? Красивое место. И все-таки они немало преуспели в изменении этой перспективы с помощью инструментов, телескопов, спутников. Теперь они в состоянии начертить карту распределения галактик по всей Вселенной. Неплохо, не правда ли? Покажите мне позицию — и я покажу вам две дюжины способов из нее выйти. Послушайте: можете спокойно забыть эту оппозицию между «положением» и «взглядом ниоткуда». А заодно разницу между «интерпретативным» и «объективистским». Бросьте герменевтику и возвращайтесь к объекту, или, точнее, к вещи.

С.: Но ведь я всегда ограничен своей локальной точкой зрения, своей перспективой, собственной субъективностью.

П.: Ну конечно, ограничены! Но что заставляет вас думать, что «иметь точку зрения» — значит «быть ограниченным» или, особенно, «субъективным»? Когда вы, путешествуя за границей, следуете знакам «Бельведер 1,5 км», «Панорама», «Прекрасный вид» и в конце концов добираетесь до захватывающего дух места, — разве это доказывает вашу «субъективную ограниченность»? Это сама вещь, долина, горы, дороги предлагают вам этот взгляд, эту возможность, эту точку зрения. Лучшее доказательство состоит в том, что двумя метрами ниже вы уже ничего не увидите из-за деревьев, а двумя метрами выше — тоже ничего, из-за множества припаркованных машин. Но при этом у вас одна и та же ограниченная «субъективность» и вы возите с собой все ту же «позицию»! Если вы и можете смотреть на статую с разных точек зрения, то лишь потому, что у самой статуи три измерения, и она позволяет вам, да, *позволяет* вам обойти ее вокруг. Если что-то дает возможность смотреть на себя с разных точек зрения, то лишь потому, что это «что-то» — в высшей степени комплексное, замысловато сложенное, хорошо организованное и красивое, да, *объективно* красивое.

С.: Но ведь объективно красивого не бывает — красота и должна быть субъективной... относительной... на вкус и цвет... Я опять в растерянности. Почему же тогда мы в этой школе тратим столько времени на борьбу с объективизмом? То, что вы говорите, не может быть верным.

П.: Потому что вещи, которые люди называют «объективными», большую часть времени — просто клише для обозначения неоспоримых фактов. У нас нет хорошего описания чего бы то ни было: что такое компьютер, программное обеспечение, формальная система, теорема, компания, рынок. Мы не знаем почти ничего и о том, что представляет собой вещь, которую вы изучаете, — организация. Как же мы можем отделить ее от человеческих эмоций? Так вот, есть два способа критиковать объективность: один из них состоит в уходе от объекта к субъективной человеческой точке зрения. Но есть и другое направление — то, о котором я говорю: назад к объекту. Позитивисты не владеют объективностью. Описанный Аланом Тьюрингом компьютер гораздо богаче и интереснее тех, что описаны в журнале «Wired»⁴, не правда ли? Как мы видели вчера на занятии, описание мыловаренной фабрики в романе Ричарда Пауэрса «Прибыль» намного живее, чем то, что вы читаете в гарвардских исследованиях. Это и называется «вернуться назад к эмпиризму».

С.: И все-таки моя точка зрения меня ограничивает.

П.: Конечно, ограничивает, но — снова — и что с того? Не надо верить всей этой болтовне об «ограниченности» точкой зрения. Все науки изобретали свои способы *перемещения* от одной точки зрения к другой, из одной системы координат в другую, — ради Бога: это и называется релятивностью.

С.: А-а! Так вы признаете себя релятивистом!

П.: Ну конечно же, кем еще я могу быть? Если я хочу быть ученым и достигнуть объективности, я должен быть в состоянии переходить из одной системы координат в другую, с одной позиции на другую. Без этих перемещений я навсегда остался бы ограниченным своей узкой точкой зрения.

⁴ «Wired» («Подключенный») — ежемесячный журнал, издаваемый в США. Одна из главных тем этого издания — влияние компьютерных технологий на политику, экономику, культуру. — *Примеч. ред.*

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

- С.: Так вы связываете объективность с релятивизмом?
- П.: «Релятивностью», — да, разумеется. И все науки это делают. Наши науки тоже.
- С.: Но каков *наш* способ смены позиции?
- П.: Я же вам сказал, мы занимаемся описаниями. Все остальные пользуются клише. Расспросы, анкетирование, полевая работа, архивы, опросы, что угодно, — мы идем, мы слушаем, мы изучаем, мы экспериментируем, мы становимся компетентными, мы меняем свои взгляды. На самом деле все очень просто: это называется исследованиями. Хорошие исследования всегда приносят много новых описаний.
- С.: Но у меня уже есть масса описаний! Я в них просто тону. Именно в этом моя проблема. Вот почему я пришел в растерянность и подумал, что было бы полезно обратиться к вам. Не может ли АСТ помочь мне с этой массой данных? Мне нужна рамка!
- П.: «Полцарства за рамку!». Очень трогательно; думаю, мне понятно ваше отчаяние. Однако нет, АСТ для этого по большей части не годится. Ее главный принцип в том, что акторы сами создают все, включая свои собственные рамки, теории, контексты, метафизики, даже свои собственные онтологии. Так что, боюсь, идти надо в сторону еще большего числа описаний.
- С.: Но описания такие длинные. Вместо этого я должен *объяснять*.
- П.: Вот видите? Вот в чем я не согласен с большинством наставлений в области социальных наук.
- С.: Вы не согласны с тем, что социальные науки должны давать объяснения накопленным ими данным? И вы называете себя социологом и объективистом!
- П.: Я бы сказал так: если ваше описание нужно объяснять, это плохое описание, вот и все. Только плохие описания нуждаются в объяснении. Это и в самом деле очень просто. Что почти всегда понимают под «социальным объяснением»? Подключение нового актора для придания уже описанному необходимой для действия энергии. Но если вы нуждаетесь в добавлении энергии, то это значит, что сеть неполна. И если уже собранным акторам недостает энергии для

действия, то тогда они не «акторы», а простые проводники, обманки, марионетки. Они ничего не делают, поэтому их нельзя включать в описание. Я никогда не видел, чтобы хорошее описание нуждалось в объяснении. Но мне пришлось во множестве читать плохие описания, к которым ничего не прибавляло массивное добавление «объяснений». И АСТ не помогла.

- С.: Все это очень прискормно. Мне следовало бы знать: другие студенты предостерегали меня — держись от АСТ подальше. Теперь вы мне говорите, что я не должен даже пытаться что-либо объяснять!
- П.: Я этого не говорил. Я просто сказал, что либо ваше объяснение релевантно, и на практике это означает, что вы включаете в описание нового агента: просто сеть оказалась длиннее, чем вы думали, либо это не актер, производящий различия, и вы просто вводите нечто нерелевантное, ничуть не способствующее ни описанию, ни объяснению. В таком случае выкиньте его.
- С.: Но так делают все мои коллеги. Они говорят о «корпоративной культуре IBM», «британском изоляционизме», «давлении рынка», «собственных интересах». Почему вдруг я должен лишать себя контекстуальных объяснений?
- П.: Вы можете пользоваться ими как кратким кодом или чтобы быстро заполнить части вашей картины, не имеющие для вас значения, но не думайте, что они что-то объясняют. В лучшем случае они равно относятся ко всем вашим актерам, а это означает, что скорее всего они излишни, поскольку неспособны ввести между ними различия. А в худшем случае из-за них всех новых интересных актеров поглотит потоп старых. Разверните содержание со всеми его связями — и получите контекст в придачу. Как говорил Рем Кольхаас, «контекст смердит». Это просто способ остановить описание, если вы устали или слишком ленивы, чтобы продолжать.
- С.: Но моя проблема как раз в этом: как остановиться. Мне надо заканчивать диссертацию, у меня осталось только восемь месяцев. Вы всегда говорите «больше описаний», но это напоминает Фрейда и его нескончаемый анализ. Когда вы остановитесь? Мои актеры в состоянии беспорядка! Куда мне идти? Что такое завершённое описание?

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

- П.: Вот это хороший вопрос, практический. Я всегда говорю: хорошая диссертация — законченная диссертация. Но есть и другой способ остановиться, а не только «добавление объяснения» или «помещение в рамку».
- С.: Тогда скажите, какой?
- П.: Остановитесь, когда напишете 50 000 слов, или какой там формат, всегда забываю.
- С.: О! Вот это и вправду замечательно! Итак, моя диссертация будет закончена, когда я ее напишу. Вы мне так помогли, огромное спасибо. Я чувствую такое облегчение.
- П.: Рад, что вам понравилось! Нет, серьезно, разве вы не согласны, что метод всегда определяется размером и типом текста, который вы собираетесь написать?
- С.: Но это же *текстовое* ограничение, оно не имеет ничего общего с методом.
- П.: Вот видите? Вот почему мне не нравится, как учат докторантов. Написания текстов *целиком и полностью* относятся к методу. Вы много месяцев пишете текст, состоящий из множества слов, основанный на огромном количестве интервью, часов наблюдений и документов. Вот и всё. Вы не делаете ничего более.
- С.: Но я делаю еще много чего. Я учусь, я провожу исследования, я объясняю, я критикую, я...
- П.: Но ведь все эти грандиозные цели вы реализуете через текст, не так ли?
- С.: Конечно, но текст — это инструмент, медиа, мой способ самовыражения.
- П.: Нет никаких инструментов, медиа, только посредники. Текст ими насыщен. Вообще-то это принцип АСТ.
- С.: Простите, профессор, я же вам сказал, что никогда не был силен во французских штучках; я могу писать программы на С и даже С ++, но не занимаюсь Деррида, семиотикой и всем этим. Не верю, что мир сделан из слов и все такое...
- П.: Прошу вас, не впадайте в сарказм. Это не к лицу инженеру, живущему в вас. К тому же я и сам не верю, что все «есть текст». Вы меня спрашиваете, как остановиться, а я вам просто говорю: лучшее, что вы можете сделать как докторант,

это добавить текст, который будет прочитан вашими руководителями, возможно, несколькими вашими информантами, тремя-четырьмя коллегами, к наличному положению дел. В этом нет ничего иллюзорного, только откровенный реализм. Одно решение вопроса, как остановиться, — это «добавить рамку», «объяснение»; другое — написать последнее слово в последней главе вашей чертовой диссертации.

С.: Но меня учили наукам! Я системный инженер, я пришел в социологию организации не для того, чтобы все это бросить. Я хочу добавить к тому, что мне уже известно, схемы потоков, институты, людей, мифологии и психологию. Я даже готов быть, как вы нас учите, «симметричным» в отношении различных факторов. Но не говорите мне, что наука — это рассказывание увлекательных историй. С вами так трудно. То вы законченный объективист, возможно, даже наивный реалист: «просто описывайте», то вы абсолютный релятивист: «расскажите пару симпатичных историй и бегите». Разве все это не ужасно по-французски?

П.: И все это заставляет вас ужасно... что? Не будьте дураком. Кто говорил об «увлекательных историях»? Не я. Я говорил, что вы пишете диссертацию. Вы что, станете это отрицать? А потом я сказал, что эта столь-многословная-длинная-докторская-диссертация, которая станет единственным долговечным результатом вашего нахождения здесь, является насыщенной, плотной.

С.: В смысле?

П.: В том смысле, что это не прозрачное оконное стекло, переносящее без всякого искажения информацию о вашем исследовании. «Нет информации, есть только трансформация», — полагаю, вы согласны, с этим лозунгом АСТ? Ну, тогда он, конечно, имеет отношение и к вашей диссертации, — разве нет?

С.: Возможно, но хотелось бы знать, в каком смысле он позволит мне быть более научным. Я не хочу отказываться от научного этоса.

П.: В том смысле, что ваш текст, в зависимости от того, как он написан, захватит или не захватит актор-сеть, которую вы стремитесь исследовать. В нашей дисциплине текст — не рассказ, не увлекательная история. Скорее, он — функ-

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

циональный эквивалент лаборатории. Это место для испытаний, экспериментов и симуляций. В зависимости от того, что происходит в тексте, актер есть или его нет, сеть прослеживается или не прослеживается. А это целиком зависит от того, как именно текст написан, и каждая новая тема требует нового способа управляться с ней посредством текста. Большинство текстов просто откровенно мертвы. В них ничего не происходит.

- С.: Но в нашей программе никто и не упоминает о «тексте». Мы говорим об «исследовании» организации, а не о том, как «писать текст» о ней.
- П.: Что я вам и говорил: вас учат плохо! Не учить докторантов-социологов писать диссертации — все равно что не учить химиков проводить лабораторные эксперименты. Вот почему я теперь учу только одному: писать. Я все время твержу как мантру: «описывайте, пишите, описывайте, пишите».
- С.: Проблема в том, что это — совсем не то, чего хочет мой научный руководитель! Он хочет, чтобы мое эмпирическое исследование «приводило к каким-то полезным обобщениям». Он не хочет «просто описаний». И если я сделаю по-вашему, и у меня получится хорошее описание одного какого-то состояния дел, то что с того? Я все равно должен поместить его в рамку, найти типологию, сравнить, объяснить, обобщить. Вот из-за этого я и впадаю в панику.
- П.: Впадать в панику вам стоит, только если ваши акторы не делают всего этого постоянно — активно, рефлексивно, одержимо. Они тоже сравнивают; они тоже типологизируют; они тоже разрабатывают стандарты; они тоже распространяют свои механизмы, свои организации, свои идеологии, свои состояния ума. С чего бы вам одному заниматься интеллектуальным трудом, а им вести себя как компания идиотов? То, что они делают для распространения, установления связей, сравнения, организации, — это и есть то, что вы должны описывать. А не добавлять некий другой уровень к «просто описанию». Не пытайтесь перейти от описания к объяснению: просто продолжайте описание. Ваши собственные мысли по поводу вашей компании совершенно не интересны в сравнении с тем, каким образом самой этой компании удастся расширяться.
- С.: Но если мои люди не действуют, если они активно не сравнивают, не стандартизируют, не организуют, не обобща-

ют, — что тогда мне делать? Я же забуксую. Я буду неспособен предложить никаких других объяснений.

П.: Вы меня действительно потрясаете! Если ваши акторы не действуют, они не оставят никаких следов. Вы не получите никакой информации. И вам нечего будет сказать.

С.: Вы имеете в виду, что когда нет следов, мне следует молчать?

П.: Невероятно! А вы бы поставили такой вопрос в какой-нибудь естественной науке? Это прозвучало бы полной глупостью. Надо быть социологом, чтобы заявлять, что можно продолжать объяснение даже в отсутствие какой бы то ни было информации! И вы на самом деле готовы выдумывать данные?

С.: Нет, конечно, нет, но я все же хочу...

П.: Правильно, по крайней мере вы разумнее некоторых ваших коллег. Раз нет следов, то нет информации, тогда нет описания, тогда и не о чем говорить. *Ничем не заполняйте эти лакуны.* Это похоже на карту неведомой страны XVI века: никто туда не едет, никто не возвращается, так, ради Бога, оставьте ее чистой! *Terra incognita.*

С.: А скрытое действие невидимых сущностей?

П.: Если они действуют, то оставляют следы. Тогда вы получите какую-то информацию и сможете об этом говорить. Если следов нет, то просто заткнитесь.

С.: А что, если их вытесняют, отрицают, замалчивают?

П.: Ничто на земле не даст вам возможности заявить о его присутствии без предоставления *доказательства* этого присутствия. Такое доказательство может быть косвенным, надуманным, усложненным, но оно вам необходимо. Невидимые вещи невидимы. И точка. Если они заставляют другие вещи двигаться, и вы можете задокументировать эти движения, то тогда они видимы.

С.: Доказательство? Что такое вообще доказательство? Разве это звучит не ужасно позитивистски?

П.: Надеюсь, что да. Что хорошего в том, чтобы говорить о действии вещей, существование которых вы не можете доказать? Боюсь, вы путаете социальную теорию с конспирологической, — хотя сейчас к этому склоняется большинство в критической социологии.

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

- С.: Но если я не добавляю ничего, то, выходит, я просто повторяю, что говорят акторы.
- П.: Чего бы стоило обращение к дополнительным невидимым сущностям, которые действуют, не оставляя никакого следа и ничего не меняя ни в каком состоянии дел?
- С.: Но должен же я заставить акторов научиться чему-то такому, чего они не знали; иначе зачем бы я их изучал?
- П.: О, социологи! Вы всегда ставите меня в тупик. Если бы вы вместо АСТ изучали муравьев, вы бы и от муравьев ожидали, что они чему-то *научатся* из вашего исследования? Нет, конечно. Это они учителя, а вы у них учитесь. Вы объясняете, что они делают, для себя, к собственной выгоде или к выгоде других энтомологов, а не ради них самих, — им это совершенно не нужно. Что заставляет вас думать, что исследование всегда должно чему-то учить тех, кого исследуют?
- С.: Но в этом и состоит сама идея социальных наук! Потому я и здесь, в школе: чтобы подвергнуть критике идеологию менеджмента, разоблачить многочисленные мифы информационных технологий, подняться на уровень критического отношения ко всей этой технической мишуре, идеологии рынка. Если бы не это, поверьте, я остался бы в Силиконовой долине и делал бы гораздо большие деньги — ну, теперь-то, может быть, и нет, потому что этот мыльный пузырь лопнул... Но, как бы то ни было, я должен дать рефлексивное понимание людям...
- П.: ...Которые, конечно, не были рефлексивными, пока вы не удостоили их своим исследованием!
- С.: В каком-то смысле да. Я имею в виду, нет. Они что-то делали, но не знали, почему... Что тут не так?
- П.: Не так здесь то, что это ужасная дешевка. Большею частью то, что социологи называют «рефлексивностью», на самом деле просто способ задавать совершенно неуместные вопросы людям, задающим другие вопросы, на которые у аналитика нет ни малейшего ответа! Рефлексивность — это не аристократическая привилегия, которая всегда с вами только лишь потому, что вы член Лондонской школы экономики! У вас и у ваших информантов разные интересы: когда они пересекаются, это чудо. А чудеса, — если вы этого еще не знаете, — редки.

- С.: Однако если я ничего не добавлю к тому, что говорят актеры, то не смогу быть критичным.
- П.: Смотрите-ка, то вы хотите объяснять и разыгрываете из себя ученого, то намереваетесь разоблачать и критиковать и строите из себя политического активиста...
- С.: А я хотел сказать: то вы наивный реалист — «назад к объекту», то говорите, что просто пишете текст, который ничего не прибавляет, а только следует за вашими пресловутыми «самими актерами». Это совершенно аполитично. Насколько я вижу, никакого критического отношения.
- П.: Скажите, господин Разоблачитель, каким образом вы собираетесь подняться «на уровень критического отношения» над своими актерами? Я жажду это услышать.
- С.: Только если у меня есть рамка. Это и есть то, в поисках чего я сюда пришел, но, видимо, АСТ неспособна дать ее мне.
- П.: А я рад, что неспособна. Я правильно понимаю, что эта ваша рамка скрыта от глаз ваших информантов и раскрывается благодаря вашему исследованию?
- С.: Да, конечно. Это-то и должно придать дополнительную ценность моей работе, — не описание того, что все и так уже знают, а объяснение, контекст, все то, чего они не могут увидеть по недостатку времени, типология. Видите ли, они слишком заняты, чтобы думать. Вот что я могу дать. Между прочим, я вам еще не говорил: в компании готовы предоставить мне доступ к их файлам.
- П.: Отлично, им по крайней мере интересно, чем вы занимаетесь. Неплохое начало. Но не заявляете ли вы, что за шесть месяцев своих полевых исследований вы сможете сами, просто написав несколько сот страниц, добыть больше знаний, чем эти 340 инженеров и прочих служащих, — все, кого вы изучаете?
- С.: Не «больше» знаний, а иные знания. Да, надеюсь, что смогу. Разве я не должен стремиться именно к этому? Разве не для того я этим занимаюсь?
- П.: Не знаю, чем именно вы занимаетесь, но насколько *отличается* то знание, которое добываете вы, от их знания, — еще большой вопрос.

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

- С.: Это знание того же рода, что во всех науках, тот же способ объяснения вещей: от рассматриваемого случая к его причине. Раз мне известна причина, то я могу вывести результат как ее следствие. А что в этом неправильного? Это как если бы мы задались вопросом, что произойдет с маятником, далеко отклонившимся от положения равновесия. Зная закон Галилея, я могу и не смотреть ни на какой конкретный маятник; но я точно знаю, что произойдет, естественно, если пренебречь возмущениями.
- П.: Естественно! Так вы надеетесь, что ваша объяснительная рамка послужит для вашего исследования тем же, чем закон Галилея — для движения маятника, за вычетом возмущений.
- С.: Да, и я так думаю, хотя и не в такой научной форме. А что? Что тут неправильно?
- П.: Ничего. Это было бы замечательно, но осуществимо ли это? Ведь это значит, что как бы себя ни вел данный конкретный маятник, это не добавит никакой новой информации к закону падающих тел. Закон *потенциально* содержит все, что можно знать о состояниях маятника. Конкретный случай — это просто, говоря философски, «реализация потенци», которая в нем уже была.
- С.: Разве это не идеальное объяснение?
- П.: Да, только в этом-то и проблема. Это идеал в квадрате: идеал идеального объяснения. Я немного сомневаюсь, что служащие вашей компании ведут себя в соответствии с ним. Кроме того, я абсолютно уверен, что вы не сможете разработать такого закона их поведения, который давал бы возможность вывести из него все как конкретную реализацию того, что уже потенциально присутствовало.
- С.: Минус возмущения...
- П.: Да, да, об этом и упоминать не стоит. Ваша скромность заслуживает восхищения.
- С.: Вы что, надо мной смеетесь? Стремление к такому типу рамки мне кажется осуществимым.
- П.: А если и так, желательно ли это? Смотрите, что вы на самом деле говорите: что акторы в вашем описании не играют никакой роли. Они просто «реализуют потенциал» — за исклю-

чением мельчайших отклонений. Это означает, что это вообще не акторы: они всего лишь передают силу, которая через них проходит. Так что, дорогой мой, вы зря теряли время на описание людей, объектов, мест, которые на самом деле являются всего лишь пассивными проводниками, поскольку ничего не делают сами по себе. Вся ваша полевая работа попросту была потерей времени. Надо было идти непосредственно к причине.

С.: Но наука для этого и существует! Именно для этого: находить скрытые структуры, объясняющие поведение тех агентов, которые, как вам казалось, делают что-то свое, но на самом деле являются просто местодержателями.

П.: Так вы структуралист! Наконец-то вы вышли из кабинета. Местодержатели, не так ли вы называли акторов? И при этом хотите, чтобы акторно-сетевая теория работала! Эkleктизм переходит все пределы!

С.: А почему я не могу делать и то и другое? АСТ, разумеется, если она имеет какое-то научное содержание, и должна быть структуралистской!

П.: Понимаете ли вы, что в понятии «актор-сеть» присутствует термин «актор»? Можете ли вы мне сказать, какого рода действие осуществляет «местодержатель» в структуралистском объяснении?

С.: Легко. Он выполняет функцию. Это и есть самое главное в структурализме, если я его правильно понимаю. Любой агент в одной и той же позиции будет вынужден делать то же самое.

П.: Так что «местодержатель» по определению полностью *замещаем* любым другим?

С.: Да, это я и имею в виду.

П.: Но это как раз очень неправдоподобно и делает структурализм радикально несовместимым с АСТ. В моем словаре актор, который не вносит никакого различия, — вообще не актор. Актор, если слова имеют смысл, это как раз то, что *незамещаемо*. Он уникальное событие, совершенно нередуцируемое ни к какому другому, за исключением случаев, когда вы посредством некоего процесса стандартизации делаете одного актора соизмеримым с другим, но даже это требует третьего актора, третьего события.

VII. О СЛОЖНОСТИ БЫТЬ АКТОРНО-СЕТЕВЫМ ТЕОРЕТИКОМ

- С.: То есть вы говорите мне, что АСТ — не наука!
- П.: Если быть точным, не структуралистская наука.
- С.: Это одно и то же; любая наука...
- П.: Нет! Исследования организаций, исследования науки и техники, бизнес-исследования, информационные исследования, социология, география, антропология, — каким бы ни было предметное поле, эти науки по определению не могут основываться ни на каком структуралистском объяснении, так как информация — это трансформация.
- С.: «Системы трансформации» — ведь структурализм изучает именно это!
- П.: никоим образом, друг мой, поскольку в структурализме ничего по-настоящему не трансформируется, а просто *комбинируется*. Между ним и АСТ — бездонная пропасть. Структура — это просто сеть, о которой у вас есть только очень схематичная информация. Это полезно, когда вы ограничены во времени, но не говорите мне, что это более научно. Если я хочу, чтобы в моем отчете были акторы, то они должны что-то делать, а не занимать место; если же они что-то делают, то создают различия. Если они не вносят различий, уберите их и начните исследование сначала. Вы хотите науку, в которой бы не было объекта.
- С.: Вы и ваши истории. Истории, в которых происходят события, — вот чего вы хотите! Я говорю об объяснении, знании, критическом отношении, а не о сочинении текстов для мыльных опер на четвертом канале!
- П.: Так я и думал. Вы хотите, чтобы ваш опус в несколько сотен страниц что-то изменил, верно? Ладно. Тогда вы должны быть в состоянии доказать, что ваше описание того, что делают люди, вернувшись к ним, что-то изменит в том, как именно они это делают. Это и есть то, что вы называете «иметь критическое отношение»?
- С.: Думаю, да.
- П.: Но вы согласитесь, что не годится предлагать им неуместное обращение к причинам, не производящих различий в том, что они делают, так как это причины слишком общего характера?

С.: Конечно, нет. Я имел в виду *реальные* причинно-следственные связи.

П.: Но такие, которые все равно бы не работали, потому что если бы они и существовали, в чем я очень сильно сомневаюсь, они бы имели только одно следствие — превращение ваших информантов в местодержателей других акторов, которых вы называете функцией, структурой, правилом и т. д. На самом же деле они больше не были бы актерами, а лишь обманками, марионетками, и это было бы несправедливым даже для марионеток. Так или иначе, вы обращаете акторов в ничто: в лучшем случае они были бы способны произвести несколько незначительных возмущений, наподобие незначительной дрожи, добавляемой конкретным маятником.

С.: А?

П.: Теперь скажите мне, что такого политически важного в превращении тех, кого вы изучаете, в жалких «бездействующих» носителей скрытых функций, которые вы, и только вы, можете увидеть и выявить?

С.: Хм, вот умеете вы переворачивать все с ног на голову. Теперь я не уверен. Если акторы осознают то, что их подавляет, если они становятся сознательнее, рефлексивнее, разве уровень их сознания не станет выше? И они смогут взять свою судьбу в собственные руки. Станут более просвещенными, разве нет? А если так, то я скажу, что теперь, отчасти благодаря мне, это более активные, более совершенные акторы.

П.: *Браво, брависсимо!* Так для вас актер — полностью детерминированный агент, и к тому же абстрактный носитель функции, плюс небольшие возмущения, плюс некоторая сознательность, привнесенная просвещенными социологами? Ужасно, просто ужасно. И вы еще хотите применить АСТ к этим людям! После того как вы редуцировали их, превратив из акторов в носителей функции, вы хотите прибавить к несправедливости оскорбление и щедро несете этим беднякам рефлексивность, которой они раньше обладали и которую у них отняли вы — тем, что рассматриваете их по-структуралистски! Великолепно! Они были актерами, пока не явились вы со своим «объяснением». Не говорите мне, что это ваше исследование могло сделать их таковыми. Великое дело вы сделали, Студент! Сам Бурдье бы не сделал лучше.

VII. О сложности быть акторно-сетевым теоретиком

- С.: Вам может очень не нравиться Бурдье, но он, по крайней мере, был настоящим ученым, и даже лучше — он был политически значимой фигурой. А ваша АСТ, насколько я могу судить, — нет.
- П.: Спасибо. Я почти тридцать лет исследовал связи между наукой и политикой, так что меня не испугаешь разговорами о том, какая наука «политически важна».
- С.: А я научился не пугаться авторитетов, так что ваши тридцать лет исследования для меня мало что значат.
- П.: *Touche*⁵. Но вы задали мне вопрос: «Что я могу сделать с помощью АСТ?». Я на него ответил: никаких структуралистских объяснений. Одно и другое совершенно несовместимы. Либо вы имеете акторов, реализующих потенциалности, и тогда они вовсе не акторы, либо вы описываете акторов, актуализирующих виртуальное (кстати, это терминология Делеза), и они нуждаются в совершенно особых текстах. Ваша связь с теми, кого вы исследуете, требует разработки совершенно особых способов записи, — думаю, это как раз то, что вы бы назвали «критическим отношением» и «политической важностью».
- С.: Чем же мы тогда различаемся? Вы ведь тоже хотите занимать критическую позицию.
- П.: Да, возможно, но я уверен в одном: это не получается автоматически и в большинстве случаев терпит провал. Две сотни страниц интервью, наблюдений и т. д. ничего не меняют. Для достижения значимости нужно другое — ряд экстраординарных обстоятельств. Это редкое событие, и оно требует такого способа записи и регистрации, который трудно себе представить. Оно требует чего-то столь же чудесного, как Галилей с его маятником или Пастер с вирусом бешенства.
- С.: И что же мне делать? Молиться о ниспослании чуда? Принести в жертву цыпленка?
- П.: Но почему вы хотите, чтобы ваш маленький текст автоматически оказался более важным для тех, кого он, возможно, затрагивает (а может, и нет), чем, скажем, огромная есте-

⁵ Туше! (*фр.*) — слово из словаря фехтования, означающее «удар по разил соперника». — *Примеч. ред.*

ственно-научная лаборатория? Посмотрите, сколько усилий затратил «Интел» на то, чтобы чипы стали важными для мобильных телефонов! А вы хотите, чтобы все имели лейбл «LSE inside» — и совершенно бесплатно? Чтобы стать важным, надо еще поработать.

- С.: Этого-то мне и не хватало — перспективы работать еще больше!
- П.: Но в этом-то и все дело: если теория работает автоматически, по всему столу, во всех случаях жизни, то она вряд ли может быть научной. Тогда она просто неважна. Если же исследование действительно обладает научностью, то оно должно допускать возможность провала.
- С.: Весьма признателен, очень мило с вашей стороны — напомнить мне, что я могу завалить диссертацию!
- П.: Вы путаете науку с господством. «Способность упустить явление — сущностная черта научной практики»⁶. Скажите, могли бы вы представить себе одну-единственную тему, к которой могла бы оказаться неприменима критическая социология Бурдьё, которую вы так любите?
- С.: Но я не могу представить себе ни одной темы, к которой можно было бы применить АСТ!
- П.: Прекрасно, вы совершенно правы, именно так я и думал.
- С.: Это не комплимент.
- П.: Но для меня это настоящий комплимент! Применимость чего-либо — такая же редкость, как и хороший текст в социальной науке.
- С.: Могу ли я со всей почтительностью заметить, что ради всей вашей чрезвычайно тонкой философии науки вы все же должны мне объяснить, как его написать.
- П.: Вы так страстно желаете добавлять рамки, контекст, структуру к вашим «просто описаниям», разве вы станете ко мне прислушиваться?
- С.: Но в чем же разница между хорошим и плохим с точки зрения АСТ текстом?

⁶ См.: *Garfinkel H. Ethnomethodology's Program...* P. 264.

VII. О СЛОЖНОСТИ БЫТЬ АКТОРНО-СЕТЕВЫМ ТЕОРЕТИКОМ

- П.: Вот теперь вы задали хороший вопрос! Отвечаю: та же разница, что и между хорошей и плохой лабораторией. Ни больше, ни меньше.
- С.: Хорошо, хорошо, гм, спасибо. Мило с вашей стороны было поговорить со мной. Но после всего этого... теперь я думаю вместо АСТ воспользоваться в качестве базовой рамки системной теорией Лумана: она кажется такой многообещающей — «аутопойезис» и все такое... Или, может быть, я понемножку буду пользоваться обеими...
- П.: Хммм...
- С.: Вам не нравится Луман?
- П.: На вашем месте я бы оставил в стороне все «базовые рамки».
- С.: Но ваш род «науки», как я вижу, предполагает ломку всех правил обучения социальной науке.
- П.: Я предпочитаю ломать правила и следовать за своими актерами. Как вы сказали, я в конечном счете наивный реалист, позитивист.
- С.: Знаете, что было бы действительно хорошо? Поскольку никто тут, похоже, не понимает, что такое АСТ, вам бы следовало написать введение в нее. Тогда наши преподаватели доподлинно знали бы, что это такое, а тогда, если это не прозвучит грубостью с моей стороны, они, может быть, не так сильно бы старались подталкивать нас к ней, если вы понимаете, о чем я...
- П.: Что ж, она и в самом деле так плоха?
- С.: Видите ли, я всего лишь докторант, а вы — профессор. У вас масса публикаций. Вы можете позволить себе то, чего я не могу. А я должен слушать своего руководителя. Я просто не могу заходить слишком далеко, следуя вашим советам.
- П.: Зачем же вы тогда ко мне пришли? Зачем пытаетесь применить АСТ?
- С.: Последние полчаса, должен признаться, я и сам этому удивляюсь...

КАК СДЕЛАТЬ
АССОЦИАЦИИ СЛОВА
ПРОСЛЕЖИВАЕМЫМИ

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

I. Введение во вторую часть: почему так трудно идти по следу социального?

Ведь это должно было бы быть самым простым делом в мире. Все мы связаны социальными взаимодействиями; все мы живем в обществе; все мы — культурные животные. Почему же эти связи всегда так неуловимы? На предыдущих страницах мы выдвинули для объяснения этого одну-единственную причину. Прилагательное «социальный» одновременно обозначает два совершенно разных феномена: это и некая *субстанция*, разновидность вещества, и *движение* между не-социальными элементами. В обоих случаях социальное исчезает. Если считать его чем-то плотным, оно теряет способность связывать; но и если думать, что это что-то текучее, оно тоже исчезает — социальное вспыхивает лишь на короткое время, в тот самый момент, когда новые ассоциации «склеиваются» в коллектив. И хотя на первый взгляд очертить предмет социальных наук вовсе не трудно, — благодаря массивной и повсеместной очевидности социального порядка, — теперь мы видим совершенно противоположное: нет ничего труднее, чем уловить социальные связи. Их можно проследить только когда они изменяются. Как показали физиологи, для восприятия необходимы постоянные движения и корректировки: нет движения, нет и ощущения. Это верно в отношении как зрения и слуха, так и вкуса, обоняния и осязания¹. Если вы пожимаете чью-то руку и сохраняете хватку совершенно неподвижной, то вскоре перестаете ощущать что бы то ни было, кроме смутной, смущающей не-

¹ См. замечательный эксперимент с быстрым движением глаз и его применением в портретной живописи в: *Miall R. C., Tshalenko J. A Painter's Eye Movements: A Study of Eye and Hand Movement during Portrait Drawing.*

ловкости, даже если это рука вашей возлюбленной. С отсутствием движений теряется острота чувств. Так же обстоит дело и с «чувством социального»: если нет новых ассоциаций, невозможно ощутить его хватку.

Вот почему для того, чтобы вернуть ощущение присутствия социальных отношений, мне понадобилось противопоставить друг другу два типа методологий. Тот тип, который я назвал «социологией социального», пытается удержать вместе как можно крепче и дольше элементы, сделанные, как он утверждает, из какого-то гомогенного вещества; другой — который я называю «социологией ассоциаций» — пытается понять разногласия по поводу ряда гетерогенных элементов, могущих вступать в ассоциации. В первом случае нам приблизительно известно, из чего состоит социальный мир: он состоит «из» социального или состоит «в» социальном; во втором — мы всегда должны начинать, *не зная*, из чего он состоит. Таким образом, почти как *pharmakon* древних греков, поиск социального бывает либо лекарством, либо сильнодействующим ядом, — в зависимости от дозы и расписания приема. Свежеразделенный на небольшие и своевременные дозы, этот поиск позволяет наблюдателю выявлять новые ассоциации, которые должны находиться в состоянии постоянной перегруппировки, чтобы заново собрать коллектив, которому угрожает неуместность. Но если вы допустите, что связанные вместе элементы «пролежат дольше положенного срока», они начнут портиться. А если вы будете настаивать на приеме лекарства и дальше, это приведет к их полному параличу. И вы начнете принимать то, что уже соединено вместе, за особый тип производства: социальное объясняет социальное. Вы попадете в мир, уже не оставляющий следов, в мир, которому в ближайшем будущем грозит вторжение фей, драконов, героев и ведьм критической социологии.

Но как же могло случиться так, что у одного и того же прилагательного два совершенно разных значения? Я думаю, это объясняется тем, что социальные науки пытались решить одновременно три различных задачи: документирование способов, которыми создается социальное изобретательным умом членов общества; стабилизация разногласий по поводу социального путем ограничения множества действующих в мире сущностей; решение «социального вопроса» с помощью протезирования политического действия. В такой тройственно-

сти задач нет никакой ошибки, поскольку социология, «наука о жизни сообща», действительно должна быть способна решать три следующие задачи: она должна быть в состоянии развернуть весь ряд разногласий по поводу того, какие ассоциации возможны; она должна быть способна показать, какими средствами этим разногласиям кладется конец и как поддерживается согласие; она должна помочь в определении верных процедур собирания коллектива, делая его интересным для тех, кто является объектом ее изучения. Что здесь невозможно — так это пытаться решать все задачи сразу, не обращая внимания на их последовательность.

Например, поменяв местами первую задачу со второй, вы начинаете думать, что ваша главная обязанность — заранее вместо самого актора ограничить ряд неопределенностей, в которых, как вы опасаетесь, акторы заблудятся. Это значит, что вы берете на себя обязанность ограничить число возможных социальных объединений, количество сил, заставляющих акторов делать то или это; исключить как можно больше не-человеческих объектов; придерживаться строгого разделения труда между естественными и социальными науками; и, наконец, укреплять твердую веру в социологию как самостоятельную научную дисциплину. При таком подходе уже невозможно отследить пять рассмотренных нами источников неопределенности. Еще хуже, если вы меняете местами третью задачу — достижения политической значимости — с другими двумя. По совершенно уважительным причинам, связанным с необходимостью модернизации, проектом эмансипации и явными трудностями эмпирических исследований, вы начинаете менять построение коллектива самими актерами своим собственным пониманием того, что их держит вместе. Вы начинаете задаваться вопросом, что такое общество и в каком направлении оно развивается. Хотя я уверен, что во времена Конта, Спенсера, Дюркгейма или Парсонса такая интеллектуальная стратегия была продуктивной, сейчас она становится разрушительной. Когда дается социальное объяснение, уже не поймешь, что лежит в его основе: подлинная эмпирическая хватка, применение шаблона, попытка социальной инженерии или простая лень. В результате нарушения последовательности решения трех следующих друг за другом задач социальной науки социальное стало совершенно неуловимым, несмотря

на продолжающееся беспрепятственное увеличение социальных объяснений.

Чтобы сохранить верность проекту *науки о социальном* — теперь, когда значения слов «социальное» и «наука» обновлены, — мы должны преодолеть путаницу, не отказываясь ни от одной из трех первоначальных задач. После того как в первой части было показано, как можно развернуть собственные мирозозидающие способности акторов, — но до того, как мы поставим в Заключение каверзную проблему политических интересов, — теперь я должен продемонстрировать, как можно проследить улаживание разногласий, не смешивая эту задачу с двумя другими. Да, разногласия заканчиваются и неопределенности разрешаются, но за этим стоит также труд самих акторов, оставляющий эмпирические следы. Потому он может быть тщательно задокументирован. Как только мы дадим актерам возможность, так сказать, самим убрать свой беспорядок, может быть восстановлен некий порядок, совершенно непохожий на попытки исследователей заранее ограничить разногласия.

К сожалению, если так трудно развернуть пять источников неопределенности, то еще сложнее выявить инструменты, с помощью которых их стабилизируют. В этом новом исследовании я буду выглядеть еще более не в ладах с «традиционной социологией». Я покажу, что неуловимым социальное сделало само существование общества, или, более широко, социальной сферы. Теперь эта проблема проистекает не от двойственности значения слова «социальный», а от путаницы, с давних пор поддерживаемой в социологии, между сборкой политического тела и сборкой коллектива. Хотя у этих двух операций много общего, все же для того, чтобы они были успешными, им надо быть друг от друга подальше.

В самом широком смысле общество, это изобретение XIX столетия, — странная переходная фигура, в которой смешаны Левиафан XVIII века и коллектив XXI². Если заставить общество одновременно делать два дела — и обеспечивать просле-

² По поводу изобретения самого понятия общества см.: *Karsenti B. Autorite, pouvoir et société: La science sociale selon Bonald*; и *Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the College de France, 1975–1976.* (Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. г. СПб.: Наука, 2005. — *Примеч. ред.*)

живаемость коллектива, и играть роль заместителя политики, оно никогда не было способно ни одно из них делать хорошо. Уверенность в существовании общества препятствовала возникновению хорошо собранного коллектива, а также мешала любым попыткам осознать странный характер корпоративного образования, способность формировать который должна сохранять политическая деятельность.

И хотя причина этой двойной связи станет ясной лишь к концу книги, сформулировать ее просто: сама конструкция политического тела предполагала его *виртуальность, всеобщность и повсеместное присутствие в уже готовом виде*. В этом нет ничего неправильного, поскольку ему приходилось решать неразрешимую проблему политического *представления*, растворя многих в одном и заставляя одного подчиняться многим. Только политическое действие способно благодаря непрерывному круговому движению очерчивать эту виртуальную всеобщую сборку, постоянно находящуюся под угрозой полного исчезновения³. Именно ее Уолтер Липпман и обозначил подходящим словом «фантом», Фантомное Публичное⁴. Со времен мифа об общественном договоре политическое тело, как заметил Джон Дьюи в своем ответе Липпману, всегда было *проблемой*, призраком, вечно витающим на грани полного исчезновения. Никогда не предполагалось, что фантом превратится в субстанцию, сущее, сферу *sui generis*, которая располагается и ниже, и позади, и по ту сторону политического действия. Всех читателей в Гоббсовом описании Левиафана поражает именно то, каким хрупким оказался «грозный бог» и как быстро он рассыпался. И все увидели, что у колосса глиняные ноги⁵.

³ О необходимом «спине» политического провозглашения см: *La-tour B. What if We Were Talking Politics a Little?*

⁴ *Lippmann W. The Phantom Public*. Я следую здесь работе Noortje Marres о политической философии Дьюи и Липпмана. См.: *Marres N. No Issue, No Politics*. Хрупкость политической персоны — один из великих уроков, почерпнутых в: *Kantorowicz E. The King's Two Bodies*. Именно по этой причине государство — всегда продукт непрерывного испытания. См.: *Linhardt D. La force de l'Etat en démocratie: La République fédérale d'Allemagne à l'épreuve de la guérilla urbaine 1967–1982*.

⁵ Хотя Бурдые и берет политическое представление негативно, а не позитивно, он, определяя его, прекрасно дает итоговую оценку этой хрупкости: «Следовательно, основополагающий, в философском

Но как только вы меняете модус существования публично-го, превращая его в общество, чтобы сохранить за собой огромную, противоречивую и трудную задачу объединения его политическими средствами, его *проблематическая хрупкость* исчезает⁶. Политическое тело превращается в общество, которое, как предполагается, держится собственной силой *даже в отсутствие* какой бы то ни было политической активности⁷. Хотя и оставаясь невидимым, гигантский политический организм теперь, как говорят, крепко упирается ногами в прочный пьедестал. Все трудности, связанные с неуловимостью социального, начинаются с этого невероятного подвига металлургической фантазии: подвижная фигура Фантомного Публичного теперь отлита в бронзе.

Поскольку за политическим телом постоянно следят политики, есть и общество, нравится нам это или нет. И вместо того, чтобы видеть в этом противоречие или что-то технически невозможное, социологи воспринимают это фантомное присутствие как лучшее доказательство его таинственного существования. Только теперь Фантом становится вампиром, Левиафан превращается в бегемота. Но не требуется больших усилий, чтобы увидеть, что виртуальная вездесущая сущность — это абсолютная противоположность тому, что нужно для сборки коллектива: если она уже есть, то практические средства ее сборки уже не прослеживаются; если она тотальна, то практические инструменты тотализации уже не видны; если она вир-

и политическом смысле, акт конституирования, каким представляется делегирование, есть магический акт, который позволяет простому собранию множества лиц, расположенным индивидам, существовать в форме фиктивного лица, *сограгатио*, корпуса мистического тела, ставшего социальным телом, которое само трансцендентно по отношению к составляющим его отдельным телам («*corpus сограгатио in согоре сограгатио*»). (Цит. по: Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм // Бурдые П. Социология социального пространства М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 2005. С. 164.)

⁶ Вспомните, что я решил следовать главной интуиции Баумана, касающейся изобретения социологии как заменителя политики. См.: *Bauman Z. Intimations of Postmodernity.*

⁷ См.: *Dewey J. The Public and Its Problems and his critique of Hegelianism in politics.*

туальна, то практические средства, при помощи которых ее можно было бы *осознать*, *визуализировать* и *собрать*, скрылись из виду. Пока мы ищем за коллективом тень общества, а за обществом — тень Левиафана, никакая наука о социальном не может продвинуться вперед⁸. Говоря еще более резко, *или общество — или социология*. И то и другое одновременно существовать не могут, как предупреждал своих читателей Габриэль Тард, видя, что дисциплина приобретает столь неверное направление.

Естественно, это прекрасно известно всем социальным теоретикам, и поэтому каждый из них по-своему пытается вывести свои исследования из тени общества⁹. Все они понимают, что общество — это виртуальная реальность, *cosa mentale*¹⁰, продукт гипостазирования, фикция. Но повсюду утверждая его существование, пусть только ради того, чтобы его критиковать, они так и не оказались способны на что-то большее, чем создать в виртуальном всеобщем образовании, ими же провозглашенном не существующим реально, маленькую нишу для самих себя. Так, по странному повороту судьбы, общество было тем, что *всегда критикуется* как фикция, и тем, что *всегда тут* как недосыгаемый горизонт всех дискуссий о социальном мире¹¹. Какая бы теория ни предлагалась, общество все остава-

⁸ «Функция общественного никогда не определялась демократическим идеалом. Он рассматривает общественное как незрелого призрачного исполнителя всего. Это смешение глубоко укоренено в мистическом понятии общества» (*Lippmann W. The Phantom Public. P. 137*).

⁹ Недавнее исследование состояния искусства см.: *Gane N. The Future of Social Theory*.

¹⁰ Психическая, ментальная вещь (*ит.*). — *Примеч. ред.*

¹¹ Благодаря иллюзорной силе диалектики, именно сама эта противоречивая природа общества иногда рассматривается как его круговое определение. Это очевидно у Касториадиса (Имагинативный институт общества), а также в понятии самоотрансценденции, разработанном в: *Dupuy J. Introduction aux sciences sociales. Logique des phénomènes collectifs*; и в Лумановой идее аутопойесиса в: *Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Политическое тело, общество и организмы, хотя все они могут очерчивать окружности, не несут в себе одни и те же сущности и не переносятся одними и теми же средствами передвижения.

лось на мели как кит, как настоящий левиафан, выброшенный на берег моря, и социологи-лилипуты пытались выкопать ему там подходящую нору. Со временем зловоние разлагающегося монстра стало невыносимым. Продуктивное обновление социальной теории невозможно, пока берег не будет очищен и злополучное понятие общества не исчезнет окончательно. Чтобы сделать это, мы должны извлечь из него и узурпированное им политическое тело, и скрываемый им коллектив¹².

То, что общество стоит на пути у социологии и политики, не столь удивительно для тех из нас, кто, занимаясь исследованиями науки, еще раньше увидел, что и природа тоже стоит у них на пути. Оба монстра родились в одно и то же время и по одной и той же причине: природа собирает не-человеков в отрыве от людей; общество же собирает людей в отрыве от не-человеков. Как я везде и всегда показывал, оба они — уродцы-близнецы, созданные, чтобы задушить саму возможность правильного собирания коллектива¹³. Но если показать политический состав природы относительно легко, — столь очевидна разница между дискуссионными реалиями и непреложными фактами, — то общество, в силу некоторой странной извращенности, остается более упрямым, более очевидным и легче принимается за само собой разумеющееся. Пропасть между социальным как ассоциацией и социальным как субстанцией труднее признать. Настолько труднее, что даже мои усилия ослабить господство природы восприняли как направленные на укрепление власти общества! Последнее, похоже, способно царствовать там, где первую уже заставили отдать часть суверенитета. Отсюда печальный успех понятия «социальное конструирование», проанализированный мною выше. И все-таки этого не избежать. Вслед за природой должно уйти общество. В противном случае мы никогда не сможем собрать коллектив.

Как нам продвинуться дальше и сделать социальное опять полностью прослеживаемым? Держась той же стратегии, что

¹² Позже я объясню с помощью понятия «панорама» причины того, почему этот способ обобщения социального, тем не менее, оказывает мощное давление на воображение (см. с. 257).

¹³ Хотя я не рассматриваю здесь специально проблему природы, важно помнить, что мой аргумент не имеет смысла, если не будет поддерживаться баланс между природой и обществом.

и в первой части. Мы должны целиком развернуть весь ряд разногласий, а не пытаться самим решать, с какой отправной точки лучше всего начинать за ними следовать. И снова — мы должны быть более абстрактными и более релятивными, чем предполагалось вначале. Теперь я выбираю нашей отправной точкой само затруднение, которое, видимо, испытывают социологи относительно размещения своих исследований в правильном месте. Выбрав подобный кружной путь, мы выясним, что тех двух выбранных ими коллекторов попросту не существует, поскольку оказалось, что одну конкретную проблему — как разрешить политические отношения Единого и Многочисленного — перепутали с другой: как собрать коллектив. Это открытие позволит нам раз и навсегда выйти из большой тени, все еще отбрасываемой быстро исчезающим обществом, и, надеюсь, сделать, наконец, так, чтобы можно было идти по следам социального потока.

II. Как сохранять социальное плоским

По-видимому, потребители социальной науки думают, что собирать, призывать, объединять, мобилизовывать и объяснять социальное очень легко. Практикам же социальной науки известно, какое это тяжелое, дорогостоящее, сложное и до предела головоломное занятие. «Легкое» социальное — это то, что уже связано вместе, а «трудное» — это то новое, которому еще только предстоит возникнуть, когда мы шиваем элементы, не относящиеся к обычному репертуару. В зависимости от того, за кем мы решим идти следом, нам предстоят совершенно разные путешествия. Социологи социального со своим пониманием этого термина очертили обширную область, никак не соотносимую с теми картами, которые вскоре понадобятся нам с нашим пониманием социального. Я не только утверждаю, что существующие карты неполны, — на них изображены территории столь разных очертаний, что они даже частично не совпадают друг с другом. Нет даже уверенности, что это карты одной и той же Земли. И теперь перед нами задача уже не уйти в другие области той же самой страны — туда, где местности не так населены, а тропы не столь исхожены, — а создать совершенно другой ландшафт и по нему путешествовать. Не стоит и говорить, что это не ускорит наших странствий: «ползологией» они были в первой части, «ползологией» и останутся.

Поскольку сейчас речь идет о самой топографии социального, то невозможно решить, как прокладывать маршруты, не поняв, каким именно принципом проекции пользуются социологи социального, определяя свои. Только увидев, как они заблудились, мы поймем, почему они чертят столь невероятные карты. Задавшись этим вопросом, осознаешь, как тяжело им приходилось. Они были вынуждены постоянно метаться между двумя типами мест — локальным взаимодействием и глобальным контекстом, — в каждом из которых так некомфортно,

что оттуда приходится бежать со всех ног. Адам и Ева были изгнаны только из одного рая, а социологи социального, не такие удачливые, как их предки, были вынуждены покинуть последовательно два места отдохновения, каждый из которых полярно противоположен другому, а затем снова между ними. И если мы хотим избежать их судьбы, нам надо понять динамику этих адских скитаний.

Каждому социологу хорошо известно, что локальные взаимодействия — не место для отдыха. Оказавшись по той или иной причине на сцене, вы быстро понимаете, что большинство составляющих эту сцену компонентов исходит не от вас и многое импровизируют прямо на месте другие участники. Ребенок, который учится говорить, получает язык уже готовым в правильной речи матери. Истец, вызванный в суд, на месте открывает для себя незыблемость закона и то, что Олд Бейли¹ — такое же древнее здание, как и Лондон. Рабочий потогонного производства очень быстро понимает, что его судьбу решают какие-то невидимые агенты, скрывающиеся за стенами конторы в другом конце цеха. Вывихнувший ногу пешеход узнает в кабинете врача о собственной анатомии и физиологии, предшествующих времени несчастного случая. Местный «информант» из наводящих вопросов приезжего этнографа начинает понимать, что большинство его привычных мыслей происходит из таких мест и от таких сил, которые он не контролирует. И так далее. Взаимодействия — это не пикник, где всю еду на место приносят сами участники, — скорее, это вклад неизвестных спонсоров, предусмотревших все до последней детали: даже то, кому где сидеть, может быть заранее предписано внимательным хозяином.

Так что совершенно правильно будет сказать, что всякое конкретное взаимодействие *изобилует* элементами, которые уже изначально присутствуют в этой ситуации, пришли в нее из какого-то другого *времени*, какого-то другого *места*, порождены какой-то другой *силой*. Эта мощная интуиция стара как сами социальные науки. Как я уже говорил, действие всегда смещается, соединяется, делегируется, переводится. И если наблюдатель пойдет за этим изобилием, его унесет *от* конкретного взаимодействия в *другие места*, *другие времена*, и явят-

¹ Центральный уголовный суд в Лондоне. — *Примеч. ред.*

ся *другие силы*, которым надо будет придать форму. Как будто сильный ветер никому не дает оставаться на месте, сдувая всех прочь, как будто мощное течение всегда заставляет нас покинуть локальную сцену.

Проблема в том, куда отсюда идти. Именно в этой точке мы рискуем сбиться с пути, приняв политическое тело за общество. Хотя на самом деле в каждом взаимодействии присутствует пунктирная линия, ведущая к какой-нибудь виртуальной, всеобщей и всегда предсуществующей сущности, этим путем не надо идти, по крайней мере, сейчас: он виртуален и призрачен, таковым и должен оставаться. Социологи должны остерегаться ступать туда, где разворачивается политическое действие. Да, взаимодействия существуют благодаря другим акторам, но другие места не образуют вокруг них контекста.

Мы уже видели во многих случаях, насколько велика зачистую пропасть между верными интуициями социальных наук и принимаемыми ими странными решениями. Вот еще один такой случай: они были склонны смешивать проекцию Призрачного Публичного с превосходством общества. Верно, что и то и другое существуют лишь виртуально, но при этом по-разному. Первое — это постоянный призыв оценить невероятный подвиг политиков, а второе — просто способ завуалировать стоящую задачу построения, изобразив, будто она уже полностью решена: общество здесь, у нас над головами. И когда исследователи отворачиваются от локального, так как, видимо, ключа к взаимодействиям найти здесь нельзя, — что в достаточной мере верно, — они думают, что надо обратиться к «структуре», в которой, как предполагается, взаимодействия и гнездятся. Но и здесь все начинает идти совсем не так. Начав с правильного побуждения — «уйдем от локальных взаимодействий!», — в конце они попадают, пользуясь известным заголовком Сэмюэля Батлера, в Иерихон.

Это направление так прочно закрепилось за сто пятьдесят лет существования социальной науки, что теперь мы видим массовое движение по широким дорогостоящим автострадам с огромными яркими указателями, на которых написано: «Контекст, 15 км, следующая остановка». Привычка ехать в эти места, разочаровавшись в локальных взаимодействиях, стала настолько автоматической, что очень трудно признаться: дорога-то никуда не ведет. Недолгая езда по гладкому шоссе — и автостра-

ды вдруг исчезают как легкий дым. На остановке «Контекст» нет места для парковки. Можно ли от младенческого речевого акта перейти к «структуре» языка? Есть ли какой-нибудь путь от дела конкретного истца к «системе» права? Есть ли канал, ведущий от цеха потогонной фабрики к «капиталистическому способу производства» или «империи»? Существует ли переход от вывихнутой ноги пациента к «природе» тела? Похоже ли, что от записной книжки этнографа можно перейти к «культуре» конкретного народа? Когда задают такие вопросы, в ответ слышится смущенное «нет, да, может быть».

Верно, что структура языка в целом не выражается в речевых актах кого-то конкретного, и все же именно она порождает все речевые акты, хотя где и как *la parole* (речь) встречается с *la langue* (языком), со времен Соссюра так и осталось полной тайной². Правовая система не находится нигде конкретно, и все же не менее таинственным образом к ней апеллируют в каждом отдельном случае, даже несмотря на признание, что для каждого случая она должна создаваться из какой-то целостности *ad hoc*³. Капитализм, конечно, господствующий способ производства, но никто не воображает, что им командует какой-то *гомункул* СЕО⁴, хотя многие события выглядят подчиняющимися жесткой стратегии⁵. Знание тела в целом позволяет диагностировать конкретные болезни, хотя ясно и то, что большая часть информации применима, только исходя из конкретного случая⁶. Культура — одновременно и то, что побуждает людей действовать, абсолютная абстракция, созданная взглядом этнографа, и то, что творится здесь и сейчас неиссякающей изобретательностью

² Один из множества примеров того, как прагматика постепенно съедает структурные элементы языка, см.: *Duranti A., Goodwin C. Re-thinking Context: Language as an Interactive Phenomenon.*

³ См.: *Luhmann N. A Sociological Theory of Law.*

⁴ Chief Executive Officer (*амер.*) — главный исполнительный директор, генеральный директор корпорации. — *Примеч. ред.*

⁵ См.: *Mirowski P. Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science;* и *Callon M. An Essay on Framing and Overflowing: Economic Externalities Revisited by Sociology.*

⁶ См.: *Hirschauer S. The Manufacture of Bodies in Surgery;* и *Mol A. The Body Multiple.*

участников взаимодействия⁷. Похоже, что структурные характеристики, хотя и кажется, что именно к ним должно вести любое исследование, чтобы придать смысл локальным взаимодействиям, подходят для мест отдыха также, как заросли ядовитого плюща.

Таким образом, нелегкий ответ на вопрос о знаменитых «контекстах» таков: есть нечто такое, что делает возможным взаимодействие, привнося на сцену большинство необходимых компонентов, но это «нечто» одновременно и *присутствует на заднем плане, и слишком абстрактно*, чтобы хоть что-нибудь делать. Структура очень сильна, и все же слишком слаба и далека от какой бы то ни было эффективности. То, о чем говорят как о подлинном истоке всего «реального» и «конкретного» во взаимодействиях, видимо, не может стать приютом надолго. Вот почему социологов, как от дальнего конца растянутой резиновой ленты, вдруг отбрасывает в противоположную сторону — от «глубинных структурных характеристик» назад к более «реальным» и «конкретным» взаимодействиям. Другой ветер, другое течение, не менее сильные, чем первые, теперь отталкивают визитера от контекста обратно, в места локальных практик. Разве современная история социальных наук не представляет собой по большей части болезненное колебание между двумя противоположными полюсами, один из которых более структурный, а второй — более прагматичный?⁸

К сожалению, попытки удержаться за локальную сцену в конце возвратного движения — не такой уж выход, поскольку отталкивающие исследователей от нее силы все еще здесь: по-прежнему очевидно, что «реальное» и «конкретное» не полностью находятся во взаимодействиях. И раздираемый между двумя противоположными направлениями исследователь оказывается в невыносимом положении. Когда он придерживается взаимодействий, от него требуют отойти от них и «поместить вещи в более широкий контекст». Но когда он наконец дости-

⁷ О динамике производства культуры см.: *Sahlins M. Culture in Practice*; и *Strathern M. Property, Substance and Effect: Anthropological Essays in Persons and Things*.

⁸ Парадигма этого чередования, вероятно, Парсонс, породивший Гарфинкеля. На каждого структуралиста рождается свой интеракционист.

гает этого структурирующего контекста, его просят сойти с абстрактного уровня к «реальной жизни», «человеческому измерению», «жизненным мирам». Но если структура — абстракция, то таково же и взаимодействие! Если один полюс более реален и конкретен, то таков же и другой — *другой* полюс, всегда другой полюс. Этот двойной узел способен дезориентировать любого исследователя. Платон говорил о необходимости восхождения от призрачных материальных теней к реальным нематериальным идеям. Но что если бы какой-нибудь анти-Платон, имеющий такие же серьезные основания, уводил бы вас в другом направлении — вниз от абстрактных идей к реальному и материальному локальному миру? Такое перетягивание каната то резко швыряло бы вас к структуре, в которой должны быть помещены взаимодействия, — обществу, то так же резко отбрасывало бы прочь от «всеохватывающих структур» назад, к локальному и индивидуальному месту, где вещи «реально происходят» и «на самом деле живут». Качаться вверх-вниз на детских качелях весело, но только если это недолго, и, уж конечно, не когда качают так сильно, что выворачивает желудок.

Это резкое чередование получило название «дилемма актора и системы», или «дискуссия о микро и макро». Проблема в том, чтобы решить, актор ли находится «в» системе или система состоит «из» взаимодействующих акторов. Если бы только головокругительные качели могли мягко остановиться... Обычно стратегия состоит в том, чтобы вежливо признать проблему, заявить, что это проблема искусственная, и дальше продолжать делить друг с другом удобное место в так называемых академических дебатах, измыслив какой-нибудь разумный компромисс между обеими позициями⁹. Но если вы и нашли золотую середину между двумя несуществующими позициями, почему вы так уверены, что у этой третьей позиции не меньше прав на существование, чем у первых двух? Надо ли пытаться отстаивать компромисс между акторами и системой или делать что-то другое?

⁹ Некоторые из многочисленных талантливых попыток см.: Bourdieu P. Outline; Giddens A. The Constitution of Society (Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. — Примеч. ред.); и Friedberg E. Le pouvoir et la règle: Dynamiques de l'action organiser.

На первый взгляд, «актор-сеть» — хорошая кандидатура для компромисса: заранее предзаданное решение состояло бы в том, чтобы *одновременно* рассматривать и актора, и сеть, в которую он включен, что объясняло бы дефис. Такое половинчатое решение пополнило бы собой множество других, предложенных для примирения двух очевидных и необходимых положений социальных наук: взаимодействия изобилуют структурами, придающими им очертания; но сами эти структуры остаются чересчур абстрактными, пока не обретут конкретизацию, мобилизацию, реализацию или воплощение в каком-либо локальном и живом взаимодействии. Искушение нарастает, когда диалектика, как сирены Улисса, великодушно предлагает свой бесконечный поток петель, чтобы обвязать подобные компромиссы и спрятать концы: об акторах будет сказано, что они в одно и то же время и охватываются контекстом, и удерживают его на месте, а о контексте — что он одновременно и заставляет акторов вести себя тем или иным образом, и, в свою очередь, сам творится их обратной связью. При помощи круговых движений обеих рук, все быстрее и быстрее вращая ими в противоположные стороны, можно создать видимость безупречной обоснованности связи между двумя местами, существование которых так же проблематично, как и раньше. У диалектических мыслителей есть прием, позволяющий похоронить артефакты даже еще глубже, заявив, что противоречия «сняты», — это магическое слово они используют вместо «спрятать» или «похитить». И снова — нетрудно увидеть, почему они остаются столь убедительными даже имея дело с несуществующими местами. Верно, что очертить Фантомное Публичное можно только посредством петли, похожей на диалектический круг¹⁰. Но это необходимое «лассо», которое используют для обрисовки парадоксальной связи граждан и их представителей, теряет все свои достоинства, когда его принимают за отношение актор «внутри» системы. Хотя политическое тело создается искусственно и исчезает, как только обрывается петля, кажется, что общество так и будет здесь маячить, что бы мы с ним ни делали. Противоречие между актором и системой — это невольная проекция на уровень социальной тео-

¹⁰ См.: Cassin B. *L'effet sophistique*. О ключевом понятии «autophuouos», см. гл. 7 и 8 в: Latour B. *Pandora's Hope*.

рии парадоксальных отношений, в которые граждане вступают со своим государством.

Вот почему решение, предлагаемое АСТ, несмотря на ее в чем-то несчастливую репутацию, не имеет ничего общего с предложением еще одного компромисса между «микро» и «макро», актором и системой, и тем более — с таким сильным раскачиванием качелей, что они начинают вращаться по диалектическому кругу. Наоборот, для того чтобы следовать нашей идее, очень важно не пытаться умничать, устанавливая все более сложное равновесие между двумя клише социологической науки. Мы не заявляем ни что взаимодействий на самом деле не существует, потому что они должны быть «вписаны» в тот или иной контекст, ни что контекста реально не существует, поскольку он всегда «конкретизирован» индивидуальной практикой. Напротив, мы утверждаем, что в самой трудности оставаться в месте, рассматриваемом как локальное, или в месте, рассматриваемом как его контекст, с предельной ясностью проявляется другое движение, совершенно отличное от того, которым обычно следуют. Наше решение — принять всерьез *невозможность* оставаться на одной из двух позиций продолжительное время. И здесь мы должны вести себя как истинные муравьи и быть, насколько это возможно, тугодумами, буквалистами, позитивистами и релятивистами. Если мы не можем остановиться ни в том, ни в другом месте, это просто означает, что эти места недостижимы: либо их вообще не существует, либо они существуют, но до них не добраться на тех средствах передвижения, которые предлагает социология.

Подобно тому как мы решили в первой части извлекать пользу из неопределенностей, а не прорываться сквозь них, можно извлечь пользу и из этого нескончаемого противостояния между полярными противоположностями, чтобы что-то понять в подлинной топографии социального. Просто АСТ — социальная теория, превращающая «Большую Проблему» социальной науки из ресурса в решаемый вопрос. Она исходит из допущения, что двойной рефлекс бегства у социологов — от локального к глобальному и от «макро» назад к «микро» — не проявление позорной слабости, а важный признак того, что эти места — тень совершенно другого феномена. Лошадь чувствует обрыв раньше наездника; нужно идти за интуицией социологов, а не за решением, предлагаемым ими из-за ошибочно-

го понимания социального. Еще раз: АСТ стремится сохранить приверженность традиции, извлекая ядовитое жало, которое истощает ее.

Хотя политическое тело — тень, призрак, фикция, порождаемая петлеобразным движением политического действия, это не значит, что социальный мир столь же бесплотен. Как мы увидим позже, политика — лишь один из способов собирать коллектив; она не может быть общей моделью для социологии ассоциаций. Но с тех пор, как аналитики стали использовать понятие «общество» в качестве кодового обозначения политики, они уже не занимают позиции, находясь на которой можно было бы различить ландшафты, изображенные разными путешественниками. Одержимые целью подняться к целому, они изрядно усложнили задачу его собирания. Понятие «общество», как и понятие «природа», — преждевременные сборки: общество у нас впереди, а не позади.

Вопреки сказанному Платоном в «Государстве», есть не один, а как минимум три «Больших зверя»: Политическое тело, Общество, Коллектив. Но чтобы видеть этих разных чудищ, различать их движения, наблюдать их неодинаковые повадки, следить за их экологией, опять-таки надо отказаться быть интеллектуалом. Надо стать близоруким, как муравей, и упорно не понимать то, что обычно имеют в виду под «социальным». Надо ходить пешком и решительно не соглашаться пользоваться каким-нибудь более быстрым средством передвижения. Да, надо признать, что взаимодействия изобилуют компонентами, уже в готовом виде пришедшими из других времен, иных пространств и от иных агентов; да, надо согласиться уйти в другие места, чтобы найти источники этих многочисленных компонентов. Но, выйдя за рамки конкретного взаимодействия, мы должны, не обращая внимания на гигантские указатели «К Контексту» или «К Структуре», свернуть в нужном углу и сменить широкую автостраду на пешую прогулку по узкому пути — не шире ослиной тропы.

Хотя социологи гордятся, что добавили объем плоским взаимодействиям, оказалось, что они идут чересчур быстро. Приняв как само собой разумеющееся третье измерение, даже когда надо было критически отнестись к его существованию, они выплеснули из исследования основной феномен социологии: само производство места, объема и масштаба. Наперекор

этому трехмерному образу мы должны стараться, чтобы социальная область оставалась совершенно *плоской*. На самом деле это проблема картографии. Поставив во главу угла необходимость политического тела, социологи решили, что это общество порождает третье измерение, в котором должны найти свое место все взаимодействия. Этим и объясняется столь безудержное использование ими трехмерных образов: сфер, пирамид, монументов, систем, организмов, организаций. Для противодействия этой тенденции я хочу предложить двумерную проекцию. Продолжая топографическую метафору, мы будем подражать в социальной теории чудесной книге *Флатландия*¹¹ и поселим самих себя, трехмерных животных, в двумерном мире, состоящем из линий. Возможно, на первый взгляд это странно, но в социальной теории мы должны стать Плоскими обитателями Земли¹². Это единственный способ проследить, как создаются и поддерживаются измерения. Предположим, что переданные нам традицией карты оказались смятыми в бесполезный ком, и доставать их пришлось из мусорной корзины. Проводя тщательные реставрационные работы, мы будем разглаживать их на столе тыльной стороной ладони, пока они не станут снова читаемыми и пригодными к использованию. Хотя данная ирония может показаться контринтуитивной, это единственный способ измерить подлинное расстояние, которое должна преодолеть любая социальная связь, чтобы оставить какие-то следы. То, что было безнадежно смято, нужно целиком развернуть.

¹¹ «Флатландия» — роман английского педагога Э. Эббота, вышедший в свет в 1884 г. Действие романа разворачивается в «плоской стране» — в двумерном мире, обитателями которого являются различные геометрические фигуры на плоскости. Роман считается образцом, с одной стороны, научно-популярной литературы, вводящей в круг сложных математических представлений о пространстве (размерность, кривизна и т. д.), с другой стороны, социальной сатиры (критика иерархического порядка Викторианской Англии). См.: *Эббот Э. Э., Бергер Д.* Флатландия. Сферландия / пер. Ю. Данилова. М.: Мир, 1976. — *Примеч. ред.*

¹² Плоские обитатели Земли — это паранаучное подмножество, но я использую здесь это понятие как аллюзию на: *Abbott E.* Flatland: a romance of many dimensions (*Эббот Э. Э.* Флатландия // *Эббот Э. Э., Бергер Д.* Флатландия. Сферландия. — *Примеч. ред.*).

Цель второй части книги — произвести нечто вроде коррекционной пластической операции. Я сделаю три шага: сначала мы *переместим* глобальное, чтобы разрушить автоматизм, ведущий нас от взаимодействия к «Контексту»; затем *перераспределим* локальное так, чтобы понять, почему взаимодействие — такая абстракция; и, наконец, *соединим* места, открывшиеся благодаря двум предыдущим шагам, обращая внимание на различные *средства передвижения*, создающие определение социального, понимаемого как ассоциация¹³. Начертив эту альтернативную топографию, мы получим, наконец, возможность обсуждать политическую значимость социологии, не путая уже готовое общество с тонкой и рискованной петлей публичного. Тогда, и только тогда, у коллектива будет достаточно пространства, чтобы собрать себя.

¹³ Читая вторую часть, возможно, было бы полезно пользоваться онлайн: *Latour B., Hermant E. Paris the Invisible City*; содержащим множество различных иллюстраций.

III. Шаг первый: локализуем глобальное

Первый корректирующий шаг выглядит достаточно простым: мы должны прочертить непрерывные связи от локального взаимодействия к другим местам, временам и силам, побуждающим локальную инстанцию *что-либо делать*. Это значит, что нам надо идти за процессом делегирования или перевода, объясненным в первой части. Как мы узнали на предыдущих страницах, такой разворот может принять форму сети при условии, что каждое перемещение будет оплачено трансформациями, то есть если мы гарантируем, что весь путь от одного места до другого будет размечен не проводниками, а полноценными посредниками. Тем самым мы сделаем видимыми длинные цепи акторов, соединяющие места друг с другом, не упустив ни одного звена. Эмпирически это может оказаться трудным, но больших теоретических затруднений ожидать не стоит.

К сожалению, тут можно не учесть риска перепутать один путь с другим, имеющим ту же отправную точку — «уйдем от локальных взаимодействий», — но разные конечные пункты, потому что второй путь ведет к Контексту, Структуре и Фрейму. В зависимости от того, какой дорогой мы пойдем, интрига закончится по-разному. Либо малютке Красной Шапочке удастся добраться до дома своей бабушки, либо ее похитят в лесу. Как же ей пробраться от одного посредника до другого и не дать себя проглотить Волку Контекста? Нужно найти такую уловку, чтобы две социальные теории разошлись в разные стороны: социология социального пошла бы своим путем, а социология ассоциаций в это время могла бы чертить себе дальше все более и более точные дорожные карты.

Не надо глубоко разбираться в топологии, чтобы понять, что два типа социологии отличаются друг от друга не только конечной целью, но и типом допускаемой ими деформации: помещая локальную точку «внутри» более широкой структуры, вы вынуждены *прыгать*. Между тем, что окружает, и тем, что окру-

жено, — между более глобальным и более локальным — зияющий разрыв. А что если запретить любой разрыв, допустив только сгиб, растягивание и сжатие? Не сможем ли мы тогда *непрерывно* перейти от локального взаимодействия к множеству делегирующих акторов? Отправная точка и все точки, признанные в качестве ее источника, тогда окажутся *рядом друг с другом*, а связи и складки станут видимыми.

Для нашего проекта очень важно, что в такой уплощенной топографии перенос действия от одного места к другому явно невозможен без пути и средства передвижения. В другом ландшафте вписанный в него контекст и включенный в него актер были бы настолько несоизмеримы, их бы разделяла такая бездонная пропасть, что никак нельзя было бы установить, что за таинственное средство передвижения перенесло действие. Все иначе, если ландшафт принципиально сохраняется плоским. Тогда за каждую связь платится полная цена. Если одно место хочет воздействовать на другое, ему для этого понадобится собрать средства. На первый план снова выходит тирания расстояния. Актеры становятся *ответственными*. Но если чему-то позволено быть «внутри» чего-то другого, то добавляется третье измерение общества, и целый замок Мерлина вдруг вырастает из озера. Чтобы остановить колдовство, нужно сделать так, чтобы не добавлялось дополнительного измерения. А чтобы этого добиться, надо изобрести *зажимы*, сохраняющие ландшафт плоским и удерживающие, так сказать, всякого кандидата на более «глобальную» роль *на уровне* «локального» места, на объяснение которого он претендует, — а не смотреть, как этот кандидат делает прыжки, чтобы оказаться выше локального или позади него. Ниже я набросаю примерный перечень таких зажимов.

Учебники социологии организованы вокруг различных тем: семья, институт, национальные государства, рынки, норма, девиация и т. д., представляющие постепенно исправляемый результат многочисленных версий социологов по поводу того, из каких компонентов на самом деле должен состоять социальный мир. Все нестандартные термины, которые я собираюсь предложить, наоборот, обозначают лишь специальные приемы, помогающие сопротивляться искушению перепрыгнуть к глобальному. В силу коррекционной сущности этого гимнастического движения достоинства этих понятий в основном

негативны. Они принадлежат нашему *инфраязыку* наряду с такими слабыми терминами, как «группа», «актер», «сила», «перевод» и «поток». Как и понятие сети, они обозначают не то, *что* изображается на карте, а то, *как* возможно изобразить на карте что-то относящееся к территории. Они — часть инвентаря на столе географа и дают ему возможность проецировать очертания места на лист бумаги. Поэтому понятия, обзор которых я собираюсь дать, не скажут ничего существенного о социальной сфере; они лишь позволяют АСТ-теоретикам проследить социальный поток, — подобно тому как маленькие мостики, которые умеют строить энтомологи, позволяют, не мешая движению муравьев, пересчитывать их по одному¹.

ОТ ПАНОПТИКУМА — К ОЛИГОПТИКУМУ

У близоруких АСТ-социологов огромное преимущество перед остроглазыми, всеохватывающими внешними наблюдателями. Они могут не только задавать неприличные и глупые вопросы, но еще и делать это назойливо и все вместе. Зажим первого типа получается из совершенно наивного вопроса: «Где на самом деле производятся структурные эффекты?» Понимаю, что этот географический вопрос обнаруживает ужасную невоспитанность, но я ученый и потому привык, говоря о любом научном знании, указывать необходимые условия его производства². Например, даже лингвистам, чтобы собрать воедино все элементы, извлеченные из тысяч локальных взаимодействий и миллионов речевых актов, и старательно выстроить языковую структуру, нужны комната, офис, институт, кафедра, помещения для архивов, рабочее место, кофейник и ксерокс³. То же верно и для юристов: правовая система складывается с помощью папок, библиотеки, заседаний и т. д.⁴ Даже

¹ См.: *Pasteels J., Deneubourg J.-L.* From Individual to Collective Behavior in Social Insects; и *Gordon D.* Ants At Work: How An Insect Society Is Organized.

² Новейшую попытку придать науке пространственность см в: *Livingstone D.* Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge.

³ См.: *Auroux S.* La raison, le langage et les normes.

⁴ См.: *Mundy M., Pottage A.* Law, Anthropology and the Constitution of

Карлу Марксу в библиотеке Британского музея понадобился стол, чтобы собрать воедино огромные силы капитализма. Физиология не больше, чем язык или право, живет таинственной эфирной жизнью: она всегда производится где-то — в такой-то и такой-то лаборатории Королевского хирургического колледжа, в новой редакции учебника, в кабинете врача, в ходе консилиума, где модифицируется стандартная процедура лечения вывихнутых лодыжек. И культура не действует втайне, за спиной актора. Эта самая возвышенная продукция производится в особых местах, особыми институтами, будь то захлащенные кабинеты на верхнем этаже дома Маршалла Салинса в кампусе Чикагского университета или толстые папки с результатами полевых исследований, хранящиеся в музее Питтс-Ривер в Оксфорде⁵.

Другие социологи могут обходить вниманием подобные места производства, как и прочих прозрачных проводников, поскольку согласно их эпистемологии роль таких мест состоит лишь в проявлении «фундаментальных структур» человеческих действий; но историки и социологи науки уделяют им пристальное внимание. Коль скоро мы решили следить, как различные дисциплины производят дискуссионные реалии, нам придется учитывать и практические способы каждодневного производства знания о действиях других. Это релятивизм? Надеюсь. Подобно тому как никакой сигнал не передается быстрее скорости света, так и никакое знание не распространяется без ученых, лабораторий и хрупких референциальных цепочек. Наш интерес к этим скромным средствам не продиктован подозрением насчет подлинной эффективности таких структур или потребностью в рефлексии. Просто эти средства дают нам идеальные *маркеры* для выяснения, что за постоянно существующие отношения возможны между «микро» и «макро». Если весь континуум физического пространства и физического времени изменил очертания, когда ученые поняли, что на са-

the Social: Making Persons and Things; и *Latour B. La fabrique du droit — Une ethnographie du Conseil d'Etat.*

⁵ О материалистическом объяснении антропологии см. классические работы: *Stocking G. (ed.) Observers Observed: Essays on Ethnographic Fieldwork; Bourdieu. Outline; и Goody J. The Domestication of the Savage Mind.*

мом деле два сигнала никогда не посылаются одновременно, то насколько же значительно переформируются социальное пространство и социальное время, когда каждая структурная характеристика будет возвращена обратно в локальные условия ее производства?

И уж точно, как только указываются локальные места, производящие глобальные структуры, меняется вся топография социального мира. Понятие «макро» уже описывает не *более широкое* или *более обширное* место, куда на манер русской матрешки вставляется «микро», а другое, такое же локальное и такое же «микро»-место, *связанное* со множеством других мест посредником, транспортирующим определенные типы следов. Ни о каком месте нельзя сказать, что оно больше любого другого, но о некоторых местах можно сказать, что они выигрывают от гораздо более надежных связей с *гораздо большим числом* мест, чем другие. Полезность этого шага в том, что он поддерживает ландшафт плоским: то, что раньше — в дореволюционной социологии — располагалось «выше» или «ниже», теперь находится рядом, на том же уровне, что и другие места, на которые пытались смотреть сверху вниз и которые включали внутрь. Теперь гораздо лучше, чем раньше, видны все связи, провода, механизмы транспортировки и средства передвижения, соединяющие места друг с другом. В этом их сила, но в то же время, как мы скоро увидим, и их хрупкость⁶. Если вы отделите какую-нибудь фундаментальную структуру от ее локального проявления, ничего не случится: структура останется в своих таинственных эмпиреях; если же вы обрежете структурирующее места, оно просто *больше не сможет* ничего структурировать.

Дойдя до этой точки, не пытайтесь умничать, не совершайте прыжков, не включайте средства передвижения: сделав это, вы потеряете проход и не сможете очертить контуры нового ландшафта. Просто близоруко идите по следу. Решили стать муравьем, акторно-сетевым теоретиком и оставайтесь! Если вы упорно придерживаетесь решения производить постоянные испытания, а не прерывать их, то перед вами начнет возникать

⁶ Даже «объемные» великие нарративы могут производиться в этих «локальных» местах. См.: Lynch M., Bogen D. The Spectacle of History: Speech, Text and Memory at the Iran Contra Hearings.

другая горная цепь. Это ландшафт, пронзающий, стирающий и решительно срезающий прежние места «локального взаимодействия» и «глобального контекста».

Не то чтобы тут не было иерархии, подъемов и спусков, расцелин, глубоких каньонов, возвышенностей. Просто если вы захотите перейти с одного места на другое, вам придется заплатить полную цену за отношение, связь, перемещение и информацию. Лифты, ускорения, сокращения пути здесь недопустимы. Например, миллионы речевых актов, из которых состоят словарь, грамматика, языковая структура, на кафедре лингвистики выделили из локальных речевых актов, записанных, транскрибированных, сопоставленных и разными способами классифицированных с помощью множества разных посредников⁷. Если под каждым речевым актом «бессознательно» не действует структура, это не означает, что структуру сделали из воздуха «локальные» лингвисты, усердно работающие в своих кабинетах. Это означает, что записанная структура *соотносится*, связана, ассоциирована со всеми речевыми актами *определенными путями*, которые должно выявить исследование. Конечно, кабинет лингвиста может иметь определенное отношение к тому, что говорится «снаружи», но каким образом, по-вашему, должно было установиться это отношение без связей и без оплаты, без постоянного торга вдоль всего пути, идущего в кабинет и из кабинета? Такие двусторонние отношения даже сильнее, если грамматика тоже становится за годы изучения общим признаком того, что такое для говорящих взаимодействие. Писанные правила теперь входят в арсенал каждой вестернизированной матери, ругающей свою дочь за неправильную речь. При таком рассмотрении каждое академическое подразделение — кабинет антрополога, лаборатория физиолога, библиотека юриста, кафедра социолога, студия архитектора, офис консультанта — приобретают в отчете наблюдателя звездообразную форму с центром, окруженным множеством ведущих к центру и от него радиальных линий со всевозможными мелкими отросточками. Волк Контекста мог бы проглотить взаимодействие, но не такую длинную, плоскую, складчатую сеть, в которой он и сам целиком запутался бы.

⁷ См.: *Winchester S. The Meaning of Everything: The Story of the Oxford English Dictionary.*

Благодаря тому, что мы следуем, не отклоняясь, этому направлению, становится видимым новое топографическое отношение между бывшими «микро» и «макро». «Макро» не находится ни «выше», ни «ниже» взаимодействий, а *добавляется* к ним как *еще одна* связь, подпитываемая ими и подпитываемая их. Нет другого способа *достичь изменений относительного масштаба*. По поводу каждого из «макро-мест» можно поставить один и тот же тип вопросов. Ответ придет из полевых исследований — он переориентирует внимание назад на локальное место, пере-описав последнее как исходящие лучи связей, по которым средства передвижения (документы, записи и материалы) движутся своими путями.

То, что в конце первой части было сказано о письменных отчетах социологов, верно и по отношению ко всем другим создателям структур: все они наводят маленькие мостики, чтобы преодолеть расстояния между различными системами координат. Точная природа движущихся сущностей здесь неважна: то, какими в каждом случае должны быть средства передвижения и документы, покажет исследование. Что имеет значение, так это возможность для исследователя регистрировать, где только можно этот вид «сетевой» формы, а не разделять полученные данные на две части: локальную и глобальную. Написать акторно-сетевой отчет — значит суметь захватить эти многочисленные отношения, не ограничивая их с самого начала априорным решением, каким должен быть «подлинный объем» того или иного взаимодействия или социального объединения. Как уже должно быть понятно, АСТ — прежде всего абстрактный принцип *проекции*, в соответствии с которым должен быть развернут *любой* контур, а не конкретное произвольное решение, *какой* контур должен быть нанесен на карту.

Расчетные центры, как я их назвал, дают такие звездчатые контуры потрясающей формы⁸. Капитализм, к примеру, может быть неподатливой сущностью, имеющей «дух», но торговая площадка Уолл-стрит связана со «всемирным» тонкими, но быстрыми каналами миллионов байтов в секунду информации, которая, переваренная трейдерами, молниеносно возвращается в то же место биржевыми экранами Рейтерс или Блумберга,

⁸ Определение термина см.: Latour B. Science In Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society.

регистрирующими все транзакции и затем передающими все это «остальной части (связанного) мира», определяя, что почем в сети⁹. Если учитываются такие каналы, то у нас есть на выбор два пути: мы можем продолжать верить, что капитализм тайно действует как «инфраструктура» всех мировых транзакций, и, раз так, надо прыгнуть от локальной оценки стоимости конкретной компании к ее «контексту», меняя по ходу средства передвижения, изменяя передаточные механизмы и улетая в стратосферные соображения вместо того, чтобы ходить ногами по земле. Либо мы можем продолжать давать работу ногам и исследовать такие места, как торговая площадка Уолл-стрит, *не меняя* средств передвижения, просто чтобы посмотреть, куда это решение нас заведет. В этих случаях ландшафт, начерченный с помощью двух видов маркеров, будет совершенно разным.

И тогда все упущенное вернется к действию: у капитализма нет *реального* врага, поскольку капитализм «везде», но у *данной торговой площадки* Уолл-стрит много конкурентов в Шанхае, Франкфурте и Лондоне. Сбой компьютера, подлый шаг конкурента, неожиданная фигура, скрытая переменная в ценовой формуле, рискованная процедура подсчета могут сдвинуть баланс от баснословной прибыли к драматическим потерям. Да, Уолл-стрит связана со многими местами, и в этом, и только в этом смысле она «больше», мощнее, она доминирует. И все же она не шире, не крупнее, не менее локальна, не менее интерактивна и интересубъективна, чем торговый центр во французском Мулене или шумный и зловонный рынок Буаке в Кот-д'Ивуаре. Не фокусируйтесь на капитализме, но и не прилипайте к экрану торговой площадки: отслеживайте связи, «следуйте за самими актерами». Никакой холодной объективации здесь нет, никакой высший разум тут не раскрывается. Всюду подслеповатые термиты старательно заняты выкапыванием

⁹ См.: Knorr-Cetina K., Bruegger U. Global Microstructures: The Virtual Societies of Financial Markets; Muniesa F. Des marchés comme algorithmes; MacKenzie D. An engine, not a camera: finance theory and the making of markets; Lépinay V. Les formules du marchés; Mirowski P. Machine Dreams; Leyshon A., Thrift N. Money/Space: Geographies of Monetary Transformation; и, несмотря на столетнюю давность, Тарда: Tarde G. Psychologie économique.

данных. Просто идите, приносиваясь, по их ходам, и неважно, как далеко это вас заведет.

Такое изменение топографии случается всякий раз, когда вы заменяете некую таинственную структуру полностью видимыми и эмпирически прослеживаемыми местами. Организация определенно не «больше», чем те, кого она организует. Поскольку Билл Гейтс физически не больше всех работников фирмы «Майкрософт», сама «Майкрософт» как корпоративное целое не может быть чем-то вроде вместительного здания, где находятся индивидуальные акторы. Напротив, «Майкрософт» — это определенного типа *движения*, проходящие через них всех, и лишь немногие из этих движений начинаются и кончаются в *кабинете* мистера Гейтса¹⁰. Именно потому, что организация в меньшей степени общество, чем политическое тело, она состоит только из движений, сотканных из постоянной циркуляции документов, историй, отчетов, товаров и страстей. С точки зрения кабинета не одно и то же — быть пересекаемым более длительными, быстрыми и интенсивными связями или быть шире¹¹. Идти по постоянным следам — не то же самое, что перепрыгивать к структуре. Придерживаться видимого и подручного — не то же самое, что набивать брюхо невидимыми силами. Все время пользоваться однотипным средством передвижения — не то же самое, что согласиться на более быстрые и непривычные формы транспортировки. Нет такого места, о котором можно было бы сказать, что оно «нелокально». Если что-то должно быть «делокализовано», то это значит, что его отправляют с одного места на *другое*, а не с какого-то места в *никуда*. «Разве в этом нет здравого смысла?», — по-прежнему упрямо бормочет подслеповатая, ползающая по следам акторно-сетевая теория.

¹⁰ Как ни странно, это верно в отношении самого здания, вопреки метафоре структуры, поскольку никакое здание не видно целиком ни из какой точки в процессе его конструирования и использования. См.: Robbins E. Why Architects Draw; и об этнографии шкалирования: Yaneva A. Scaling Up and Down: Extraction Trials in Architectural Design.

¹¹ Ошеломляющий пример продуктивности этого подхода — проект аэропорта, разработанный под руководством Гудвина и Сачман. См.: Brun-Cottan F. et al. The workplace project: Designing for diversity and change; и Goodwin C., Goodwin M. Formulating Planes.

Актор-сеть очерчивается всегда, когда в ходе исследования принимают решение заменить акторов любого размера локальными и взаимосвязанными местами, вместо того чтобы делить их на «микро» и «макро». Обе части важны, отсюда и дефис. Первая часть (актор) раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира; вторая часть (сеть) может объяснить, при помощи каких средств передвижения, следов, испытаний, типов информации мир вбирается *внутрь* этих мест и затем, трансформировавшись в них, выдавливается обратно *наружу* из их тесных стен. Вот почему приписанная через дефис «сеть» фигурирует здесь не как тайное присутствие Контекста, а как то, что соединяет акторов. Вместо того чтобы быть, как Контекст, другим измерением, придающим объем слишком узкому и плоскому описанию, сеть позволяет отношениям оставаться плоскими и полностью оплачивать «транзакционные издержки». Здесь не макросоциология и микросоциология, — здесь два разных способа рассмотрения отношений между «макро» и «микро»: первый выстраивает русскую матрешку — маленькая матрешка внутри, большая снаружи; второй разворачивает связи — маленькая матрешка неприсоединена, большую надо присоединить.

Не случайно АСТ начинала с исследования науки. Всегда, когда ищут показательный пример того, что бы означало для социальной теории положить конец различию между «микро» и «макро», отличным образцом являются научные связи. Их не только гораздо легче исследовать, — они еще и дают наиболее яркие примеры того, как маленькие инновации могут, в конце концов, стать макрохарактеристиками «целого» мира¹². У наук нет размера, или, скорее, если что и не объясняет в достаточной мере их силу, то это их малый размер. Не случайно Габриэль Тард в поисках идеального примера для теории «лучей подра-

¹² Кафедра в Высшей горной школе — родина первых попыток Шлюмбергера обнаружить нефтяные месторождения. Об этой замечательной истории см.: *Bowker G. Science on the Run: Information Management and Industrial Geographics at Schlumberger, 1920–1940*. Относительно власти и расширения сети классической работой остается: *Hughes T.P. Networks of Power*. См. также прекрасный пример в описании колониализма в Индии в: *Headrick D.R. The Tentacles of Progress: Technology Transfer in the Age of Imperialism, 1850–1940*.

жания», всегда обращался к (тогда не существовавшей) социологии науки. Он утверждал, что есть *непрямая, но полностью прослеживаемая* связь между кабинетом Галилея во Флоренции XVI века и тем, что выучивает каждый школьник, от которого требуют не верить своим глазам, когда они говорят, что в сумерки солнце садится¹³. *Потенциально* масштаб любой лаборатории или чрезвычайно мал, или чрезвычайно велик. Со стороны наблюдателя глупо заранее раз и навсегда определять ее подлинный размер. Научные дисциплины, включая малые «камеральные науки» — бухгалтерию, менеджмент, организацию бизнеса, дают замечательные примеры, ибо, подобно плодовым мушкам генетиков, предлагают увеличенную версию того, что происходит везде, хотя и не столь ясно и заметно. Как мы уже видели в первой части, чем больше развиваются наука и технология, тем физически легче проследить социальные связи. Спутники, оптоволоконные сети, калькуляторы, потоки данных и лаборатории — все это новое материальное оборудование высвечивает связи, как будто бы гигантская красная ручка соединяет точки, тем самым позволяя каждому видеть линии, которые прежде были едва заметны¹⁴. Но то, что верно в отношении лабораторий и кабинетов, верно и для всех прочих соединяющих и структурирующих мест.

Для этой первой категории ориентиров я предлагаю использовать в качестве родового термина слово «*олигонтикум*», — оставив выражение «расчетные центры» для мест, где благодаря математическому или как минимум арифметическому формату документов,двигающихся туда и обратно, становятся возможными буквальные, а не просто метафорические

¹³ «Когда молодой крестьянин, любясь закатом, не знает, верить ли своему школьному учителю, убеждающему его, что ночь наступает из-за движения Земли, а не движения Солнца, или свидетельству собственных чувств, говорящим обратное, только один луч подражания, дошедший к нему через учителя, объединяет его с Галилеем; тем не менее этого достаточно, чтобы его сомнение, его внутреннее сопротивление было социальным в своем истоке» (*Tarde G. Social Laws. P. 51*).

¹⁴ Это еще более верно сегодня в отношении количественных измерительных инструментов. См.: *Keating P., Cambrosio A. Biomedical Platforms: Realigning the Normal and the Pathological in Late-Twentieth-Century Medicine.*

*расчеты*¹⁵. Как известно каждому читавшему Мишеля Фуко, «паноптикум» — идеальная тюрьма с тотальным контролем над заключенными, придуманная в начале XIX века Иеремией Бентамом, так и осталась утопией (то есть «нигде» — миром без координат), питающей двойную болезнь — всеобщую паранойю и всеобщую мегаломанию¹⁶. Но мы ищем не утопии, а имеющие четкие координаты места на земле. Олигоптикумы — именно такие места, поскольку они делают прямо противоположное тому, что делают паноптикумы: они видят *слишком мало* для того, чтобы удовлетворить мегаломанию инспектора или паранойю поднадзорных, но то, что они видят, они *видят хорошо*. Отсюда и использование этого греческого слова для обозначения компонента, который одновременно и необходим, и действует в малых количествах (как «олигоэлементы» вашей аптечки). Олигоптикумы дают возможность четко, но в крайне узких пределах видеть (соединенное) целое до тех пор, пока поддерживаются связи. Казалось бы, абсолютистскому видению паноптикума ничто не угрожает, и потому он так нравится социологам, мечтающим занять центральную башню бентамовской тюрьмы; а олигоптикум может ослепить малейший жучок (bug).

Иногда обнаружить эти места легко, так как физические связи оставляют следы, как в лабораториях. Ясно, к примеру, что командно-контрольный центр армии не «больше» и не «мень-

¹⁵ Внимательное изучение формализма дает возможность провести различие между этими ситуациями. См.: Rosental C. La Trame de l'évidence; Kaiser D. Drawing Theories Apart: The Dispersion of Feynman Diagrams in Postwar Physics; и, с другой стороны, исследование досье и бюрократов в: Jacob C. L'empire des cartes. Approche théorique de la cartographie à travers l'histoire. Сачман использует выражение «центры координации», чтобы подчеркнуть практичность рабочего места, которое она рассматривает как гибридное пространство форм, расчетов, организационных технологий и взаимодействий. См.: Brun-Cottan F. et al. The Workplace Project.

¹⁶ Ясно, что сам Бентам изрядно страдал обоими заболеваниями. См.: Bentham J., Foucault M. Le Panopticon précédé de l'oeil du pouvoir: entretien avec Michel Foucault. Это менее заметно в случае иронического использования утопии паноптикума Фуко в: Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of Prison (Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2000. — Примеч. ред.).

ше», чем локальный фронт за тысячи миль от него, где рискуют жизнью солдаты, но очевидно и то, что такой командный пункт (war room) может командовать всем и контролировать все — на что указывает само его название, — но *только пока* она остается связанной с театром военных действий непрерывной передачей информации. Поэтому здесь правильная топография состоит не во включении линии фронта «в» верховное командование, а в *локализации* обоих и соединении их плотным кабелем¹⁷. Именно это я и понимаю под выравниванием ландшафта. Это нелегкая задача, что слишком хорошо известно любому солдату, командиру и военному историку¹⁸.

Иногда обнаружить звездообразные олигоптикумы труднее: кабинка редактора газеты похожа на командно-контрольный пункт, но лишь слегка: входящее и исходящее здесь не так формализованы и не так подчиняют, как военный приказ или команда¹⁹. В ряде других случаев связи едва видны, скажем, когда спрашивают, в каком отделе производят «эдипов комплекс», «управление», «реструктуризацию» или «социальный капитал». Но все же и тут можно пройти по следам и начертить карту, например, различных противоречащих друг другу социальных теорий, ходящих в Париже. Хотя они и кажутся нематериальными, но физически транспортируются через полевые исследования, анкеты, статистические бюро, академическую полемику, журнальные статьи, разговоры в баре и гранты, пока не возвращаются назад через редакции, учебники, партийных функционеров, забастовочные комитеты и военные штабы, где некоторые участники используют их, решая, кто они такие и к какой группе принадлежат. Как мы узнали из первого источника не-

¹⁷ Много примеров такой хрупкости можно найти в: *Barry A. Political Machines. Анализ практик бюрократии, исходя из перспективы исследований науки см. в: Cambrosio A., Limoges C., Pronovost D. Representing biotechnology: an ethnography of Quebec Science Policy.*

¹⁸ Это мастерски показано в: *Keegan J. The Mask of Command.* Недавняя дискуссия об оружии массового поражения ошеломляюще иллюстрирует ограниченность всех метафор «взгляда» и «видения»; см.: *Blix H. Disarming Iraq.* Но литературным шедевром остается «Война и мир» Толстого.

¹⁹ Несколько классических примеров см. в: *Lippmann W. Public Opinion; Chandler The Visible Hand; и Miller P. The Factory as Laboratory.*

определенности, сегодня трудно отнести себя к группе без помощи социолога. Кто бы что знал о «культурном капитале», «методологическом индивидуализме», «организационной инерции», «массовом увольнении работников», «гендере», «принципе предупреждения», если бы эти понятия не прошли вначале через какой-то исследовательский центр?²⁰ В случае таких слабых следов чертить карту может оказаться труднее, — проходы могут быть тоньше, связи часто прерываются. Но попытаться необходимо, чтобы не создалось впечатление, что нас можно, не заплатив за это, занести «в категорию»²¹.

Чтобы закончить с этим первым типом зажима: хотя эта проблема на первый взгляд кажется в самом деле странной (если не сказать, бестактной), когда бы и кто бы ни говорил о «системе», «глобальной характеристике», «структуре», «обществе», «империи», «мировой экономике», «организации», первой рефлекторной реакцией АСТ должен быть вопрос: «В каком здании? В каком отделе? По какому коридору туда идти? Кому из коллег это читали? Как это было составлено?»²². Если исследователи согласятся воспользоваться этим ключом, их удивит количество мест и каналов, которые обнаружатся сразу же, как только будут заданы эти вопросы. Социальный ландшафт начнет меняться очень быстро. И, как заметят путешественники, обозревать плоский ландшафт, где во множестве циркулируют попытки установить и поддерживать непрочные связи, они будут совсем не с тем же чувством, которое у них бы вызвало требование заглянуть в устрашающую пирамиду власти. Именно это различие в топографии и объяснит (в заключительной главе книги), почему две социальные теории не могут рассчитывать на один и тот же тип политической значимости.

²⁰ Хороший пример: *Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism* (Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. — Примеч. ред.), где они пользуются литературой по менеджменту как путеводителем, чтобы понять, как компании используют новые социальные теории, включая АСТ.

²¹ См.: *Boltanski L. The Making of a Class: Cadres in French Society*; а также ранние работы Тевено, посвященные конструированию социоэкономических категорий, особенно его классическую работу: *Thévenot L. Rules and Implements: Investment in Forms*.

²² См.: *Heesen A. T. Things that talk: News, Paper, Scissors. Clippings in the Sciences and Arts around 1920*.

ПАНОРАМЫ

И все же нет основания отрицать, что тень гигантской социальной пирамиды маячит над нашими головами. Это напоминает «рефлекс Павлова» или коленный рефлекс. Всякий раз, говоря об обществе, мы представляем сферу или массивный монумент, что-то напоминающее огромное надгробие. Здесь сверху донизу царит порядок. И сколько бы я ни предупреждал, любой олигоптикум, удерживающий ландшафт плоским, будет немедленно засунут куда-то «в» более широкий социальный контекст, как голубь в голубятню. Этому предрассудку невозможно противостоять напрямую, поскольку более двух столетий он был позицией по умолчанию наших операционных систем: общество — как его ни мыслить — должно быть крупнее по масштабу. И вот именно эта позиция по умолчанию и не позволяет развернуть релятивистскую социологию.

Проблема в том, что социологи используют масштаб как одну из многочисленных переменных, устанавливаемых *еще до* начала исследования, хотя масштаб — это то, к чему приходят акторы, *масштабируя, располагая в пространстве и контекстуализируя* друг друга путем транспортировки конкретными средствами передвижения конкретных следов²³. Как-то мало у нас принято уважать достижения акторов, если в итоге мы отказываем им в одной из самых существенных привилегий — определять относительный масштаб. Аналитик не должен навязывать абсолютный масштаб. Как знают все читавшие когда-либо о теории относительности, абсолютные системы координат порождают лишь ужасные деформации, разрушая всякую надежду на переложение документов в читаемый формат, в то время как мягкие и скользкие «координатные моллюски» (термин Эйнштейна) позволяют физикам переходить из одной системы в другую если не гладко, то, по крайней мере, постоянно²⁴. Либо социолог жесток, — и весь мир превращается в пуганку, либо социолог достаточно гибок, — и мир приходит

²³ Эти следы описаны в «третьем шаге». Еще раз: здесь требуется терпение.

²⁴ Я всегда, к некоторому своему стыду, рассматривал Эйнштейна как социального теоретика — представителя теории ассоциаций. См.: *L'atour B. A Relativist Account of Einstein's Relativity.*

в порядок. И здесь снова задачи эмпирического релятивизма сродни моральным обязательствам.

Именно потому, что искоренить этот предрассудок — жить внутри всеобъемлющей структуры, по-видимому, невозможно, надо придумать второй тип искусственного зажима. Пока мы не выявим места, где так убедительно демонстрируют «верх», «низ», «всеобщее» и «глобальное», соблазн прыгнуть в «контекст» не ослабеет и у масштабообразующей деятельности акторов никогда не будет пространства, чтобы быть полностью развернутой. Социальный ландшафт никогда не станет настолько плоским, чтобы стала полностью видна цена соединяющих средств передвижения. Люди будут и дальше верить, что большой зверь поддерживает свое существование, не нуждаясь в корме; что общество способно обходиться без того, чтобы его производили, собирали, соединяли или поддерживали; что оно позади нас, так сказать, а не стоит перед нами как задача, которую надо решить.

Как мы видели в предыдущей части книги, не дело социолога решать за актора, из каких групп составлен мир и что за силы побуждают их действовать. Его задача — построить искусственный эксперимент: сообщение, рассказ, нарратив, отчет, где можно было бы полностью развернуть это разнообразие. Пусть это покажется странным на первый взгляд, но точно так же обстоит дело и с масштабом: не дело социолога решать, является ли это взаимодействие «микро», а то — «среднего уровня» или «макро». Слишком много средств, таланта и энергии потрачено участниками на модификацию относительного масштаба всех других участников, чтобы социологи решали этот вопрос, исходя из фиксированного стандарта. Как показали Болтански и Тевено, если вы что-то и не можете делать за акторов, так это решать, где их место на шкале от малого до большого, потому что при каждой из многочисленных попыток обоснования своего поведения они могут то апеллировать к целому, упоминая человечество, Францию, капитализм и разум, то, минуто спустя, приходиться к локальному компромиссу²⁵. Столкнувшись с таким резким изменением масштаба, аналитик может найти

²⁵ Boltanski L., Thévenot L. On Justification. (Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — Примеч. ред.)

только одно возможное решение — отнестись к самому такому изменению как к одному из данных исследования и посмотреть, какими практическими средствами распространяют «абсолютное мерило».

Масштаб — это собственное достижение актора. Хотя это самая старая и, по-моему, самая главная идея из предложенных АСТ²⁶, я так и не встретил никого, кто бы согласился хотя бы взглянуть, что за ландшафт таким образом открывается. Если отважиться на параллель, то Галилею так и не удалось склонить своих «дорогих и уважаемых коллег» хоть одним глазком заглянуть в его вручную изготовленный телескоп. Причина в том, что мы склонны представлять масштаб — «макро», «мезо», «микро», как упорядоченный ряд *увеличений*. Это немного напоминает чудесную, но вводящую в полное заблуждение книгу «Умножая на десять», где на каждой странице предлагается картинка, масштаб которой увеличивается на порядок по сравнению с предыдущей, — от Млечного Пути и до спиралей ДНК, а где-то примерно посередине — фото двух юных участников пикника на лужайке у Верхнего озера²⁷. Достаточно микросекунды на размышление, чтобы понять, что этот монтаж обманывает — где должна быть расположена камера, чтобы показать галактику в целом? Где микроскоп, способный нацелиться именно на эту клеточную ДНК, а не на ту? По чьему приказу картинки расположены в таком стройном порядке? Прекрасная сборка, но совершенно не соответствующая истине. То же можно сказать и об эффекте изменения масштаба в социальной сфере, за исключением в данном случае того, что тут он используется не как хитроумный художественный прием, а как естественнейшая норма, вытекающая из прочнейшего здравого смысла. Разве не очевидно, что IBM «больше», чем ее менеджеры по продажам? Что Франция «шире», чем Высшая горная школа, которая гораздо «больше», чем я? И если представить себе IBM и Францию в таких же звездообразных очертаниях, как упомянутый выше командно-контрольный военный пункт, то во что тогда превратятся организационные карты корпора-

²⁶ См.: Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathans. How Do Actors Macrostructure Reality.

²⁷ Morrison P., Morrison P. The Powers of Ten.

тивной структуры ИВМ, *карта* Франции, *картина* всей Земли? Разве не очевидно, что они дают гораздо более широкую «рамку», внутри которой должно «находиться» «все, что меньше»? Разве не вполне разумно говорить, что Европа больше Франции, которая больше Парижа, который больше, чем Рю Дантон, которая больше, чем моя квартира? Или что XX век — это рамка для Второй мировой войны? Что в «Пармской обители» Стендаля битва при Ватерлоо — гораздо более значимое событие, чем связанные с ней переживания Фабрицио дель Донго? Возможно, читатели готовы терпеливо воспринимать притязания АСТ на новую топографию, но они перестанут это делать, если она уйдет слишком далеко от здравого смысла. Как может «помещение вещей в рамку» не быть самым разумным действием?

Я согласен — все дело именно в том, что надо придерживаться здравого смысла. Я согласен и с тем, что акторы постоянно как раз это и делают — помещают вещи в тот или иной контекст. Я только утверждаю, что саму эту деятельность по заключению в рамку, саму деятельность по контекстуализации, нужно заставить проявиться, но сделать это невозможно до тех пор, пока эффект изменения масштаба принимается на веру. Установить масштаб заранее означало бы придерживаться только одной меры и единственной абсолютной системы координат, когда мы как раз измерением и занимаемся; когда именно *движения* из одной системы в другую мы и хотим осуществить. И снова: социологи социального недостаточно абстрактны. Они верят, что должны держаться здравого смысла, но вопреки этому демонстрируют совершенное отсутствие разума, воображая «социальное изменение масштаба» без камеры, рельсов, тележки на колесах и всей сложной команды, которую необходимо собрать, чтобы сделать такую простую вещь, как снять кадр при помощи движущейся камеры. Всякое изменение масштаба, претендующее на упорядочение вещей на манер русской матрешки, всегда является продуктом сценария, тщательно спланированным режиссером-постановщиком. Если вы в этом сомневаетесь, посетите «Юниверсал студIOS». «Верх» и «низ», «локальное» и «глобальное» должны быть сделаны, они никогда не даются просто так. Нам всем это прекрасно известно: мы были свидетелями множества случаев, когда относительный размер моментально изменялся — забастовками, революциями, переворотами, кризисами, инновациями, открытиями. Собы-

тия — не аккуратные стопки одежды в универмаге. Кажется, что этикетки с размерами S, M, L, XL скорее распределены случайным образом; размеры увеличиваются и уменьшаются слишком быстро; вещи сжимаются и расширяются с молниеносной скоростью. Но мы никогда не готовы изобразить на карте результаты собственных ежедневных наблюдений, — настолько мы поглощены навязчивым жестом — «помещать вещи в более широкий контекст».

Но и сам этот жест необходимо также тщательно документировать! Замечали ли вы когда-нибудь на социологических конференциях, политических митингах, за разговорами в баре, как жестикулируют люди, говоря о «Большой картине», куда предлагают поместить только что сказанное вами, чтобы оно «вписалось» в такие легко схватываемые сущности, как «поздний капитализм», «подъем цивилизации», «Запад», «современность», «человеческая история», «постколониализм» или «глобализация»? Их жесты так широки, как будто они оглаживают тыкву! Я хочу показать вам, наконец, настоящий размер «социального» во всем его величии. Ну... не так уж оно и велико. Его лишь делают таким широкие жесты и профессорский тон, которым ссылаются на «Большую картину». Если в ком-то и нет здравого смысла, так это в принимающих тыкву, пусть даже и разумного размера, за «общество в целом». Для этого типа социальной теории пробила полночь, и красивая карета превратилась обратно в то, чем и должна остаться навсегда — в растение семейства *Cucurbitaceae*.

Я говорю жестокие вещи, знаю, но иногда нужно быть жестоким и из добрых побуждений, как хирург, спешащий удалить болезненную бородавку. Размер и изменение масштаба не нужно смешивать с *несвязностью*. Либо этот масштаб тыквы соединен множеством связей со многими другими местами, как торговая площадка Уолл-стрит соединена с множеством мест, образующих мировую экономику, — и если так, я хочу убедиться, что эти связи существуют, потрогать каналы, проверить их прочность, испытать их реальность. Либо он *не* соединен, и тогда угрожающая жестикуляция не заставит меня поверить, что мое маленькое «локальное» описание «обрамлено» чем-то «большим». Да, я не хочу быть вставленным в рамку! Но я готов тщательно изучать само структурирование, чтобы превратить его из такого автоматического ресурса в увлекательную новую

тему. Именно благодаря эффекту изменения масштаба социальное социальных теоретиков и выходит на сцену, претендует на то, чтобы в него «были вставлены» локальные взаимодействия, и в итоге устанавливает столь мощное иго над мышлением каждого актора. Иго это такой силы, что когда альтернативная социальная теория предлагает его сбросить, это все равно, что Богу еще раз умереть. Есть много общего между вечно умирающим Богом давних лет и той позицией, которую порой мечтает занять богоподобный социолог.

В сущности, «Великая картина» — это картина и есть. И тогда можно задать вопрос: в каком кинотеатре, в какой выставочной галерее ее *показывают*? Через какой оптический аппарат она *проецируется*? Какой аудитории она *адресуется*? Я предлагаю назвать *панорамами* новые зажимы, которые мы создаем, настойчиво задавая такие вопросы. В противоположность олигоптикумам, панорамы, согласно этимологии, позволяют увидеть *все*. Но они также не позволяют увидеть *ничего*, ибо всего лишь *показывают* образ, нарисованный (или спроецированный) на внутренней стене комнаты, полностью *изолированной* от внешнего мира. Эта метафора идет от залов, изобретенных в начале XIX века, потомки которых — стереокинотеатры, построенные при научных центрах и мегамаркетах²⁸. Греческое слово «пан», означающее «все», в данном случае подразумевает не то, что эти картины позволяют обозреть «целое», а что, наоборот, они прилеплены к стене глухо изолированного помещения, где проецируется на круговой экран *полностью* связный ландшафт. В полной связности их сила — и их главная слабость.

Где найти их теперь, когда все реальные панорамы, воспетые Вальтером Бенямином, уже разрушены? Везде. Их рисуют всякий раз, когда редактор газеты авторитетно делает обзор «ситуации в целом»; когда в книге пересказывается история мира от Большого взрыва до президента Буша; когда учебник социологии предлагает взгляд на современность с высоты птичьего полета; когда генеральный директор большой компании собирает своих акционеров; когда известный ученый общается, к удовлетворению публики, «современное состояние

²⁸ Об истории изобретения этого медиа XIX века см.: Oettermann S. The Panorama: History of a Mass Medium; *Comment B.* The Panorama; и, конечно: Benjamin W. The Arcades Project.

науки»; когда политический активист объясняет сокамерникам «долгую историю эксплуатации»; когда вас наполняет ужасом мощная архитектура — пьяцца, небоскреб, гигантская лестница²⁹. Иногда это прекрасные достижения, как *Палаццо делла Раджоне*³⁰ в Падуе (да, Дворец разума!), где огромный городской зал целиком покрывают фрески, изображающие панорамы всей классической и христианской мифологии рядом с календарем всех торгов и городских событий. Иногда панорамы — всего лишь грубые эклектические клише, как в замысловатых сюжетах теоретиков заговора. Иногда они предлагают совершенно новые программы, когда показывают новое шоу о «конце истории», «конфликте цивилизаций» или «обществе риска». Иногда — переписывают историю, предлагая совершенно новое прочтение *Zeitgeist*, как в «Феноменологии духа» или Коммунистическом манифесте.

Сила этих устройств в том, что они прекрасно решают проблему постановки целого, упорядочения «верха» и «низа», вложения друг в друга «микро», «мезо» и «макро». Но делают они это, не умножая числа двусторонних связей с другими местами, как командно-контрольные пункты, расчетные центры и вообще все олигоптикумы³¹. Панорамы конструируют картину, на которой нет зазора, создавая у зрителя сильное впечатление полной погруженности в реальный мир без всяких искусственных опосредствований или дорогостоящих потоков информации, идущих от внешнего мира или к нему. Если олигоптикумы постоянно показывают хрупкость связей и недостаток контроля над тем, что остается в промежутке между их сетями, то панорамы создают впечатление полного контроля над обозреваемым, хотя в каком-то смысле они слепы и ничто не входит и не выходит за их стены кроме заинтересованных

²⁹ О связи между архитектурой и властью см.: *Heurtin J.-P.* L'espace public parlementaire: Essais sur les raisons du législateur.

³⁰ Дворец разума (*um.*) — зал заседаний городского суда Падуи в эпоху Средневековья (годы строительства 1172–1440). Остается одним из самых больших залов Европы (длина — 87 м, высота — 24 м, ширина — 27 м) с крышей, не удерживаемой колоннами. — *Примеч. ред.*

³¹ Слотердаjk дает описание множества панорам, называя их «глобусами», в: *Sloterdijk P.* Sphären. Bd. 2. Globen (*Слотердаjk П.* Сферы: Макросферология. Т. II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. — *Примеч. ред.*).

или разочарованных зрителей. Не отличать их от олигоптикумов — все равно, что не отличать эпизод войны, отслеживаемый из командного пункта Армии США в городе Тампа (Флорида), от того же самого эпизода в изложении «Фокс Ньюс», когда события «сегодня на фронте» комментирует отставной генерал. Первый отчет реалистичный. Он ясно осознает, что может перестать быть таковым, как только обрежут коммуникации; второй мог бы быть вполне реальным, но у него меньше возможностей сообщить нам, не фикция ли он. Чаще всего именно избыток связности и выдает иллюзию.

Хотя панорамы не стоит принимать чересчур всерьез, так как связные и полные отчеты могут стать самыми слепыми, самыми локальными, самыми ограниченными в смысле видения, их тоже необходимо тщательно изучать, поскольку они дают единственный шанс увидеть «всю историю» *как целое*. Не надо презирать тотализирующие парадигмы как акт профессиональной мегаломании, — их надо, как и все остальное, *добавить* к той множественности мест, которую мы хотим развернуть³². Они — вовсе не то место, где все происходит как в мечтах директора, а локальные узлы, которые необходимо добавить, как и многие другие новые места, пунктирно размечающие плоский ландшафт, который мы пытаемся картографировать. Но даже после такого уменьшения в размере их роль может стать центральной, поскольку они *наделяют* зрителей, слушателей и читателей *стремлением к целостности и центральности*. Именно из этих мощных повествований мы черпаем метафоры для того, что «связывает нас вместе», для страстей, которые надеемся разделить друг с другом, для общего вида социальной архитектуры, для господствующих нарративов, которым подчиняемся. Это в их узких границах наш здравый смысл черпает идею о том, что взаимодействия происходят в «более широком» контексте, что существуют «верх»

³² Джон Треш показал, сколько таких собирающих устройств существует в конкретной исторической ситуации и как они могут создавать то, что он называет космограммами. См.: *Tresch J. Mechanical Romanticism: Engineers of the Artificial Paradise*. Эта множественность исчезает, как только их помещают внутрь связанного *Zeitgeist* вместо того, чтобы проследить их в их противоречивых циркуляциях, — подробнее об этом в разделе, посвященном собирающим формулировкам p. 221.

и «низ», что «локальное» вставлено внутрь «глобального» и что возможен *Zeitgeist*, дух которого еще надо придумать.

Статус таких панорам до странности двойственен: они одновременно и защищают от тотализации — поскольку явно локальны и втиснуты в слепые комнаты, — и создают предвкушение единого мира, в котором мы должны жить. Панорамы собирают, заключают в рамки, ранжируют, упорядочивают, организуют; они — источник того, что понимают под хорошо упорядоченным изменением масштаба. Неважно, насколько панорамы нас одурачивают, они готовят нас к стоящей перед нами политической задаче. При помощи своих многочисленных хитроумных спецэффектов они создают прообраз коллектива, с которым их нельзя смешивать. Как мы уже начинаем понимать, всегда есть опасность принять строительство таких панорам за гораздо более сложную политическую задачу постепенного построения общего мира. Просмотр социальных теорий как фильмов в этих стереопространствах делает политику совершенно другой. «Общество *sui generis*» Дюркгейма, «аутопойетические системы» Лумана, «символическая экономика полей» Бурдьё или «рефлексивная современность» Бека — превосходные нарративы, если готовят нас по окончании просмотра взяться за политические задачи построения; они неверны, если их принимают за описание уже существующего общего мира. В лучшем случае панорамы дают профетический прообраз коллектива, в худшем — они его очень бедная замена. Одно из притязаний АСТ состоит в том, чтобы сохранять профетический порыв, всегда ассоциировавшийся с социальными науками, но при этом аккуратно препровождать господствующие нарративы назад, в комнаты, где их показывают³³.

Так что и здесь опять всякий раз, когда выставлен на сцену хорошо организованный порядок масштабов, добровольная слепота АСТ должна выливаться все в те же дерзкие и глупые вопросы: «В какой комнате? В какой панораме? Какими средствами? Каким режиссером? Сколько стоит?». Как только вы

³³ Когда к ландшафту добавляются панорамы, критика Великих нарративов и апелляция к множественности, фрагментации и малым нарративам утрачивают бесспорность: множественность уже не в дефиците. Если ею ограничиваться, это может означать отказ от политической задачи сборки.

начнете настойчиво задавать этот второй ряд вопросов, в каждом углу начнут проявляться активные, иногда даже красивые комплексные места. Если сомневаетесь, попробуйте в качестве упражнения локализовать площади, театры, сцены, где рисуется «глобализация». Скоро вы поймете, что, несмотря на массу всяких «глобоглупостей», глобализация циркулирует по маленьким рельсам, ведущим в итоге к прославленной форме провинциализма³⁴.

За инструкцией «идите медленно» следуют «не прыгать» и «стараться, чтобы все было плоским!». Эти три части совета усиливают друг друга, поскольку лишь когда будет измерена длинная дистанция между различными точками территории, будут и полностью подсчитаны транзакционные издержки их соединения. Как мог бы путешественник заранее оценить время, которое понадобится для восхождения на вершину горы, если бы еще до этого не были начерчены — одна за другой — изометрические линии? Как бы мы оценили масштаб стоящей перед нами политической задачи, не измерив сначала *расстояния* между несоизмеримыми точками зрения?

³⁴ По поводу локализации глобального см. в особенности работу: Harrison S., Pile S., Thrift N. *Patterned Ground: Entanglements of Nature and Culture*.

IV. Шаг второй: перераспределяем локальное

Оснащая исследователей разными инструментами (олигоптикумами и панорамами), мы даем им возможность локализовать глобальное и аккуратно препроводить его обратно в круг, по которому оно теперь и циркулирует туда и обратно. Я предлагаю всякий раз, когда появляется потребность в уходе от локальных взаимодействий, не пытаться делать всякие *сальто-мортале* к невидимо таящемуся на заднем плане миру социального контекста, а отправляться в трудный путь по множественным локальным площадкам сборки глобального, структурного и всеобщего, откуда они распространяются вовне благодаря прокладке специфических проводов и проводов. Если вы будете делать это достаточно долго, те же эффекты иерархии и асимметрии, которые были видны раньше, возникнут из цепочек накладывающихся друг на друга локальностей. Поскольку они ведут внутрь многочисленных олигоптикумов и панорам, отныне в использовании слова «контексты» уже нет никакой ошибки. У транспортирующих их эффекты средств передвижения есть таблички с номерами и четкие надписи — совершенно как на проезжающих вагонах. Время от времени контексты собираются, соединяются и выставляются *внутри* особых помещений в форме целостных панорам, *добавляющих* местам, которые «контекстуализируются» и «структурируются», множество своих противоречивых структурирующих эффектов.

Нет нужды говорить, что не существует никакого другого места для их соединения, — по крайней мере, пока не существует. Поэтому очень глупо задаваться вопросом, «в какой» супермегамакроструктуре все эти локальности находятся, так же как совершенно несуразно было бы пытаться найти, после того как появилась теория относительности, эфирный поток, «через который» проходит Земля. Нет такого глобального всеобъем-

лющего пространства, где, к примеру, были бы собраны и суммированы штабной пункт Стратегического командования воздушных сил, торговая площадка Уолл-стрит, карта загрязнения водных ресурсов, отдел переписи населения, Христианская коалиция и ООН. И если кто-нибудь пытается это делать, как я в этом параграфе, то это *еще одно место*, еще один кружный маршрут, свободно соединенный с другими местами и не претендующий на то, чтобы «включать в себя» или «знать» их. Если какое-то место желает всегда доминировать над всеми остальными, что ж — прекрасно. Но ему придется заплатить за каждое средство, необходимое для достижения каждого из тех мест, на суммирование которых оно претендует, и установить с ними постоянные, дорогостоящие двусторонние отношения. Если оно не оплатит счет до последнего цента, то превращается в панораму. Даже монаде, хотя Лейбниц никогда не говорил об этом специально, чтобы смутно воспринимать присутствие других монад, требуется дополнительная работа.

Но реконтекстуализация контекста — лишь часть задачи восстановления привычки ходить пешком по плоскому ландшафту. Для нас все еще остается проблемой понять, почему, как мы сказали ранее, множество присутствующих уже готовых других компонентов делают взаимодействия такой неудовлетворительной отправной точкой. Возможно, рефлекс социологов, уводящий их от взаимодействий, побуждающий смотреть назад, вверх или вниз в поиске других мест активности, и направлен не туда, куда следует, но это все еще надежная интуиция. Если мы поняли первый шаг как просьбу о предоставлении привилегий «локальным взаимодействиям», то мы не много выиграли.

Упрямая приверженность призыву «локализируйте глобальное» не объясняет, что такое «локальное», особенно если действие, как мы уже многократно видели раньше, так явно «делокализовано». Наоборот, если обновление прежнего «глобального контекста» отбросит нас назад, в другой излюбленный локус социологии — в межличностные взаимодействия между единичными интенциональными и целеполагающими человеческими существами, — все будет потеряно. Если одностороннее движение от взаимодействий к контексту, как мы только что видели, никуда не ведет, то и у обратного движения к локальным местам нет основания быть направленным к более четкой цели. Так и не добравшись в итоге до конкретной почвы «со-

циального гипостазиса», мы просто будем переходить от одного артефакта к другому¹. Если глобальное лишено конкретного существования, — разве что когда его возвращают к его маленьким каналцам и на множество его сцен, — то и у локального его нет. Поэтому теперь мы должны задать тот же самый вопрос, что и раньше, но в перевернутом виде: *как производится само локальное?* На этот раз нам надо не локализовать глобальное — *само локальное должно быть переадресовано и перераспределено.*

Важность осуществления этой симметричной операции объясняется тем, что если делать два корректирующих шага поочередно, на первый план выйдет другой, совершенно иной феномен: наше внимание начнет концентрироваться на «соединителях», которые потом, и только потом, получают возможность свободно циркулировать, никогда не останавливаясь в месте, называемом «контекст» или «взаимодействие». Если же оба шага сделать одновременно, социальный мир начнет совершенно преображаться; он приобретет новые, более достоверные очертания — очертания, позволяющие путешествовать без внезапных остановок, очертания, которые могут оказаться полезными в дальнейшей работе собирания, объединения и построения.

Артикуляторы и локализаторы

Утверждение, что каждому локальному взаимодействию «придают форму» многочисленные уже имеющиеся элементы, ничего не говорит об источнике этих элементов. И все же теперь мы достоверно выяснили, откуда они *не* приходят: они не про-

¹ Удивительно видеть, что даже Гарфинкель поддерживает различие между формальным и неформальным: «В соответствии с тенденцией мировой социальной науки и состоянием ее библиографии, не существует порядка в конкретности вещей. Исследовательские программы социальной науки побеждены явно и безнадежно случайными, непреодолимыми деталями повседневной активности во всей ее полноте, изобилии и подлинности. Чтобы получить исцеление, социальные науки разработали политику и методы формального анализа. Они переопределили конкретные детали повседневных активностей как детали аналитических приемов и методов, регламентирующих применение этих приемов». И прибавляет, что этнометодология, «напротив, состоит из очевидности» (*Garfinkel H. Ethnomethodology's Program. P. 95*).

сачиваются из глобального контекста, общей рамки, глубинной структуры. Мы там были: там не на что смотреть, кроме тени политического тела, которую следует оставить на потом. Этот результат, хотя и совершенно негативный, прекрасно расчищает путь. Теперь мы свободны для поиска другой, более непрерывной тропы, идти по которой эмпирически легче, чтобы прийти по ней в те места, откуда появляются компоненты, вступающие во взаимодействие. И наверняка, если никакие этикетки, свидетельства о рождении или торговые марки не смогут нам помочь следовать за акторами, есть еще то, что, пользуясь языком промышленности, можно назвать хорошей *прослеживаемостью* промежутков между местами производства локальных взаимодействий. Но мы должны не забывать уроков первой части и извлекать пользу из всех источников неопределенности.

Извилистую тропу, по которой большинство компонентов действия добирается до конкретного взаимодействия, можно обнаружить по умножению, вовлечению, включению и свертыванию акторов-нечеловеков. Если аналитику не дать права проходить через множественные типы активности, то вся проблема локального и глобального становится неразрешимой. Но как только привлечены не-человеческие агенты, выявляется другой ряд связей, которые так же отличаются от раскрытых в предыдущем разделе, как вены — от нейронных проводящих путей². Мощная интуиция, говорящая, что большинство компонентов ситуации «уже изначально здесь», что мы просто «занимаем» предзаданную позицию «внутри» некоего предустановленного порядка, всегда обязана своим возникновением переносу какого-то места в другое место и другое время, осуществленной кем-то другим посредством незначительных или радикальных изменений способов мобилизации новых типов не-социальных агентностей. Действия других продолжают выполняться на некотором расстоянии, но благодаря подключению новых типов посредников. Парадоксально, но социальное становится видимым только когда у него есть возможность просачиваться через не-социальные действия.

² Хорошим примером того, насколько важно не принимать как данность относительный размер реалий, является эпизод с водной политикой Франции в: *Le Bourhis J. La publicisation des eaux. Rationalité et politique dans la gestion de l'eau en France (1964–2003)*.

Этот процесс делегирования, перемещения и перевода яснее всего виден по той роли, которую играют материальные объекты, — поскольку мы понимаем «материю» в изложенном выше расширенном смысле (см. р. 109). Говоря о «всеобъемлющей рамке», «опорах», «инфраструктуре», «фрейме», мы свободно пользуемся техническими терминами, заимствованными из архитектуры, металлургии и кинематографа. Почему не сказать буквально, что значит для одного взаимодействия *фреймировать*, *структурировать*, *локализовывать* другое? Пока мы пользуемся этими метафорами в приглушенной форме, мы не видим, что именно может соединять одно место с другим посредством шаблона. Мы можем и дальше верить, что уход с локальной сцены, возможно, и в самом деле означает прыжок в контекст, или в то, что участники с помощью своих социальных способностей сами придумывают на месте все компоненты локальных взаимодействий³. Но как только мы вводим в действие технические метафоры, становятся видны связи между местами, несмотря на то, что они состоят из самых разных типов материалов. Эта гетерогенность, однако, более не представляет для нас затруднения, поскольку мы уже знаем, как сделать соизмеримыми несоизмеримые материалы. Мы знаем, что у объектов есть странная способность быть совместимыми в определенные решающие моменты с социальными способностями, а затем стать совершенно чуждыми любому человеческому репертуару действия. Такое переключение затрудняет исследование, но не настолько, чтобы разорвалось заново прядущееся социальное, которым мы пользуемся как нитью Ариадны. Действительно, то, что обозначается термином «локальные взаимодействия», — это сборка всех *других* локальных взаимодействий, распределенных где-то в пространстве и во времени и перенесенных, чтобы оказывать влияние на сцену через сменяющих друг друга актеров-не-человеков. Именно такое перенесенное присутствие одних мест в другие я называю *артикуляторами* или *локализаторами*⁴.

³ Таково одно из решений, придуманных символическими интеракционистами, чтобы предоставить некоторое пространство маневра индивидуальному интенциональному агенту, не изменяя при этом общую рамочную структуру социальной теории.

⁴ Слово компьютерного языка «локализатор» может несколько дез-

Приведу достаточно тривиальный пример. Предположим, вы сидите на стуле в лекционном зале, а вокруг, амфитеатром, ровными рядами сидят и слушают вас студенты. Мне потребовалось всего лишь полдня работы в университетских архивах, чтобы выяснить, что пятнадцать лет назад за двести километров отсюда архитектор — я нашел ее имя и раскопал разработанные ею масштабные модели — начертила *спецификации* этого места вплоть до сантиметра. Она не предполагала, что именно вы будете сегодня читать лекцию, но в общих чертах предусмотрела один из аспектов *сценария* этой сцены: когда вы говорите, вас должно быть слышно; вы будете сидеть на возвышении; перед вами будут студенты, максимальное количество которых, пространственные параметры и т. д. необходимо учесть. Не удивительно, что, вступив на эту сцену пятнадцать лет спустя, вы чувствуете, что не вы это все устроили: большая часть того, что требуется вам для действия, *здесь уже есть*. Конечно, пространство действительно готовили для вас, — родового «вас», то есть для большей части вас.

Наверняка ни один аспект этой структуры — теперь я могу пользоваться этим термином без колебаний, поскольку в нем уже нет ничего скрытого или непостоянного, — не «определяет» ни того, что вы будете говорить, ни даже того, где вы будете сидеть. Вы вольны стоять, ходить взад-вперед по проходам или выступить в роли преподавателя-бунтаря мая 1968 года, организовав стулья в форме менее «авторитарного» круга, — и ничто не мешает студентам заснуть, как только вы откроете рот. Но из того, что материальные компоненты этой площадки не «детерминируют» действия, еще не следует, что они ничего не делают. Нам теперь известно гораздо больше онтологических состояний, чем две глупые крайности — бытие и ничто. На минуту остановитесь и оцените все, благодаря чему вашему взаимодействию со студентами не мешает уличный шум или толпы ждущих следующего занятия под дверью в коридоре. Если у вас есть сомнения в транспортирующей силе всех этих скромных посредников, образовавших эту *локальную* сцену, откройте две

ориентировать, поскольку именно явное увеличение числа стандартов и позволяет считать локальное просто вариацией более общей модели. Мы будем рассматривать проблему стандартизации в следующей главе.

ри и окна и посмотрите, сможете ли вы преподавать. Если все еще сомневаетесь, попробуйте почитать лекцию во время шоу, под детский плач и изрыгаемую усилителями техно-музыку. Результат неизбежен: если вас старательно не «фреймируют» другие силы, тихо перенесенные на сцену, ни вы, ни ваши студенты ни на минуту не сможете сосредоточиться на том, что делается «локально». Иными словами, что произошло бы, если бы *навсегда* установилась интерсубъективность ценой удаления одного за другим всех следов *интеробъективности*?

Во многих случаях довольно легко установить постоянные, открытые для наблюдения связи между мечтами и чертежами *кого-то другого*, в *другое* время, в *другом* месте и тем, чем занимаетесь вы и ваши студенты в данный момент, локально и лицом к лицу. Эта локальная сцена была создана в качестве места каким-то другим местом благодаря молчаливому теперь посредничеству чертежей, спецификаций, дерева, бетона, стали, лака и краски, благодаря труду множества рабочих и художников, покинувших сцену, но сделавших так, чтобы объекты могли выполнять свои действия в их отсутствие, благодаря участию выпускников, славные дела которых можно вознаградить бронзовой табличкой. Локальности *локализованы*. Места размещены⁵. И чтобы все так и оставалось, несметное число людей за дверями должны поддерживать условия для того, чтобы вы могли спокойно находиться «внутри» со своими студентами. Вовсе не будучи чем-то изначально автохтонным, «гораздо более конкретным», чем абстрактные контексты, взаимодействия лицом-к-лицу должны, наоборот, рассматриваться как результирующая точка огромного числа кишачих вокруг них сил.

Хотя нет «скрытой лежащей в основе структуры», нельзя сказать, что не существует *структурирующих шаблонов*, циркулирующих по каналам, легче всего материализуемых посредством техник — техник письма и вообще интеллектуальных технологий, таких же важных, как шестеренки, рычаги и химические связи. К интерсубъективному отношению между вами и вашими студентами необходимо добавить интеробъективность, которая настолько переместила действия, что в данном

⁵ Koolhaas R., Mau B. Small, Medium, Large, Extra-Large.

месте кто-то другой из другого места и другого времени продолжает действовать через не прямые, но вполне прослеживаемые связи⁶. Это не значит, что то далекое место — часть некоего таинственного контекста. Просто благодаря интеробъектности между двумя местами — студией архитектора и вашей сегодняшней аудиторией — открываются каналы, по которым начинают циркулировать множество сущностей. Более того: после первого корректирующего движения на переднем плане оказываются скорее средства передвижения, перемещения, сдвиги и переводы между местами, а не сами места. Места не образуют раз и навсегда данной отправной точки, так как каждое из них фреймировано и локализовано другими местами, в том числе, конечно, и студией архитектора, выбранной мною в качестве условного начала для примера. Теперь мы понимаем, почему нужно было начинать, по известному выражению Горация, в гуще вещей, *in medias res*. Циркуляция — первое, ландшафт, «в котором» циркулируют шаблоны и агенты всех сортов и мастей, — второе. Эта, возможно, самая ранняя интуиция социальных наук заставила нас утверждать, что социальное — объективный, трансцендентный, вездесущий феномен *sui generis*. Как это обычно бывает, интуиция была права, но этот феномен трудно было зарегистрировать, пока мы путали циркуляцию социального с возникновением общества, а его само — с политическим телом.

То, что масштаб зависит не от абсолютного размера, а от числа и качеств отправителей и артикуляторов, я узнал много лет назад, когда мне довелось наблюдать за Ширли Штрум и ее бабуинами. Когда я ее встретил на самой первой «бабуиновой конференции», проводившейся в роскошном замке близ Нью-Йорка, это была молодая исследовательница, сумевшая приучить диких обезьян к своему близкому и регулярному присутствию. Прежние наблюдатели, смотревшие на бабуинов с безопасного расстояния из окна джипа обнаружили много интересного, но поместили поединки самцов «внутри» отсутствующих структур, применяя к бабуинам залежавшийся арсенал социологии человеческого общества. Считалось, например,

⁶ При условии, что существует хорошо сохранившийся архив. Археологам приходится мучиться гораздо дольше, чтобы реконструировать связи.

что в животных сообществах господствует жесткая структура доминирования, «в которую» включены самцы. На конференции Штрум пыталась показать, что «структура» доминирования — это не что-то такое, что стремятся обрести самцы бабуинов, а *проблема*, которую ставят все животные, испытывая друг друга в ходе тщательно организованных поединков⁷. Иными словами, и Штрум, и перемещающиеся стаями молодые самцы решали одну и ту же базовую проблему: как производятся социально-структурирующие эффекты⁸. И она, и они постепенно, с помощью ряда испытаний, обнаружили, что это самки, а не самцы, плетут в повседневных взаимодействиях достаточно прочную систему доминирования, остающуюся невидимой для наблюдателей (в основном мужчин), далеких от того, чтобы замечать такие тонкости. Так что в действительности в этом красивом кенийском ландшафте я следовал за гарфинкелевским типом приматолога, в то время как она пыталась понять бабуинов, которых мягко отстранила от их вечной роли «культурных простофиль», и они смогли дорасти до новых рефлексивных действий компетентных членов сообщества. Одним словом, бабуины были умны, социально умны⁹.

Если и была ошибка, в которую не следовало бы впасть социальной теории, так это ошибка полагать, что бабуины находят свою роль в уже предсуществующей структуре. Но такой же ошибкой было бы считать, что они просто взаимодействуют друг с другом. Эти мохнатые маленькие зверьки были заняты таким же социальным трудом, что и наблюдавшие их люди, и жили в таком же сложном мире. И все же была огромная разница — в *оснащенности*. Одну и ту же главную задачу испытания, поддержания и воспроизводства всех компонентов со-

⁷ *Strum S. Agonistic Dominance among Baboons an Alternative View; и см.: Insert. P. 69.*

⁸ Этот драматический эпизод приводится в: *Strum S. Almost Human: A Journey Into the World of Baboons.*

⁹ После ее первой работы это стало своего рода стандартом для множества других животных. См.: *Byrne R., Whiten A. Machiavellian Intelligence: Social Expertise and the Evolution of Intellects in Monkeys, Apes and Humans; Strum S., Fedigan L. (eds). Primate Encounters; Despret V. Naissance d'une théorie éthologique; Despret V. Quand le loup habitera avec l'agneau.*

циальной жизни обезьяны решали с помощью одного только «социального инструментария», тогда как человеческий наблюдатель был дополнительно к этому оснащен материалами и интеллектуальными технологиями. Приматам приходилось распознавать значение взаимодействий с помощью единственного инструмента — самих взаимодействий: им приходилось решать, кто друг, а кто враг, кто кого вытесняет, кто кому подчиняется, кто готов вступить в коалицию, используя основной ресурс — поединки и ухаживание, ухаживание и поединки. Если они что-то и запоминали, то их воспоминания должны были быть «вписаны» в их собственные тела их собственными телами. Это приматолог опирался на записанные имена, статистические таблицы, записные книжки, документацию, образцы крови, отпечатки пальцев и все виды визуальных средств. И люди, и животные преследовали одну и ту же цель — поддержание социального порядка, но с совершенно разными ресурсами. И тогда встал мучительный вопрос: «В чем различие между обезьянами и людьми, если больше нет пропасти, разделяющей природу и культуру, инстинкт и рефлексию, «культурных простофиль» и компетентных интенциональных агентов? В описании Штрум бабуины опасно сближались с человеком, и все же я не был готов, несмотря на название ее книги, считать себя «почти» бабуином. Вернее, теперь все определялось тем, что понимать под этим маленьким «почти».

На первый взгляд можно решить, что очевидное различие — в технологии. Бабуины не совсем лишены инструментов стабилизации. Но дело в том, что, хотя самцы показывают огромные клыки, а самки выставляют напоказ свои непреодолимо привлекательные (для самцов) пышные задницы, бабуинам все же приходится утверждать свою силу с помощью *еще больших* социальных способностей. У шимпанзе есть кое-какие орудия, но у бабуинов — только «социальный инструментарий», а именно собственные тела, постепенно преобразуемые годами постоянного обольщения, ухаживания друг за другом и жизни в сообществе. В каком-то смысле стая бабуинов и в самом деле может служить идеальным естественным экспериментом для выяснения того, что происходит, когда социальные отношения сводятся только к социальным способностям. В данном случае у участников нет никакой доступной им технологии, чтобы «строить» «суперструктуру» своего «общества». Поскольку

эти архитектурные термины для них, как и для наблюдателя, совершенно метафоричны, бабуинам приходится тратить бездну времени на восстановление шаткого «строения» общества, постоянное закрепление его неустойчивых иерархий, непрерывную смену вожаков и ведомых в кормодобывающих набегах. Они не могут ни перестать это делать, ни воздействовать друг на друга на расстоянии. Если они это делают, то с помощью в высшей степени *комплексного* посредничества еще более тонких интересубъективных коалиций. Способ, которым бабуинам приходится каждое утро восстанавливать свой сколопортящийся социальный порядок, остается видимым из-за немногочисленности доступных им инструментов. Если бабуины скрепляют социальное с помощью более комплексных социальных взаимодействий, то мы используем для этого менее социальные и в каком-то смысле чуть менее *комплексные* взаимодействия, хотя они и могут быть более *сложными*, то есть состоящими из большего числа *складок*¹⁰.

Но можно воспользоваться этим прекрасным примером нечеловеков-приматов и по-другому, как своего рода теоретической отправной точкой. Один из выводов, которые мы могли бы сделать, состоит в том, что взаимодействия лицом-к-лицу — ненадежная отправная точка для исследования социальных связей и у людей, и у обезьян, поскольку в обоих случаях происходят постоянные *наложения* действия других сил. В обоих случаях действие смещается, расщепляется, перенаправляется и перераспределяется, не говоря уже о том, что его поддерживают взгроможденные друг на друга слои опосредований. Бабуины тоже пользуются своего рода «интеллектуальной технологией»: домашней иерархией, живой историей каждого взаимодействия, траекториями дружб и коалиций, прирожденными различиями размеров, пола, анатомического строения и т. д. Это постоянное наложение действий других и делает жизнь в групповой среде бабуинов столь селективной, такой подавляющей и такой напряженной, — жизнь, состоящая из ресурсов и хищников. Неумный в социальном отношении бабуин отбраковывается так же быстро, как если бы он не на-

¹⁰ О различии между сложным и комплексным см.: Strum S., Latour B. The Meanings of Social: from Baboons to Humans. Определение социального орудия см. в: Kummer H. In Quest of the Sacred Baboon.

ходил пищи или не мог спариваться. Люди живут в такой же напряженной, селективной и подавляющей среде, но состоящей из гораздо большего числа посредников, отправителей и «делокализаторов», делающих локальные взаимодействия гораздо менее локальными¹¹. Если контекст не мог быть отправной точкой, то не могут ею быть и взаимодействия лицом-к-лицу. Тут различие уже не между «простыми» бабуинами и в высшей степени «сложными» людьми, а между *комплексными* бабуинами, складывающими себя во множество сущностей — ландшафт, хищников, группы, — и *сложными* людьми, складывающими себя в гораздо большее число сущностей, и большое преимущество некоторых из них в том, что они остаются на месте, тем самым упрощая, по крайней мере, локально, задачу установления порядка. У людей более видимы, чем у обезьян, наложение, перенаправление, делегирование и соединение, могущие стать для нас — вместо локальных взаимодействий лицом-к-лицу — отличной отправной точкой.

НЕНАДЕЖНОЕ МЕСТО ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ЛИЦОМ-К-ЛИЦУ

Из-за сильного ощущения, что взаимодействия «более конкретны», читателю, возможно, легче расстаться с глобальным, чем с локальным. Как мы видели, рассматривая второй источник неопределенности, одному и тому же актанту могут придаваться разные фигурации (см. с. 57). Хотя мы можем наделять индивидуальные характеры большей достоверностью — в силу привычки читать рассказы, — для того чтобы создать характер, нужна такая же семиотическая работа, если можно так выразиться, что и для создания концепта или корпорации. Поэтому, хотя мы вынуждены постоянно подстраиваться к небольшим различиям в фигурации, нет оснований забывать, что наша релятивистская система координат должна быть безразличной к масштабу. Но остается верным и то, что вера в бесспорное

¹¹ Такое понимание технологии как второй природы развивается в: *Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech; Mumford L. The Myth of the Machine: Technics and Human Development (Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. — Примеч. ред.); Hughes T. Human-Built World: How to Think about Technology and Culture.*

существование индивидов чрезвычайно укоренена, по крайней мере, у нас на Западе, и люди твердо убеждены, что хотя абстракции вроде структуры, контекста или общества и следует критиковать, это трогать нельзя¹². Таким образом, возможно, разумнее делать больше коррекционных упражнений по перераспределению локального, чем по локализации глобального. Поэтому я должен составить список того, что, вопреки многочисленным ожиданиям, вероятно, не смогут дать взаимодействия лицом-к-лицу. Здесь снова уроки АСТ будут только негативными: развернуть социальное, чтобы его можно было пересобрать, невозможно без расчистки пути.

Во-первых, нет таких взаимодействий, которые можно было бы назвать *изотопическими*. То, что действует в данный момент в данном месте, приходит из множества других мест посредством идущих издалека материалов, и привносится множеством отдаленных акторов. Если бы мы захотели нанести на обычную географическую карту связи, установленные нами между лекционной аудиторией и всеми местами, действующими в ней одновременно, нам пришлось бы изобразить целый куст стрелок, чтобы включить сюда, например, лес, из которого сделана кафедра, деканат, ответственный за планирование занятий, секретарскую, где печатали расписание, чтобы по нему можно было найти аудиторию, служителя, следящего за помещением, и так далее и тому подобное¹³. И это было бы не на-

¹² Недостоверность индивидуального было бы, конечно, гораздо легче установить, например, в Индии. См.: *Dumont L. Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications* (Дюмон Л. Homo Hierarchicus: опыт описания системы каст. М.: Евразия, 2001. — Примеч. ред.). Индивидуальное наиболее укоренено в мифологии рационального выбора, поскольку она также включает в себя стабилизированную психологию и стабилизированную когнитивистику.

¹³ Здесь я привожу простой пример из педагогической практики, но см. Раздел 3 в: *Latour B., Hermant E. Paris the Invisible City*. Это в точности тот тип карты, к которому относятся и начерченная Крононом карта Чикаго (см. его блестящее исследование: *Cronon W. Nature's Metropolis. Chicago and the Great West*) и карта, развернутая Хатчинсом в его исследовании корабельной навигации. См. также то, что удалось сделать Ло применительно к авиации в: *Law J. Aircraft Stories*. Познание действительно является настолько распределенным, что сама идея делающего рациональные расчеты индивида спорна.

прасное упражнение: каждая из этих отдаленных инстанций с необходимостью предвосхитила и предзадала эту аудиторию, транспортировав через множество различных посредников массу шаблонов, сделавших ее пригодным местом и продолжающих поддерживать ее пригодность.

Во-вторых, ни одно взаимодействие не является синхронным. Стол может быть изготовлен из дерева, посаженного в 1950-е годы, а срубленного два года назад; ткань, из которой сшито платье преподавательницы, соткана пять лет назад, хотя скорость возбуждения нейронов в ее голове измеряется миллисекундами, а зона мозга, ответственная за речь, существует добрые сотни тысяч лет (но может, и меньше: об этом идут горячие дискуссии среди палеонтологов). Из используемых ею слов некоторые вошли в английский из других языков четыреста лет назад, хотя правило грамматики, возможно, старше; метафоре, которую она использует, всего шесть лет, а эта риторическая фигура из Цицерона; клавиатура компьютера, на которой она печатала текст лекции, последний продукт компании Apple, но тяжелые металлы, обеспечившие возможность координации изменений в его работе, будут существовать, пока существует Вселенная. Время всегда образует складки¹⁴. Так что идея синхронного взаимодействия, где у всех компонентов один и тот же возраст и одинаковая скорость, бессмысленна — даже для бабуинов. Действие всегда осуществляется благодаря тому, что бремя связи переключается на долго- или короткоживущие сущности.

В третьих, взаимодействия не *синоптичны*. В любой момент можно одновременно видеть очень немного участников определенного действия. Преподавательница может быть уверена, что центр сцены — она, но это не значит, что наряду с ней не действует множество других агентов, — это лишь значит, что нет способа их суммировать. Деревянная кафедра не была частью лекции, пока преподавательница не указала на нее как на пример дизайна, но все же и она что-то делает. Кафедра — один из компонентов, помогающих придавать взаимодействию форму, позволяющих заключить его в рамку. То же относится и к листку бумаги с объявлением о лекции, где указано ее ме-

¹⁴ См.: Serres M. Conversations on Science, Culture and Time with Bruno Latour.

сто и время, хотя лектор его и не замечает. Но если мы захотим расставить и сосчитать все компоненты этой сцены, мы не сможем этого сделать: не существует способа выявить их все сразу, — или потому что их слишком много, или из-за того, что они — часть сложных механизмов, которые и должны оставаться невидимыми, раз играют роль действующих проводников. Сколько разных сущностей в этом микрофоне? В этом теле? В этом учебном заведении? Вы никогда не получите одно и то же число, сколько бы раз ни считали: всякий раз одни какие-то агенты будут становиться видимыми, а какие-то другие — оставаться скрытыми.

В-четвертых, взаимодействия не *гомогенны*. Выше мы уже поняли, что переключатели, передающие действие, на всем протяжении не имеют одного и того же материального качества. Сколько последовательных переходов нам пришлось бы совершить, захоти мы перейти из кабинета архитектора — пятнадцатилетней давности — в лекционную аудиторию? Вот на экран проецируются слайды: сколько требуется разных последовательно сменяющихся компонентов, когда записи, сделанные на клавиатуре, сначала оцифровываются, затем преобразуются в аналоговый сигнал, пока не трансформируются снова в своего рода медленную волну в мозгу полуспящих студентов? В каждом конкретном взаимодействии потрясает вовсе не то, что социологи, которых своеобразный тропизм влечет к «локальным местам», находят таким замечательным в достигнутых, наконец, взаимодействиях лицом-к-лицу, а толпа не-человеческих, не-субъективных, не-локальных участников, собравшихся, чтобы помочь совершить действие и передать его по каналам, которые непохожи на социальную связь, хотя и связаны друг с другом.

В-пятых, взаимодействия не *изобаричны*, если мне позволят воспользоваться в качестве метафоры названием линий, указывающих места с одинаковым давлением, которые мы встречаем на картах погоды, когда ищем зоны низкого давления или антициклоны. Некоторые участники давят очень сильно, требуя, чтобы их слышали и принимали в расчет, в то время как другие — это всего лишь рутинные обычаи, таинственным образом погруженные в телесные привычки. Иные упрятаны в качестве черного ящика в компьютерное железо, ведомое только инженерам из далекой Азии, и смутно — «технарям» из брига-

ды по обслуживанию компьютеров где-то в кампусе. Особенное значение имеет разница давлений, оказываемых посредниками и проводниками: последние, как нам известно, добавляют ситуации предсказуемости, тогда как первые могут вдруг создать в ней бифуркации с самыми неожиданными вариантами дальнейшего. В любой момент лекции что-то может выйти из строя, — микрофон, громкоговоритель, даже преподавательница. Если хоть один проводник превратится в посредника, вся ситуация, какой бы важной и контролируемой она ни была, может стать непредсказуемой.

Не удивительно, что у социологов создается сильное впечатление, что взаимодействия растекаются во все стороны. Так оно и есть! Это не значит, что их крепко удерживает на месте какой-то прочный всеохватывающий контекст, держа хваткой какой-то скрытой структурирующей силы. Это значит, что в них одновременно занят обескураживающе широкий набор участников, которые смещают во все стороны свои границы, перераспределяя их и не давая возможности возникнуть где-нибудь тому, что можно было бы назвать «локальным». Относительность в социальных науках была бы простым делом, если бы нам необходимо было просто локализовать глобальное; она становится важной только тогда, когда исчезает твердая почва локального. В большинстве ситуаций действия будут с самого начала интерферировать благодаря гетерогенным сущностям, не обладающим тем же локальным присутствием, приходящим из другого времени, видимым не сразу и оказывающим разное давление. Нельзя сказать, что слово «взаимодействие» выбрано неудачно, просто количество и тип «действий» и размах их «взаимных» отношений очень сильно недооценивают. Растяните любое конкретное взаимодействие, и оно с большой вероятностью превратится в актор-сеть.

Конечно, если мы не впадем опять в пустые разговоры и не откажемся от трудной задачи отслеживать все наложения. В этом случае совершенно правомерно говорить о «структуре» и взаимодействиях лицом-к-лицу. Но это будет значить, что мы имеем дело с более рутинными ситуациями и пользуемся дорелятивистской системой координат. В такой сокращенной манере речи «структура» — это просто актор-сеть, о котором у нас мало информации или участники которого так смиренны, что не требуется никакой новой информации. Взаимодействие —

это место, так хорошо обрамленное локализаторами, ведущими себя как проводники, что его без особого беспокойства можно рассматривать как «происходящее локально».

Просматривая список того, что, возможно, не дадут взаимодействия лицом-к-лицу, вы все еще подозреваете попытку укоренить социологию в интерсубъективных взаимодействиях, расчетах индивидов или интенциональности¹⁵. Напротив, ясно, что понятие локального взаимодействия так же малореалистично, как и понятие глобальной структуры. Такой результат ретроспективно делает еще более сомнительными предпринимавшиеся на протяжении всей истории социальных наук попытки достигнуть компромисса между так называемыми глобальным контекстом и взаимодействием, договориться о возможно еще более утонченном «срединном пути» между «актером» и «системой». В этих проектах сегодня столько же смысла, сколько его в проектах компиляторов эпохи Возрождения, добросовестно пытавшихся согласовать даты греческой мифологии с датами Библии. Точка соприкосновения между двумя мифологиями — тоже мифология.

Но если мы идем по следам, оставленным не-человеческими актерами, то понимаем, откуда возникает верное впечатление «фреймированности». Всякое место локализуется целым потоком локализаторов, распределителей, девиаторов, артикуляторов, — любое слово на выбор. Роль интеробъективности в том, чтобы ввести в локальные взаимодействия фундаментальное перемещение. Какой был бы смысл в *относительном* масштабе без интеробъективности? Как бы мы узнали, что мы — маленькие участники «более широкой» схемы вещей, если бы не ходили, к примеру, по глубоким и темным каньонам, вырезанных в массиве небоскребов? *Ощущение себя маленьким* определяется тем, сколько других людей, распределенных в пространстве и времени, готовили место для анонимного визитера, гуляющего сейчас, скажем, по улицам Нью-Йорк Сити. Размер в самом деле относителен — он зависит от того, насколько тща-

¹⁵ Вот почему, прежде всего по методологической причине, методологический индивидуализм выглядит очень неудачным выбором точки отсчета, несмотря на попытку, предпринятую Раймоном Будоном в: *Boudon R. The logic of social action: an introduction to sociological analysis.*

тельно он *был* спланирован и насколько тщательно его *продолжают* поддерживать. Но это не значит, что мы на самом деле маленькие участники, «заключенные внутрь» рамки. Как долго нам надо напоминать этот трудный урок? Самое печальное экспериментальное доказательство было дано недавно, когда группа фанатиков, вооруженных всего лишь ножами для разрезания бумаги, уничтожили то, что так заботливо возводило множество других людей, разрушив здания так, что хотя здесь еще витает темный призрак смерти, длинная гнетущая тень, которую Башни-Близнецы отбрасывали на узкие улицы, исчезла из пространства за несколько часов. Разве после такого события мы не должны быть чрезвычайно чувствительны к хрупкости масштаба?

Построение относительного масштаба имеет совершенно разный смысл, когда мы понимаем его как вольную метафору для «выражения», «воспроизводства» и «отражения» всегда присутствующей «социальной структуры» или же когда есть только один способ построить что-то большее — архитектура и технологии в буквальном смысле этого слова. В традиционной версии социальной теории общество сильно, и ничто не может его разрушить, потому что оно реальность *sui generis*; во второй версии оно такое слабое, что его надо строить, чинить, укреплять и главное — *заботиться о нем*. Две этих карты социального, начерченные разными социальными маркерами, помимо того что продуцируют совершенно разные объяснения, ведут к двум совершенно разным эстетикам, этикам и политикам.

ПЛАГИНЫ

Никакое место не доминирует настолько, чтобы быть глобальным, и никакое место не настолько самодостаточно, чтобы быть локальным. Пока мы пытаемся использовать либо локальное взаимодействие, либо структуру, либо какой-то компромисс между тем и другим, у нас нет шанса проследить социальные связи, и чем талантливее компромисс, тем хуже, поскольку мы просто продлеваем аренду двух несуществующих мест. Я же, напротив, пытаюсь здесь быть по возможности тупым и увеличивать число зажимов, чтобы гарантировать нашу сопротивляемость искушению разделять на две емкости — глобальное и локальное — то, что делают акторы, резко прерывая тем са-

мым разворачивание множества их хрупких и порой причудливых маршрутов. Закрепив по местам достаточно зажимов, мы тем самым начинаем чертить другой ландшафт, разрезающий старые пути от локального к глобальному и обратно, ландшафт, идущий, так сказать, поперек их всех, как если бы мы посредством странной картографической операции медленно превращали одну гидрологическую карту движения льдов в другую или же заставляли реку, текущую на запад, развернуться и течь с севера на юг.

В этой смене топографии потрясает то, что и бывшее глобальное, и бывшее локальное приобретают теперь одинаковую звездообразную форму — конечно, не «вовне», а в нашей координатной проекции. Образовавшие контекст места выглядят теперь как пересечения множества следов движения документов, ходящих туда и обратно. Но и места, образовавшие локальное, тоже выглядят как множественные перекрестки, к которым и от которых идет циркуляция шаблонов и форматов. Если мы примем две эти «сетевые» формы всерьез, прежний ландшафт станет абсолютно плоским, поскольку эти два типа звездообразных форм невозможно поставить один на другой внутри трехмерной структуры. Теперь они расположены рядом, каждый шаг позволяет аналитику следовать по их краям без всяких прыжков и разрывов, — совсем как в двумерном пространстве *Флатландии*, придуманной Эдвином Эбботом. Сначала — движения и перемещения, затем — места и формы. В итоге локализация глобального и перераспределение локального оказываются не такими трудными, как казалось раньше. Пять минут аккомодации взгляда и следов становится так много, что не заметить их мог бы только слепой. Места отличаются уже не формой и размером, а направлением движений и *природой*, как мы увидим, того, что транспортируется: информация, следы, товары, планы, форматы, шаблоны, связи и т. д. Локальное и глобальное теперь — мифические места, которые трудно разместить на карте. Где же могли находиться эти колдовские утопии?

Важно научиться ориентироваться в этом плоском пространстве, потому что хорошо сосредоточившись на том, что циркулирует, мы сможем заметить множество других существ, перемещения которых ранее были едва видны. Никто и не предполагал, что они могут циркулировать. Теперь мож-

но обратить внимание и на гораздо более мелкие феномены, которые раньше приходилось хранить, ввиду их явной малости, во внутреннем святилище субъекта. Как плоский сухой и пыльный ландшафт сохраняет следы всех прошедших по нему животных, так и мы сможем найти движущиеся сущности, не оставляющие никакого следа в густом подлеске социологии социального.

Особенно важно то, что позволяет актерам *интерпретировать* ситуацию, в которой они локализованы. Неважно, сколько рамок прошло через локализаторы, чтобы придать форму ситуации, неважно, сколько документов перетекает из этой ситуации в олигоптикум и обратно, — все же между *родовыми* актерами, предопределяемыми этими движениями, и действием, совершаемым полностью включенными *индивидуализированными* участниками, остается огромная дистанция. У всех есть общий опыт поиска смысла даже в самом тщательно написанном руководстве для пользователя. Не имеет значения, на сколько *родовых* персон рассчитана схема сборки, но вы определенно начнете ворчать, проведя несколько часов над своей новенькой цифровой камерой, и почувствуете, что вы к этим персонам не относитесь. Оценивая расстояние между инструкциями, адресованными никому конкретно, и вами, вы болезненно осознаете то, что Дон Норман назвал «зазором исполнения»¹⁶. Было бы глупо игнорировать то, что создает впечатление такой конкретности и включенности в масштаб «реальной жизни» взаимодействий лицом-к-лицу, вызывая ощущение, что действие выполняют именно индивиды.

Это ощущение, конечно, сразу же исчезает, когда социологи социального заменяют эту здоровую интуицию скрытым действием какой-то невидимой структуры, — и уже *никто конкретный* не совершает никакого действия! Оно теряется и тогда, когда интеракционисты восстанавливают целеполагающего и персонализированного актора, но не устраниают при этом рамки, «в которой», как предполагается, члены общества разворачивают свои умственные способности. *Человеческий агент* придает смысл миру объектов, которые сами лишены всякого смысла. Тут мы снова оказываемся в отправной точке, вынуж-

¹⁶ См.: Norman D.A. The Psychology of Everyday Things and Garfinkel, Ethnomethodology's Program. Ch. 6.

денные выбирать между значением без объекта и объективностью без значения. Но способность понимать суть будет также быстро потеряна и в случае, если акторы будут просто локализованы действием других мест благодаря посредничеству каких-то материальных или интеллектуальных техник, но сами не будут в состоянии интерпретировать и понимать предложения, сделанные ситуацией¹⁷. Поэтому мы должны стать чувствительными к менее заметным следам и оставляющим их сущностям, чем те, с которыми до сих пор имели дело.

Вернемся к бесхитроственному примеру с лекционной аудиторией, приведенному выше. Как бы хорошо она ни была спроектирована, для того чтобы преподаватели и профессора знали, что в ней делать, им необходимо проделать огромную работу. Без принесенного с собой оснащения человеческие акторы, даже в обрамлении самой удачной конструкции, были бы неспособны понять, что именно им дано; они не были бы связаны со значением места, как кошка, бегающая по Акрополю.

Надо добавить что-то еще. Но что и как? Мы уже знаем, чего не хотим делать, раз все время настойчиво «выравниваем» ландшафт. Мы не хотим прыгать, обращаясь к другому «уровню» или другому «типу» ресурса. И все же это была бы самая безопасная, самая легкая и самая разумная стратегия. Однако, как уже понял с огорчением читатель, разумность — не то, за что я борюсь! Я провожу здесь мысленный эксперимент, который окупится, только если провести его до конца: как долго можно сохранять эту позицию — никогда не пользоваться репертуаром «локальное-глобальное» или «актор-система»? Можно ли сопротивляться искушению? Еще раз: я не пытаюсь описывать этот ландшафт в сущностном или позитивном ключе, а просто ищу способ сопротивляться искушению сделать в его описании разрыв.

Чтобы восполнить «зазор исполнения», обычно принимаю решение передвинуть рычаги и резко вбросить «субъективность», «интенциональность» и «внутренний мир» или, по крайней мере, начинают апеллировать к какому-то «интеллектуальному оснащению». Если социального, структуриро-

¹⁷ Это изменение, которое Болтански и Тевено ввели в теорию полей Бурдьё: акторы вполне способны обосновывать свое поведение, а не только скрывать свои реальные мотивации. См.: *Boltanski L. Distant Suffering: Morality, Media and Politics.*

ванного «снаружи», недостаточно для выполнения действия, то недостающие ресурсы должны прийти «изнутри» или от локально собранной группы человеческих акторов. И тут позитивизм уступает дорогу герменевтике, социологи передают жезл психологам и специалистам по когнитивистике, а социологи-структуралисты переходят к интерпретативной социологии. Но если позволить себе такой методологический прыжок, непрерывная тропа, проложить которую я пытался с самого начала, внезапно прервется; плоская карта опять будет изрезана, снова будет реактивирована сцена индивидуального субъективного актора, «дрейфующего» «внутри» большей системы; две мифические страны — глобальное и локальное — заново возникнут на карте; опять появится замок Мерлина. Поэтому, сохраняя нашу близорукую приверженность АСТ, мы должны нащупать в темноте еще один зажим.

Разумеется, вопрос, который мы должны задать, будет таким: где средства передвижения, переносящие индивидуальность, субъективность, личностность и внутренний мир? Если мы в состоянии показать, что прославленные места — глобальное и локальное — состоят из циркулирующих сущностей, то почему бы не постулировать, что субъективности, обоснования, бессознательное и личности тоже *циркулируют*?¹⁸ И наверное, как только мы поставим этот странный, но неизбежный вопрос, появятся новые типы зажимов, способные облегчить наш поиск. Их можно было бы назвать *субъективизаторами*, *персонализаторами* или *индивидуализаторами*, но я предпочитаю более нейтральный термин «плагины» (plug-ins), заимствовав эту прекрасную метафору из нашей новой жизни в веб-мире. Когда вы попадаете в какое-то место киберпространства, часто бывает так, что на экране ничего не видно. Но потом дружелюбное предупреждение сообщает, что «возможно, у вас не хватает нужных плагинов» и вы должны «загрузить» определенное программное обеспечение, которое, если его инсталлировать в вашу систему, даст вам возможность *активировать* то, чего вы не виде-

¹⁸ Mol A. The Body Multiple; Cussins C. Ontological Choreography; и Winance M. Thèse et prothèse. Le processus d'habilitation comme fabrication de la personne: l'association française contre les myopathies, face au handicap; показали, каждый по-своему, какое оснащение необходимо, чтобы стать субъектом, и до какой степени оно хрупко.

ли до этого¹⁹. Выразительность метафоры плагина связана с тем, что компетентность приходит не оптом, а буквально битами и байтами. Не надо представлять себе человека «целиком», наделенным интенциональностью, делающим рациональные расчеты, чувствующим ответственность за свои грехи или сокрушающимся о своей смертной душе. Вы понимаете, чтобы получить «завершенных» человеческих акторов, вы должны *собрать* их из множества последовательных *слоев*, каждый из которых эмпирически отличается от следующего. Способность быть вполне компетентным актором теперь приносят дискретные *пеллеты*, или — если заимствовать термины из киберпространства, — *патчи* и *апплеты*, точный источник которых можно «погуглить» до того, как они будут один за другим загружены и сохранены²⁰.

Как мы неоднократно видели на протяжении этой книги, информационные технологии позволяют отслеживать ассоциации способом, который раньше был невозможен. Не потому, что они ниспровергают старое конкретное «гуманное» общество, превращая нас в формализованных киборгов или «постгуманоидных» призраков, а по совершенно противоположной причине: они делают *видимым* то, что раньше присутствовало лишь виртуально. В прежние времена компетентность была чем-то таинственным и ее было трудно проследить; по этой причине вам приходилось, так сказать, заказывать ее оптом. Когда же стало возможным оценивать компетентность в бодах и байтах через модемы и маршрутизаторы, когда появилась возможность счищать ее слой за слоем, она становится открытой для полевых исследований. Каждый пеллет оставляет за собой след, который теперь имеет источник, лейбл, средство передвижения, канал циркулирования, иногда даже ценник²¹. Хотя информационная

¹⁹ Я считаю, что читатели гораздо меньше сокрушались по поводу моих писаний, если бы могли загрузить ANT версию 6.5, а не придерживаться бета-версии.

²⁰ Такая множественность плагинов ясно видна из перечня режимов действия Тевено. См.: *Thévenot L. Which road to follow?*

²¹ Массовая оцифровка многих типов документов может стать запоздалым доказательством правоты Тарда. Бедная статистика, имевшаяся к концу XIX века, не могла обеспечить обоснованность его требования точной «эпидемиологии». Интересно, что именно теперь открывается возможность тардианской количественной социологии. Теперь мы

технология, поставленная на пьедестал как человеческое существо, рассматривалась с точки зрения «все или ничего», теперь она явно превращается во временный продукт целого ансамбля плагинов, которые приходят из совершенно разных мест. Если быть реалистами, то целое — не бесспорная отправная точка, а временный продукт сложной сборки²².

Подобно тому как разделение труда, порожденное промышленностью и бюрократией, помогало Дюркгейму и Веберу очертить собственное определение социальных связей, информационные технологии помогают нам понять идущую работу по изготовлению акторов. Теперь гораздо легче не рассматривать актора как наделенного некой изначальной «интериорностью» субъекта, взор которого направлен на состоящий из грубых вещей объективный мир, которому он должен противостоять или быть способным сварганить из него какое-нибудь символическое варево. Мы должны иметь возможность вести эмпирические наблюдения за тем, как анонимное родовое тело делается личностью: чем сильнее поток предложений (*offers*) субъективности, тем больше внутреннего мира вы получаете.²³

обладаем квазиколичественным инструментарием, одинаково позволяющим исследовать слухи, мнения, факты и фантазии. См.: *Rogers R. Information Politic on the Web. Об исследовании нового quantum см.: Callon M. Les méthodes d'analyse des grands nombres.*

²² Никто не показал это с большей ясностью, чем Донна Харауэй, см.: *Haraway D. How like a Leaf: an Interview with Thyrsa Goodeve.* Но, вероятно, именно в квір-теории может быть наилучшим образом применимо понятие множественных слоев и искусственной конструкции. Вместо постгуманистической идеологии и массы критической социологии она предлагает богатую стройплощадку с множеством элементов, которые можно выделить и заставить циркулировать. Другой подход см. в: *Hirschauer S. Performing Sexes and Genders in Medical Practice.*

²³ Прекрасную аллгорию этой многослойной структуры предоставляет компьютерная разработка образа. Например, на встречах *Siggraph* в Лос-Анджелесе ему посвящены целые сессии. Утро там посвящено сиянию нейлона, полдень — преломлению света в красных волосах, вечер — «реалистичному изображению порывов ветра», и так далее. Как обычно, «виртуальная» реальность — материализация того, в чем нуждается «естественная» реальность. (*Siggraph — Special Interest Group on Graphics and Interactive Techniques* (Специальная группа по графическим и интерактивным методам (англ.)) — ежегод-

Субъекты не более автохтонны, чем взаимодействия лицом-к-лицу. Они тоже зависят от потоков сущностей, позволяющих им существовать. Наконец-то теперь быть «актером» — это полностью искусственная и полностью прослеживаемая сборка: то, что раньше было верно только применительно к Левиафану, теперь верно и для каждого из его «компонентов». Позже этот результат пригодится нам для нашего определения политики.

Некоторые плагины выявить очень легко. Например, к ним относятся все официальные и юридические документы, удостоверяющие, «кто вы такой». Если вы сомневаетесь, что эти скромные бумажные техники способны производить квази-субъектов, попробуйте пожить в большом европейском городе «иностранцем без документов» или выпутаться из-под надзора ФБР, установленного из-за опечатки в вашей фамилии. Другие средства передвижения оставляют такой слабый след, как будто и в самом деле нематериальны. Но если хорошо присмотреться, можно найти и их: сколько циркулирующих клише надо усвоить, чтобы быть в состоянии высказаться о фильме, компаньоне, ситуации, политическом положении? Если вы начнете искать источник каждой из своих индивидуальных черт, разве не развернется перед вами все та же звездообразная форма, которая и обращает вас к местам, людям, периодам, событиям, большинство из которых вы забыли? Эта тональность голоса, это необычное выражение, это движение руки, эта походка, эта поза, — разве все это не следы?²⁴ Теперь возьмем ваши внутренние чувства. Разве они вам не даны? Разве чтение романов не помогает вам научиться любить? Как бы вы узнали, к какой группе принадлежите, если бы не непрерывная загрузка культурных клише, которыми вас бомбардируют другие?²⁵ Вы уме-

ная конференция по вопросам компьютерной графики, созываемая организацией ACM SIGGRAPH. Как правило проводится в различных городах США. — *Примеч. ред.*)

²⁴ См.: *Schmitt J. C. La Raison des gestes dans l'Occident médiéval; Bremner J., Roodenburg H. A Cultural History of Gesture: From Antiquity to the Present Day; и Calbris G. The Semiotics of French Gesture.*

²⁵ В этом главная причина продолжающегося влияния Льва Семеновича Выготского: см.: *Vygotski L. Mind in Society: The Development of Higher Cognitive Processes (Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328. — Примеч. ред.)*.

ли бы печь пирог, если бы не читали с жадностью бесчисленные модные журналы? А надевать презерватив, успокаивать любовницу, причесываться, бороться за свои права, правильно подбирать одежду? В этом вам тоже помогают журналы. Если вы рассматриваете каждую журнальную рубрику как всего лишь «выражение» некоей темной социальной силы, ее эффективность исчезает. Но если вы помните, что вверху и внизу ничего нет, а на заднем плане нет мира социального, то разве не верно будет сказать, что эти рубрики составляют часть вашего так легеемого внутреннего мира? Мы уже знакомы с тем, что теперь не должно выглядеть парадоксом: только когда исчезает всеобъемлющее общество, можно вывести на авансцену весь диапазон циркулирующего «снаружи».

Правда, при условии, что мы добавим еще один поток, еще один канал циркуляции, по которому плагины поставляют актерам в пользование дополнительные инструменты — дополнительные души: они необходимы, чтобы можно было интерпретировать ситуацию²⁶. Например, супермаркет предварительно формирует вас как потребителя, но только в родовом смысле. Чтобы вы превратились в активного и понимающего потребителя, вас еще надо оснастить умением рассчитывать и выбирать. В социологии социального предлагались лишь два источника подобной компетенции: либо вы с ним родились как человеческое существо — как если бы дарвиновская эволюция с течением времени готовила мужчин и женщин стать расчетливыми посетителями супермаркетов и оптимальными максимизаторами, либо вас формирует в качестве умного потребителя мощная хватка экономической инфраструктуры. Но в новой топографии, которую мы набрасываем, другой источник этой компетенции может быть у вас на кончиках пальцев: существуют циркулирующие плагины, на которые вы можете подписаться и которые можете немедленно загрузить, чтобы стать локально и временно компетентным.

Когда вы так смотрите на полки супермаркета, на первый план выходит потрясающий набор изобретений, каждое из ко-

²⁶ Именно поэтому введенное Бурдые понятие «габитус», извлеченное из контекста его социальной теории, остается прекрасным понятием. Как и понятие «оснащения», разработанное в: *Thévenot L. Which road to follow?*

торых способно вам помочь более компетентно рассчитывать. Даже когда вам предстоит принять решение мировой важности — какой сорт нарезанной ветчины выбрать, — к вашим услугам десятки измерительных инструментов, помогающих вам стать потребителем: этикетки, торговые марки, штрихкоды, система мер и весов, индексы, ценники, каталоги, разговоры с другими покупателями, реклама и т. д.²⁷ Но главное, вы являетесь носителем умственной и когнитивной компетентности лишь пока подключены к этому оснащению. Вам не унести ее с собой; это не ваша собственность. Вы можете как-то ее интернализировать, но даже для этого подвига интернализации вам нужно загрузить другой плагин! Если вы попытаетесь делать рациональные расчеты вдали от этого оснащения (к примеру, решите покупать *Universal Panoramas*, чтобы стать Мировой компанией), для принятия своего «макрорешения» у вас, возможно, не будет ничего кроме грубых подсчетов на обратной стороне конверта — вы больше вообще не будете *обладать* компетенцией рациональности.²⁸ Здесь снова гораздо больше реалистического смысла в игнорировании обеих инстанций: и сил рынка, и индивидуального агента.

Марсель Мосс определяет, что такое «габитус», и находит то же социальное, что и Тард:

Нечто вроде озарения пришло ко мне однажды, когда, находясь в Нью-Йорке, я заболел и оказался в тамошней больнице. Я спрашивал себя, где я уже видел девушек с такой походкой, как у моих медицинских сестер. У меня было время подумать над этим, и я наконец вспомнил, что это было в кино. Вернувшись во Францию, я стал замечать, особенно в Париже, распространенность этой по-

²⁷ См.: Cochoy F. Une sociologie du packaging.

²⁸ Как показывает экономическая история последних лет, большие решения менее рациональны, чем малые, поскольку гораздо менее оснащены. Нет оснащения, нет и рациональности. В работе Маккензи проводится прямая связь между его более ранним исследованием теорем и нынешним исследованием рынков. См.: MacKenzie D. Mechanizing Proof: Computing, Risk, and Trust; и MacKenzie D. An engine, not a camera. Та же тенденция заметна в движении Карин Кнорр-Цетины от лабораторной науки (Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures) к рыночной «рациональности» (Knorr-Cetina K., Bruegger U. Global Microstructures).

ходки. Девушки были француженками, а ходили таким же манером. Фактически американские способы ходьбы благодаря кино стали проникать к нам. Этой мысли я придавал затем более широкое значение. Положение рук, кистей во время ходьбы образуют своего рода социальную идиосинкразию, а не просто продукт сузубо индивидуальных, психических устройств и механизмов. Например, я уверен, что смогу опознать по походке девушку, воспитывавшуюся в монастыре. Как правило, она ходит со сжатыми кулаками. И я до сих пор помню окрик моего учителя в третьем классе: «Скотина, ты все время ходишь с растопыренными руками!» Стало быть, существует также воспитание походки.

Другой пример: различают приличные и неприличные положения рук во время отдыха. Так, вы можете с уверенностью сказать, что если ребенок сидит за столом с прижатыми к туловищу локтями, а когда не ест, держит руки на коленях, то это англичанин. Юный француз не умеет оставаться в определенном положении: локти у него веером, он наваливается ими на стол, и так все время.

Наконец, я видел также, да и вы все видели, изменение в технике бега. Представьте себе, что мой преподаватель гимнастики, одним из лучших окончивший Жуанвиль в конце 1850-х, учил меня бегать с прижатыми к туловищу кулаками, что полностью препятствовало всем беговым движениям. Мне потребовалось увидеть профессионального бегуна в 1890 году, чтобы понять, что надо бегать иначе.

Таким образом, в течение многих лет у меня было такое представление о социальной природе *habitus*. Обращаю ваше внимание на то, что я говорю *habitus* на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это передает суть дела несравненно лучше, чем «привычка» (*habitude*), (*exis*), «навык» (*acauis*) и «способность» (*faculte*) в истолковании Аристотеля (который был психологом). Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную «память», о которой говорится в солидных томах или небольших и знаменитых диссертациях. Эти «привычки» варьируют не просто в зависимости от индивидов и их раздражительных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и моде. Необходимо видеть

*техники и деятельность коллективного практического разума там, где видят только душу и ее способности к повторению*²⁹.

Когнитивные способности не находятся внутри «вас», а распределяются по всей форматированной ситуации, которая состоит не только из локализаторов, но еще и из множества выстраивающих компетенцию предложений (propositions), множества маленьких интеллектуальных технологий³⁰. Хотя они и приходят извне, их не спускают из какого-то таинственного контекста: у каждой из них есть своя история, которую можно эмпирически проследить с большими или меньшими трудностями. Каждый патч приходит со своим собственным средством передвижения, форма, цена и циркуляция которого могут быть нанесены на карту, как хорошо показали историки банковского дела, когнитивные антропологи и психологи. Если и есть что-то находящееся не «в» агенте, то это именно многочисленные слои строителей компетенции, которых мы должны постоянно загружать, чтобы на какое-то время приобрести какую-то способность. В этом преимущество плоского ландшафта: когда я делаю такое утверждение, это уже не значит, что я снова перехожу на другую, симметричную, позицию и хочу сказать, что их, «конечно», поддерживает «социальный контекст». Напротив, если я говорю, что они циркулируют по своим собственным каналам, это значит, что они уже не приходят ни из контекста, ни из субъективности актора, ни, следовательно, из какого бы то ни было хитроумного компромисса между одним и другим.

²⁹ Цит. по: Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. С. 245–246. — *Примеч. ред.*

³⁰ Такое распространение — ключ к полю распределенного познания: «Интернализация долго понималась как нечто движущееся через какую-то границу. Оба элемента такого определения *вводят в заблуждение*. То, что движется, — не вещь, и граница, через которую осуществляется движение, — это линия, которая, если проведена слишком жестко, мешает нашему пониманию природы человеческого познания. При более широком анализе то, что привычно выглядело как интернализация, теперь предстает постепенным распространением организованных функциональных свойств через ряд пластичных медиа». Hutchins E. Cognition in the wild. P. 312. — *Курсив мой.*

Но как же я, эго? Разве я — в глубинах своего сердца, извилинах своего мозга, внутреннем святилище своей души — не «индивидуальность»? Конечно, да, но лишь пока меня индивидуализируют, спиритуализируют, интериоризируют. Верно, что циркуляцию таких «субъектификаторов» часто труднее проследить. Но если вы поищите их следы, вы найдете их по всему месту: потоки, ливни, массы того, что можно назвать психоморфами, потому что они в буквальном смысле придают вам форму души. Возьмем, к примеру, любовные разговоры. Если вы сомневаетесь в эффективности этого вида транспортировки, проведите эксперимент. Попробуйте пожить немного без них, и вы увидите, как быстро «вы» — да, изначальный «вы», — задохните³¹. Даже любовь, особенно любовь, можно истолковать как то, что приходит извне, как чудесный дар, созидающий наш внутренний мир. Именно этот путь был очерчен в поэмах, песнях и на картинах, не говоря уже о бесчисленном cortege ангелов, херувимов, амуров и стрел, чье объективное — да, *объективное*, — существование тоже надо принимать в расчет. Даже любви приходится иметь свое средство передвижения, свои специфические техники, свои каналы, свое оснащение, как и торговым площадкам, штабам, заводам. Конечно, посредники будут другими, и транспортироваться будет *другое*, но общая абстрактная форма будет все та же, и именно эту чисто теоретическую форму я и хочу сейчас зафиксировать.

Я просто пытаюсь показать, как можно совершенно изменить границы между социологией и психологией. Для этого существует только один способ: заставить каждую единичную сущность, обитающую в бывшем «внутри», приходить извне не как негативное принуждение, «ограничивающее субъективность», а как позитивное *предложение* (*offer*) субъективации³².

³¹ Имеется немногочисленная, но информативная литература, от классической: *De Rougemont D. Love in the Western World*; до *Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love*; и *Chalvon-Demersay S. A Thousand Screenplays: The French Imagination in a Time of Crisis*. Но никто не поднимал все последовательные слои всего необходимого оснащения лучше Мишеля Фуко: *Foucault M. The History of Sexuality: An Introduction*.

³² Последние работы Фуко — хороший пример богатства этой линии мысли, хотя конструирование человеческой интрапсихики бы-

Как только мы это сделаем, прежний актер, член, агент, личность, индивид, — как бы его ни называли, — примет все тот же звездообразный вид, который мы наблюдали раньше, выравнивая глобальное и заново распределяя локальное. Его или *побуждают быть* индивидуальностью-субъектом, или *побуждают быть* родовым не-существом многочисленными другими силами. Каждая компетенция, глубоко погруженная в безмолвие вашего внутреннего мира, сначала должна прийти извне, чтобы потом медленно в нем осесть и расположиться в благоустроенном подвале, двери которого затем тщательно опечатают³³. Ничто из всего этого не является данностью. Внутренние миры устроены так же сложно, как камера Гора в центре пирамиды Хеопса. Старинный девиз эмпиристов — *nihil est in intellectu, quod non sit prius in sensu*³⁴ — не так уж бьет мимо цели, хотя его смысл (нет ничего внутри, что не пришло бы извне) чуть-чуть другой. В субъекте нет ничего такого, что не было бы ему дано извне. В каком-то смысле разве не самая мощная интуиция социальных наук кроется в вопросе: «Не создают ли нас?». Разумеется, смысл этой хитроумной фразы полностью зависит от того, что понимать под маленьким невинным словечком «извне».

ОТ АКТОРОВ К ПОДСОЕДИНЕНИЯМ

Не отнесло ли меня от Харибды к Сцилле? Что значит сказать, что психоморфы приходят извне? Может быть, я так яростно боролся с дихотомией глобальное/локальное, что в итоге восстановил ее в старом обличье оппозиции «внутреннее/внеш-

ло несколько затемнено более ранней темой «смерти субъекта». Несмотря на его собственные утверждения, эти две темы параллельны, а не противоречат друг другу.

³³ Дюркгейм показал, насколько все логические и личностные категории внутреннего являются в каком-то смысле переводом и интериоризацией внешнего. Но это внешнее было по ошибке принято за общество, из-за чего, несмотря на предостережения Тарда, открылись пустые дебаты между психологией и социологией. Сравните социологию логики в: *Tarde G. La logique sociale*; с: *Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life*.

³⁴ Нет ничего в сознании, чего не было бы раньше в ощущениях (*лат.*), — принцип британского эмпиризма, сформулированный Д. Локком. — *Примеч. ред.*

нее», залежавшегося реквизита дискуссии между психологией и социологией? Какой огромный шаг назад! Неужели я хочу вернуться во времена, когда актеров рассматривали как множество марионеток, которыми манипулируют вопреки их воле посредством множества невидимых угроз?³⁵ Зачем было отказываться от глобальной структуры и взаимодействий лицом-к-лицу, если это означает погрузить глубинную субъективность личности в поле анонимных сил? Действие (acting) без актеров! Субъективность без субъектов! Назад в славные шестидесятые! Но что мы выигрываем? Что ж, именно здесь, возможно, и кроется выигрыш АСТ. Сделав ландшафт плоским, мы очень изменили и само «извне»: оно уже не общество и не природа. Положив конец *и* неуловимой субъективности, *и* неподатливой структуре, мы получили, наконец, возможность разместить на первом плане массу *других* более тонких каналов, позволяющих нам *стать* индивидуальностью и *обрести* внутренний мир³⁶.

Трудность отслеживания этих типов «субъектоносных» или психоморфных посредников в том, что поскольку они приходят «извне», то, видимо, переносят вместе с собой *тот же тип ограничений*, который воображают социологи социального со своим пониманием общества³⁷. И, весьма вероятно, то, что они понимают под «внешним», — принуждающая сила контекста или каузальная детерминация природы, — не оставляет плаги-

³⁵ Как указывает название, постструктурализм — продолжение структурализма после того, как идея структуры умерла, подобно тому как цыпленок продолжает бежать после того, как ему отрезали голову. Постструктурализм, хотя и отказался от поиска связанности, сохранил то же понимание причинности: от нескольких причин тянутся длинные цепи пассивных местоблюстителей, или того, что я назвал проводниками.

³⁶ Петер Слотердайк в своей трехтомной книге о различных типах сфер предложил новую мощную метафору, чтобы выйти из дихотомии «внешнее/внутреннее». К сожалению, его работа еще не доступна на английском языке. См.: *Sloterdijk P. Sphären. 3 Bde. (Слотердайк П. Сферы: Плюральная сферология. Т. III. Пена. СПб., 2010. — Примеч. ред.)*.

³⁷ См.: *Perret-Clermont A.-N. La Construction de l'intelligence dans l'interaction sociale; и ее же раннюю критику установленной Пиаже связи между социальной теорией и эпистемологией*.

нам ни малейшего шанса поместить внутрь актора что-то *позитивное*. Большую часть этой работы приходится брать на себя структурным силам — давать индивидам или отбирать у них многочисленные мелкие маргинальные корректирующие способности. У социологов в их фантастической теории действия был только один путь — они воображали, что ниточка в руке кукловода может заставлять куклу действовать³⁸. Но у нас уже нет оснований пугаться этого странного представления об импорте внешней силы, так как мы обнаружили две последовательные ошибки в концепции социологии социального: одна — в понимании причинности, а вторая — в ее представлении о средстве передвижения, переносящем следствия. Отношения между куклами и кукловодами гораздо интереснее³⁹. Кроме того, мы знаем, как восстановить ущерб, нанесенный этими двумя ошибками: нам известно, что посредники — не причины, и что без трансформаций и переводов никакое средство передвижения не может переносить следствие. Что-то происходит вдоль тех ниточек, которые позволяют марионеткам двигаться.

Возможно, безнадежное разделение труда между психологией и социологией начнет меняться, когда такое понимание «внешнего» исчезнет и будет заменено циркуляцией плагинов. Хотя ни один из плагинов не обладает детерминирующей силой, они просто могут *позволять* кому-то что-то *делать*. Мы сейчас готовы соединить обе точки и полностью обновить понятие «внешнего»: оно не находится в одном и том же месте, и его влияние длится благодаря совершенно другой теории действия. Внешнее — это не контекст, «сделанный из» социальных сил, и оно не детерминирует «внутреннего».

Самое печальное следствие теории контекста в том, что она заставляет придерживаться двойной бухгалтерии: все приходя-

³⁸ Как и моя версия «Тезауруса» Роже! Она предлагает следующие статьи: «простофиля», «имаго», «не-существо», «раб». Не удивительно, что дебаты между психологией и социологией никогда ни к чему не приводят. («Тезаурус Роже» — оригинальное название «Тезаурус английских слов и фраз» — один из первых в истории идеографических словарей, составленный около 1805 года английским лексикографом Питером Марком Роже. — *Примеч. ред.*)

³⁹ См.: p. 58 и: *Latour B. Factures/fractures. From the Concept of Network to the Concept of Attachment.*

щее извне *вычитается* из общей суммы действия, оставленного агентам «внутри». При таком типе баланса чем больше добавляется угроз, чтобы извне *заставить вас действовать*, тем *меньше* действуете вы *сами*: таков неизбежный результат этой счетной процедуры. И если бы вы захотели — по моральным или политическим причинам — спасти намерения, инициативу и креативность актора, то для этого остался бы только один способ — увеличить общую сумму действия, идущего изнутри, *отрезав некоторые из угроз*, и тем самым отказать в роли тому, что сейчас рассматривается как «путы», «внешнее принуждение», «ограничения свободы» и т. д. Или вы свободный субъект, или живете в унижительном подчинении. И, разумеется, представители критической социологии усиливают эту тенденцию, поскольку они способны говорить о «внешней силе» социального лишь злорадствуя по поводу «тесных ограничений», накладываемых «анонимным весом общества» на «личную свободу». Но этот странный ландшафт больше нас не угнетает. «Внешнее» вовсе не напоминает пустыню Гоби выдуманного социологами контекста, и оно не просто населено неоспоримыми фактами; «внутреннее» совсем не похоже на сокровенное святилище, окруженное холодными социальными силами, как необитаемый остров — голодными акулами⁴⁰. «В» и «вне», как и «вверх» и «вниз» — результаты, а не причины. Задача социолога — не фиксировать заранее их пределы⁴¹.

Разница между двумя теориями не только в количестве связей, но и в теории действия, соединяющего каждую из этих связей. Мы уже видели, что неверно в метафоре марионеток: не то, что они приводятся в действие многочисленными ниточками, которые крепко держат кукловоды, а сомнительное утверждение, что господство просто *переносится* по ниточкам без перевода. Разумеется, марионетки связаны! Но отсюда не следует, что для их освобождения надо обрезать все ниточки. Единственный способ освободить кукол — это для кукловода быть *хорошим* кукловодом. Так же и для нас — чтобы добраться, наконец, до святилища самости, не надо уменьшать *количество связей*.

⁴⁰ Этот шаг комплементарен шагу, сделанному мной в отношении природы как «внешнему» в: *Latour B. Politics of Nature*.

⁴¹ По поводу ошибочного прочтения Дюркгеймом психологии Тарда см.: *Salmon L. La pensée politique de Gabriel Tarde*.

Наоборот, как блестяще показал Уильям Джемс, именно умножая связи с внешним миром, мы получаем возможность понять, как устроено «внутреннее»⁴². Вы должны подписаться на множество субъективизаторов, чтобы стать субъектом, и загрузить множество индивидуализаторов, чтобы стать индивидуальностью, — так же как должны подсоединить множество локализаторов, чтобы иметь локальное место, и многочисленные олигоптикумы, чтобы контекст «доминировал» над другими местами.

Только когда игнорируется противостояние между актором и системой, — заметьте, я не говорю «преодолено», «примирено» или «разрешено», — начинает высвечиваться самая важная тема социологии. Вот главный вклад Тарда, направленный против организма Спенсера и общества Дюркгейма. Он четко сформулировал обязанность социолога разрабатывать *интрапсихологию* через множество опосредствований со стороны *интерпсихологии*; причем первая рассматривалась как своего рода плацдарм для последней⁴³. Мы можем окончательно обрести «интрапсихическое», только вступив в отношения с множеством «экстрапсихического», или того, что можно было бы назвать «взбалтывающими мозг» субстанциями — *психотропами*, или, пользуясь другим выражением, «генерирующими душу сущностями» — *психогенами*⁴⁴. Если рассматривать то, что приходит извне, как посредников, дающих и другим агентам возможность вести себя как посредникам, вся сцена внешнего и внутреннего совершенно меняется. У кукловода по-прежнему в руках много ниточек, но каждый из его пальцев тянет туда, куда указывает *марионетка*. Чем больше ниточек у марионеток, тем более подвижными они становятся⁴⁵.

⁴² Классической работой по экстерииоризации остается: *James W. The Principles of Psychology*.

⁴³ Но, к сожалению, он не располагал аллегорией информационных технологий, чтобы материализовать свою сеть связей. Вместо этого ему приходилось опираться на вольную метафору «лучи подражания». Об ограниченности Тарда см.: *Karsenti B. L'imitation. Retour sur le debat entre Durkheim et Tarde*.

⁴⁴ См.: *Gomart E. Surprised by Methadone*; и *Gomart E. Methadone: Six Effects in Search of a Substance*.

⁴⁵ Я наблюдал мощное воздействие на зрителей марионеток, движимых видимыми манипуляторами, в японском театре бунраку.

Теперь мы, наконец, свободны от целого ряда дискуссий по поводу «относительного веса» «индивидуальной свободы» по отношению к «структурной детерминации»: каждый посредник в каждой цепи действия — индивидуализированное событие, так как связан с множеством других индивидуализированных событий. Возможно, здесь нам и пора попрощаться с понятием «актор», которым я все это время пользовался как временным местоблюстителем. В этом слове плохо не то, что его часто применяют исключительно к людям, за это ограничение мы уже научились выходить, а то, что оно всегда обозначает *источник* инициативы или отправную точку, начало вектора, направленного на какую-то другую цель. Конечно, в царствование социологии социального важно было делать акцент на акторе, деятельности, инициативе, интерпретации, импровизации, обосновании, взаимодействиях и тому подобном, поскольку единственно возможной активностью, которую мог приносить контекст, была активность причины в поисках следствий или посредника, ищущего пассивных проводников, которые могли бы надежно переносить его силы. Но это уже не случай АСТ: сама теория действия здесь другая, поскольку нас интересуют посредники, побуждающие других посредников что-то делать. «Побуждать делать» — не то же самое, что «быть причиной» или «делать»: в самой глубине здесь есть удвоение, перемещение, перевод, что сразу меняет всю идею. Раньше было невозможно соединить актора с тем, что побуждает его действовать, и не быть обвиненным в «доминировании», «ограничении» или «порабощении». Теперь это уже не тот случай. Чем больше у актора связей, тем в большей степени он существует. И чем больше посредников, тем лучше⁴⁶.

Теперь самого актора, который до сих пор в этой книге рассматривался как точка, атом или источник, надо сделать плоским и придать ему звездообразную форму. Как назвать этот «новоуплощенный» элемент? Нечто такое, что «побуждает действовать»? Нечто «подключаемое к тому, что подключено к действию»?⁴⁷

⁴⁶ «Подсоединение» — другое слово для того, что я пытался преодолеть с помощью паллиативного выражения «фактиш». См. также: *Gomart E., Hennion A. A sociology of attachment: music amateurs, drug users.*

⁴⁷ См.: *Jullien F. The Propensity of Things: Toward a History of Efficacy in China.*

Почему бы не воспользоваться термином «актор-сеть»? Я знаю, что это выражение все еще выглядит странным, так как может означать совершенно противоположное, а именно: разрешение дилеммы между актором и системой, от чего мы только что отказались. Но мир уже в наших руках, и, в конце концов, он не так уж плохо устроен. Итак, актер-сеть — это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, актеры вторичны. Конечно, подобные выражения отдают «социологизмом», но лишь пока мы слишком много вкладываем в «быть» и слишком мало — в «иметь». Еще давно Тард подчеркивал, что семейство «иметь» гораздо богаче семейства «быть», вам не известны ни границы, ни направление последнего: обладать — значит также и находиться в чьем-то владении; быть подсоединенным — значит держать и быть удерживаемым⁴⁸. Обладание и все его синонимы — подходящие слова для переосмысленного значения того, чем могла бы стать «социальная марионетка». Ниточки по-прежнему существуют, но они передают свободу или рабство в зависимости от того, *как* за них держат. Отныне, говоря об актере, мы всегда должны включать в расчет большую сеть подсоединений, побуждающих его действовать. А что до эмансипации, то это значит быть не «свободным от связей», а «хорошо связанным».

Хотя выше я критиковал понятие «общество», противопоставляя ему то, что предложил называть коллективом, еще более радикальным решением было бы рассматривать такие пучки актеров-сетей по аналогии с тем, как Уайтхед понимает слово «общество». Для него общества — не сборки (*assemblages*) социальных связей, как их, возможно, представляли Дюркгейм или Вебер, а все подсоединения составных реалий,

⁴⁸ «До сих пор вся философия основывалась на глаголе „быть“, понятие который, казалось, не легче, чем прочесть розеттский камень. Можно сказать, что если бы философия основывалась на глаголе „иметь“, мы избежали бы множества бесплодных дискуссий. Из принципа „я есмь“ невозможно вывести никакого другого существования, кроме моего, несмотря на все тонкости мира. Но если вначале утверждать постулат „я имею“ как основной факт, то вслед за ним даются „имел“ и „имуущество“ как неотделимые от него» (*Tarde G. Monadologie et sociologie. P. 86*).

обладающие протяженностью во времени и пространстве⁴⁹. По его словам, общество для продолжения существования нуждается в новых ассоциациях. И конечно, для такой работы нужны рекрутирование, мобилизация, вовлечение и перевод многочисленных *других*, возможно, целой вселенной. В таком генерализованном понимании обществ поражает то, что здесь полностью перетасовываются понятия субъективности и объективности. Субъект ли все то, что *присутствует*? Объект ли все то, что *присутствовало*? Итак, всякая сборка, оплачивающая свое существование в твердой валюте рекрутирования и расширения, является или, скорее, *обладает* субъективностью. Это относится к телу, институту, даже историческому событию, которое Уайтхед тоже рассматривает как организм. Субъективность — свойство не человеческих душ, а сборки как таковой, конечно, при условии, что она длится. Если нам удастся удержать это предельно расширенное понимание общества, то мы опять будем в состоянии понять, что имел в виду Тард, сказавший: «Всё суть общество, и все вещи суть общества».

⁴⁹ «Суть „общества“ как используемого здесь термина в том, что оно само себя поддерживает; иными словами, оно само себе причина». Whitehead A.N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. P. 89. См.: Debaise D. Un empirisme spéculatif: Construction, Processus et Relation chez Whitehead.

V. Шаг третий: соединяем места

Разве, басня «Черепаша и Заяц»¹ не напоминает сюжет сказки «Муравей и Заяц»? Один герой прыгает, бегаёт, скачет, спит, просыпается и делает кувырок, — и, конечно, он-то и выигрывает гонку и отхватит приз. Но другой никогда не спит. Он потихоньку ползёт и при этом непрерывно жуёт; не давая себе передышки, он без усталости прокладывает крошечные галереи, стены которых — глина и слюна, и ползает по этим галереям туда и обратно. И все же, разве не справедливо сказать, что победит Муравей, к великому изумлению Зайца? Упрямо придерживаясь принципа плоского ландшафта и вставляя зажимы всякий раз, когда возникает соблазн принять трехмерные формы за само собой разумеющееся, мы замечаем такие типы связей, существование которых раньше не признавалось, хотя все чувствовали, что они должны быть. Разве мы, отказавшись перескакивать к контексту или держаться локального, или же занять промежуточную позицию, не регистрируем теперь в своих отчетах социальный пейзаж, который едва ли видели раньше?

В главе I второй части мы установили, что резкие скачки между «микро» и «макро», актором и системой происходят не в силу сущностной специфики социологии, а из-за проецирования на общество тени политического тела. Поэтому дальше мы изобрели два способа противостоять побуждению, уводящему наблюдателя от локального взаимодействия к контексту или от структуры к локальной практике. В качестве первого шага мы разменяли глобальное, контекстуальное и структурное на мелочь локального; это позволяет нам определять, посредством каких двусторонних циркуляций эти места могут приобретать релевантность для других. В качестве второго шага мы трансформировали каждое место во временный конечный

¹ Известная басня Эзопа. — *Примеч. ред.*

пункт других мест, распределенных во времени и пространстве; каждое место превратилось в результат действия на расстоянии какой-то другой силы. Как я неоднократно предупреждал читателя, только когда оба коррекционных шага делаются усердно, появляется третий феномен, единственно достойный тех усилий по абстрагированию, через которые нам пришлось пройти.

Настала пора Муравью получить свой приз. Что происходит, когда мы совершаем эти два движения — локализуем глобальное и распределяем локальное — *одновременно*? Каждый раз, когда надо установить связь, приходится прокладывать новый канал, и по нему должен передаваться новый тип сущности. То, что циркулирует, так сказать, «внутри» каналов, — это сами действия по приданию чему-то измерения. Всегда, когда одно место хочет воздействовать на другое место, оно должно пройти через определенную среду, перенося что-то на протяжении всего пути; чтобы продолжать действие, оно должно поддерживать более или менее продолжительное отношение. И наоборот, всякое место теперь является мишенью множества подобных активностей, перекрестком множества путей, временным хранилищем многочисленных средств передвижения. Места, теперь окончательно трансформированные в актор-сети, отодвигаются на задний план; на передний план выдвигаются связи, средства передвижения и соединения. Как только мы это сделаем, мы получаем суперпозицию каналов, таких разнообразных и запутанных, как те, что увидит анатом, если сможет одновременно раскрасить все нервные, кровеносные, лимфатические и гормональные пути, поддерживающие существование организма. «Удивительные сети» (*retia mirabilia*) — этим выражением воспользовались гистологи, чтобы обозначить некоторые из этих дивных конфигураций. Насколько удивительнее, чем тело, выглядит теперь социальное! Разве не может социология, как сказал Уайхед о философии, не только начинаться с удивления, но им и *заканчиваться*?

Надеюсь, ясно, что такое уплощение не означает, что мир самих акторов становится плоским. Совсем наоборот, акторы получают достаточное пространство, чтобы развернуть свои собственные противоречивые действия: масштабирование, увеличение, включение, «панорамирование», индивидуализирование и т. д. Для АСТ метафора плоского ландшафта была просто способом четко отделить свою работу от труда тех, кого

мы видим вокруг. Если аналитик берет на себя заранее и априори обязанность определять масштаб, в который встроены все акторы, то большая часть их работы по *установлению* связей просто исчезнет из виду. Только если мы сделаем принцип плоского ландшафта исследовательской позицией по умолчанию, может быть обнаружена и зарегистрирована активность, необходимая для производства различий в размерах. Если географическую метафору мы уже несколько затаскали, то метафора из финансовой сферы нам тоже подойдет, хотя, возможно, я и ею пользовался уже слишком часто. Трансакционные издержки движения, связывания и сборки социального теперь могут быть оплачены до последнего цента, что позволяет нам сопротивляться соблазну получить масштабирование, включение одного в другое и увеличение просто так, без затраты энергии, без рекрутирования других сущностей, без установления дорогостоящих связей.

На какую из метафор нам бы ни захотелось опереться, они могут лишь помочь создать противовес социальной инерции. Они — часть нашего инфраязыка. И снова: все происходит так, как будто АСТ располагает свою социальную теорию не на том же уровне, что социологи социального. То, что последние понимают под теорией, — это позитивное, субстанциалистское и синтетическое понимание компонентов, из которых скроено социальное, и такие объяснения часто бывают суггестивными и значительными. Мы в АСТ подталкиваем теорию на один шаг дальше в абстракцию: именно негативная, пустая, релятивистская сеть координат позволяет нам *не* синтезировать компоненты социального вместо актора. Поскольку она совершенно несубстанциальна, в ней никогда нет властности, присущей объяснениям другого типа. Но в этом-то все и дело. Социальные объяснения в последнее время стали слишком дешевыми, слишком автоматическими; срок их годности истек, и критических объяснений тоже, даже в еще большей степени. Так много компонентов было упаковано в общество, индивида, познание, рынок, империю, структуру, взаимодействия лицом-к-лицу, что распаковать их уже так же невозможно, как прочесть сотню тысяч строк кода, образующего операционную систему, не говоря уже о том, чтобы попытаться переписать его. Вот почему мы должны быть уверены, что каждая из сущностей перетряхнута, перераспределена, развернута и «де-социализирована»,

чтобы можно было добросовестно выполнить задачу повторной их сборки. Переходя к АСТ, мы напоминаем обленившихся водителей машин, снова перешедших к путешествиям пешком; нам нужно заново усвоить, что если мы хотим добраться до вершины горы, то должны все время шагать, то правой ногой, то левой, и нам нельзя ни прыгать, ни бежать — всю дорогу, до самого конца! В Заключении я покажу, почему это имеет такое значение не только для науки, но и для политики.

В нашей дискуссии теперь можно поставить три новых вопроса. Первый — найти тип соединителей (*connectors*), делающих возможным транспортировку сил на огромное расстояние, и понять, почему они так эффективны в форматировании социального. Второй — выяснить, какова природа так транспортируемых сил, и придать более точное значение понятию посредника, которым я уже пользовался. Наконец, если эта теория связей и соединителей верна, то должно быть возможным вплотную подойти к логическому следствию, о котором читатели должны были уже задуматься: что находится *в промежутках между* связями? Каковы размеры нашего незнания социального? Иными словами, как широка *terra incognita*, которую придется оставить белой на наших картах? После того как мы так часто в этой книге сокрушались, что социальное социологов плохо упаковано, что мы не можем произвести инспекцию его состава, пока не выясним степень его свежести, пришло время гораздо более положительно относиться к работе, проделанной социальными науками для того, чтобы сделать социальное зримым.

ОТ СТАНДАРТОВ К СОБИРАЮЩИМ ФОРМУЛИРОВКАМ

Перед тем как двинуться вперед, проведем небольшой тест, чтобы увидеть, в состоянии ли мы решать задачу, в которой явно участвует масштаб, *не делая* выводов о соответствующих изменениях всех агентов в цепи. Это позволит проверить, насколько ловко мы научились избегать как локального, так и глобального.

Вот, к примеру, ряд фотографий, на которых Алиса голосует во Франции на общенациональных выборах. Просмотрим фотографии от первой до последней и попытаемся решить, какая из них локальнее или глобальнее остальных. Первую фотографию, на которой Алиса размышляет над газетой «Le Monde»,

пытаясь решить, за какую из партий голосовать, нельзя считать локальной просто потому, что Алиса читает ее в одиночестве за завтраком. Этот же номер газеты в тот день читали миллионы. Алису бомбардируют потоки клише, аргументов, редакционных колонок и точек зрения, из которых она должна составить свое собственное мнение. Но последнее изображение, где суммированы результаты дня голосования, нельзя назвать глобальным даже под предлогом, что на диаграмме с распределением голосов (с удивительным результатом — победили левые) суммирована «вся Франция». На экране телевизора в квартире Алисы эта диаграмма распределения голосов — шириной в несколько сантиметров. Как только мы понимаем, что ни об одном из изображений этого фотомонтажа нельзя сказать, что оно меньше или больше любого другого, становится полностью видна ключевая особенность этой серии фотографий — их *связанность*, хотя она не уловима ни на одной фотографии по отдельности!² Что-то здесь циркулирует — от первой фотографии к последней. В затемненной кабинке для голосования мнение Алисы трансформируется в лист бумаги, заверенный ее подписью, который наблюдатели затем положат в коробку с бюллетенями, потом его отметят как анонимный элемент в подсчете, результаты которого будут переданы в центральное бюро Министерства внутренних дел, где они соединятся с другими дважды проверенными результатами. В каком отношении находятся «маленькая» Алиса и «вся Франция»? *Этот канал*, проложенный с помощью *этого* инструмента, дает физическую возможность собрать на основе циркуляции бумажных технологий связь между Алисой и Францией, четкая прослеживаемость которой медленно создавалась на протяжении двух веков основанной на насилии политической истории и сопротивления избирательным реформам³. Разрыв между «взаимодействием» и «контекстом» скрыл бы комплексную машинерию, устанавливающую непрерывные связи между местами, среди которых нет больших и маленьких.

² Это главный аргумент по поводу изъянов образа и потоков образов в: Latour B., Weibel P. Iconoclasm. Подробнее о том, что можно увидеть из этого примера — выборов 1996 года — в: Latour B., Hermant E. Paris the Invisible City.

³ См.: Latour B., Weibel P. Making Things Public; Heurttin J.-P. Espace public.

Как только мы концентрируемся на том, что циркулирует от места к месту, в фокус нашего внимания сразу попадает первый тип сущностей — *формы*⁴. Это одно из наиболее туманных по смыслу слов, и все же именно эту тему позволяет увидеть в новом свете смена социальной теории⁵. Обычно форма берется не в материальном, а в формальном смысле. И в самом деле, если вы забыли, что в плоском мире нельзя прыгать, формализм превращается в адекватное описание самого себя: вы попытаетесь дать формальное описание формализма — и видит Бог, в таких попытках не было недостатка. Но как только вы замечаете, что каждое место должно платить за связь с другим местом каким-то перемещением, понятие формы приобретает весьма конкретное и практическое значение: форма — это просто нечто, позволяющее передавать что-то другое от места к месту. И тогда форма превращается в один из важнейших типов переводов.

Такой сдвиг от идеального к материальному можно распространить и на *ин-формацию*. Обеспечение информацией — это действие по заключению чего-либо в форму⁶. Но теперь это слово приобретает очень повседневное, практическое значение; это может быть лист бумаги, документ, сообщение, отчет, карта — все то, что на практике совершает неоценимый подвиг транспортирования одного в другое, не деформируя его при этом массивными трансформациями⁷. Посмотрите на приме-

⁴ Вспомним, что любое место будет рассматриваться как актор-сеть, если оно является источником дистанционного воздействия на другие места, придающего ему звездообразную форму, и если оно — конечная точка всех ведущих к ней транзакций (и это ей тоже придает звездообразную форму). Таким образом, слово «место» не следует считать синонимом локального, от которого мы отказались в предыдущей главе.

⁵ Я ввел выражение «устройства записи» в: *Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*.

⁶ Говорящие на французском имеют огромное преимущество — они все еще слышат в своем слове «форма» ту же этимологию, что и в их любимом *fromage*, — это сыр, который в буквальном смысле представляет собой кислое молоко, залитое в форму, или *fourme*. Тут им и гастрономия, и эпистемология!

⁷ Имеется обширная литература, посвященная вопросу формы, включая: *Derrida J. Of Grammatology (Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. — Примеч. ред.); Dagonnet F. Ecriture et iconographie;*

ре Алисиного голосования, через сколько метаморфоз прошло ее мнение, хотя его все время достоверно регистрировали, чтобы не было нигде никакой подтасовки. Именно для регистрации таких противоречивых требований формализма я и предложил много лет назад выражение «неизменные мобильности»⁸. И снова: научная деятельность дает много привилегированных примеров транспортировки посредством трансформаций: от скромных с душком задач изготовления чучел животных редких видов⁹ и до самой возвышенной, но столь же практической задачи написания уравнения, а между этими задачами — построение статистического аппарата или еще более скромная задача резки бумаги и изготовления папок всех цветов и оттенков. Каким бы ни было средство, теперь возможно материальное описание формализма, очень серьезно подходящее к соединяющей способности форм (понимаемые как можно более физически) и отбрасывающее саму мысль, что формализмы могут быть описаны формально¹⁰.

Первое важное следствие внимательного отношения к материальной прослеживаемости неизменных мобильностей со-

Eisenstein E. The Printing Press as an Agent of Change; и Goody J. The Domestication of the Savage Mind. Из недавних работ по формализму см.: Livingston E. The Ethnomethodological Foundations of Mathematical Practice; MacKenzie D. Mechanizing Proof; Mialet H. Reading Hawking's Presence: An Interview with a Self-Effacing Man; Rosental C. La Trame de l'évidence; Rotman B. Ad Infinitum: The Ghost in Turing Machine. Taking God out of Mathematics and Putting the Body Back In; и Warwick A. Masters of Theory: Cambridge and the Rise of Mathematical Physics. Деррида никогда не переставал размышлять о странной разновидности материальности, которую предполагают архивы, — см.: Derrida J. Archive Fever: A Freudian Impression.

⁸ Выражение, введенное мною в: *Latour B. Science In Action*; для описания не перемещения без трансформации, а перемещения *посредством* трансформаций. См. также продуктивную работу: *Thévenot L. Rules and implements: investment in forms*; где связываются воедино стандартизация, экономизация и форматирование.

⁹ *Star S.L., Griesemer J. Institutional Ecology, «Translations» and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939.*

¹⁰ *Collins H. Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines; MacKenzie D. Mechanizing Proof*; содержат много ярких примеров богатства переописания формализма, — как и: *Galison P. Image and Logic.*

стоит в том, что оно поможет нам определить место того, что было так важно в социологии социального с самого ее возникновения. Оно также даст мне возможность заглядить свою вину: я так бесцеремонно обошелся с теми, кто старше меня и лучше. Теперь я могу признаться, что не без угрызений совести на протяжении всей этой книги так критично высказывался о манере социальных наук подходить к проблеме форматирования. На самом деле успехи социологии социального были поразительными. Ее достижения поистине впечатляют, и это благодаря им у всех нас есть возможность «иметь» общество, чтобы в нем жить¹¹. Я с самого начала знал, что, хотя эти социологии делают социальную теорию неуклюжей, поскольку перестали заниматься задачей сборки социального, как раз по этой причине они так хорошо ее *выполняют*, то есть *форматируют* отношения между местами. Слабость и сделала их столь сильными, точнее, сила, с которой они фиксируют социальное, и делает их столь неловкими, когда они берутся за его пересборку. Таким образом, в конечном счете критики социологии социального заблуждаются, забывая учесть невероятную эффективность социологии социального в производстве одной формы подсоединений: социальной или, по крайней мере, той части социального, которая была стабилизирована. В формировании и форматировании социального мира не может быть ничего неверного¹².

Упрекать социальные науки за то, что они формальны, все равно, что критиковать словарь за то, что в нем слова расположены в алфавитном порядке, или фармацевта — за то, что на всех его склянках и коробочках есть этикетки. Задача стабилизации пяти источников неопределенности не менее важна, чем задача сохранения их открытыми. Хотя путать первую задачу со второй — опасная ошибка, было бы смешно не решать

¹¹ См.: *Desrosières A. The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning*; *Porter T. M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*; и *Wise N. The Values of Precision and Exactitude*.

¹² Именно поэтому нет причин оплакивать империю того, что Гарфинкель несколько непочтительно обозначает FA, то есть «формальный анализ» «всемирного социального движения». «Мыслить как социолог» включает в себя обязанность верить, что в конкретности повседневной жизни нет порядка». *Garfinkel H. Ethnomethodology's Program*. P. 136.

вторую задачу под предлогом, что нужно заниматься первой. Наоборот, когда во всей полноте поставлена задача развернуть разногласия, касающиеся социального мира, как это сделал я в первой части, решающая важность второй задачи — укрепления границ, категорий и положений — тоже должна быть полностью признана.¹³ Если такой грубой методологической ошибкой является ограничение — заранее и вместо самого актора — диапазона сущностей, могущих населять социальный мир, то в равной степени прискорбно игнорировать проделываемую ими постоянную работу, ограничивающую репертуар актантов и удерживающую разногласия в узде. И еще раз (даже если это начинает слегка раздражать): единственно продуктивный лозунг — «идите за актерами»; да, за ними надо идти, и когда они *множат* число реалий, и когда они его *сокращают*.

Мы должны теперь научиться отдавать дань уважения формализаторам, классификаторам, категоризаторам и виртуозам счета, как раньше нам пришлось научиться отвергать их за то, что они преждевременно прервали решение задачи ассоциирования и построения. Я признаю, что это новое коррекционное упражнение может оказаться для нас тяжелым, но кто сказал, что практика социальной науки должна быть безболезненной? Если актеры одновременно делают множество вещей, то разве мы не должны стать такими же гибкими, артикулированными и умелыми, как они? Если социальные науки *формируют* социальное, то эти формы надо исследовать так же тщательно, как и разногласия. Теперь мы уже не подвергаемся риску перепутать такое исследование формализма с его формалистским описанием. Формы ничего не «потеряли». Они не «забыли» ни о человеческом, ни о конкретном жизненном измерении. Они не «холодны» и не «бессердечны», и не лишены «человеческого лица». Поиск следов создания, тонкой настройки, пространства и поддержания неизменных мобильностей ни на одну секунду не уведет нас с узких галерей практики¹⁴. Если и есть противостояние, которое нас уже не сдерживает, то это

¹³ Это новая формулировка принципа ирредукции, определенного в: *Latour B. Irreductions.*

¹⁴ Красноречивый пример приводится в: *Bowker G., Star S. Sorting Things Out.* Было бы проявлением «неуместной конкретности» критиковать такие форматирования как «абстрактные». В этом ограни-

противостояние, которое, как считалось, имеет место между позитивистской и интерпретативной социологиями. Если их аккуратно переместить, то их интуиции откроют два последовательных аспекта социальных сборок¹⁵.

Нам очень поможет в поиске следов стабилизации разногласий, если мы выведем на первый план важное понятие *стандартов*. Можно сказать, что социология социального циркулирует так же, как физические эталоны, или, еще лучше, что социальные науки — часть *метрологии*. До исследований науки и в особенности АСТ, стандартизация и метрология были пыльными, специализированными, узкими областями знания, на которые смотрели свысока. Что неудивительно, поскольку их удивительные в действительности достижения были отсечены разрывом между локальным и глобальным, который мы теперь признали искусственным. Как только локальное и глобальное исчезают, становятся очевидными принципиальная важность стандартов и огромные преимущества, которые дает нам метрология — в самом широком понимании этого слова.

Возьмем, к примеру, килограмм платины, установленный Международным бюро мер и весов (*Bureau International des Poids et Mesures*) в глубоком подвале Павильона Бретеля в парке Севра под Парижем. Это конвенциональный эталон веса? Да. Это материальный объект? Да. Это международная институция? Еще раз да. Представляет ли он верхний конец метрологической цепи, идеальную модель, с которой должны сравниваться в безмолвной церемонии каждые два года все другие — низшие — копии? Опять да. Вне всякого сомнения, это гибрид. И все же именно эти сбивающие с толку сущности дают всем метрологическим сетям мира возможность иметь своего рода «общую меру». Локальны или глобальны метрологические эталоны, такие как килограмм? Локальны, поскольку они всегда где-то находятся и циркулируют в специальных ящиках, с использованием специальных сигналов, в определенное специ-

ченность *Cognition in Practice* Лаве, который в остальном проявляет пристальное внимание к практике.

¹⁵ Когда позже мы будем иметь дело с плазмой, мы снова признаем огромное преимущество позиции Гарфинкеля и поймем, что, скорее всего, она неправильно указывала направление из-за его пристрастия к феноменологии.

альное время, в соответствии со специальными протоколами¹⁶. Глобальны ли они? Конечно, поскольку без таких стандартных единиц измерения как ватт, ньютон, ом, ампер, то есть без Международной системы единиц измерения (СИ), глобального бы вовсе не было, — ни один локус не имел бы «того же» времени, «того же» расстояния», «того же» веса, «той же» силы электрического тока, «тех же» химических реагентов, «тех же» эталонных биологических материалов и т. д. Не было бы общего стандарта, не было бы общей меры. Все места были бы абсолютно несоизмеримыми.

Стандарты и метрология решают на практике проблему относительности, которая, похоже, пугает столь многих: можем ли мы достигнуть всеобщего согласия?¹⁷ Конечно, можем! *При условии*, что вы найдете способ присоединить свой локальный инструмент к одной из многочисленных метрологических цепей, материальные сети которых могут быть полностью описаны и цена которых может быть полностью определена. А также при условии, что нет ни разрыва, ни зазора, ни неопределенности ни в одной из точек трансмиссии. Действительно, прослеживаемость — это предмет всей метрологии! Здесь не допускается никакой прерывности, — как раз в этом и нуждается АСТ, чтобы очертить социальную топографию. Наша социальная теория рассматривает метрологию как главный пример того, как можно *повсюду локально* распространяться, все время обходя при этом как локальное, так и универсальное. Практи-

¹⁶ Сейчас существует обширная литература по практическому расширению сетей с помощью стандартов. См.: *Alder K. A Revolution to Measure: The Political economy of the Metric System in France*; *Cochrane R. C. Measures for Progress: A History of National Bureau of Standards*; *Mallard A. Les instruments dans la coordination de l'action: pratique technique, metrologie, instrument scientifique*; *Mélarde F. L'autorité des instruments*; и *O'Connell J. Metrology: the Creation of Universality by the Circulation of Particulars*. Решающая работа проделана в: *Schaffer S. Astronomers Mark Time: Discipline And The Personal Equation*; и: *Schaffer S. A Manufactory of OHMS, Victorian Metrology and its Instrumentation*.

¹⁷ Великолепный пример использования метрологии в дебатах по поводу гонки вооружений дается в: *MacKenzie D. Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance*. См. также: *Galison P. Einstein's Clocks*.

ческие условия экспансии универсальности открываются эмпирическому исследованию. Не случайно историки науки столько усилий посвятили ситуационному и материальному расширению универсалий. Учитывая, сколько модернизаторов инвестировали в универсальность, это немалый подвиг.

Как только вы приняли пример научной метрологии и стандартизации в качестве опоры для отслеживания циркуляции универсалий, вы можете делать ту же операцию для остальных, менее прослеживаемых, менее материализованных циркуляций: наибольшая координация между агентами достигается посредством распространения *квазистандартов*. Для многих типов следов эту метафору очень легко объяснить: каково было бы состояние экономической активности без учета кодов и обобщения наиболее успешных практик? Если, к примеру, вы переходите от североамериканского формата бухгалтерской отчетности к соответствующему формату Евросоюза, то предлагаете инвесторам другие стандарты, помогающие им делать расчеты: прибыльные европейские компании окажутся в красной зоне, а остальные — в черной¹⁸. Конечно, тех, кто считает экономику инфраструктурой, не затронет это «небольшое различие» в ведении счетов; они скажут, что его вряд ли можно сравнивать с «реальным влиянием» экономических сил. Но те из нас, кто понимает, что такое рассчитать что-то, экстернализовывать одни элементы и интернализовывать другие, чтобы в буквальном смысле принять их *в расчет* (take them into account), проследят все малейшие детали этого «технического диспута», поскольку от этих тонкостей зависит понимание того, что такое прибыль, эксплуатация или прибавочная стоимость¹⁹.

¹⁸ Посмотрите стандарты *International Accounting Standards Board (IASB)*, частной фирмы, основанной в Лондоне, которой Евросоюз делегировал часть работы. Много ярких примеров способов, которыми «микро»-техники расчетов связаны с «макро»-следствиями в сфере прибыли и области экономических теорий, можно найти в журнале: *Accounting, Organizations and Society*. См. также: *Susuki T. The epistemology of macroeconomic reality: The Keynesian Revolution from an accounting point of view.*

¹⁹ См.: *Minvielle A. De quoi une entreprise est-elle capable?*. О проблемах, связанных с «распространением» во времени и пространстве путем «производства» пространства и времени см. специальное издание: *Organizations*; и в особенности: *Jones G., McLean C., Quattrone P.*

Если *экономики* суть продукт *экономик*, как утверждает Мишель Каллон, то скромные бумажные инструменты, дающие возможность координации, сразу выходят на первый план.

Другие циркуляции стандартов кажутся более тонкими, хотя их прослеживаемость довольно хороша, пока исследователь не позволяет вторжению «социального объяснения» разорвать эту нить Ариадны. Откуда бы вы знали свою «социальную категорию», если бы не огромная работа статистических институтов по градуированию, если не стандартизации, категорий доходов? Как люди идентифицировали бы себя с «вышим средним классом», «яппи» или «преппи»²⁰, если бы ни читали газет? Как мы узнали бы свой «психологический профиль», если бы не все новые и новые статистические обзоры, все новые и новые профессиональные встречи, новые и новые конференции по нахождению консенсуса? Как психиатр категоризировал бы душевнобольного пациента без DSM?^{21,22} Бесплезно говорить, что такие категории произвольны, конвенциональны, размыты или, наоборот, имеют слишком жесткие границы, или совершенно нереалистичны. Они решают на практике проблему повсеместного локального распространения стандарта посредством циркуляции некоторого прослеживаемого документа, хотя, возможно, метафора документа в чем-то туманна. Речь не идет о том, что некоторые могущественные люди несправедливо «рассовывают по ящикам» других, тем самым игнорируя и калеча их «невыразимый внутренний мир». Скорее, циркуляция квазистандартов позволяет анонимным и изолированным силам медленно, слой за слоем, становиться *сопоставимыми* и *соизмеримыми*, а это, конечно, составляет большую часть того, что для нас означает «быть человеком». Такая общая со-

«Spacing and Timing»: Introduction to the Special Issue of Organization on «Spacing and Timing».

²⁰ Преппи — выпускник или учащийся дорогостоящей частной подготовительной школы в США и Великобритании. — *Примеч. ред.*

²¹ Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders — Руководство по диагностике и статистике психических расстройств, принятая в США многоосевая нозологическая система. Разрабатывается и публикуется Американской психиатрической ассоциацией. — *Примеч. ред.*

²² Kirk S. A., Kutchins H. The Selling of DSM: The Rhetoric of Science in Psychiatry.

измеримость, конечно, определяется *качеством* того, что переносится. Проблема не в том, чтобы бороться с категориями, а в том, чтобы задаться вопросом: «Подчиняет (subjecting) ли вас категория или *субъективирует* (subjectifying)?» Как мы уже видели в конце последнего раздела, свобода — это выход из плохой зависимости, а не *отсутствие* связей.

С этой точки зрения мы теперь понимаем, какую великую, хотя и невольную, услугу способна оказать нашему исследованию социология социального. Она позволяет проследить ту часть социального, которая складывается и стабилизируется, по мере того как коммунальные предприятия, информационные технологии, бюрократии и в общем смысле распространение форматов и стандартов делают видимой цену производства универсальности. Именно поэтому социальные науки одновременно и часть проблемы, и ее решение: они постоянно поддерживают вспененное коллективное брожение. Стандарты, определяющие, к выгоде каждого, из чего состоит *социальное как таковое*, могут быть хрупкими, но они все равно могущественны. Теории о том, что такое общество или каким оно должно стать, играют огромную роль, помогая актерам определить, где они, кто они такие, с кем они должны считаться, как им обосновать свое существование и какому виду сил они должны подчиняться. Если естественные науки, такие как физика или химия, преобразили мир, то насколько же больше социальные науки трансформировали то, что значит для людей быть связанными друг с другом? Актеры могут загружать теории социального с такой же легкостью, как и MP3-файлы. И, конечно, сама мысль, что «мы члены общества», что мы «подотчетны», что мы имеем «правовую ответственность», что «гендер отличается от пола», что «мы в ответе перед следующим поколением», что мы «теряем социальный капитал», и т. д., циркулирует по каналам, восстанавливая которые способны историки мысли с почти такой же точностью, с какой их коллеги делают это в отношении Международных часов, ома, метра, двойной бухгалтерии или распространения стандартов ISO9000²³. Социальные теории — не позади всего этого, а очень даже на первом плане. Каждая

²³ ISO 9000 — серия международных стандартов, описывающих требования к системе менеджмента качества организаций и предприятий. — *Примеч. ред.*

из них тяготеет к экспансии или, как заметил Тард, «мечтает, подобно Александру Македонскому, о завоевании мира». Даже если какая-то социальная теория и достигла гегемонии, она никогда не будет универсальнее метра, и, уподобляясь ему, проживет ни минутой дольше, чем поддерживающие ее метрологические цепи²⁴.

Как только мы научились очерчивать ее, мы можем воспользоваться этой топографией и взяться за другие каналы, которые не материализуются непрерывно каким-то государственным аппаратом, но движения которых, тем не менее, имеют тот же эффект. Точно такую же роль могут играть и *собирающие формулировки*, при условии, что мы не видим в них просто «репрезентацию» или «искаженный образ» существующих социальных сил. Например, средневековая формула «*Vox populi, vox Dei*» («Глас народа — глас Божий») не просто «выражает» широко распространенное популярное верование, укорененное в вечной мудрости народа. Вы можете, как Алан Буро, задокументировать большинство случаев этого речевого акта, имевших место в Средние века, начертить сетевую форму его употребления и показать, что всякий раз, когда эта формула произносилась, она изменяла, хотя и незначительно, распределение ролей и сил между *deus, populus, vox* и *rex*²⁵. Из первого источника неопределенности мы узнали, что даже маленькое изменение в способах говорить о группах изменяет производство этих групп. Это еще более верно в случаях, когда формулировка несет в себе иную социальную теорию, как в данном

²⁴ Не требуется никакого героического подвига рефлексивности, чтобы применить этот принцип к социологии Тарда и самой АСТ. Чтобы это сделать, не нужно никакой привилегированной позиции, никакой абсолютной системы координат.

²⁵ В дополнение к: Boureau A. L'adage Vox Populi, Vox Dei et l'invention de la nation anglaise (VIIIe–XIIe siècle); современным примером является выражение «окружающая среда» — см.: Charvolin F. L'invention de l'environnement en France. Chroniques anthropologiques d'une institutionnalisation. Об общей теории макроакторов см.: Cooren. The Organizing Property of Communication. В ином ключе: Faye J.-P. Langages totalitaire; предлагает другой способ серьезного отношения к объединяющей силе конкретных формулировок. Об использовании социологического инструментария см.: Mondada L. Décrire la ville: La construction des savoirs urbains dans l'interaction et dans le texte.

случае чрезвычайно неустойчивого выражения, включающего в себя, наподобие тонкого рельефа, вырезанного на поверхности драгоценного камня, целую интерпретацию связей между теологией и политикой.

Такие собирающие формулы — не какие-нибудь редкие и экзотические случаи. Подумайте, что достигается, когда американец с гордостью заявляет: «Это свободная страна!», или когда француз восклицает: «У нас же демократия!». Посмотрите, сколько позиций изменилось, когда европейские бюрократы провозгласили «принцип предосторожности» в противовес более классическому американскому принципу риска²⁶. Оцените, как загорается ближневосточная аудитория, когда вы говорите об «оси зла» или ратуете за «Исламское просвещение». Собирающие формулы не только очерчивают новые связи, но и предлагают новые тщательно разработанные теории о том, что надо соединить²⁷. Они производят социальное всеми практическими способами. Такова сила «обоснований», анализируемых Болтански и Тевено: они не имеют размера, но оставляют за собой, так сказать, в виде следа «оценки размера», поскольку такие формулировки дают людям возможность ранжировать себя — как и объекты диспута. Каждый раз, когда какое-то выражение используется для обоснования чьего-либо действия, оно не только форматирует социальное, но и создает второй уровень описания — как следует форматировать социальные миры²⁸. Именно потому, что масштаб не является фиксированной принадлежностью социального, такие со-

²⁶ О «принципе предосторожности» в европейских ведомствах см.: *Dratwa J. Taking Risks with the Precautionary Principle.*

²⁷ Прекрасный пример соединяющей способности идей приводится в: *Baxandall M. Patterns of Intention. On The Historical Explanation Of Pictures. Mitchell T. Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity* — одно из лучших исследований, в котором в дополнение к собирающим формулировкам рассматривается «развитие» формирующей силы интеллектуальных технологий.

²⁸ *Boltanski L., Thévenot L. On Justification (Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. — Примеч. ред.). Социология Болтански — наполовину кантианская философия, наполовину новый взгляд на собирающие и циркулирующие формулировки. Не составит труда переместить второе и избавиться от первого.*

бирающие формулировки и играют столь важную роль. Когда им позволяется просто представлять, овеществлять или объективировать что-то другое, например, социальный контекст на заднем плане, их эффективность уже не видна. Но как только в них снова видят многочисленные стандарты, циркулирующие по тонким метрологическим цепям, они явно превращаются в источник того, что мы понимаем под бытием в обществе. Как возможно было бы собрать коллектив без собирающих формулировок?

НАКОНЕЦ, ПОСРЕДНИКИ

Теперь, когда мы умеем находить дорогу на уплощенном ландшафте и научились воздавать должное формирующей силе социологии социального, следующий шаг так же труден, как и логичен. Сама метрологическая сила социальных наук и делает трудным для них согласие с социальным как ассоциациями. Именно потому, что эта социология так преуспела в градуировании и стандартизации *стабилизированных* определений социального, она находит столь непрактичной оценку новых данных, которые постоянно привносят разногласия. Чем лучше вам удастся понимание «старого» социального, тем хуже — понимание нового. Точно так же обстоит дело с техническими областями метрологии: они дают возможность всем другим лабораториям заниматься наукой, но сами не являются источником больших открытий, даже если проворно используют любой новый факт, чтобы повесить точность своих инструментов еще на несколько десятых²⁹. Метрология не в большей степени является всей наукой, чем социология социального — всей социологией. Социальное, образующее общество, — только часть ассоциаций, составляющих коллектив. Если мы хотим пересобрать социальное, то необходимо, кроме циркуляции и форматирования традиционно понимаемых социальных отношений, искать и другие циркулирующие реалии.

Этот поиск легче, когда мы знаем, что нельзя путать уже собранное социальное с работой по пересборке социального,

²⁹ См.: *Cochrane R.C. Measures for Progress*. К сожалению, замечательная статья П. Хантера (*Hunter P. The National System of Scientific Measurement*), насколько мне известно, не переиздавалась.

и когда мы знаем, как не замещать искомые сущности чем-то состоящим из социальной субстанции. Локализуя циркуляцию, производство, форматирование и метрологию социального в маленьких, способных расширяться и дорогостоящих каналах, мы уже открыли пространство, в котором могут начать циркулировать другие типы сущностей.

Но если мы хотим извлечь пользу из этих небольших «окон возможностей», то должны сменить позицию по умолчанию наших поисков. Мы не должны заявлять: «встретившись с объектом, не обращай внимания на его содержание, а ищи окружающие его социальные аспекты». Вместо этого надо сказать так: «встретившись с объектом, прежде всего, обрати внимание на связи, из которых он состоит, и лишь потом посмотри, как он обновил репертуар социальных отношений». Иными словами, мы должны понять, почему социологи так боятся столкнуться с не-социальными сущностями, составляющими социальный мир, хотя эта чудесная встреча представляет собой самый обычный опыт. Мы словно бы не можем выдержать встречи лицом-к-лицу с загадочным феноменом, продолжающим разрастаться всякий раз, когда у нас возникает ощущение, что коллективная жизнь рушится. Почему, встретившись с религией, мы стремимся ограничить исследование только ее «социальными измерениями» и за научную добродетель почитаем не изучать религию как таковую? Почему при встрече с наукой наша первая реакция — почтительно сосредоточиться на ее «социальных предпосылках», а не на объяснении самой объективности? Почему, исследуя искусство, мы сосредоточиваемся только на том, «что социально» в оценке шедевра, а не на множестве других возможных источников его ценности? Почему, изучая экономику, мы так неуверенно приближаемся к самой сердцевине наших связей с товарами, ограничиваясь «чем-то социологическим», в которое, как нам кажется, «погружены» «чисто рациональные расчеты»? И так далее. Похоже, первая наша реакция — браться за исследование ассоциаций лишь в том случае, если их сверху покрывает слой социальных отношений; похоже, мы никогда не согласимся разговаривать с подлинными действующими лицами, а лишь с социальными силами, действующими как их заместители. Во времена, не ведающие целомудрия, и такая невообразимая чистота: «Скройте, пожалуйста, скройтесь, видеть не могу эти ассоциации!», или: «Прежде чем

войти во дворец социальных наук, пожалуйста, прикройтесь чадрой социальных объяснений».

Хотя самая обыкновенная наша встреча с обществом перегружена новыми элементами, которые сами по себе не являются частью социального репертуара, почему мы все время настаиваем, что должны придерживаться короткого списка его признанных членов? Такое ограничение приобрело смысл с началом модернизации. Чтобы подчеркнуть четкий разрыв с прошлым, логично было заранее ограничить общество малым числом *персон грата*. Но это не означает, что социология должна навсегда согласиться быть без-объектной дисциплиной, то есть наукой *без объекта*. Испытывать уважение к формирующей силе социологии социального — это одно, но совсем другое — ограничиться метрологией и забыть об открытии новых феноменов. Как можно называть эмпирической дисциплину, выбирающую среди данных только те, которые могут быть упакованы в «социальные объяснения»? Не надо великой доблести и большого воображения, чтобы увидеть: когда остался в стороне модернизм, в такой позиции уже нет морального, научного или политического смысла.

Подумайте, к примеру, что бы случилось при подходе к религии, сохраняющем старые позиции по умолчанию. У набожных душ есть загадочная непреодолимая склонность говорить так, как будто они находятся в отношениях с духами, божествами, голосами, призраками и т. д. Все подобные сущности, конечно, с точки зрения исследователя, не обладают существованием, поскольку не принадлежат к ограниченному репертуару изначально установленных сил. Так что же нам делать с тем, что акторы неуклонно обозначают как реально существующие сущности? Нам пришлось бы взять их в пугливые кавычки, вынести их существование за скобки и локализовывать их строго в мышлении верующего. Нам пришлось бы в буквальном смысле *изобрести верующего*³⁰. Начала бы развиваться первая воображаемая сфера. Теперь, раз эти реалии не существуют, но тем не менее «воспринимаются» как реальные, они должны приходиться из чьего-либо духа или мозга.

³⁰ То, что подобная вера, институция модернизма, проистекающая из критики, один из важнейших аспектов изучения иконоборчества и целого репертуара критических жестов. См.: Latour B., Weibel P. Iconoclasm.

Но божествам, духам и голосам слишком тесно жить во внутреннем мире отдельной личности. Они очень точны, очень техничны, очень изобретательны. У них весьма размашистые движения, и они явно не умеются в границах индивидуальной изобретательности, воображения и способности к самообману. Кроме того, актеры продолжают настаивать, что их побуждают делать разные вещи именно реальные сущности, приходящие «извне»! Простые люди не хотят, чтобы они были просто объектом веры, и потому в конечном счете эти сущности должны приходить извне. Значит ли это, что мы должны признать за ними реальное существование? Нет, и еще раз нет, поскольку они не существуют, что считается единственным «достоверным фактом» в этом деле. Что это за единственная реальность, находящаяся вне индивида и обладающая силой поддерживать существование несуществующих феноменов? В ответ, конечно, скажут: общество, социальное, состоящее из социального вещества. Вот и вторая, даже еще большая сфера, начинает развиваться из нашего собственного исследования: несуществующее социальное вещество, ответственное за поддержание существования несуществующих сущностей, населяющих ограниченное мышление заблуждающихся членов общества. И все это под именем настоящей науки и серьезной учености! И, несмотря на это, простые люди продолжали бы настаивать: их побуждают действовать реальные сущности, приходящие *извне* их самих.

Но любой науке приходится выдумывать рискованные и искусственные устройства, делающие исследователя чувствительным к новым типам связей. Разве не очевидно, что не имеет эмпирического смысла отказываться от встречи с силами, побуждающими людей действовать? Почему бы не принять всерьез то, что так настойчиво говорят респонденты? Почему не пойти туда, куда они показывают пальцем, говоря о том, что «заставляет их действовать?» Китайская пословица (скорее всего не настоящая) гласит: «Когда мудрец показывает на луну, дурак смотрит на его палец». Я не могу согласиться с тем, чтобы социальные науки унизились до создания целых дисциплин, превращающих ученых в дураков. Почему бы не сказать, что в религии важное — это существа, побуждающие людей действовать, как всегда и утверждает любой верующий?³¹ Это было бы более эм-

³¹ Claverie E. Les Guerres de la Vierge.

пирично, возможно, более научно, уважительнее и гораздо экономнее, чем изобретение двух невозможных, несуществующих мест: мышление верующего и социальная реальность скрыты за иллюзиями, подpiraемыми еще большим количеством иллюзий. Кроме того, что уж такого научного в понятии «вера»?

Если принимается такая позиция по умолчанию — смотрите сначала на объект, а только потом на стандартизированное социальное, то здесь, конечно, есть хитрость. Я не настолько наивен, чтобы верить, что АСТ могла бы избежать судьбы всех теорий: мыслить — значит не решать трудные проблемы, а всего лишь убирать их с дороги. Чтобы встреча с объектами произошла, надо вернуть другим циркулирующим реалиям гражданские права, так, чтобы они тоже могли занимать место рядом с более старыми членами общества. Но разве социологи социального не гордятся, что устранили все эти экзотические объекты? Неужели мы на самом деле должны вернуть назад богов, говоря о религии, шедевры — анализируя искусство, и объективные факты — когда изучаем науку? Разве не именно это препятствие социальная наука с гордостью оставила позади? Разве обращение к существованию не-социальных циркулирующих реалий — не самый реакционный, отсталый и архаичный шаг, какой только возможен? Именно здесь Муравей победит или проиграет. Можем ли мы предвосхитить социальную науку, которая *принимала бы всерьез существа, побуждающие людей действовать*? Может ли социология стать *эмпирической* в смысле уважения к странной природе того, что «дано в опыте», подобно тому как зоологи питают уважение к своим зоопаркам, а ботаники — к своим гербариям? Можем ли мы очертить социальные отношения, переходя от одного не-социального существа к другому, а не замещая все сущности, населяющие мир, неким эрзацем, сделанным «из социальной субстанции»? И даже еще проще: может ли социальная наука иметь *реальный объект* изучения?

Прежде чем категорически ответить «нет», задумайтесь на минуту, что бы значило для чувствительности наших инструментов, если бы нам пришлось сменить стандартную настройку и сначала рассматривать объекты, а не рыскать по кустам в поисках социальных объяснений. Потом сравните это с неправильным подходом к религии в только что приведенном

примере. Или возьмите произведения искусства³². За исключением религии, никакая другая область не была смята до такой степени критической социологией, как социология искусства. Любую скульптуру, картину, блюдо французской кухни, моду на техно-музыку, роман — все это свели к ничто, объясняя «скрытыми за ними» социальными факторами. Если воспользоваться инверсией платоновской аллегории пещеры, все объекты, которыми люди приучились восхищаться, подменили марионетками, отбрасывающими социальные тени, которые считаются единственной «подлинной реальностью» «позади» оценки произведения искусства. Нигде социальное объяснение до такой степени не играло роли царя Мидаса наоборот, обращающего золото, серебро и алмазы в грязь. И все-таки, как и в случае с религией, если вы прислушиваетесь к тому, что говорят люди, они подробно объясняют, как и почему *притягивают их к себе, движут ими, влияют на них* произведения искусства, «заставляя их» чувствовать вещи. Невозможно! Запрещено! Быть взволнованным — это просто манерность³³. Так что же мы должны были бы делать, если бы оставались на прежней позиции? Что же и здесь, как и в случаях с религией, наукой и политикой, «научной» хваткой социологии люди превращаются в тех, кто себя обманывает — они снова верующие! И опять, как всегда, некоторые люди, доведенные до бешенства варварской непочтительностью «социальных объяснений», поднимаются на защиту «сокровенного святилища» произведения искусства от варваров. И, к сожалению (наклон крут, результат неизбежен), в итоге мы плавно качаемся между «интернализмом» и «экстернализмом», эстетическими и социальными объяснениями всю дорогу обратно в детский сад.

Конечно, это не то, что дано эмпирически, ибо хотя существа, с которыми нас связывают произведения искусства, совсем не похожи на социальное социологов, они никогда не похожи и на изолированный «объект» эстетики с его «внутренним ядром» и «неизреченной красотой». Если в прежней парадигме вам приходилось иметь дело с игрой с нулевой суммой: все

³² Я уже показал в первой части, к чему это привело в социологии науки.

³³ Здесь я следую: *Hennion A. La passion musicale: Une sociologie de la médiation.*

проигранное произведением искусства выигрывало социальное, а все проигранное социальным должно было выиграть «внутреннее качество» произведения искусства, то в новой парадигме мы имеем ситуацию «выигрывают все»: чем больше связей, тем лучше³⁴. Разве это не самый что ни на есть общий опыт? Вы смотрите на картину; ваш друг указывает на деталь, которую вы не заметили. Значит, вас *побудили* что-то *увидеть*. Кто это видит? Конечно, вы. Но разве вы сами, по своей воле не признались, что не увидели бы этого *без* вашего друга. Так кто увидел утонченную черту? Вы или ваш друг? Абсурдный вопрос. Кто настолько глуп, чтобы *вычесть* из общей суммы действия влияние указания на что-то? Чем больше влияния, тем лучше. И если вы постепенно подпадаете под влияние качества лака, правил арт-рынка, головоломок нарративных программ³⁵, сменяющих друг друга вкусов коллекционеров, образующих длинный кортеж посредников, то «внутреннее качество» произведения не ослабеет, а наоборот, усилится³⁶. Чем больше «изобилия» (affluence), тем лучше³⁷. Попытаться различать «то, что идет от зрителей», и «то, что идет от объекта», контринтуитивно, когда очевидный ответ — «плыть по течению». Объект и субъект могут существовать, но все интересное происходит вверх по течению или вниз по течению. Просто следуйте за потоком. Да, идите за самими актерами или за тем, что побуждает их действовать, — за циркулирующими сущностями.

В дорелятивистском понимании социального на переднем плане находился человек-участник, а дальше, через резкий разрыв, социальный мир. Людям не позволяли встретиться ни с чем, если оно не состояло из социальных отношений. Таков

³⁴ См.: Hennion A., Teil G. Le goût du vin: Pour une sociologie de l'attention; и Koerner J.L. The Reformation of the Image.

³⁵ Нарративная программа — термин семиотики Геймаса, обозначающий абстрактную формулу, используемую для представления действия. — *Примеч. ред.*

³⁶ Трактовка шедевров искусства некоторыми историками (см.: Alpers S. Rembrandt's Enterprise: The Studio and the Market) — это отличная модель для рассмотрения всего остального социального, даже для тех, кто не потворствует каким-либо эксплицитным социальным теориям (Haskell F. Patrons and Painters: A Study in the Relations Between Italian Art and Society in the Age of the Baroque).

³⁷ Неологизм в: Yaneva A. L'affluence des objets.

был этикет этой странной дипломатии. В новом определении все наоборот: человеческие участники и социальный контекст перемещаются на задний план; на первый план выдвигаются все посредники, умножение которых производит, среди многочисленных других сущностей, то, что можно назвать квази-объектами и квазисубъектами. Если вернуться к довольно неудачной астрономической аналогии, которую использовавший ее Кант сделал еще более шаткой, и перевернуть ее, то вместо объектов, вращающихся, как в докоперниковской социологии, вокруг социальных структур, теперь различные социальные структуры эмануруют из многочисленных подсоединений, занимающих центральное место в социальной вселенной. Неважно, насколько сомнительна эта метафора, но именно к такому изменению перспективы стремится АСТ. Вещи, квазиобъекты и подсоединения — реальный центр социального мира, а не агент, личность, член группы или участник и не общество или его перевоплощения. Разве это не более удачный способ, пользуясь другим выражением Канта, сделать социологию способной, наконец, «вступить на надежную дорогу науки»?

Возможно, читатель помнит, что на самых первых страницах этой книги, когда мне надо было по возможности четко объяснить различие между социологией социального и социологией ассоциаций, мне пришлось вслед за Тардом сказать, что первая из них просто путает *explanans* и *explanandum*: общество — это следствие, продукт ассоциаций, а не их причина. В то время это резкое различие не могло быть слишком убедительным, поскольку просто переворачивало направление причинно-следственной связи. Теперь я в состоянии предложить более точную формулировку: существует много других способов заново очертить весь социальный мир помимо узкого понимания, обеспечиваемого стандартизированными социальными связями.

Я могу, конечно, сохранить упрощенный аргумент и заявить, например, что не наука объясняется социальными факторами, а *содержание* науки объясняет форму ее *контекста*; что не социальная власть объясняет право, а правовая практика определяет, что значит быть *обязанным*; что не технология «социально формируется», а, скорее, различные техники придают протяженность и длительность социальным *связям*; что не социальные отношения «включают в себя» экономические расчеты,

а экономические расчеты наделяют актора компетенцией экономического поведения и так далее. Хотя каждая из этих инверсий была бы верна в терминах АСТ, они оставались бы неполными, поскольку я оставил обе позиции — то, что объясняет, и то, что надо объяснить, нетронутыми, просто поменяв одну на другую. В этой первой формулировке не социальное объясняет ассоциации, а, скорее, ассоциации объясняют социальное.

Но теперь после того, как мы привыкли путешествовать по новому плоскому ландшафту, эти две позиции исчезают вместе с самой потребностью социального объяснения, апеллирующего к хранилищу уже стабилизированных социальных связей: социальное — это не место, не вещь, не сфера и не разновидность вещества, а движение новых ассоциаций во времени. Такая смена топографии дает возможность теперь представить тот же самый аргумент АСТ в более интересном освещении, предлагая, так сказать, посадочные полосы для вхождения в коллектив другим сущностям, сущностям таким же целостным, вездесущим, заслуживающим уважения и эмпирическим, что и социальное социологов, но не так внимательно ими исследуемым.

Например, мало того, что право невозможно объяснить влиянием на него социальных сил; неверно было бы даже сказать, что право должно, в свою очередь, объяснять, что такое общество, ибо нет никакого общества, чтобы его объяснять. Право может делать гораздо лучшие вещи: например, циркулировать по всему ландшафту, соединяя сущности *правовым способом*. Науку, конечно, невозможно объяснить исходя из ее социального контекста, но ее и нельзя использовать для объяснения компонентов социальных отношений. У нее тоже есть много, чем заняться: например, циркулировать повсюду, соединяя сущности *научным способом*. Хотя совершенно бессмысленно объяснять религию как воображаемое воплощение общества, переворачивать это отношение было бы не намного лучше, поскольку религия даже не ставит своей целью объяснение формы общества. Она тоже способна делать важные вещи: соединять все те же реалии, которые соединяют право и наука, но связывая их *религиозным способом*. Поскольку с объяснением политики с помощью таких понятий, как власть и господство, можно спорить, здесь нет смысла в простом переворачивании аргумента: у политики много более важных задач, которые

ей надо решать, — снова и снова очерчивать парадоксальную форму политического тела *политическим же способом*. И то же самое можно сказать о множестве других типов *соединителей*, которые теперь находятся в центре сцены, поскольку именно их перемещения выявляют социальные связи, — выражение, которое, как мы знаем, означает не «связи, сделанные из социального», а новые связи между не-социальными элементами.

А теперь сложный момент, подобный соломинке, сломавшей хребет верблюда: перемещение — да, но *чего?* Что значит говорить о правовом, религиозном, научном, техническом, экономическом и политическом «способах» установления связей? И как это может быть сопоставимо со следами, оставленными градуированными определениями социальных связей? Вот тут-то аналогия с коперниканской революцией — лишь скромное преуменьшение; вот тут-то и может произойти реальный разрыв с любым типом «социальной» науки, если мы радикально не изменим значения этого прилагательного, — и вот тут-то горстка читателей, которых я умудрился сохранить до сих пор, могут навсегда отказаться от этой теории³⁸. Для того чтобы понять, что именно я считаю конечной целью АСТ, мы должны выпустить из их клеток сущности, которым до сих пор было строго запрещено выходить на сцену, и позволить им снова бродить по миру³⁹. Как бы их назвать? Сущности, существа, объекты, вещи, возможно, их надо считать невидимыми⁴⁰. Для того чтобы развернуть все разнообразные пути, которыми они собираются в коллектив, потребовалась бы совсем другая книга, но, к счастью, мне не нужно делать это в позитивном ключе, — я должен лишь указать направление и объяснить, почему мы

³⁸ Это также место, где я наконец расхожусь с Тардом, никогда не считавшим необходимым различать типы нитей, из которых он прядет свое определение социального мира. В этом смысле Тард сохраняет субстантивистское, а не релятивистское понимание социологии.

³⁹ Возможно, что такой шаг находится за границами возможностей социологии и приводит к философии. Но я научился у Мол считать, что «эмпирическая философия» — это, возможно, другой способ заниматься социальной наукой.

⁴⁰ Если меня и обвиняли в позитивизме за то, что отрицаю все скрытые силы (см. второй источник неопределенности, с. 64), то надеюсь, что теперь ясно: это было только сиюминутное впечатление.

до сих пор минимизируем свои шансы быть «объективными», так долго придерживаясь социологии социального.

Возможно, я слишком часто пользовался метафорой относительности, но параллель потрясающая: отказ от социального объяснения аналогичен отказу от эфира; ничто не потеряно, за исключением артефакта, делавшего невозможным развитие науки, заставляя исследователей изобретать сущности с противоречивыми свойствами и не позволяя им увидеть реальные вещи. Я вижу основное преимущество предложенного мною странного шага в том, что он дает социологам возможность эмпирически схватить то, что на самом деле делают все участники. Когда социальные объяснения перемещены в производство и распространение стандартов, наконец, могут быть выделены и другие существа, по-своему участвующие в собирании коллектива. Ни одна благочестивая душа никогда не соглашалась быть просто верующей, так зачем действовать так, как будто вера — единственный способ «объяснения» религии? Никакой любитель искусства никогда не колебался между «субъективностью» и «объективностью», так зачем ввергать всю социологию искусства в это искусственное противостояние? Ни один инженер никогда не различал группу людей и совокупность деталей, — так зачем строить объяснения так, как будто общество и технологию нужно держать порознь друг от друга? Ни один лабораторный ученый никогда не встречался с объектом «вовне», не проделав работы, чтобы «сделать его видимым», так зачем действовать так, будто альтернатива между «реализмом» и «конструктивизмом» кому-то интересна? Ни один политик никогда не сталкивался с простым господством, так зачем настаивать на важности различения формальных процедур и реальных социальных сил? Если слово «эмпирический» означает «приверженный опыту», то разве это не предполагает уважения к тому, что дано в наиболее обычных столкновениях с социальным?

Посредники, наконец, открыли нам свои настоящие имена: «Мы — существа внешнего мира, собирающие и объединяющие коллектив той же протяженности, что и то, что вы до сих пор называли социальным, ограничивая себя лишь стандартизированной версией сборок; если вы хотите следовать за самими актерами, вы должны идти и за нами». Когда вы начинаете внимательно обращаться с посредниками, то осознаете, что

очень немногие из них довольствуются онтологическим репертуаром, предоставляемым двумя старыми коллекторами — природой и обществом. Право, наука, религия, экономики, души, системы морали, политика и организации — все могут обладать собственными модусами существования, собственными циркуляциями. Возможно, множество обитаемых миров и натянутая гипотеза, но множество режимов существования в нашем собственном мире — что ж, это *данность*⁴¹. Есть ли у социологии хоть какая-то причина, чтобы продолжать ее игнорировать?⁴²

Проблема в том, что социальные науки никогда не осмеливались быть по-настоящему эмпирическими из-за уверенности, что они в то же время должны участвовать в задаче модернизации. Всякий раз, когда начиналось честное исследование, оно на полпути прерывалось побуждением обрести определенную значимость. Именно поэтому так важно поддерживать разделение того, что я раньше обозначил как три самостоятельные задачи социальных наук: развертывание разногласий, стабилизацию этих разногласий и поиск политических рычагов воздействия. Но прежде чем мы приступим к этому последнему вопросу политической эпистемологии, я должен указать другую загадочную вещь, которая и побудила меня к написанию этого введения. В противоположность всем другим «зажимам», которые мне удалось расставить по местам, этот прорвет сплошное переплетение сетей, *terra firma* следов и документов и уведет нас обратно к морю — морю нашего общего невежества.

ПЛАЗМА: НЕДОСТАЮЩИЕ МАССЫ

Какое огромное облегчение — обнаружить, что мы не «в» обществе, как и не «в» природе. Социальное не похоже на обширный недостижимый горизонт, объемлющий каждое из наших движе-

⁴¹ Именно это и делает столь интересной философию — такую как у Этьенн Сурио: *Souriau E. Les différents modes d'existence*. Определению и исследованию этих модусов посвящен мой следующий проект, который я назову исследованием режимов провозглашений.

⁴² Искусная попытка Лумана учитывать различия благодаря понятию «автономных сфер», к несчастью, оказалась бесплодной из-за того, что он настойчиво описывал все сферы посредством общего мета-языка, заимствованного из упрощенной версии биологии.

ний; общество — не вездесущее, всезнающее, всепроникающее, видящее каждое наше движение, слышащее каждую нашу самую тайную мысль, как всемогущий Бог старых катехизисов. Когда мы соглашаемся начертить плоский ландшафт, для которого я предложил список подпорок, приемов, сетей координат и зажимов, мы заставляем социальное — по крайней мере, его градуированную, стабилизированную и стандартизированную часть, — циркулировать по узким проходам, которые можно распространить вширь только с помощью большего количества инструментов, расходов и каналов. Всеобщее, то есть системное или структурное, не игнорируется, а заботливо размещается внутри одного из многих стереотеатров, предоставляющих завершённые панорамы общества, — и мы теперь знаем, что впечатление тем сильнее, чем более замкнуто помещение. Общество — это не целое, вмещающее в себя всё, а то, что проходит «через» всё, градуируя связи и предоставляя каждой сущности, которой достигает, возможность соизмеримости. Теперь мы должны научиться «подключать» социальные каналы, как подключаем телевизионный кабель. Общество не больше охватывает целое, чем Всемирная паутина — действительно *всемирная*.

Но тогда следующий вопрос так прост, шаг вперед так неизбежен, следствие выводится так логично, что, я уверен, каждый из читателей уже предвидит этот последний аспект. Если верно, как заявляет АСТ, что социальный ландшафт имеет такую плоскую «сетевую» топографию и что компоненты, из которых состоит общество, движутся внутри узких каналов, то что находится *в промежутках* между петлями этого циркулирования? Вот почему сетевая метафора, невзирая на ее мелкие дефекты, остается такой сильной. В противоположность субстанции, поверхности, области и сферам, заполняющим каждый сантиметр того, что они объединяют и очерчивают, сети оставляют все, что они не связывают, просто *несвязанным*. Разве сеть не состоит преимущественно и большей частью из пустот? Как только что-то настолько большое и всеобъемлющее, как «социальный контекст», заставляют проходить через весь ландшафт по прямой как метро или газопроводы, неизбежно встает вопрос: «Что это за вид вещества, который *не* затрагивается этим узким видом циркуляции или к нему *не* подключен?». Как только задан такой вопрос, происходит головокружительный переворот, задний план и авансцена меняются местами. Как только

весь социальный мир перемещен внутрь своих метрологических цепей, в наш оком врывается необозримый новый ландшафт. Если знание социального ограничивается муравьиными галереями, по которым мы движемся, то что мы знаем о том, что *снаружи*? Не много.

В каком-то смысле это следствие материального понимания формализма. Если формализм не дает полного описания самого себя, это означает, что для придания завершенности любому акту формализма нужно *добавить нечто*, пришедшее откуда-то из другого места и не являющееся формальным по определению. Это величайший урок Витгенштейна: следование правилам само не может быть описано при помощи правил. Как всегда, именно Гарфинкель предложил самое полное определение «внешнего», к которому мы должны обращаться, чтобы завершить любое действие: «Сфера вещей, ускользающих от формально-аналитической учета, астрономически велика по размеру и размаху»⁴³. Хотя Гарфинкель и не понимал подлинного значения стандартизации, его метафора — не преувеличение: соотношение того, что мы отформатировали, с тем, что нам неизвестно, действительно астрономическое. Социальное, как его обычно истолковывают, — всего лишь несколько песчинок в сравнении с тем множеством связей, которых требует осуществление малейшего действия.

Вы обнаружите такое же замешательство и у самых разных школ социальной теории: *действие не встраивается в завершенную логическую схему*. Например, в этом великое достоинство, чтобы не сказать очарование, описаний социальных практик Гови Беккера. Если его описания всегда остаются неполными, незавершенными, допускающими колебания, если они начинаются с середины и без особой на то причины останавливаются, то это не слабость с его стороны, а результат предельной внимательности к прихотливости опыта⁴⁴. Чтобы выучить мелодию, управлять оркестром, вы должны понять множество невыученных, нескоординированных фрагментов действия. В этом и причина — если взять другую школу мысли,

⁴³ Garfinkel H. Ethnomethodology's Program. P. 104.

⁴⁴ См.: Becker H. Outsiders: studies in the sociology of deviance and Becker, Art Worlds.

почему Тевено вынужден множить число разнообразных режимов действия, чтобы просто начать охватывать простейшее поведение. Как только нужно дать неформальное описание формализма, каждый мыслитель превращается во второго Зенона, множа *ad infinitum*, число промежуточных шагов. Поэтому же и Ло, пытаясь определить перспективы своей АСТ, утверждает, что «альтернативная метафизика допускает „по-ту-сторонность“ как огромную, избыточную, энергетичную, как набор колеблющихся потенциальностей и окончательно неразрешимый поток»⁴⁵.

Но именно Тард, что неудивительно, предложил самые радикальные интуиции по поводу основания, необходимого для возникновения любой активности⁴⁶. Следствия именно его интерпретации связей между большим и малым я уже использовал в предыдущих главах. Большое (государства, организации, рынки) — это усиление, но также и *упрощение* малого. Только Тард мог до такой степени перевернуть здравый смысл, чтобы почти спокойно утверждать: «Таким образом, гораздо больше логики в отдельной фразе, чем в рассуждении, и в одном рассуждении — больше, чем в последовательности или группе рассуждений; в конкретном ритуале — больше, чем во всей религии; в одном пункте закона — больше, чем во всем правовом кодексе; в одной научной теории — больше, чем во всем научном корпусе; и в одной части работы, выполненной одним работником, больше, чем во всем, что он сделал»⁴⁷. Опираясь на этот принцип, мы не должны считать, что «макро» включает в себя «микро». Напротив, «микро» состоит из разрастания несоизмеримых сущностей (Тард называет их «монадами»), которые просто предоставляют один из своих аспектов («свою внешнюю сторону»), чтобы на какое-то время образовать целое. Малое удерживает большое. Или, вернее, большое может в любой момент снова раствориться в малом, из которого оно возникло и в которое вернется. Каково бы ни было выражение, похоже, никакого понимания социального не обеспечено, если вы не обратите внимания на другой ряд неформатированных фе-

⁴⁵ *Law J. After Method.* P. 144.

⁴⁶ *Tarde G. Psychologie économique.* P. 220.

⁴⁷ *Tarde G. Social Laws.* P. 76.

номенов. Как если бы в какой-то точке вам пришлось покинуть твердую почву и выйти в море⁴⁸.

Я называю этот фон *плазмой*, — это именно то, что еще не отформатировано, еще не измерено, еще не социализировано, еще не включено в метрологические цепи, еще не покрыто, не обследовано, не мобилизовано или не субъективировано⁴⁹. Насколько оно велико? Возьмите карту Лондона и представьте себе, что социальный мир, который мы до сих пор посещали, занимает не больше пространства, чем метро. Весь остальной Лондон будет плазмой, — все его здания, обитатели, климат, растения, кошки, дворцы, конные гвардейцы. Да, Гарфинкель прав, «астрономически велика по размеру и размаху».

Как только мы признаем протяженность этой плазмы, мы сможем переместить в правильное месте две противоположные интуиции позитивистской и интерпретативной социологий: да, для того чтобы понять какое бы то ни было действие, нам приходится обращать внимание на «внешнее»; да, в интерпретациях этих действий существует бесконечная изменчивость. Но «внешнее» не состоит из социального вещества, — совершенно наоборот, и интерпретация не является характеристикой индивидуализированных человеческих агентов, — совсем наоборот.

Чтобы интерпретировать поведение, мы должны что-то добавить, но это не значит, что нам следует искать социальную рамку. Конечно, социологи были правы, ища некое «внешнее», хотя оно совсем не похоже на то, чего они ожидали: в нем нет и следа градуированного социального обитателя. Они были правы, ища «нечто скрытое на заднем плане», но это нечто — не на заднем плане и не так уж скрыто. Оно находится в *промежутках* и не состоит из социального вещества. Оно не скрыто, оно просто *неизвестно*. Оно напоминает обширную прилегающую территорию, дающую ресурсы для выполнения каждого

⁴⁸ Слотердаик с его философией выявления оболочек, в складках которых находимся все мы, хотя и очень отличающейся от метафорической циркуляции сети, предлагает мощное новое описание того, чего всегда не достает любому отчету.

⁴⁹ См.: *Didier E. De l'échantillon à la population: Sociologie de la généralisation par sondage aux Etats-Unis*; где дан замечательный пример плазмы до того, как она превратилась в исчислимую множественность.

единичного действия, — как сельская местность для городского жителя, как недостающая масса для космолога, пытающегося математически уравнивать вес вселенной.

Чтобы быть в состоянии интерпретировать поведение, мы действительно должны быть готовы к множеству разных версий, но это не значит, что мы должны обратиться к локальным взаимодействиям. В этой книге я много критиковал феноменологов и, возможно, также гуманистов за их уверенность в том, что взаимодействия лицом-к-лицу, индивидуальные агенты и целеполагающие личности обеспечивают более реалистичную и живую позицию, чем то, что они называют пустыми абстракциями общества. Они правы, делая упор на неопределенностях, но не там видят их источники. Целеполагающие человеческие существа, интенциональные личности и индивидуальные души не единственные интерпретирующие агенты в мире фактов, лишенном какого бы то ни было собственного значения. То, что понимается под интерпретациями, изменчивостью и текучестью, — это просто способ зарегистрировать обширное «внешнее», к которому должно апеллировать всякое действие, чтобы быть выполненным. Это верно не только по отношению к человеческим действиям, но и ко всякой активности. Герменевтика — не привилегия людей, а, так сказать, свойство самого мира. Мир — это не твердый континент фактов, куда вкраплено несколько озер неопределенности, а широкий океан неопределенностей, где пестреют несколько островов градуированных и стабилизированных форм.

Действительно ли мы знаем так мало? Мы знаем еще меньше. Парадоксально, но этим «астрономическим» невежеством объясняются многие вещи. Почему за неделю исчезают мощные армии? Почему целые империи, такие как советская, распадаются за несколько месяцев? Почему компании, распространившиеся на весь мир, становятся банкротами после очередного квартального отчета? Почему те же компании менее чем за год из красной зоны резко переходят к показателям огромной прибыли? Почему мирные граждане превращаются в революционные толпы, а неукротимые волнующиеся массы снова обращаются в веселое скопление свободных граждан? Почему вялый индивид вдруг становится активным, посмотрев невнятный выпуск новостей? Почему выдохшегося классического музыканта вдруг захватывают самые смелые ритмы? Генералы, изда-

тели, менеджеры, исследователи, моралисты часто говорят, что среда таких внезапных изменений — мягкое, неощутимое, жидкое нечто. Это точная этимология слова «плазма».⁵⁰ Это не значит, что прочная архитектура общества на заднем плане осыпается, что у Великого Левиафана глиняные ноги, — это значит, что и общество, и Левиафан циркулируют по таким узким каналам, что для приведения в действие они должны опираться на бессчетное число компонентов, приходящих из окружающей их плазмы. До сих пор я делал чрезмерный упор на непрерывность, которую обеспечивают прослеживаемые связи, а их всегда надо рассматривать по контрасту с гораздо более обширным фоном, где связи прерываются. Или, если выразить эту мысль иначе, должна возникнуть такая социология, противоположные интуиции которой следовало бы поддерживать: и жесткая, и мягкая одновременно. Мы должны быть в состоянии рассматривать и огромную инертность социальных структур, и невероятную текучесть, на которой держится их существование: последняя и есть подлинная среда, позволяющая первым циркулировать.

Ко всякому действию из описанных мною до сих пор вы должны прибавлять огромный репертуар недостающих *масс*. Они нужны для баланса расчетов, но их *не хватает*. Хорошая новость тут в том, что социальные атрибуты занимают не так уж много места; плохая новость — мы многого не знаем об этом «внешнем». И все же у нас есть резерв, резервная армия, огромная территория — вынесем за скобки то, что это не территория и не армия, — для каждого форматированного, локализованного, непрерывного, принимаемого в расчет действия, чтобы оно на этой территории выполнялось. Теперь можно понять мою настойчивую критику социального социологов: это багаж, который не так легко открыть для инспекции. Если я часто настаивал на том, что нельзя путать социальное как общество с социальным как ассоциацией, то для того, чтобы в итоге мы могли мобилизовать этот резерв. Как было бы возможно какое бы то ни было политическое действие, если бы его нельзя было вывести из лежащих в ожидании потенциальностей?

Законы социального мира, возможно, и существуют, но они занимают совсем иное положение, нежели то, которое изна-

⁵⁰ См. указатель в: *Cassin B. L'effet sophistique.*

чально мыслилось традицией. Они существуют не *за* сценой, не у нас *над* головами и не *до* действия, а *после* действия, *ниже* его участников и витают на *переднем плане*. Они не покрывают, не включают в себя, не собирают, не объясняют; они циркулируют, форматируют, стандартизируют, координируют, и это их нужно объяснять. Общества нет, или, вернее, общество — имя не всей территории. Поэтому мы можем начать все сначала и приступить к разведке обширного ландшафта, на котором социальные науки до сих пор создали лишь несколько небольших плацдармов. Для социологии может снова начаться эра разведки, — при условии, что мы будем помнить призыв: *не заполняйте пробелы*. С чего бы нам быть нетерпеливыми с этой дисциплиной? Социология — новая наука, последний в большой семье, где много братьев и сестер. Понятно, что сначала она пыталась подражать их успехам, копируя их понимание науки и социального. На то, чтобы найти свой путь, нужно много времени.

*Заключение:
от общества к коллективу —
можно ли пересобрать социальное?*

Альтернатива, которую я предложил в этой книге, так проста, что ее можно кратко резюмировать на одной странице: проблема социального возникает, когда связи, в которых кто-то запутался, начинают распутываться. Социальное обнаруживается благодаря удивительным движениям от одной ассоциации к следующей. Эти движения могут либо приостанавливаться, либо возобновляться. Когда они останавливаются преждевременно, социальное в его обычном понимании связывается с уже признанными участниками, называемыми «социальными акторами» и являющимися членами «общества». Когда движение к объединению возобновляется, оно очерчивает социальное как ассоциации, проходя через множество не-социальных реалий, которые позже могут стать участниками объединения. Если осуществлять это движение настойчиво и систематически, оно может привести к разделяемому всеми участниками определению общего мира, что я и называю коллективом; но если нет методов, способных сделать мир общим, собрать коллектив не удастся; и, наконец, социологию лучше всего определить как дисциплину, участники которой открыто вовлечены в пересборку коллектива.

Несмотря на обобщающий характер моих высказываний, цель, поставленная мною в начале этой работы, была достаточно узкой: возможна ли снова *наука о социальном*, при условии, что мы, в силу того что узнали из социологии науки, изменим свое понимание и «науки», и «социального»? Как я сразу предупредил читателя, я не старался быть справедливым и взвешенным. Я только стремился логически последовательно вывести как можно больше следствий из этой странной отправной точки.

И вот наше странствие подошло к концу. Мы уже можем сделать вывод, что социальное, в его обычном понимании, это всего лишь период в долгой истории сборок между поиском политического тела и исследованием коллектива. Масштабный проект, дававший импульс социологии социального со времени ее возникновения в середине XIX века и до конца XX, теперь пришел в упадок. Но это не повод для отчаяния. Напротив, это лишь означает, что на смену ему должен прийти другой проект, такой же масштабный, как и предыдущий. Поскольку социология социального только один из путей, ведущих к коллективу, социология ассоциаций берет на себя задачу создания коллектива, прерванную идеей социального. Воздавая должное усилиям наших предшественников и храня верность их традиции, мы должны вернуться к их цели, понять, почему они раньше времени сочли ее достигнутой, и выяснить, как продолжить движение к ней с несколько лучшими шансами на успех.

Возможно, я выглядел несправедливым или даже злобствующим по отношению к прежним определениям социального, но это из-за того, что в последнее время они еще больше препятствуют возвращению к задаче освоения общего мира. Когда новые ассоциации сложены в мешок социальных сил, не остается способа осмотреть его содержимое, проверить, не истек ли срок годности, выяснить, есть ли на самом деле у этих сил средства передвижения и энергия для транспортировки на протяжении всего пути к тому, на объяснение чего они претендуют. Как мы уже видели в предыдущей главе, мы не отрицаем формирующей силы социальных наук. Напротив, как раз потому, что они так хорошо градуируют социальный мир, эти науки плохо приспособлены к исследованию ассоциаций, состоящих из множества не-социальных сущностей. Тот самый репертуар, с которым так хорошо ориентироваться в обществе, во времена кризиса парализует. Отсюда соблазн придерживаться репертуара уже принятых участников, исключая не соответствующие ему данные. Чтобы продолжить проект социальных наук и вернуться к истокам изначально породившего его удивления, нужно снова стать чувствительными к самым странным типам сборок. Когда мы считали себя членами нововременного общества, нас могли удовлетворять сборки «общество» и «природа». Но сегодня мы должны заново исследовать, из чего мы состоим, и расширить репертуар связей и количество ассоциа-

ций гораздо дальше границ, предложенных социальными объяснениями. На каждом углу наука, религия, политика, право, экономика, теория организации и т. д. представляют феномены, которые мы должны снова находить *загадочными*, если хотим понять, из каких типов сущностей могут быть собраны коллективы в будущем. Поскольку теперь коллекторы кажутся недостаточно вместительными, вернемся к чертежной доске.

Хотя я могу ожидать, что у социологов социального вызовет замешательство идея возвращения к задаче прослеживания связей и придания ей направленности на все объекты, которые они считали разумным оставить в стороне, отношения преемственности между АСТ и их проектом должны быть тем не менее достаточно ясны. Здесь может быть много методологических разногласий и ропота, но они не должны считать вызывающим тревогу возобновление их же собственного проекта.

Иная ситуация с критической социологией. Я дал это название тому, что происходит, когда социологи не просто ограничиваются градуированным социальным репертуаром, оставив в стороне объекты, как часто склонны поступать другие школы, но и вдобавок к этому заявляют, что объекты состоят из социальных связей. Эта тенденция становится еще более тревожной, когда раздраженная реакция самих акторов рассматривается не как признак опасности подобной редукции, а как лучшее доказательство того, что для продолжения движения существует только научный путь. Если объекты исследования состоят из социальных связей, то есть именно из того, что более ранние социологи считали частью официального репертуара, и если вы отрежете единственный источник фальсификации, — возражения тех, кого вы «объясняете», то трудно увидеть здесь совместимость с АСТ. Какими бы ни были претензии критической социологии на научность и объективность, она не может быть социологией — в новом, предлагаемом мною смысле, поскольку она не способна перевооружиться, чтобы пройти сквозь не-социальные элементы. Сталкиваясь с новыми ситуациями и новыми объектами, она рискует просто повторять, что они сотканы из того же краткого репертуара уже признанных сил: власти, господства, эксплуатации, легитимации, фетишизации, овеществления. Право может быть социально сконструированным, но и религия, экономика, политика, спорт, мораль, искусство и все остальное построены из того же материала; новым явля-

ется только слово «поле». Проблема критической социологии в том, что она всегда права.

И все-таки я должен в заключении разобраться с этим способом социальной критики, поскольку за явным вопросом, что такое настоящая наука, кроется гораздо более хитрый вопрос о политической значимости. Если первый вопрос разжигает страсти, то второй приводит в ярость, — а с яростью тоже надо считаться.

Как должно быть уже ясно из самой структуры этой книги, я заявляю: чтобы сохранить верность эмпирическому пониманию социального, мы должны *последовательно* решить три разные задачи: развертывания, стабилизации и построения. Сначала мы должны научиться так развертывать разногласия, чтобы точно просчитать количество новых участников каждого будущей сборки (часть первая); затем мы должны быть в состоянии исследовать, как сами акторы стабилизируют эти неопределенности, выстраивая форматы, стандарты и метрологии (часть вторая); и, наконец, мы хотим увидеть, как смонтированные таким образом сборки способны обновить наше ощущение бытия в том же коллективе. До сих пор я просто пытался оттянуть момент решения этой последней задачи. Теперь пора приступить к вопросу о том, что я называю политической эпистемологией.

ВАМ КАКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПИСТЕМОЛОГИЮ?

Принеся свои извинения, чтобы компенсировать непомерность нападок на социологию социального, переместив ее огромную форматирующую силу, я должен теперь еще раз проверить свою оценку критической социологии. Ошибка ее не в самом стремлении обладать критичностью, а в желании обрести ее не в нужный момент и прежде, чем будут выполнены другие задачи социологии. Я ставлю в упрек критической социологии то, что она смешивает общество с коллективом. Ее ошибка не в том, что она выглядит политизированной или смешивает науку с политикой, а в том, что ее понимание и науки, и политики могло быть только неудачным, так как она не потрудилась оценить число сущностей, которые необходимо собрать в первую очередь. Социологи-критики недооценили сложность политической деятельности, так как решили, что социальное состоит из всего нескольких типов участников. Они не дали себе труда заметить, что у политики не так много шансов на успех,

если перечень *bona fide* членов общества, образующих социальный мир, заранее радикально ограничен.

В этой книге я неоднократно показывал, почему нельзя множить число акторов, идти за их замысловатыми метафизиками, измерять размах их разногласий, и в то же самое время подвергать большинство этих сущностей исключению, объявляя их странными, вымышленными, устаревшими, архаичными, идеологическими и вводящими в заблуждение. Рожденная в суровые времена, социология пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма и сократить необходимое время протекания политического процесса, чтобы ответить на настойчивые призывы решить социальный вопрос. Но с чрезмерной готовностью сплавляя воедино науку и политику, она никогда не была достаточно последовательной, чтобы объяснить, из какой не-социальной субстанции состоит социальное, и никогда не имела достаточно свободы, чтобы разработать собственную концепцию науки. Поступая так, социологи не ошибались: просто они считали, что решение уже у них в руках, поскольку использовали слова «социальное» и в особенности «общество» для обозначения общего мира. Они хотели участвовать в обсуждении политических проблем того времени, что-то сделать на быстром пути модернизации или, по крайней мере, применить законы своих наук к социальной инженерии.

Но неважно, насколько уважительными могут казаться эти причины, не следовало из-за них приостанавливать работу по развертыванию и собиранию ассоциаций. Если то, что должно быть собрано, сначала не открыть, не дефрагментировать и не пересмотреть, то пересобрать его будет невозможно. Не нужно больших способностей или политической проницательности, чтобы понять: если вам приходится бороться с невидимой, не оставляющей следов, вездесущей и тотальной силой, вы окажетесь бессильны и будете постоянно терпеть поражение. Только если эти силы состоят из более мелких связей, сопротивление которых можно испытывать поочередно, у вас может быть шанс изменить данное положение дел. Можно сформулировать это в резкой форме так: *если есть общество, политика невозможна*¹. Таким образом, вопреки первому впе-

¹ Я обобщаю аргумент Баумана о том, что общество было придумано, чтобы вытеснить революционную политику. См.: *Bauman Z. Postmo-*

чатлению, между обретением политической значимости и попытками давать социальные объяснения — глубокий конфликт. Или, по крайней мере, нет никаких гарантий, что критическая социология автоматически снабдит вас критичностью.

Как я уже неоднократно подчеркивал, огромная опасность критической социологии в том, что она в своих объяснениях всегда права. Именно поэтому она рискует стать эмпирически пустой и политически спорной. Важно оставить открытой возможность неудачи — это единственный способ сохранить и научную эффективность, и возможность политической значимости. Предложенное мною здесь определение социологии, базирующееся на социологии науки, должно быть способным вернуть эмпирическую эффективность, поскольку оно дает возможность повсюду идти за новыми ассоциациями, а не оставаться на границе прежнего социального. Социальная наука должна вернуть себе политическую значимость потому, что она снова берется за проблему сборки, привлекая новых найденных ею участников. Но для этого требуется одновременная перенастройка науки и политики. Никакого «двойного видения»: этому мы научились у исследований науки и общества². Идея не в том, чтобы бороться за чисто объективную науку о социальном, и не в том, — если мечта о беспристрастной науке отброшена, — чтобы увидеть социальные науки навсегда увязшими в грязных трюках политики. Речь идет просто о попытке иного распределения ролей между наукой и политикой. Вся трудность в том, чтобы решить, что значит что-то изучать и при этом не колебаться между мечтой о беспристрастности и противоположной ей мечтой об участии и значимости.

Стоит отметить, что АСТ обвинили в двух симметричных и прямо противоположных грехах: она распространяет политику на все, включая и сокровенное святилище науки и технологии; она настолько равнодушна к неравенствам и борьбе за власть, что не предлагает никакой критики, довольству-

ernity and its Discontents; и тезисы Фредерика Одрена об истории социальных наук: *Audren F. Les juristes et les sociologues*.

² Это выражение используется в: *Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air Pump*. Политическая эпистемология описывает перераспределение сил между наукой и политикой, тогда как эпистемология — это теория науки, отрезанной от политики.

ясь тем, что потворствует власть имущим³. Хотя оба обвинения должны были бы взаимно уничтожать друг друга (как можно распространять политику так далеко и при этом делать для нее так мало?), они не являются необходимо противоречащими друг другу. Поскольку левые всегда опирались на науку, чтобы придать веса своему проекту эмансипации, политизированная наука равнозначна лишению эксплуатируемых единственного имеющегося у них шанса изменить баланс, воззав к объективности и рациональности⁴. Если лженауки следует разоблачать (они лишь замаскированная идеология), то чисто научные дисциплины и представляют единственный апелляционный суд, способный рассудить все споры. Только самые большие реакционеры радуются слабости разума. Проигравшим останутся «простые» властные отношения — и в этой игре ягнята будут съедены гораздо быстрее волков. Более того, отдавая ключи от политизированной науки в руки власть имущих, АСТ превращается просто в «социологию инженеров», или еще хуже — в группу консультантов, учащих тех, кто освобожден от дисциплинирующей власти разума, быть еще большими маккиавеллистами, еще большими интриганам, еще более безразличными к различию между идеологией и наукой. Во имя расширения сетей голый король получает больше наимоднейших «одеяний»⁵. АСТ — это всего лишь расширенная форма маккиавеллизма.

Меня всегда озадачивала подобная критика. По-моему, наоборот, это те, кто называет себя прогрессивными мужчинами и женщинами, не должны связывать себя с социальной теорией, в наименьшей степени способной вместить их разнооб-

³ См.: *Sokal A. D., Bricmont J. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectual's Abuse of Science*; *Winner L. Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology*; и *Mirowski P., Nik-Khah E. Markets Made Flesh*.

⁴ В немного глупых эпизодах «научных войн» борьба велась против исследований науки, и в особенности АСТ, главным образом от имени левых. См.: *Nanda M. Prophets Facing Backward: Postmodern Critiques of Science and Hinduexposed Nationalism in India*. Он обвиняет исследования науки в том, что они помогают индийским фундаменталистам в наступлении на разум.

⁵ Близость понятия «сеть» и «капитализма “флюид арта”», описываемая в: *Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism*; делает данную связь достаточно привлекательной.

разные программы эмансипации. Если нет способа осмотреть и разобрать содержимое социальных сил, если они по-прежнему не объяснены или продолжают брать верх, мало что можно сделать. Настойчивое утверждение, что за всеми — столь разными — проблемами сохраняется всеохватывающее присутствие одной и той же системы, одной и той же империи, одной и той же тотальности, всегда потрясает меня как крайнее проявление мазохизма, извращенный способ поиска гарантированного поражения с наслаждением от горько-сладкого ощущения высочайшей политической корректности. Ницше набросал бесмертный портрет «человека ресентимента», имея в виду христианина, но и представитель критической социологии вполне подпадает под это определение.

Разве не очевидно, что только пучок слабых связей, сконструированных, искусственных, для чего-то предназначенных, ответственных и удивительных — единственный способ увидеть какую-то борьбу? При всем почтении к Тотальному рядом с ним нечего делать, кроме как упасть перед ним на колени или — что еще хуже — мечтать самому занять место, дающее абсолютную власть. По-моему, было бы гораздо надежней заявление, что действие возможно только на той территории, которая была открыта, сделана плоской, сокращена в размере до места, где циркулируют внутри маленьких каналов форматы, структуры, глобализация и тотальности и где для любого их применения нужна опора на массы скрытых потенциальностей. Если это невозможно, то нет и политики. Никто никогда не выигрывал битвы, не обращаясь к новым комбинациям и неожиданным событиям. Чьи-то действия «имеют значение» (make a difference) только в мире, *который сам состоит из различий*. Но разве это не топография социального, возникающая, как только мы делаем предложенные мною во второй части три шага? Разве мы, указывая на «плазму», не разворачиваем резервную армию, размеры которой, как сказал Гарфинкель, «астрономически больше» того, с чем она должна сражаться? По крайней мере, теперь превратности победы гораздо слаще, а поводов взращивать в себе мазохизм гораздо меньше. Наша цель — критическая близость, а не критическое расстояние.

Если трудно точно указать, в чем политический проект АСТ, и тем самым — в чем он неправилен и в чем его следует поправить, — то это потому, что нужно изменить и само понимание

того, что такое для социальной науки обладать политической значимостью⁶. Политика — слишком серьезная вещь, чтобы оставить ее в руках горстки тех, кому, как им кажется, по праву рождения дано решать, в чем она должна состоять.

ПРОСТО ДИСЦИПЛИНА В РЯДУ ДРУГИХ

Заявляя, что критическая социология смешивает науку с политикой, последнее, чего я хотел, — это вернуться к классическому разделению политики и эпистемологии. Такое заявление в любом случае выглядело бы очень странным в устах социолога науки! Я не могу утверждать, что не дело уважающей себя науки иметь политический проект, даже если выбранные мною два героя — Тард и Гарфинкель — не известны своим политическим рвением. Однако противоположность между независимой, беспристрастной, объективной наукой и ангажированным, воинствующим, пристрастным действием перестает что-либо значить, как только заходит речь об огромной *собирающей* силе научной дисциплины, и не имеет значения, «естественная» это дисциплина или «социальная». Во всяком случае социальные дисциплины должны просто перенимать собирающую силу естественных. Политическая эпистемология — не способ избежать «осквернения» хорошей науки «грязными политическими соображениями», как и не способ помешать позитивистам «скрываться за претензией на объективность». Поскольку никто не знает, что именно всех их связывает — пять неопределенностей, рассмотренных в первой части, — нам определенно нужно слаженное, искусственное, честное и изобретательное усилие конкретного ряда дисциплин. Но эти дисциплины должны пониматься так же, как химия, физика, механика и т. д., — как множественные попытки собрать в определенном систематизированном порядке новых кандидатов, чтобы придать форму миру.

⁶ См.: *Callon M. Ni intellectuel engagé, ni intellectuel déagé: la double stratégie de l'attachement et du détachement. О предельном случае неучастия см.: Callon M., Rabeharisoa V. Gino's lesson on humanity: genetics, mutual entanglements and the sociologist's role.* Большинство аргументов против традиционной французской фигуры «ангажированного интеллектуала» можно найти в волнующем интервью с Мишелем Фуко: *Foucault M. Dits et écrits: T. 1. P. 306.*

Параллель с естественными науками здесь неизбежна, поскольку науки обоих типов должны избегать мысли, что собрание коллектива уже завершено. В другой своей работе я показал, что природа разделяет эту характеристику с обществом⁷. В понятии природы в рамках одной и той же «внешней реальности» слиты сразу две разные функции: с одной стороны, *множественность* образующих мир сущностей; с другой — *единство* их как собранных в одно неоспоримое целое. Обращения к реализму здесь недостаточно: это бы означало, что и множественные дискуссионные реалии, и унифицированные неоспоримые факты окажутся в одной и той же упаковке. Таким образом, когда люди подвергают сомнению существование «природы» и «внешней реальности», никогда не знаешь, оспаривают ли они преждевременную унификацию дискуссионных реалий под гегемонией фактов или отрицают множественность открываемых науками сущностей. Первое необходимо, второе совершенно глупо.

Чтобы вскрыть упаковку и создать возможность публично-го контроля, я предложил отделить вопрос о возрастающей множественности сущностей, среди которых мы живем, — *сколько нас?* — от второго, совершенно иного вопроса: образуют ли соборные объединения мир, в котором можно жить, или нет, — *можем ли мы жить вместе?* Для решения обоих вопросов потребуются разнообразные умения ученых, политиков, художников, моралистов, экономистов, законодателей и т. д. Различие этих профессий определяется не *сферами*, с которыми они имеют дело, а различными *умениями*, применяемыми к *одной и той же* сфере, подобно тому как представители разных профессий — электрики, плотники, каменщики, архитекторы, сантехники — работают поочередно или параллельно на строительстве одного здания. Если традиция различает общее благо (забота моралиста) и общий мир (данный естественно), то я предлагаю заменить «политику природы» *поступательным построением общего мира*. Это, с моей точки зрения, и есть способ переопределить науку и политику, а также решить задачу политической эпистемологии, которую ставят перед нами различные экологические кризисы.

Теперь мы видим, что общего у двух коллективов — природы и общества: оба они суть преждевременные попытки соединить в две противоположные сборки один и тот же общий

⁷ Я обобщаю здесь решение, предложенное в: *Latour B. Politics of Nature.*

мир⁸. Это то, что я назвал *конституцией Нового времени*, воспользовавшись юридической метафорой для описания объединенных достижений политической эпистемологии. Итак, следует применить переопределение политики как поступательного построения общего мира и к прежним сборкам общества, и к прежним сборкам природы. Трудность в том, что здесь небольшое нарушение симметрии, и по этой причине так опасно смешивать это новое понимание политики с критической социологией.

В то время как непокорные объекты из прежней сферы природы вполне видимы вне зависимости от того, что о них говорят представители естественных наук, непокорных *субъектов* из прежнего общества легко подчинить, поскольку они редко выражают недовольство, становясь «объясняемыми», или, по крайней мере, их недовольство редко тщательно регистрируют⁹. Зачастую социальные науки склонны создавать более яркую имитацию блеклой и пустой сферы науки (заполненной неоспоримыми фактами и жесткой цепью причинно-следственных связей), чем большинство естественных наук! И все же в обоих случаях то, что надо собирать, — прежние члены старых сборок природы и общества, которых я назвал посредниками, циркулирующие объекты и существа, — не похожи ни на факты, ни на социальных акторов.

Чтобы это понять, мы должны помнить, что быть фактом — это не «естественный» модус существования, а, как ни странно, *антропоморфизм*¹⁰. Вещи, стулья, кошки, коврики и черные дыры никогда не ведут себя как неоспоримые факты; так ведут себя иногда люди по политическим причинам, *чтобы со-*

⁸ Политика дикой жизни представляет прекрасный пример необходимости симметричного подхода. См.: *Thompson C. When Elephants Stand for Competing Philosophies of Nature: Amboseli National Park, Kenya.*

⁹ Сравнение непокорности человеческих и не-человеческих реалий см. в: *Despret V. Naissance d'une théorie éthologique;* и *Stengers I. The Invention of Modern Science.*

¹⁰ «Неодушевленность» — такая же фигурация, как и «анимизм». О понятии фигурации см. с. 78. Мастерское исследование распределения этих различающихся функций см. в: *Descola P. La nature des cultures;* особенно главу, в которой доказывается антропоморфическая природа натурализма.

противляться исследованию. Так что абсурдно противостоять тому, что «людей рассматривают как объекты». В худшем случае это просто означает, что людей рассматривают *наравне* с другими дискуссионными реалиями — в физике, биологии, компьютерной науке и т. д. Просто комплексность добавилась бы к комплексности. «Объективированные люди» будут вовсе не принижены, а, напротив, *возвышены до* уровня муравьев, шимпанзе, чипов и частиц! «Рассматриваться как вещи», как мы теперь понимаем, означает не быть «редуцированным» к простым фактам, а иметь возможность жить такой же многогранной жизнью, как дискуссионные реалии. Редукционизм — не грех, от которого следует воздерживаться, и не добродетель, которой надо строго придерживаться: это практическая невозможность, так как элементы, к которым редуцируется «более высокий уровень», будут такими же комплексными, как и нижний уровень. О, если бы люди в руках представителей критической социологии могли испытывать к себе *такое же* отношение, как киты в зоологии, гены в биохимии, бабуины в приматологии, почвы в педологии, опухоли в онкологии или газ в термодинамике! Тогда бы их сложные метафизики, по крайней мере, уважались, их непокорность признавалась, их возражениям давали развернуться, их множественность принималась. Пожалуйста, рассматривайте людей как вещи, наделите их хотя бы той степенью реальности, какую вы готовы допустить для скромных дискуссионных реалий, материализуйте их и, да, *овеществите*, насколько это возможно!

Позитивизм — в его природной или социальной, реакционной или прогрессивной форме — ошибочен не потому, что забыл о «человеческом сознании» и последовательно придерживается «холодных данных». Он ошибочен политически. Он редуцировал дискуссионные реалии к фактам *чересчур поспешно, без должного процесса*. Он смешал две задачи реализма: задачу достижения множественности и задачу объединения. Он затушевывал различие между развертыванием ассоциаций и собиранием их в коллектив. И это правильно почувствовали адвокаты герменевтической социологии, но они не сумели выйти из западни, — настолько причудливыми были их представления о естественных науках и материальном мире. Вместе с редукционистами они любят ненавидеть, они неправильно поняли, что значит для науки — социальной или естественной — иметь

политический проект; отсюда ложная альтернатива: «быть беспристрастным ученым» или «быть социально значимым». Вот почему так озадачивают частые обвинения социологии ассоциаций в том, что она «только описательна» и «не имеет политического проекта», в то время как, наоборот, именно социология социального отчаянно колеблется между научной беспристрастностью, которой ей никогда не обрести, и политической значимостью, которой ей никогда не достигнуть.

Вместо этого на первый план надо вывести два других ряда процедур: первый из них делает видимым развертывание акторов, а второй делает объединение коллектива в общий мир приемлемым для тех, кто будет объединен. Это из-за первого ряда процедур АСТ больше похожа на беспристрастную науку, борющуюся с желанием социологии быть законодателем вместо самого актора. Это из-за второго ряда АСТ должна скорее производить впечатление политической ангажированности, ибо она критикует продукцию науки об обществе, считающемся невидимым для глаз «информантов», и претензии немногочисленного авангарда на более истинное знание. Мы хотим быть более беспристрастными, чем это было возможно в рамках проекта социальной инженерии традиционной социологии, так как заходим гораздо дальше в исследовании разногласий. Но мы хотим и большего участия, чем это допускала научная мечта о беспристрастном взгляде. И все-таки раскрытие четырех источников неопределенности, рассмотренных нами выше, дает что-то похожее на беспристрастность. А участие дает пятый источник неопределенности, благодаря которому можно помогать по частям собирать коллектив, предоставляя ему арену, форум, пространство, представление благодаря скромнейшему посредничеству рискованного отчета, — обычно это хрупкое вмешательство, состоящее только в тексте.

Таким образом, исследовать — всегда значит заниматься политикой в том смысле, что собирание или выстраивание того, из чего состоит общий мир, — дело политики. Тонкий вопрос — решить, какого рода объединение и выстраивание нужны. Именно в этом АСТ и составляет живой контраст с социологией социального. Мы заявляем, что разногласия по поводу типа состава социального мира, не должны разрешаться социологами, — их должны развивать дальше будущие участники, и что «пакет» с существующими социальными связями должен быть

ежеминутно доступен общественному контролю. Это означает, что две задачи — *принятия акторов в расчет* и *расположение их в определенном порядке* должны быть отделены друг от друга. Теперь наш тест заключается в том, чтобы выяснить, какие социальные науки способны поддерживать это различие.

Все дисциплины от географии до антропологии, от бухгалтерского дела до политологии, от лингвистики до экономики выходят на сцену как множество способов, посредством которых компоненты коллектива сначала помещаются рядом, а затем превращаются в связанное целое. «Исследовать» никогда не значит сначала смотреть беспристрастным взглядом, а затем включаться в действие в соответствии с принципами, открытыми в результате исследования. Каждая дисциплина в одно и то же время и *расширяет* ряд действующих в мире сущностей, и активно участвует в *трансформировании* некоторых из них в надежные и стабильные проводники. Так, например, экономисты не просто описывают экономическую инфраструктуру, существовавшую с начала времен. Они открывают способности к расчетам у акторов, и не ведавших до этого, что они у них есть, и обеспечивают то, что некоторые из этих новых компетенций благодаря множеству практических инструментов — банковских счетов, прав собственности, квитанций кассовых аппаратов и других плагинов — оседают в обыденном сознании. Социологи социального, как мы видели, не только «открыли», что такое общество, но сделали гораздо больше. Они всегда активно участвовали в умножении числа связей между акторами, которые до этого и не знали, что имеют дело с «социальными силами», а также предлагали актерам множество способов объединения в группы. Психологи одновременно населяют душу сотнями новых сущностей — нейротрансмиттерами, бессознательным, когнитивными модулями, перверсиями, привычками, — и стабилизируют некоторые из них как рутинные части нашего обыденного сознания. Географы способны представлять отличительное многообразие рек, гор и городов и создавать при этом общее обитаемое пространство, используя для этого карты, понятия, законы, территории и сети. Подобная инструментальная активность просматривается в языке лингвистов, истории историков, культурном многообразии антропологов и т. д. Без экономики нет хозяйства; без социологии нет общества; без психологии нет души; без географии нет пространства.

Что бы мы знали о прошлом без историков? Как бы нам была доступна структура языка без грамматиков? Подобно паутине, которую плетет паук, *экономизация* — это то, что изготовлено руками экономистов, *социализация* — социологов, *психологизация* — психологов, *спациализация* — географов.

Это не значит, что эти дисциплины — фикции, создающие свой предмет из воздуха. Это значит, что они, как прекрасно указывает само название, — *дисциплины*: каждая из них разворачивает выбранный ею определенный род посредников и предпочитает определенный тип стабилизации, тем самым населяя мир различными типами вымуштрованных и полностью отформатированных обитателей. Что бы исследователь ни делал, когда он пишет отчет, — он уже часть этой активности. Это не *дефект* социальных наук, как если бы им стало лучше, освободись они от этой петли. Это просто означает, что они похожи на все другие науки, участвуя в нормальном деле умножения числа сил и стабилизации или дисциплинирования некоторых из них. В этом смысле, чем более наука беспристрастна, тем более участвующей и политически значимой она уже является. Непрекращающаяся активность социальных наук, направленная на то, чтобы заставлять социальное существовать, «сбивать» коллектив в спянное целое, и составляет большую часть того, что называется «исследованием» социального. Каждый отчет, прибавляемый к этой массиву, тоже содержит в себе некое решение по поводу того, каким должно быть социальное, то есть какими должны быть множественные метафизики и единая онтология общего мира. Сегодня редки групповые образования, которые бы не пользовались оснащением и инструментарием, которые создают экономисты, географы, антропологи, историки и социологи, надеющиеся узнать, как образуются группы, каковы их границы и функции, и каким образом их лучше сохранять. Для социальной науки нет смысла в желании избежать этой непрерывной работы. Но много смысла в том, чтобы стараться делать эту работу *хорошо*.

ДРУГОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИКИ

Так каков же, в конце концов, политический проект АСТ? Поскольку эта небольшая школа — только замысловатый способ вернуться к удивлению при виде найденного социального (чув-

ство, которое как-то притупилось за позднейшую историю социальных наук), единственный способ снова установить, что мы понимаем под политикой, — приблизиться к этому первоначальному чувству.

Нетрудно увидеть, что в XIX веке это чувство постоянно обновлялось — благодаря вызывающему удивление возникновению масс, толп, индустрий, городов, империй, гигиены, медиа, изобретений всех сортов. Странно, ведь эта интуиция должна была бы даже усилиться в следующем веке с его катастрофами и инновациями, растущим числом угроз, нависших над человеком, и экологическими кризисами. Этому помешало само понимание общества и социальных связей, стремившееся очистить немногочисленные элементы, подвергая в то же время исключению огромное количество кандидатов. Там, где царствовал натурализм, было очень трудно наблюдать за построением социального сколько-нибудь продолжительное время и хоть с какой-то долей серьезности¹¹. АСТ, отказавшись одновременно от понятий «природа» и «общество», предприняла попытку восстановить чувствительность к предельной сложности сборки коллектива, образованного из такого количества новых членов.

Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук, теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей, новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их *композиция*, чтобы *выстроить* общий мир. Будь то к лучшему или к худшему, но социология, в противоположность своей сестре антропологии, никогда не сможет удовлетвориться множественностью метафизик; она нуждается и в постановке онтологической проблемы единства этого общего мира. Теперь, однако, это должно быть сделано не внутри описанных мною панорам, а вовне и навсегда. Так что совершенно верно будет сказать, что никакая социология не удовлетворится «просто описаниями» ассо-

¹¹ Я попытался преодолеть это затруднение в: *Latour B. We Have Never Been Modern (Латур Б. Нового времени не было: Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. — Примеч. ред.)*. Модернизм никогда не был способен догнать свое собственное время.

циаций и не сможет просто любоваться зрелищем предельной множественности новых связей. Воспользуемся снова парадоксальным выражением Лорана Тевено: чтобы заслужить право называться «наукой о жизни сообщества», нужно решить еще одну задачу¹². Если социология — наука, то какое она имеет отношение к «жизни сообщества»? А если речь идет о проблеме совместного существования, то зачем тут нужна наука? Ответ: из-за множественности новых кандидатов на существование и узких границ коллекторов, в которых, как воображают, и возможно совместное обитание.

Студент Лондонской школы экономики, так озадаченный АСТ в интерлюдии, был прав в своем стремлении к политической значимости; таковы все молодые люди, поступающие на отделения политологии, исследований науки, феминистской социологии и культурологии, чтобы приобрести «критическое мышление», «совершать значимые поступки» и делать мир более пригодным для жизни. Возможно, их высказывания и наивны, но трудно представить, как можно называть себя социологом, взирая на них свысока, как будто все это — одни юношеские мечты. Когда эту потребность в политическом участии уже не путают с двумя другими задачами социологии, когда процесс рекрутирования новых кандидатов для коллективной жизни уже не прерывается, горячее желание искать, принимать новые сущности и давать им приют не только вполне законно, а возможно, это единственная научная и политическая причина, по которой стоит жить.

Словами «социальный» и «природа» пользовались, чтобы скрыть два совершенно разных проекта, проходящих сквозь обе неудачно составленные сборки: один проект — исследовать связи между неожиданными сущностями, а второй — удержать эти связи в каком-то жизнеспособном целом. Ошибочны не попытки делать обе вещи в одно и то же время — всякая наука одновременно есть и политический проект, — ошибка в том, что решение первой задачи прерывается из-за неотложности второй. АСТ — это просто способ сказать, что задача сборки общего мира не просматривается, если первая задача не выходит в своем решении за узкие границы, установленные из-за преждевременного *замыкания* социальной сферы.

¹² *Thévenot L. Une science de la vie ensemble dans le monde.*

Трудно поверить, что мы до сих пор вынуждены погружать те же типы акторов, то же число сущностей, те же профили существ и те же модусы существования в те же типы коллективов, что и Конт, Дюркгейм, Вебер или Парсонс, особенно после того, как наука и технология массово увеличили число участников, варящихся в общем котле. Да, социология — это наука иммигрирующих масс, но как быть, когда вам приходится одновременно иметь дело с электронами и избирателями, ГМО и НПО? Для молодого вина новых ассоциаций не годится пыльная старая фляга. Потому я и определяю коллектив как расширение границ природы и общества, а социологию ассоциаций — как продолжение социологии социального.

Вот что я считаю политическим проектом АСТ, вот что я имею в виду, говоря о поиске политической значимости. Когда задача раскрытия множественности сил решена, может быть поставлен другой вопрос: каковы *ассамблеи* этих *сборок*? (what are *assemblies* of those *assemblages*?)

Здесь мы должны быть осторожны, чтобы не перепутать эту формулировку с другой, очень ее напоминающей, но могущей нас вернуть к совсем другому проекту. Поставить политическую проблему часто означает обнаружить за данным состоянием присутствие до сих пор скрытых сил. Но тогда вы рискуете попасть в ту же ловушку производства социальных объяснений, которую я выше подверг критике, и в итоге занимаетесь полной противоположностью того, что я имею в виду под политикой. Вы используете все тот же старый репертуар уже собранных социальных связей для «объяснения» новых ассоциаций. Хотя и кажется, что вы говорите *о политике*, вы не говорите *политически*. То, что вы делаете, просто еще расширение на один шаг все того же маленького репертуара уже стандартизированных сил. Возможно, вы испытываете удовольствие, давая «сильное объяснение», но в этом-то и проблема: вы участвуете в экспансии власти, но не в переконновке ее содержания. Даже если это похоже на политические разговоры, то рано даже говорить о попытке политики, поскольку нет попыток объединить кандидатов в новую сборку, соответствующую их конкретным требованиям. «Опьяненный властью» — это выражение подходит не только генералам, президентам, генеральным директорам, сумасшедшим ученым и боссам. Его можно применить и к социологам, путающим экс-

пансию сильных объяснений с построением коллектива. Вот почему постоянный девиз АСТ — «будьте трезвыми с властью», то есть по возможности воздерживайтесь от использования понятия власти, если оно открывает ответный огонь и бьет по вашим объяснениям, а не по той мишени, в которую целитесь вы. Не должно быть сильных объяснений без чеков и балансов¹³.

Так что в итоге существует конфликт — и не надо его прятать — между занятием критической социологией и политической значимостью, между обществом и коллективом. Для того чтобы исследовать возможное, недостаточно описать железные узы необходимости. При условии, что мы принимаем противодействие от сильных объяснений критической социологии, выражение «быть политически мотивированным» теперь начинает приобретать другой, более конкретный смысл: мы ищем способы регистрации новых ассоциаций и исследуем, как можно их собрать в удовлетворительной форме.

В конечном счете, как ни странно, только свежесть результатов социальной науки может гарантировать ее политическую значимость. Никто не указал на это так решительно, как Джон Дьюи с его пониманием публичного. Чтобы стать значимой, социальная наука должна быть способна обновляться — невозможное качество, если считать, что общество находится «за» политическим действием. Она также должна обладать способностью описывать петлю от немногого к многому и от многого к немногому, — процесс, который часто упрощается ради представления политического тела¹⁴. Таким образом, теперь несколько легче пройти тест на политическую заинтересованность: заниматься социологией нужно так, чтобы составляющие коллектив компоненты регулярно обновлялись. Расчистите путь для построения так, чтобы она могла пройти заверленную петлю и начать ее заново, и обеспечьте, чтобы числом, модусами существования и непокорностью собранных таким образом сущностей нельзя было бы слишком рано пренебречь. Теперь каждый читатель сам может судить, какого рода социальная теория более всего подходит для осуществления этих целей.

¹³ Более полную разработку этих моментов, в особенности важно понятия «ансамбль» см. в: *Latour B., Weibel P. Making Things Public.*

¹⁴ *Dewey J. The Public and Its Problem (Дьюи Д. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002. — Примеч. ред.).*

Наш характерный вклад состоит в том, что мы просто выявили стабилизирующие механизмы. Таким образом, мы препятствовали преждевременной трансформации дискуссионных реалий в факты. АСТ утверждает, что можно преодолеть путаницу, разделить задачи развертывания и объединения, четко определить процедуры для должного течения процесса и тем самым изменить обычное понимание большей политической значимости и большей научности социальной науки¹⁵. В этом смысле мы разделяем настойчивый интерес наших предшественников и к науке, и к политике, хотя АСТ и расходится с ними в способе развертывания и в способе объединения. До сих пор социология социального не слишком интересовалась разработкой четких процедур *проведения различий* между задачами развертывания и объединения. Мы претендуем на то, что решаем эти две противоположные и комплементарные задачи несколько лучше, именно потому, что благодаря появлению трезвой социологии науки изменилась концепция и науки, и общества.

Существует, по крайней мере с моей точки зрения, определенная связь между концом модернизации и определением АСТ. Если бы мы все еще были нововременными, то могли бы просто не обращать внимания на эту ловлю душ и расщепление волосков. Мы продолжали бы решать старые задачи модернизации и боролись бы за беспристрастную науку и (или) научно обоснованную политику. Дело в том, что социология социального всегда была очень сильно связана с превосходством Запада, включая, конечно, и стыд за то, что оно было столь подавляющим. Если вы действительно считаете, что будущий общий мир можно лучше построить, используя понятия природы и общества как предельного метаязыка, то АСТ бесполезна. Она может стать интересной только если то, что в недавнем прошлом называлось «Западом», решится на пересмотр своего самопредставления перед остальным миром, который скоро станет сильнее. Осознав внезапное новое ослабление старого Запада и стараясь понять, как ему подольше продержаться в будущем и сохранить место под солнцем, мы должны установить такие связи с другими, которые, вероятно, не удержатся в коллекторах «природа-

¹⁵ Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. Agir dans un monde incertain.

общество». Или, пользуясь еще одним неоднозначным термином, нам, возможно, придется включаться в космополитику¹⁶.

Я вполне сознаю, что сказанного мною недостаточно для обоснования каждого из этого множества пунктов. Эта книга — просто введение, предназначенное помочь заинтересованному читателю извлечь из социологии науки выводы для социальной теории. Не говоря уже о том, что, возможно, кто-нибудь, независимо от профессии, станет использовать эти приемы. По крайней мере, теперь никто не может пожаловаться, что проект акторно-сетевой теории не представлен в систематической форме. Я сам добровольно сделал из нее такую легкую мишень, что не надо быть метким стрелком, чтобы в нее попасть.

Я выполнил то, что обещал в самом начале, — был достаточно односторонним, чтобы вывести все следствия из совершенно неубедительной отправной точки. И все же я не могу совсем избавиться от впечатления, что занимаемые мною крайние позиции, возможно, как-то соотносятся со здравым смыслом. Во времена множественных кризисов того, что понимается под принадлежностью, уже нельзя слишком упрощать задачу совместного существования. Так много других сущностей сейчас стучатся в двери наших коллективов. Разве так уж абсурдно желать перевооружения наших дисциплин, которое возвратило бы им чувствительность к создаваемому ими шуму и помогло бы найти для них место?

¹⁶ В смысле, развитом в: *Stengers I. Cosmopolitiques*. Т. 1: *la guerre des sciences*; а не в стоическом или кантианском, предполагающем уже объединенный космос. Очерк последней традиции см. в: *Archibugi D. Debating Cosmopolitics*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abbott E.* Flatland: a Romance of Many Dimensions. N.Y.: Dover, 1992.
- Akrich M.* The De-Description of Technical Objects // Shaping Technology-Building Society: Studies in Sociotechnical Change / W. Bijker, J. Law (eds). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. P. 205–224.
- Akrich M.* A Gazogene in Costa Rica: An Experiment in Techno-Sociology Technological Choices: Transformation in Material Cultures since the Neolithic / P. Lemonnier (ed.). L.: Routledge, 1993.
- Akrich M., Rouiller D.* Le mode d'emploi: genèse et usage // Savoir faire et pouvoir transmettre / D. Chevallier (ed.). P.: Editions de l'EHESS, 1991. P. 112–131.
- Akrich M., Latour B.* A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Non-Human assemblies // Shaping Technology-Building Society: Studies in Sociotechnical Change / W. Bijker, J. Law (eds). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. P. 259–264.
- Alder K.* A Revolution to Measure: The Political economy of the Metric System in France // The Values of Precision / N. Wise (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 39–71.
- Alpers S.* Rembrandt's Enterprise: The Studio and the Market. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Anderson W.* Diderot's Dream. Baltimore: John Hopkins University Press, 1990.
- Aquino P. d.* La mort défaite: Rites funéraires du candomblé // L'homme. 1998. No. 147. P. 81–104.
- Archibugi D.* (ed.). Debating Cosmopolitics // New Left Review Debates. Verso Books, 2003.
- Audren F.* Les juristes et les sociologues. Ph.D. thesis. P.: Paris Sorbonne (forthcoming).
- Auroux S.* La raison, le langage et les normes. Paris: PUF, 1999.
- Barnes B.* Social Life as Bootstrapped Induction // Sociology. 1983. No. 17 (4). P. 524–545.
- Barry A.* Political Machines: Governing a Technological Society. L.: Athlone Press, 2001.

- Bastide F.* The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis // Representation in Scientific Practice / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. P. 187–230.
- Bastide F.* Una notte con Saturno: Scritti semiotici sul discorso scientifico / R. Pellerey (transl.). Rome: Meltemi, 2001.
- Bastide P., Callon M., Courtial J. P.* The Use Of Review Articles In The Analysis Of A Research Area // *Scientometrics*. 1989. Vol. 15. No. 5–6. P. 535–562.
- Bastide F., Myers G.* A Night With Saturne // *Science, Technology and Human Values*. 1992. Vol. 17. No. 3. P. 259–281.
- Bauman Z.* *Intimations of Postmodernity*. L.: Routledge, 1992.
- Bauman Z.* *Postmodernity and its Discontents*. L.: Polity Press, 1997.
- Bauman Z.* *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Baxandall M.* *Patterns of Intention: On The Historical Explanation of Pictures*. New Haven: Yale University Press, 1985.
- Beck U.* *Risk Society: Towards a New Modernity*. L.: Sage, 1992.
- Beck U., Beck-Gernsheim E.* *The Normal Chaos of Love*. L.: Polity Press, 1995.
- Beck U., Giddens A., Lash S.* *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford: Stanford University Press, 1994.
- Becker H.* *Art Worlds*. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Becker H.* *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. N.Y.: Free Press, 1991.
- Benjamin W.* *The Arcades Project*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
- Bensaude-Vincent B.* Mendeleev's Periodic System of Chemical Elements // *British Journal for the History and Philosophy of Science*. 1986. No. 19. P. 3–17.
- Bentham J., Foucault M.* *Le Panopticon précédé de l'oeil du pouvoir: entretien avec Michel Foucault*. Paris: Pierre Belfond, 1977.
- Berg M., Mol A.-M.* *Differences in Medicine: Unraveling Practices, Techniques and Bodies*. Durham: Duke University Press, 1998.
- Biagioli M.* (ed.). *The Science Studies Reader*. L.: Routledge, 1999.
- Bijker W.* *Of Bicycles, Bakélites, and Bulbs: Towards a Theory of Sociotechnical Change*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.
- Bijker W., Law J.* (eds). *Shaping Technology-Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992.
- Bijker W. E., Hughes T. P., Pinch T.* (eds). *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987.
- Blix H.* *Disarming Iraq*. N.Y.: Pantheon Books, 2004.

- Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. Second edition with a New Foreword. Chicago: University of Chicago Press, 1976/1991.
- Bloor D.* Anti-Latour // Studies in History and Philosophy of Science. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 81–112.
- Boltanski L.* The Making of a Class: Cadres in French Society / A. Goldhammer (transl.). Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Boltanski L.* L'amour et la justice comme compétences. Paris: A.-M. Métaillé, 1990.
- Boltanski L.* Distant Suffering: Morality, Media and Politics / G. D. Burchell (transl.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Boltanski L., Chiapello E.* The New Spirit of Capitalism / G. Elliott (transl.). W W Norton & Co Inc., 1999/2005.
- Boltanski L., Thévenot L.* The Sociology of Critical Capacity // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. No. 3. P. 359–377.
- Boltanski L., Thévenot L.* On Justification / C. Porter (transl.). Princeton: Princeton University Press (forthcoming); De la justification. Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
- Boudon R.* The Logic of Social Action: an Introduction to Sociological Analysis / D. Silverman (transl.). L.: Routledge, 1981.
- Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge U.P., 1972.
- Bourdieu P.* Le Couturier et sa griffe: contribution à une théorie de la mode // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1975. No. 1. P. 7–36.
- Bourdieu P.* Delegation and Political Fetishism // Language and Symbolic Power / J. B. Thompson (ed., introd.); G. Raymond, M. Adamson (transl.). Cambridge: Polity Press, 1991.
- Bourdieu P.* Science de la science et réflexivité. P.: Raisons d'agir, 2001.
- Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C.* Le métier de sociologue. Préalables épistémologiques. P.: Mouton, 1968.
- Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C.* Craft of Sociology: Epistemological Preliminaries. Walter de Gruyter Inc., 1991.
- Boureau A.* L'adage Vox Populi, Vox Dei et l'invention de la nation anglaise (VIIIe–XIIe siècle) // Annales ESC. 1992. Vol. 4. No. 5. P. 1071–1089.
- Bowker G.* Science on the Run: Information Management and Industrial Geographies at Schlumberger, 1920–1940. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1994.
- Bowker G. C., Star S. L.* Sorting Things Out: Classification and Its Consequences. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999.

- Boyer R.* The Rediscovery of Networks — Past and Present — An Economist's Perspective // 50th Annual Meeting of the Business History Conference. Le Creuset, 2004.
- Bremmer J., Roodenburg H.* A Cultural History of Gesture: From Antiquity to the Present Day. Cambridge: Polity Press, 1992.
- Brun-Cottan F.* et al. The workplace project: Designing for diversity and change (Videotape). Palo Alto, CA.: Xerox Palo Alto Research Center, 1991.
- Bucchi M.* Science in Society: An Introduction to the Social Studies of Science. L.: Routledge, 2004.
- Butler S.* Erewhon. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Book, 1872.
- Byrne R., Whiten A.* (eds). Machiavellian Intelligence: Social Expertise and the Evolution of Intellectuals in Monkeys, Apes and Humans. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Calbris G.* The Semiotics of French Gesture. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
- Callon M.* Struggles and Negotiations to Decide What is Problematic and What is Not. The Sociologic Translation // Knorr K. R. Krohn, Whitley R. 1981. P. 197–220.
- Callon M.* Some Elements of a Sociology of Translation Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brioux Bay // Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge? / J. Law (ed.). 1986. P. 196–229.
- Callon M.* (ed.). La science et ses réseaux: Genèse et circulation des faits scientifiques. P.: La Découverte, 1989.
- Callon M.* An Essay on Framing and Overflowing: Economic Externalities Revisited by Sociology // The Laws of the Market / M. Callon (ed.). Oxford: Blackwell, 1998a. P. 245–269.
- Callon M.* (ed.). The Laws of the Markets. Oxford: Blackwell, 1998b.
- Callon M.* Ni intellectuel engagé, ni intellectuel dé engagé: la double stratégie de l'attachement et du détachement // Sociologie du travail. 1999. No 1. P. 1–13.
- Callon M.* Les méthodes d'analyse des grands nombres // Sociologie du travail: quarante ans après / A. Pouchet (ed.). P.: Elsevier, 2001. P. 335–354.
- Callon M., Lascoumes P., Barthe Y.* Agir dans un monde incertain: Essai sur la démocratie technique. P.: Le Seuil, 2001.
- Callon M., Latour B.* Unscrewing the Big Leviathans: How Do Actors Macro structure Reality // Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro and Macro Sociologies / K. Knorr, A. Cicourel (eds). London: Routledge, 1981. P. 277–303.

- Callon M., Latour B.* Don't Throw the Baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 343–368.
- Callon M., Law J., Rip A.* (eds). *Mapping the Dynamics of Science and Technology*. L.: Macmillan, 1986.
- Callon M., Rabeharisoa V.* *Le pouvoir des malades*. P.: Presses de l'Ecole nationale des mines de Paris., 1999.
- Callon M., Rabeharisoa V.* Gino's Lesson on Humanity: Genetics, Mutual Entanglements and the Sociologist's Role // *Economy and Society*. 2004. Vol. 33. No. 1. P. 1–27.
- Cambrosio A., Keating P., Mogoutov A.* Mapping Collaborative Work and Innovation in Biomedicine: a Computer Assisted Analysis of Antibody Reagent Workshops // *Social Studies of Science*. 2004. Vol. 34. No. 3. P. 325–364.
- Cambrosio A., Limoges C., Pronovost D.* Representing Biotechnology: an Ethnography of Quebec Science Policy // *Social Studies of Science*. 1990. No. 20. P. 195–227.
- Candolle A. de.* *Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles d'après l'opinion des principales académies ou sociétés scientifiques*. P.: Fayard, Corpus des Oeuvres de Philosophie, 1873/1987.
- Canguilhem G.* *Ideology and Rationality in the History of the Life Sciences*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1968 /1988.
- Cassin B.* *L'effet sophistique*. P.: Gallimard, 1995.
- Castells M.* *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 2000.
- Castoriadis C.* *The Imaginary Institution of Society* / K. Blarney (transl.). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998.
- Chalvon-Demersay S.* *A Thousand Screenplays: The French Imagination in a Time of Crisis* / T. Fagan (transl.). Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Chandler A. D.* *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977.
- Charvolin F.* *L'invention de l'environnement en France. Chroniques anthropologiques d'une institutionnalisation*. P.: La Découverte, 2003.
- Claverie E.* *Les Guerres de la Vierge: Une anthropologie des apparitions*. P.: Gallimard, 2003.
- Cochoy F.* *Une sociologie du packaging ou l'âne de Buridan face au marché*. P.: PUF, 2002.
- Cochrane R. C.* *Measures for Progress: A History of the National Bureau of Standards*. N.Y.: Arno Press, 1976.

- Collins H.* Changing Order: Replication and Induction // Scientific Practice. L.; Los-Angeles: Sage, 1985.
- Collins H.* Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
- Collins H.* Gravity's Shadow: The Search for Gravitational Waves. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
- Collins H., Kusch M.* The Shape of Actions: What Human and Machines can do. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998.
- Collins H., Yearley S.* Epistemological Chicken // Science as Practice and Culture / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301–326.
- Collins H. M., Pinch T.* Frames of Meaning: the Social Construction of Extraordinary Science. L.: Routledge and Kegan Paul, 1982.
- Collins R.* The Sociology of Philosophies: a Global Theory of Intellectual Change. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.
- Comment B.* The Panorama. L.: Reaktion Books, 2003.
- Conein B., Dodier N., Thévenot L.* (eds). Les objets dans l'action: De la maison au laboratoire. P.: Editions de l'EHESS, 1993.
- Cooren F.* The Organizing Property of Communication. N.Y.: John Benjamins Pub C°, 2001.
- Cronon W.* Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. N.Y.: Norton, 1991.
- Cussins C.* Ontological Choreography: Agency through Objectification in Infertility Clinics // Social Studies of Science. 1996. Vol. 26. No. 26. P. 575–610.
- Czarniawska B.* A Narrative Approach To Organization Studies. L.: Sage, 1997.
- Czarniawska B.* On Time, Space, and Action Nets // Organization. 2004. Vol. 16. No. 6. P. 777–795.
- Dagognet F.* Ecriture et iconographie. P.: Vrin, 1974.
- Daston L.* The Factual Sensibility: an Essay Review on Artifact and Experiment // Isis. 1988. No. 79. P. 452–470.
- De Waal F.* Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes. N.Y.: Harper and Row, 1982.
- Debaise D.* Un empirisme spéculatif: Construction, Processus et Relation chez Whitehead: Ph. D. thesis. Brussels: Université Libre de Bruxelles, 2003.
- Deleuze G.* The Fold: Leibnitz and the Baroque / T. Conley (transl.). Athlone Press, 1993.
- De Rougemont D.* Love in the Western World / M. Belgion (transl.). Princeton: Princeton University Press, 1983.

- Denzin N.K.* Harold and Agnes: A Feminist Narrative Undoing // *Sociological Theory*. 1990. Vol. 8. No. 2. P.198–285.
- Derrida J.* *Of Grammatology* / Gayatri Chakravorty Spivak (transl.). Baltimore: John Hopkins University Press, 1998.
- Derrida J.* *Archive Fever: A Freudian Impression* / E. Prenowitz (transl.). Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Descola P.* *La nature des cultures*. P.: Gallimard, 2005.
- Descola P., Palsson G.* (eds). *Nature and Society: Anthropological Perspectives*. L.: Routledge, 1996.
- Despret V.* *Naissance d'une théorie éthologique*. Paris: Les Empêcheurs de penser en rond, 1996.
- Despret V.* *Quand le loup habitera avec l'agneau*. Paris: Les Empêcheurs, 2002.
- Desrosières A.* *The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning* / C. Naish (transl.). Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 2002.
- Dewey J.* *The Public and Its Problems*. Athens: Ohio University Press, 1927 /1954.
- Dewey J.* *Reconstruction in Philosophy*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1930; 1948 (reprint); 1982 (complete works).
- Diderot D.* 'D'Alembert's Dream' // *Rameau's Nephew and Other Works* / R. H. Bowen (transl.). Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1964.
- Didier E.* *De l'échantillon à la population: Sociologie de la généralisation par sondage aux Etats-Unis*: Ph.D. thesis. Paris: Ecole des Mines, 2001.
- Dodier N.* *Leçons politiques de l'épidémie de sida*. Paris: Presses de la Maison des Sciences de l'Homme, 2003.
- Dratwa J.* *Taking Risks with the Precautionary Principle*: Ph.D. thesis. Paris: Ecole des Mines, 2003.
- Duhem P.* *La Théorie Physique: Son objet sa structure*. Paris: Vrin, 1904.
- Dumont L.* *Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications* / M. Sainsbury, B. Gulati (transl.). Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Dupuy J.P.* *Introduction aux sciences sociales: Logique des phénomènes collectifs*. Paris: Editions Marketing, 1992.
- Duranti A., Goodwin C.* (eds). *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Studies in the Social & Cultural Foundations of Language)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Durkheim E.* *The Elementary Forms of the Religious Life* / J. W. Swain (transl.). N.Y.: Free Press, 1915 /1947.

- Durkheim E.* Pragmatisme et sociologie; cours inédit prononcé à la Sorbonne en 1913–1914 et restitué par Armand Cuvillier d'après des notes d'étudiants. Paris: Vrin, 1955.
- Durkheim E.* The Rules of Sociological Method / S. A. Solovay, J. H. Mueller (transl.), G.E.G. Catlin (ed.). N.Y.: Free Press, 1966.
- Durkheim E.* Pragmatism and sociology / J. C. Whitehouse (transl.), J. B. Allcock (ed., introd.), A. Cuvillier (pref.). Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Einstein A.* Relativity, the Special and the General Theory. L.: Methuen And C°, 1920.
- Eisenstein E.* The Printing Press as an Agent of Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Epstein S.* Impure Science: Aids, Activism and the Politics of Knowledge. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Ewick P., Silbey S. S.* The Common Place of Law. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
- Farley J., Geison G. L.* Science, Politics and Spontaneous generation in 19th century France: the Pasteur–Pouchet Debate // Bulletin of the History of Medicine. 1974. Vol. 48 (2). P. 161–198.
- Faye J.-P.* Langages totalitaires. P.: Hermann, 1972.
- Feuer L. S.* Einstein and the Generations of Science. N.Y.: Basic Books, 1974.
- Fleck L.* Genesis and Development of a Scientific Fact. Chicago: University of Chicago Press, 1935/1981.
- Fleck L., Cohen, R.S., Schnelle T.* Cognition and Fact Materials on Ludwik Fleck edited by Roberts. Cohen and Thomas Schnelle. Dordrecht: Reidel, 1986.
- Fontanille J.* Sémiotique du discours. Limoges: Presses de l'université de Limoges, 1998.
- Foucault M.* The Birth of the Clinic: An Archeology of Medical Perception. N.Y.: Random House, 1973.
- Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of Prison. N.Y.: Panthéon, 1975.
- Foucault M.* The History of Sexuality: An Introduction. N.Y.: Vintage Books, 1990.
- Foucault M.* Dits et écrits (1954–1970) Tome I. Paris: Gallimard, 1994.
- Foucault M.* Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976 / D. Mace (transl.). N.Y.: Picador, 2003.
- Fox-Keller E.* The Century of the Gene. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.
- Friedberg E.* Le pouvoir et la règle: Dynamiques de l'action organisée. Paris: Le Seuil, 1993.

- Galison P.* Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
- Galison P.* Einstein's Clocks, Poincaré's Maps. N.Y.: Norton and Company, 2003.
- Gane N.* (éd.). The Future of Social Theory. London: Continuum, 2004.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. New Jersey: Prentice Hall, 1967.
- Garfinkel H.* Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism / A.W.Rawls (ed., introd.). Oxford: Rowman & Littlefield, 2002.
- Garfinkel H., Lynch M., Livingston E.* The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar // Philosophie of Social Sciences. 1981. No. 11. P. 131–158.
- Geison G. G.* The Private Science of Louis Pasteur. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Gibson J. G.* The Ecological Approach to Visual Perception. London: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.
- Giddens A.* The Constitution of Society. Cambridge: Blackwell, 1984.
- Ginzburg C.* The Cheese and the Worms: The Cosmos of a 16th Century Miller. London: Routledge, 1980.
- Ginzburg C.* History, Rhetoric, and Proof: The Menachem Stern Lectures in History. Hanover, NH: University Press of New England, 1999.
- Goffman E.* The Presentation of Self in Every day Life. N.Y.: Double-day and Anchor Books, 1959.
- Gomart E.* Surprised by Methadone. Ph.D. thesis. Paris: Ecole des Mines, 1999.
- Gomart E.* Methadone: Six Effects in Search of a Substance // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32 (1). P. 93–135.
- Gomart E., Hennion A.* A sociology of attachment: music amateurs, drug users // Actor 'Network Theory and after / J. Hassard, J. Law (eds). Oxford: Blackwell, 1998. 220–247.
- Goodman N.* Ways of Worldmaking. N.Y.: Hackett Publishing Company, 1988.
- Goodwin C., Goodwin M.* Formulating planes: Seeing as a situated activity // Cognition and Communication at Work / Y. Engstrom, D. Middleton (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Goody J.* The Domestication of the Savage Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Gordon D.* Ants At Work: How An Insect Society Is Organized. N.Y.: Free Press, 1999.

- Gramaglia C.* La mise en cause environnementale comme principe d'association Casuistique des affaires de pollution des eaux: l'exemple des actions en justice intentées par l'Association Nationale de Protection des Eaux et Rivières. Ph.D. thesis. Paris: Ecole des Mines, 2005.
- Granovetter M.* Economie Action and Social Structure: The problem of Embeddedness // *AJS*. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510.
- Greimas A. J.* Maupassant: The Semiotics of Text. Practical Exercises. N.Y.: John Benjamins Publishing Co., 1988.
- Greimas A. J., Courtes J.* (eds). Semiotics and Language an Analytical Dictionary. Bloomington: Indiana U.P., 1982.
- Gross P. R., Levitt N., Lewis M. W.* (eds). The Flight from Science and Reason. N.Y.: N.Y. Academy of Science, 1997.
- Hacking I.* The Self-Vindication of the Laboratory Sciences // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 29–64.
- Hacking I.* The Social Construction of What? Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
- Handley S.* Nylon: The Story of a Fashion Revolution. A Celebration of Design from Art Silk to Nylon and Thinking Fibres. Baltimore: John Hopkins University Press, 2000.
- Haraway D.* How like a Leaf: an Interview with Thyrza Goodeve. London: Routledge, 2000.
- Haraway D. J.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Chapman and Hall, 1991.
- Harman G.* Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. Open Court, 2002.
- Harrison S., Pile S., Thrift N.* (eds). Patterned Ground: Entanglements of Nature and Culture. London: Reaktion Books, 2004.
- Haskell F.* Patrons and Painters: A Study in the Relations Between Italian Art and Society in the Age of the Baroque. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Headrick D. R.* The Tentacles of Progress: Technology Transfer in the Age of Imperialism, 1850–1940. Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Heesen A. T.* Things that talk: News, Paper, Scissors. Clippings in the Sciences and Arts around 1920 // *Things that talk* / L. Daston (éd.). N.Y.: Zone Books, 2004. P. 297–327.
- Heidegger M.* The Question Concerning Technology and Other Essays. N.Y.: Harper Torch Books, 1977.
- Hennion A.* La passion musicale: Une sociologie de la médiation. Paris: A.-M. Métailié, 1993.

- Hennion A.* Pragmatics of Taste // *The Blackwell Companion to the Sociology of Culture* / M. Jacobs et al. (eds). Oxford: Blackwell, 2004.
- Hennion A., Teil G.* Le goût du vin: Pour une sociologie de l'attention. Terrain, 2003.
- Heurtin J.-P.* L'espace public parlementaire: Essais sur les raisons du législateur. Paris: PUF, 1999.
- Hirschauer S.* The Manufacture of Bodies in Surgery // *Social Studies of Science*. 1991. Vol. 21. No. 2. P. 279–320.
- Hirschauer S.* Performing Sexes and Genders in Medical Practice // *Differences in Medicine: Unraveling Practices, Techniques and Bodies* / M. Bergand, A.-M. Mol (eds). Durham: Duke University Press, 1998. P. 13–27.
- Hirschman A. O.* The Passions and the Interests. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- Houdart S.* Et le scientifique tint le monde: Ethnologie d'un laboratoire japonais de génétique du comportement. Ph.D. thesis. Nanterre: Université de Paris X, sous la direction de Laurence Caillet, 2000.
- Houdé O.* Rationalité, développement et inhibition: Un nouveau cadre d'analyse. Paris: PUF, 1997.
- Hughes T.* Human-Built World: How to Think about Technology and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
- Hughes T. P.* Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930. Baltimore: John Hopkins University Press, 1983.
- Hughes T. P.* The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera, Etcetera // *Social Studies of Science*. 1986. Vol. 16. No. 2. P. 281–292.
- Hunter P.* The National System of Scientific Measurement // *Science*. 1980. No. 210. P. 869–874.
- Hutchins E.* Cognition in the Wild. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.
- Ihde D., Selinger E.* (eds). Chasing Technoscience: Matrix for Materiality. Bloomington: Indiana University Press, 2003.
- Ingold T.* Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge, 2000.
- Jacob C.* L'empire des cartes: Approche théorique de la cartographie à travers l'histoire. Paris: Albin Michel, 1992.
- James W.* The Principles of Psychology. N.Y.: Dover, 1890.
- Jeanneret Y.* L'affaire Sokal ou la querelle des impostures. Paris: PUF, 1998.
- Jensen P.* Entrer en matière: Les atomes expliquent-ils le monde? Paris: Le Seuil, 2001.
- Jones G., McLean C., Quattrone P.* 'Spacing and Timing': Introduction to the Special Issue of Organization on 'Spacing and Timing' // *Organization*. 2004. Vol. 11. No. 6. P. 723–741.

- Jullien F.* The Propensity of Things: Toward a History of Efficacy in China. Cambridge, Mass.: Zone Books, 1995.
- Jurdant B.* (ed.). Impostures intellectuelles: Les malentendus de l'affaire Sokal. Paris: La Découverte, 1998.
- Kaiser D.* Drawing Theories Apart: The Dispersion of Feynman Diagrams in Postwar Physics. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Kantorowicz E.* The King's Two Bodies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Karsenti B.* L'Homme total: Sociologie, anthropologie et philosophie chez Marcel Mauss. Paris: PUF, 1997.
- Karsenti B.* L'imitation: Retour sur le débat entre Durkheim et Tarde // La régularité / C. Chauviré, A. Ogien (eds). Paris: Editions de l'EHESS, 2002. P.183–215.
- Karsenti B.* Autorité, pouvoir et société: La science sociale selon Bonald // L'invention de la science sociale, XVIIIème et XIXème siècle / J. Guillhaumou, L. Kaufmann (eds). Paris: Editions de l'EHESS, 2003.
- Keating P., Cambrosio A.* Biomédical Platforms: Realigning the Normal and the Pathological in Late-Twentieth-Century Medicine. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003.
- Keegan J.* The Mask of Command. N.Y.: Viking, 1987.
- Kidder T.* House. Boston: Houghton Mifflin Company, 1985.
- Kirk S. A., Kutchins H.* The Selling of DSM: The Rhetoric of Science in Psychiatry. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1992.
- Kitcher P.* Science, Truth, and Democracy (Oxford Studies in the Philosophy of Science). Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
- Knorr-Cetina K., Bruegger U.* Global Microstructures: The Virtual Societies of Financial Markets // American Journal of Sociology. 2002. Vol. 107. No. 4. P. 905–950.
- Koergte N.* (ed.). A House Built on Sand: Exposing Postmodernist Myths about Science. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Koerner J. L.* The Moment of Self-Portraiture in German Renaissance Art. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Koerner J. L.* The Reformation of the Image. London: Reaktion Books, 2004.
- Koolhaas R., Mau B.* Small, Medium, Large, Extra-Large. Rotterdam: Office for Metropolitan Architecture, 1995.
- Kummer H.* In Quest of the Sacred Baboon / M. A. Biederman-Thorson (transl.). Princeton: Princeton University Press, 1995.

- Kupiec J.-J., Sonigo P.* Ni Dieu ni gène. Paris: Le Seuil-Collection Science ouverte, 2000.
- Lafaye C., Thévenot L.* Une justification écologique? Conflits dans l'aménagement de la nature // *Revue Française de Sociologie*. 1993. Vol. 34. No. 4. P. 495–524.
- Latour B.* Les microbes, guerre et paix, suivi de *Irréductions*. Paris: A.-M. Métailié La Découverte, 1984.
- Latour B.* *Science In Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.
- Latour B.* *Irreductions part II of The Pasteurization of France*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988a.
- Latour B.* *The Pasteurization of France*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988b.
- Latour B.* *A Relativist Account of Einstein's Relativity* // *Social Studies of Science*. 1988c. No. 18. P. 3–44.
- Latour B.* *We Have Never Been Modern*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993.
- Latour B.* *Aramis or the Love of Technology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.
- Latour B.* *Factures/fractures: From the Concept of Network to the Concept of Attachment* // *Res*. 1999a. No. 36. P. 20–31.
- Latour B.* *For Bloor and Beyond — a Response to David Bloor's "Anti-Latour"* // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1999b. Vol. 30. No. 1. P. 113–129.
- Latour B.* *On Recalling ANT* // *Actor Network and After* / J. Law, J. Hassard (eds). Oxford: Blackwell, 1999c. P. 15–25.
- Latour B.* *Pandora's Hope: Essays on the reality of science studies*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999d.
- Latour B.* *Gabriel Tarde and the End of the Social* // *The Social in Question: New Bearings in the History and the Social Sciences* / P. Joyce (ed.). London: Routledge, 2002. P. 117–132.
- Latour B.* *La fabrique du droit. Une ethnographie du Conseil d'Etat*. Paris: La Découverte, 2002.
- Latour B.* *The Promises of Constructivism* // *Chasing Technoscience: Matrix for Materiality* / D. Ihde, E. Selinger (eds). Bloomington: Indiana University Press, 2003a. P. 27–46.
- Latour B.* *What if We Were Talking Politics a Little?* // *Contemporary Political Theory*. 2003b. Vol. 2. No. 2. P. 143–164.
- Latour B.* *How to Talk about the Body? The Normative Dimension of Science Studies*. Symposium edited by M. Akrich, M. Berg 'Bodies on Trial' // *Body and Society*. 2004a. Vol. 10. No. 2/3. P. 205–229.

- Latour B.* Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy / Catherine Porter (transl.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004b.
- Latour B., Hermant E.* Paris ville invisible. Paris: La Découverte-Lés Empêcheurs de penser en rond, 1998.
- Latour B., Hermant E.* Paris thé Invisible City. 2004 / L. Libbrecht (transl.). <http://bruno.latour.name>.
- Latour B., Lemonnier P.* (eds). De la préhistoire aux missiles balistiques — l'intelligence sociale des techniques. Paris: La Découverte, 1994.
- Latour B., Weibel P.* (eds). Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.
- Latour B., Weibel P.* (eds). Making Things Public: Atmospheres of Democracy. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005.
- Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1979 (second edition with a new postword. 1986).
- Lave J.* Cognition in Practice: Mind, Mathematics and Culture in Everyday Life. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Law J.* On Power and Its Tactics: A View From The Sociology Of Science // The Sociological Review. 1986a. Vol. 34. No. 1. P.1–38.
- Law J.* On the Methods of Long-Distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India // Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge? /J. Law (ed.). Keele: Sociological Review Monograph. 1986b. P. 234–263.
- Law J.* (ed.). A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination. London: Routledge Sociological Review Monograph, 1992.
- Law J.* Organizing Modernities. Cambridge: Blackwell, 1993.
- Law J.* Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience. Durham: Duke University Press, 2002.
- Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004.
- Le Bourhis J. P.* La publicisation des eaux: Rationalité et politique dans la gestion de l'eau en France (1964–2003). Ph.D. thesis, Paris: University Paris I Sorbonne, 2004.
- Lemonnier P.* (ed.). Technological Choices: Transformation in Material Cultures since the Neolithic. London: Routledge, 1993.
- Lépinay V.* Les formules du marché. Ethno-Economie d'une innovation financière: les produits à capital garanti. Ph.D. thesis Paris: Ecole des Mines, 2003.

- Leroi-Gourhan A.* Gesture and Speech. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993.
- Lewontin R.* The Triple Helix: Gene, Organism and Environment. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.
- Leyshon A., Thrift N.* Money/Space: Geographies of Monetary Transformation (International Library of Sociology). London: Routledge, 1996.
- Linhardt D.* La force de l'Etat en démocratie: La République fédérale d'Allemagne à l'épreuve de la guérilla urbaine 1967–1982. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, 2004.
- Lippmann W.* Public Opinion. N.Y.: Simon & Schuster, 1922.
- Lippmann W.* The Phantom Public. New Brunswick: Transactions Publishers, 1927/1993.
- Livingston E.* The Ethnomethodological Foundations of Mathematical Practice. London: Routledge, 1985.
- Livingstone D. N.* Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
- Lowe A., Schaffer S.* NOLse, 1999. An exhibition held simultaneously at Kettle's Yard, The Whipple Museum of the History of Science, Cambridge, the Museum of Archaeology and Anthropology, Cambridge and the Wellcome Institute, London. Cambridge: Kettle's Yard, 1999.
- Luhmann N.* A Sociological Theory of Law. London: Routledge, 1985.
- Lynch M.* Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge, 1985.
- Lynch M., Bogen D.* The Spectacle of History: Speech, Text and Memory at the Iran Contra Hearings. Durham: Duke University Press, 1996.
- MacKenzie D.* Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
- MacKenzie D.* Mechanizing Proof: Computing, Risk, and Trust (Inside Technology). Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001.
- MacKenzie D.* An engine, not a camera: finance theory and the making of markets. Cambridge, Mass.: MIT Press (forthcoming).
- MacKenzie D., Wajcman J.* The Social Shaping of Technology. Second edition. Milton Keynes: Open University Press, 1999.
- Madsen A.* Chanel: A Woman of Her Own. N.Y.: Owl Books, 1991.
- Mallard A.* Les instruments dans la coordination de Faction: pratique technique, métrologie, instrument scientifique. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, 1996.

- Marin L.* Opacité de la peinture: Essais sur la représentation. Paris: Usher, 1989.
- Marin L.* Des pouvoirs de l'image: Gloses. Paris: Le Seuil, 1992.
- Marin L.* On Représentation / Catherine Porter (transl.). Stanford, ÇA.: Stanford University Press, 2001.
- Marres N.* No Issue, No Politics. Ph.D. thesis, Philosophy Department, Amsterdam, 2005.
- Maturana H. R., Varela F. J.* Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living (Boston Studies in the Philosophy of Science). Dordrecht: Reidel, 1980.
- Mauss M.* Body Techniques // Sociology and Psychology: Essays / B. Brewster (transl.) London: Routledge and Kegan Paul, 1979.
- McNeill W.* Plagues and peoples. N.Y.: Anchor Press, 1976.
- Mélard F.* L'autorité des instruments dans la production du lien social: le cas de l'analyse polarimétrique dans l'industrie sucrière belge. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, 2001.
- Merton R. K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Mialet H.* Reading Hawking's Presence: An Interview with a Self-Effacing Man // Critical Inquiry. 2003. Vol. 29. No. 4. P. 571–598.
- Miall R. C., Tchalenko J.* A Painter's Eye Movements: A Study of Eye and Hand Movement during Portrait Drawing // Leonardo. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 35–40.
- Miller P.* The Factory as Laboratory // Science in Context. 1994. Vol. 7. No. 3. P. 469–496.
- Minvielle A.* De quoi une entreprise est-elle capable? Comptabilité sociale des entreprises. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, forthcoming.
- Mirowski P.* Machine Dreams: Economies Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Mirowski P., Nik-Khah E.* Markets Made Flesh: Gallon, Performance, and a Crisis in Science Studies, augmented With Consideration of the FCC auctions. 2004.
- Mitchell T.* Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Mol A., Law J.* Regions, Networks, and Fluids: Anaemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. Vol. 24. No. 4. P. 641–672.
- Mol A.* The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory). Durham, NC: Duke University Press, 2003.
- Mondada L.* Décrire la ville: La construction des savoirs urbains dans l'interaction et dans le texte (Collection Villes). Paris: Anthropos, 2000.

- Monsaigneon B.* Le chant possédé (documentary by Bruno Monsaigneon), distribution Idéale Audience, 1998.
- Morrison P., Morrison P.* The Powers of Ten. San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1982.
- Mumford L.* The Myth of the Machine: Technics and Human Development. N.Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1967.
- Mundy M., Pottage A.* Law, Anthropology and the Constitution of the Social: Making Persons and Things (Cambridge Studies in Law & Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Muniesa F.* Des marchés comme algorithmes: sociologie de la cotation électronique à la Bourse de Paris. Ph.D. thesis under the direction of Michel Gallon, Paris: Ecole des Mines, 2004.
- Nanda M.* Prophets Facing Backward: Postmodern Critiques of Science and Hindu Nationalism in India. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2003.
- Napoli P.* Naissance de la police moderne: Pouvoirs, normes, société. Paris: La Découverte, 2003.
- Nelson V.* The Secret Life of Puppets. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
- Norman D. A.* The Psychology of Everyday Things. N.Y.: Basic Books/Doubleday, 1988.
- Norman D. A.* Things that Make Us Smart. N.Y.: Addison Wesley Publishing Company, 1993.
- O'Connell J.* Metrology: the Creation of Universality by the Circulation of Particulars // Social Studies of Science. 1993. Vol. 23. No.1. P. 129–173.
- Oettermann S.* The Panorama: History of a Mass Medium, (transl. Deborah Lucas Schneider) N.Y.: Zone Books, 1997.
- Pasteels J., Deneubourg J.-L.* (eds). From Individual to Collective Behavior in Social Insects. Bale Boston: Birkhauser Verlag, 1987.
- Pavel T.* Fictional Worlds. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.
- Pavel T.* La pensée du roman. Paris: Gallimard, 2003.
- Perret-Clermont A.-N.* La Construction de l'intelligence dans l'interaction sociale. Berne: Peter Lang, 1979.
- Pickering A.* The Mangle of Practice: Time, Agency and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Piette A.* La religion de près: L'activité religieuse en train de se faire. Paris: Métailié, 1999.
- Pietz W.* The Problem of the Fetish // Res. 1985. No. 9. P. 5–17.

- Pietz W.* Fetishism and Materialism: the Limits of Theory in Marx // Fetishism as Cultural Discourse / E. Apter, W. Petz (eds). Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 119–151.
- Polanyl K.* The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1944.
- Ponge F.* The Voice of Things. Edited and translated by B. Archer. N.Y.: McGraw-Hill Book C°, 1972.
- Porter T. M.* Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Power M.* (éd.). Accounting and Science: Natural Inquiry and Commercial Reason. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Powers R.* Galatea 2.2. N.Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 1995.
- Powers R.* Gain. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1998.
- Quattrone P.* Accounting for God: Accounting and Accountability Practices in the Society of Jesus (Italy, 16th-17th centuries) // Accounting, Organizations and Society. 2004. Vol. 29. No. 7. P. 647–683.
- Riskin J.* Science in the Age of Sensibility: The Sentimental Empiricists of The French Enlightenment. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
- Robbins E.* (ed.). Why Architects Draw. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994.
- Rogers R.* Information Politic on the Web. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005.
- Rosental C.* La Trame de l'évidence. Paris: P.U.F., 2003.
- Rotman B.* AdInfinitem: TheGhostin Turing Machine. Taking God out of Mathematics and Putting the Body Back In. Stanford, CA.: Stanford University Press, 1993.
- Ruellan A., Dosso, M.* Regards sur le sol. Paris: Foucher, 1993.
- Sahlins M.* Culture in Practice. N.Y.: Zone Books, 2000.
- Salmon L.* La pensée politique de Gabriel Tarde. Paris X: Economie, organisations, sociétés: Mémoire de DEA, 2004.
- Sartre J.-P.* Being And Nothingness / H. E. Barnes (transl.). Washington Square Press, 1993.
- Schaffer S.* Astronomers Mark Time: Discipline And The Personal Equation // Science In Context. 1988. Vol. 2. No. 1. P. 115–145.
- Schaffer S.* The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour // Studies in History and Philosophy of Science. 1991a. No. 22. P. 174–192.
- Schaffer S.* A Manufactory of OHMS, Victorian Metrology and its Instrumentation // Invisible Connections / S. Cozzens, R. Bud (eds). Bellingham Washington State: Spie Optical Engineering Press, 1991b. P. 25–54.
- Schmitt J. C.* La Raison des gestes dans l'Occident médiéval. Paris: Galimard, 1990.

- Searle J.* The Construction of Social Reality. N.Y.: Free Press, 1995.
- Serres M.* La Traduction (Hermès III). Paris: Minuit, 1974.
- Serres M.* Conversations on Science, Culture and Time with Bruno Latour. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1995.
- Shakespeare W.* The Complete Works. Compact Edition edited by Stanley Wells and Gary Taylor. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Sloterdijk P.* Sphären. Bd. 2 Globen. Munich: Suhrkamp, 1999.
- Sloterdijk P.* Sphären, Bd. 3 Schaume. Munich: Suhrkamp, 2004.
- Smith B. C.* On the Origins of Objects. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.
- Smith B. C.* The Devil in the Digital Details: Digital Abstraction and Concrete Reality // Digitality in Art Special Symposium Calco-grafia Nacio-nal / A. Lowe (ed.). 2003.
- Smith C., Wise N.* Energy and Empire: A Biographical Study of Lord Kelvin. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Sokal A. D., Bricmont J.* Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science. N.Y.: Picador, 1999.
- Souriau E.* Les différents modes d'existence. Paris: PUF, 1943.
- Sperber D., Premack D., Premack A. J.* Causal Cognition: A Multi-disciplinary Debate (Symposium of the Fyssen Foundation). Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Star S. L., Griesemer J.* 'Institutional Ecology, "Translations" and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939 // Social Studies of Science. 1989. No. 19. P. 387–420.
- Stengers I.* Drogues, le défi hollandais. Paris: Les Empêcheurs, 1991.
- Stengers I.* Cosmopolitiques. T. 1: la guerre des sciences. Paris: La découverte & Les Empêcheurs de penser en rond, 1996.
- Stengers I.* Power and Invention. Situating Science / Paul Bains (transl.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
- Stengers I.* The Invention of Modern Science / Daniel W. Smith (transl.). The University of Minnesota Press, 2000.
- Stengers I.* Penser avec Whitehead: Une libre et sauvage création de concepts. Paris: Gallimard, 2002.
- Stocking G. W.* (éd.). Observers Observed: Essays on Ethnographic Field-work. Madison: The University of Wisconsin Press, 1983.
- Strathern M.* Property, Substance and Effect: Anthropological Essays in Persons and Things. London: Athlone Press, 1999.

- Strum S.* Agonistic Dominance among Baboons an Alternative View // *International Journal of Primatology*. 1982. Vol. 3. No. 2. P. 175–202.
- Strum S.* *Almost Human: A Journey Into the World of Baboons*. N.Y.: Random House, 1987.
- Strum S., Fedigan L.* (eds). *Primate Encounters*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Strum S., Latour B.* The Meanings of Social: from Baboons to Humans // *Information sur les Sciences Sociales/Social Science Information*. 1987. No. 26. P. 783–802.
- Suchman L.* *Plans and Situated Actions: The Problem of Human Machine Communication*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Susuki T.* The epistemology of macroeconomic reality: The Keynesian Revolution from an accounting point of view // *Accounting, Organizations and Society*. 2003. Vol. 28. No. 5. P. 471–517.
- Tang-Martinez Z.* Paradigms and Primates: Bateman's Principles, Passive Females, and Perspectives from Other Taxa // *Primate Encounters / S. Strum, L. Fedigan* (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 261–274.
- Tarde G.* *La logique sociale*. Paris: Les Empêcheurs de penser en rond, 1893/1999.
- Tarde G.* *Monadologie et sociologie*. Paris: Les empêcheurs de penser en rond, 1895/1999.
- Tarde G.* *Social Laws: An Outline of Sociology / H. C. Warren* (transl.). Kitchener, Ont.: Batoche Books, 1899/2000.
- Tarde G.* *L'opinion et la foule*. Paris: PUF, 1901/1989.
- Tarde G.* *Psychologie économique*. Paris: Félix Alcan, 1902.
- Tarde G.* *On Communication and Social Influence*. Selected Papers / ed. by Terry N. Clark. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
- Taylor J. R.* *Rethinking the Theory of Organizational Communication: How to Read an Organization*. Norwood, New Jersey: Ablex Publishing, 1993.
- Teil G.* *Candide®*, un outil de sociologie assistée par ordinateur® pour l'analyse quantitative de gros corpus de texts. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, 1991.
- Thévenot L.* Rules and implements: investment in forms // *Social Science Information*. 1984. Vol. 23. No. 1. P. 1–45.
- Thévenot L.* Which road to follow? The moral complexity of an "equipped" humanity // *Social Studies of Knowledge Practices / J. Law, A. Mol* (eds). Durham: Duke University Press, 2002. P. 53–87.

- Thévenot L.* Une science de la vie ensemble dans le monde // La Revue semestrielle du MAUSS. 2004. No. 24. P. 115–126.
- Thompson C.* When Elephants Stand for Competing Philosophies of Nature: Amboseli National Park, Kenya // Complexities in Science, Technology, and Medicine. Duke University Press, 2002.
- Tiles M., Pippin R. B.* (eds). Bachelard: Science and Objectivity. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Tresch J.* Mechanical Romanticism: Engineers of the Artificial Paradise. Ph.D. thesis, Department of History and Philosophy of Science. Cambridge: University of Cambridge, 2001.
- Vaughan D.* The Challenger Launch Decision: Risky Technology, Culture and Deviance at NASA. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Vinck D.* La sociologie des sciences. Paris: Armand Colin, 1995.
- Vygotski L. S.* Mind in Society: The Development of Higher Cognitive Processes (Texts edited by Michael Cole). Cambridge Mass: Harvard U.P., 1878.
- Warwick A.* Masters of Theory: Cambridge and the Rise of Mathematical Physics. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
- Waters L.* Enemies of Promise: Publishing, Perishing, and the Eclipse of Scholarship. University of Chicago Press: Prickly Paradigm Press, 2004.
- Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. N.Y.: Free Press, 1947.
- Whitehead A. N.* Process and Reality: An Essay in Cosmology. N.Y.: Free Press, 1929/1978.
- Wilson E. O.* Sociobiology, the New Synthesis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, The Belknap Press, 1975.
- Winance M.* Thèse et prothèse. Le processus d'habilitation comme fabrication de la personne: l'association française contre les myopathies, face au handicap. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, 2001.
- Winchester S.* The Meaning of Everything: The Story of the Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Winner L.* Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology // Science, Technology and Human Values. 1993. Vol. 18. No. 3. P. 362–378.
- Wise N.* (ed.). The Values of Precision and Exactitude. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Woolgar S.* Science The Very Idea. London: Tavistock, 1988.
- Woolgar S.* The Turn to Technology in Social Studies of Science // Science, Technology and Human Values. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 20–50.

Yaneva A. Scaling Up and Down: Extraction Trials in Architectural Design // *Social Studies of Science* (in press).

Yaneva A. L'affluence des objets: Pragmatique comparée de l'art contemporain et de l'artisanat 2001. Ph.D. thesis, Paris: Ecole des Mines, 2001.

Yaneva A. When a Bus Meet a Museum: To Follow Artists, Curators and Workers in Art Installation // *Museum and Society*. 2003. Vol. 1. No. 3. P. 116–131.

Zourabichvili F. Le vocabulaire de Deleuze. Paris, 2003.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

БРУНО ЛАТУР

ПЕРЕСБОРКА СОЦИАЛЬНОГО
ВВЕДЕНИЕ В АКТОРНО-СЕТЕВУЮ
ТЕОРИЮ

Второе издание

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор
ЛЮБОВЬ АГАДУЛИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: 8 (495) 772-95-90, доб. 15285

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 19,2. Изд. № 2375. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.: (8352) 56-00-23

Серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»

Готовятся к выпуску:

Питер Галисон

**Часы Эйнштейна, карты Пуанкаре:
Империи времени**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1962-2

2020 г.

Йоран Терборн

**Города власти:
Город, нация, народ, глобальность**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1787-1

2020 г.

Пол Фасселл

**Класс: Путеводитель
по статусной системе Америки**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1999-8

2020 г.